ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ

АЛЁНА АРЗАМАССКАЯ

трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АЛЕНА, атаман разинского отряда
ПАТРИАРХ
АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, царь
СОФЬЯ, его дочь
УБОГИЙ
ДОЛГОРУКИЙ, КНЯЗЬ
ДЬЯК ПРИКАЗА ТАЙНЫХ ДЕЛ, он же — Есаул
ФЕДОР, атаман разинского отряда
ИГУМЕНЬЯ
КУЗЬМА, муж Алены
АНИКА, МАМАЙ, ПРОРОК,
ПАЛЕНЫЙ, МУРЗА — разинцы
ДАНИЛА, НИКИТА, АФОНЯ,
ИЛЬЯ, ГАВРИЛА, МИКОЛА,
ДАРЬЯ, МАРФА — мужики и бабы
АЛЕКСИЙ, ГЕРМОГЕН, ФИЛИПП,
ПИМЕН — священнослужители.
МАРКЕЛ, КИРИЛЛ — гробокопатели
СТРЕЛЬЦЫ, МОНАХИНИ, СТАРИЦЫ

Действие происходит в России
времен правления
царя Алексея Михайловича Тишайшего.

1. КАЗНЬ

Монастырская площадь. Колокольный звон.
Мужики и **Бабы** жмутся по углам.

ДАНИЛА

Ведут!.. Ведут!..

НИКИТА

За что его?

ДАРЬЯ

Как знать —
Не сын царю и дьяволу не зять!

АВДОТЬЯ

Убивец он!

НИКИТА

Убивец?

ИЛЬЯ

Ни души
Не тронул он!

АВДОТЬЯ

Не тронул?.. На гроши
Дом не построишь!

ИЛЬЯ

Он — купец!

АФОНЯ

Гулял
Со Стенькою!..

АВДОТЬЯ

И промышлял
Лихою славой!

ГАВРИЛА

Мне одна беда —
Он мой задолжник!..

ДАНИЛА

Плакала деньга!

МАРФА

Он нам защитник был…

АФОНЯ

Защитник? Зверь!
В святые не записывай теперь!

МИКОЛА

Его дружки не явятся сюда!..

Появляется **Алена**, за ней **Убогий**.

ГАВРИЛА

Какую бабу оставляет!..

МИКОЛА

Да!..

АЛЕНА

Простите, люди…

ДАНИЛА

(Афоне)

Я с ним ел и пил!..

АФОНЯ

Прижми язык, ведь он не отступил
От веры старой…

ДАРЬЯ

Говорит молва…

УБОГИЙ

Народ расейский рубят, как дрова!..

АВДОТЬЯ

Антихрист! Плюйте!..

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

Что собаке кость —
Казнь для убогих!

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦ

Эко развелось
Их на Руси!..

Появляется телега. **Кузьму** везут на казнь.

АЛЕНА

Анафемы! За что?..
Убейте вместе с ним!

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

Молчи! Не то…

АЛЕНА

Кузьма, скажи…

МИКОЛА

Погибнет не зазря,
На то есть воля Бога и царя!

АЛЕНА

Кузьма!.. Кузьма!..

ДАРЬЯ

Ох, матушка, держись!..

АЛЕНА

За что тебя?..

ДАРЬЯ

Такая наша жисть!

АЛЕНА

Кузьма, скажи, ты невиновен! Нет!
Что ж ты молчишь, как будто дал обет?..
Кричи, Кузьма! Иль говорить отвык?!

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

Ему намедни вырвали язык.

АЛЕНА

Кузьма!.. А-а-а!..

(Гавриле.)

Это как же, брат?..
Он — вот те крест! — ни в чем не виноват…

(Миколе.)

Соседушко!.. Вы ж вместе за селом…

Мужики отворачиваются.

МИКОЛА

Коли ведут, так, значит, поделом!..

Появляются **Патриарх**
Дьяк приказа Тайных дел,
Священнослужители.

ДАНИЛА

Беснуйтеся!..

ДЬЯК

Пораспустились, чай!..

ПАТРИАРХ

Народ во гневе. Поскорей кончай!

ДЬЯК

Сейчас зачту я…

ПАТРИАРХ

Но с одним отличьем —
Чтоб грешника, по слободским обычьям,
Похоронили праведно. Спеши!..

ДЬЯК

(читая)

«Во имя исцеления души!
Во имя христианского народа!..
Во имя Господа…»

АЛЕНА

Оставьте Бога!..
Откуда, люди, право им дано
Вершить все скверны именем его?..
Казнить невинных!..

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦ

Замолчи!

АЛЕНА

Во имя!..

ДАНИЛА

Закон тягают, как за титьки — вымя!..

МАРФА

Надели цепи, словно он медведь!..

ИЛЬЯ

Куды спешите?!

НИКИТА

Дайте поглядеть!..

ДЬЯК

Во имя Господа, за самовольство
В словах библейских и за посрамленье
Сановников священных, за укрытье
Бегущих к Разину в своем дворе
Предать купца Кузьму…

АЛЕНА

Не укрывал он!
Опомнитесь!..

ДЬЯК

Предать купца…

НИКИТА

Казнят неужто?..

ДЬЯК

…смерти!

ДАНИЛА

Это все
Бояр проделки!..

ИЛЬЯ

Стенька не простит!

НИКИТА

А где он сам?..

ИЛЬЯ

За Волгою сидит!..
Ужо придет!..

ДАНИЛА

Потерпим до поры,
Не заржавеют наши топоры!..

ИЛЬЯ

По всей земле о нем гуляют слухи!..

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

А ну, слезай! Налипли, словно мухи!

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦ

Пошли!.. Пошли!..

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

Вишь, ружья — не багры!..

ДАНИЛА

Лишь лапти снял, а как заговорил!..
Рубите! Что там?.. Шей в России много —
Голов недостает!

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

Туда дорога
И вам, антихристы!

ПАТРИАРХ

Пора!..

АЛЕНА

Иль нет
На свете правды?.. Помогите!

Удар топора.
Алена бросается к **Патриарху**.

Не-е-ет!..

Над куполами неслышно поднимается
стая грачей. **Народ** медленно расходится.

ПАТРИАРХ
Вот так живем, не ведая конца…
УБОГИЙ
Весь мир в слезах — не разобрать лица!..
ПАТРИАРХ
(Дьяку)
Она ли мне тобой была хвалена?
ДЬЯК
Та сама… Горепашица Алена.
ПАТРИАРХ
На грудь крепка… Смиренья ни на грош!
ДЬЯК
У баб язык, у этой — вострый нож!
Да покарал Господь и отнял мужа!..
ПАТРИАРХ
С такой красою о вдовстве не тужат…
УБОГИЙ
Святой владыко!.. Погляди острей,
Что деется! Останови людей!
Они еще не знают, что шутя
Похоронили доброе дитя,
Что называли правдою…
ПАТРИАРХ
Грешно
Тем забавлять народ, что не смешно.
Убогий, человека возлюбя,
Святая церковь да простит тебя
И крышу даст. Но будь отныне кроток,
Иначе монастырские ворота
Тебя не примут!..
ДЬЯК
(Убогому)
На́ кошель!..
УБОГИЙ
За что ж?..
ДЬЯК
Ты нынче в храм Господень приведешь
Нам горепашицу!..
ПАТРИАРХ

Да, да!.. И Бог
Даст утешенье ей!

УБОГИЙ

Когда бы мог
Кузьму он воротить из преисподней,
К чему бы монастырь?

ПАТРИАРХ

Дела Господни
К добру вершатся…

ДЬЯК

Торопись, убогий,
И не жалей лаптей своих!

УБОГИЙ

Что ноги!
За эти деньги можно лоб разбить!

ДЬЯК

Не согреши!..

Патриарх и **Дьяк** уходят.

УБОГИЙ

Нам не дано грешить —
Не в тех мы званьях!.. Странные дела!
Полушки в рот вставлять, как удила,
И править нами… По земле нас гнать
Да батогами от души хлестать!
Кошель, как птица малая в руках,
А поглядишь: и сила в нем, и страх!..
(Разбрасывает монеты.)

2.КЛАДБИЩЕ

Ночь. Соловьи.

УБОГИЙ
(один)

Пошто мне муки ниспослал Господь
Добро творить?.. Неужто не нашел
Достойней человека, чьи лета
Легки, а ум отзывчивей?.. Зачем
Я прихожу бесовским наученьем
На кладбище, и зажигаю свечи,
И поправляю старые надгробья,
Покой блюду…

Свист соловья.

Я щедро засеваю
Полушками могилы, но взрастают

Одни кресты бесплодные… Всевышний,
Пошли на землю благодатный дождь,
Чтоб из камней святая добродетель
Вдруг проросла…

Появляется **Кирилл**.
Свистит, подражая соловью.

КИРИЛЛ

Эй, сторож ты? Должно, уснул, разбойник…
Ты кто такой?

УБОГИЙ

Я — Божий человек.
И слушаю тебя.

КИРИЛЛ

В час поздний здесь
ЧТО ДЕЛАЕШЬ?

УБОГИЙ

Я собираю звезды
Из луж вонючих!.. Слышишь, как гремят?

КИРИЛЛ

Ты не шуми…

УБОГИЙ

Покойники не спят!..

Появляется **Маркел** с лопатой.

МАРКЕЛ

За дело, брат.

КИРИЛЛ

За дело.

МАРКЕЛ

Если кто
Объявится — дай знать.

КИРИЛЛ

Но не уходит
Домой вдова!

МАРКЕЛ

Щипни ее за бок —
Она угомонится!..

КИРИЛЛ

Шутишь, брат!
До шуток ли?…

МАРКЕЛ

Вся жизнь-то смех один!..

Маркел и **Кирилл** уходят в глубину сцены.

УБОГИЙ

Не спят в ночи ни раб, ни господин!..

(Достает монеты и по одной закапывает в землю.)

Эх, что за семена — зерно к зерну!
Уж эти прорастут! Дождя… Дождя бы!
И роща будет листьями звенеть,
А не скрипеть крестами… Будут птицы

Появляется **Алена**.

Сюда слетаться и клевать с куста
Серебряные почки!..

АЛЕНА

Мир — силки,
А люди — птицы в них.

УБОГИЙ

Вот дьяволица!
Лишь женщина способна так явиться:
То в бесе гибельном, то во Христе!..

АЛЕНА

Гляди, ты видишь птицу на кресте?

УБОГИЙ

Нет, горепашица… Нет!

АЛЕНА

Не видна
Душа моя вам, люди! А она
По этим ветвям тесаным витает,
Порою, может, в руки к вам слетает —
Не раздавите!..

УБОГИЙ

Странные слова…

АЛЕНА

Сырую землю защитит трава,
А душу безутешную — обет,
Что я дала… В могиле Чуден Крест
Захоронив, я тело погребла
Свое навеки!

Маркел и **Кирилл**
раскапывают могилу.

Порази, война!
Не стрельца-удала, не разбойничка,
Замахнись косой на охотничка,
Что с крута бережка да высокого
Не ворону сразил — ясна сокола!
Как святилася вся наша горенка,
К нам не хаживало в гости горюшко,
Не томилась я тоской беспричинною,
Только пела да пряла за лучиною.
Не дорожку спряла чудокрасную —
А беду соткала да напрасную…

МАРКЕЛ

Сколько плачей слыхал — все напраслина.
Покричит, помолчит — и прояснится!

КИРИЛЛ

Чуден Крест золотой!..

МАРКЕЛ

Покладай в мешок!
Мало времечка — торопись, браток!
И за нами придет неминучая!..

АЛЕНА

Собиралася стая могучая.
Улетал сокол мой за околицу,
Покружив над своею соколицей.
Он бы снова поднялся над крышею,
Да друзья наступили на крылышко!
Только жду я пожду, немудреная,
Нет его, лишь подарки дареные!..
Забери все дары — я не нищая!
Я богата тобой — благо высшее!..

Маркел и **Кирилл** уходят.

УБОГИЙ

Нет его. Не зови. Не воротится!

АЛЕНА

Помоги, защити, Богородица!..
Без него, без любимого, вороны
Мое тело растащат на стороны.
Расклюют — это дело привычное…
Стану их отгонять, горемычная…

(Припадает к земле, прислушивается.)

УБОГИЙ

Что ты слушаешь?

АЛЕНА

Землю оглохшую,
Всю слезами и кровью промокшую…
Слышу я, как хрипит!.. В муках корчится!
Гибель, гибель земли мне пророчится…
Да и пусть! Пропади она пропадом!

УБОГИЙ

Надо Господа слушаться, Господа!..

АЛЕНА

Мне спасения нет!

УБОГИЙ

Есть спасение —
В монастырь надо несть приношения!

АЛЕНА

В монастырь?

УБОГИЙ

Не свечу сторублевую

И не масла бадейку рубленую,
Не ларец и не речь покаянную —
А себя надо несть, окаянную!..

АЛЕНА

Я чиста перед Господом! Каяться
Не в чем мне… Не спала я с татарином,
Не ходила во храм я нечесаной,
Неприкрытой, нагою иль босою!..
Отступить от меня!

УБОГИЙ

Ты, невечная,
Будешь с Господом Богом повенчана!

АЛЕНА

Я повенчана с горем-злосчастием!..

УБОГИЙ

Но ты света полна!

АЛЕНА

Я — ненастие.
Я беззвездная, слышишь ли, темная…

УБОГИЙ

Будешь первою старицей скромною!..
Не забудь о земле неприкаянной!

АЛЕНА

Слушай, сын сатаны или Каина!
Что ты сети плетешь, как упырь,
Знаю я, что не мед — монастырь!

УБОГИЙ

Ты как птица слепая в ночи,—
Спит твой разум, а сердце кричит!

АЛЕНА

Нет, убогий!.. Ведь дело не в том,
Что наведалось горе в мой дом.
Это небо свершило свой суд,—
Не чужие — свои предают!..
Клялись в верности на образах,
А в защиту никто не сказал.
Ни в заботах теперь, ни во зле
Утешенья мне нет на земле.
И на небе искать — все напрасно!..

УБОГИЙ

Ты молись-ка о молодце красном,
О Кузьме!.. Раздели его муки…
Не кресты это — жаждущих руки
Ждут тебя у святого порога!..

АЛЕНА

…Все забудь! Не суди меня строго…
Ты, убогий,— Всевышнего весть!..

УБОГИЙ

Только в церкви спасение есть!

3.МОНАСТЫРЬ

Игуменья, **Маркел** и **Кирилл**.

ИГУМЕНЬЯ

(роясь в мешке гробокопателей)

Как жить прикажешь, коли все крадут?..
Антихристово племя! Псы да воры!..

Нет, всех я вас к порядку приучу,
Лишь дайте срок!.. Игуменством клянусь!
Пусть снова стану старицей бродить
По миру грешному!.. Беднеет церковь,
Но всякой норовит себе урвать!
(Вытряхивает монету.)
Ах, отпрыски волчицы… Я кормлю
Вас, как достойных братьев, вы ж взамен
Чем платите?

МАРКЕЛ

Не гневайся на нас!
Клянусь, сама монета завалилась
В мешке под складку…

КИРИЛЛ

Да цена-то ей —
Медяшка медная!..

ИГУМЕНЬЯ

И так всегда,
Сперва полушки медной, а потом,
Глядишь, и гривны нет…

МАРКЕЛ

Помилуй, мать!

ИГУМЕНЬЯ

Как миловать, когда среди могил
Намедни вы запели вдруг, да так,
Что к вам в ночи сбежалась вся округа!

КИРИЛЛ

Ушли мы вовремя!

ИГУМЕНЬЯ

А кабы нет?..
Вон с глаз моих!

МАРКЕЛ

А за труды?..

ИГУМЕНЬЯ

Чего?!.
Вон! Вон пошли! Куда ни глянь — плуты!..

МАРКЕЛ

(достает бабки)
Идем, Кирила, поиграем в бабки!
Я первым бью!..

КИРИЛЛ

Бей!

ИГУМЕНЬЯ

Покарай, Господь,
Их за грехи!..

КИРИЛЛ

Ты не хитри, браток!..

Входит **Алена**.

ИГУМЕНЬЯ

Монахиня!

АЛЕНА

Что, матушка?

ИГУМЕНЬЯ

Постой!
Давненько не встречались мы с тобой…
Тебе, дочь, худо? Не скрывай! Ведь я
Твоя защитница здесь.

АЛЕНА

У меня
В груди тревога, и спасенья нет
От снов бесовских.

ИГУМЕНЬЯ

(достает травы)

Выпей липов цвет,
И полегчает на душе!

АЛЕНА

Цветы
Мне не помогут, матушка!..

ИГУМЕНЬЯ

Ух ты!..
Ну, озорница!.. Я была такой
Еще недавно: душу успокой
Молитвою, а тело рабье
Кто как сумеет — это дело бабье!

АЛЕНА

Но, матушка…

ИГУМЕНЬЯ

А как играла плоть!
Как я любила!.. Да чего молоть
О старом-то… Я и теперь люблю…
Да, видно, не судьба!

АЛЕНА

Тебя молю —
Не жги словами…

ИГУМЕНЬЯ

Коль придет весна,
Дерев не остановишь — прет листва!..

АЛЕНА

Однако же…

ИГУМЕНЬЯ

Не приведи беды!..
И я ходила целовать следы…
Кому?.. За что?.. Все воры да канальи!
Да ты родись во храме иль в канаве —
Не стоишь нас… Купецкой дочкой скромной
Ты приходила к нам молиться…

АЛЕНА

Помню!..

И ты была как неба добрый знак
Во тьме кромешной!..

ИГУМЕНЬЯ

Если было б так —
Не разорился монастырь наш!.. Все
Пасутся здесь, что кони на овсе,
И тащат! Тащат!..

АЛЕНА

Бог с такими крут
И покарает их!..

ИГУМЕНЬЯ

На Страшный суд,
Боюсь, и ты предстанешь!

АЛЕНА

Я?.. За что?..

ИГУМЕНЬЯ

За ослушание!

АЛЕНА

Но видит Бог,
Как я радею за него теперь,
Грехи замаливая.

ИГУМЕНЬЯ

На земле —
Не в небесах живем… Опомнись, дочь!
И стань послушной мне!

АЛЕНА

И день, и ночь
Храню обет, мной данный!..

ИГУМЕНЬЯ

Что?.. Обет?!
И это мне за доброту ответ!
Ты мне мила, но и страшна, как тать!..
Ты думала монашкой просто стать? —
Постриглася, и вот она!.. Да рядом
Такое не лежало… Я не рада,
Что ты пришла… Твое смиренье где?
Ждет патриарх тебя… Быть, быть беде,
Коль ты не явишься…

АЛЕНА

Чего он ждет?
Я не пойму!..

ИГУМЕНЬЯ

Ты не смеши народ!
И не такие были здесь… Однако
Все понимали…

АЛЕНА

Есть Господь и дьявол —
Не надо путать их!..

ИГУМЕНЬЯ

Не позабудь,
Сама ты выбрала священный путь!..
Все будет здесь тебе: и дом, и власть,
Но без него любая жизнь не всласть!..
Ты Богом избрана.

АЛЕНА

Я не из тех,
Что могут быть игрушкой для утех!

ИГУМЕНЬЯ

Не для утех!.. Для просветленья!..

АЛЕНА

Нет!

ИГУМЕНЬЯ

Тебе от Бога нашего завет:
Послушной быть наместнику его…
Сам патриарх!.. Подумай головой!

АЛЕНА

Я не могу… Молчи!

ИГУМЕНЬЯ

Лишь в сладострастье
Дорога открывается ко власти!..

АЛЕНА

Такой ли женщина ступать должна
По травам росным?..

ИГУМЕНЬЯ

Да кому нужна
Сегодня святость?..

Доносится голос **Патриарха**.

Экая беда —
Сам патриарх, должно, идет сюда…
Не досади ему… И не убий
Неловким словом… Дочь, не погуби
Игуменью свою… Потом украдкой
Так сладко будешь каяться… Так сладко!
Высоки стены — не узнают люди!
Ну, что тебе… тебя же не убудет…

АЛЕНА

Мне Бог судья!

ИГУМЕНЬЯ

Будь ласковой… Терпи…

АЛЕНА

Черт правит миром, коль Всевышний спит!..
Я не твоя послушница — Господня!..
Ты — не игуменья! Ты — сука!.. Сводня!..
Тебя послушать — эдак на Руси
Нет чести, хоть у ангела спроси!..
Ведь знаешь ты, что я принадлежу
Лишь Богу! Богу!.. Каюсь и стыжусь

Я за тебя!.. Не выслужиться, мать,
Тебе на этом… Ты могла сказать
О патриархе… так?! Он — Богу брат!

Входит **Патриарх**.

ПАТРИАРХ

Я рад вас видеть, сестры!

ИГУМЕНЬЯ

Свят, свят, свят!..

Игуменья уходит.

АЛЕНА

Ищу защиты!..

ПАТРИАРХ

Ты ее нашла,
Припав к руке моей… Твое смиренье
Приятно мне!

АЛЕНА

Я так стараюсь!..

ПАТРИАРХ

Ленью
Весь мир объят… Все заняты собой —
Для ближнего не шевельнут рукой.
Но, благо, есть еще монастыри,
Где обитаем мы — поводыри
Заблудших душ… И выпала нам честь
Их за собою, как овечек, весть!..

АЛЕНА

Святейший отче!..

ПАТРИАРХ

Для тебя я — брат!
Твой дух ослаб под бременем утрат.
Я в монастырь привел тебя… в гнездо
Святейшее. И окружил как мог
Заботою и лаской… О тебе…

АЛЕНА

Владыко, беспокоясь о судьбе
Смиренной старицы, ты… невзначай
Во время службы моего плеча
С мирскою лаской коснулся вдруг,
Засуетились старицы вокруг,
Заговорили враз… Так жгли глазами,
Что я два дня тяжелыми слезами
Грех искупала свой!..

ПАТРИАРХ

Не наречи
Пичужек коршунами!..

АЛЕНА

Но в ночи

Они шипят клубком гремучих змей!..

ПАТРИАРХ

Ты чувства эти сдерживать умей!..
Ты в монастырь вошла!.. Лиха напасть
Нам, людям, необузданная страсть!
Ты погляди, игуменья была
Такой же старицей, но волей Бога
И долгими раденьями моими
Взойдет на небо вместе со святыми!..

АЛЕНА

Все думают: игуменья чиста —
Я не дала б ей целовать креста!..

ПАТРИАРХ

Она святая…

АЛЕНА

Стоит медный грош
И брань, и похвала таких святош!

ПАТРИАРХ

Не осуждай, когда нам сам Господь
Дал дух для муки, для утехи — плоть!..
Бес говорит в тебе… А я хотел
Игуменством облечь…

АЛЕНА

Не мой удел
Пасти ворон, их чистоту блюсти,
Звать белым черное!.. Не вознести
Их к Господу!..

ПАТРИАРХ

Язычница, молчи!
Не должность править — стряпать куличи
Тебе нельзя доверить… Ты, презрев
И церкви поученья, и запрет
Стоглавого собора, не иначе,
Чем богоборица, творила плачи
На мужниной могиле… Нет страшней
Для старицы греха! Теперь успей
Все замолить!..

АЛЕНА

Не надо так хулить
Меня за прегрешенья!

ПАТРИАРХ

Я искал
Души успокоение… Я знал,
Всего превыше Богу естество:
Не тяга плоти, душ святых родство!..
Ты ж — грешница пред миром!

АЛЕНА

Видит Бог,
Что я ему не в тягость… Сто дорог
Мне от могилы было ветровых —

Я в монастырь пошла, захоронив
В могиле черной Чуден Крест златой,
А с ним и плоть свою!

ПАТРИАРХ

Скажи, о том
Кто знает здесь?..

АЛЕНА

Никто.

ПАТРИАРХ

Так вот она —
Причина!..

АЛЕНА

Над собой я не вольна!..
Мне в тягость, пусть другим она легка,
Дорога лжи и страшного греха!
Над нами Бог!..

ПАТРИАРХ

Смирись!.. Ведь мы одне.
Кто видит жемчуг, что таит на дне
Глубокий океан?.. Умерь свой страх!
Не дьявол я!.. Я — пастырь! Патриарх!

АЛЕНА

Изыди! Прочь!..

ПАТРИАРХ

Не надо, не кричи!
Все двери заперты, и вот — ключи…

АЛЕНА

Не пастырь ты! Нет! Ты — прелюбодей!

ПАТРИАРХ

Но, старица, не обвиняй людей
Во всех грехах… Что свыше им дано,
Для обсужденья нам запрещено.
Такая нам планида испокон:
Грешить под солнцем и смотреть с икон!..

АЛЕНА

Ты что надумал? Отступися!.. Тать!

ПАТРИАРХ

С тебя бы Богородицу писать!..

АЛЕНА

Остановись!..

ПАТРИАРХ

Святые… образа…
И грудь… и руки…

АЛЕНА

Прочь!

ПАТРИАРХ

Глаза!.. Глаза!..

АЛЕНА

Поди же прочь!.. Эй, люди!..

ПАТРИАРХ

Замолчи!

Вбегает **Убогий**.
За ним, преследуя его, **Маркел** и **Кирилл**.

МАРКЕЛ

Держи!..

ПАТРИАРХ

Что это?!

КИРИЛЛ

Он украл ключи!..

ПАТРИАРХ

Куда глядели?!

МАРКЕЛ

Это он все… он!

ПАТРИАРХ

Пошел!

УБОГИЙ

Владыко свят…

ПАТРИАРХ

Изыди!.. Вон!

УБОГИЙ

Как нищий я влачуся за тобой…
Ты — дьявол! Вон рога над головой.
И сзади хвост!.. Ведуний в дымоход
Затаскивай!..

ПАТРИАРХ

Прочь!..

МАРКЕЛ

Мы который год
Тебе исправно служим как стрельцы!..

ПАТРИАРХ

Там шум за дверью…

УБОГИЙ

Это мертвецы
Пришли по душу. Петлей враз за рог
Возьму удавкою!

ПАТРИАРХ

Вон!... Скоморох!

УБОГИЙ

(Алене)

Дай ручку белую… Я под венец
Сведу тебя к Всевышнему… Отец,
Молися за нее!..

Убогий уводит **Алену**.

ПАТРИАРХ

Где Чуден Крест?

Кроты! Мошенники! Сколь вас окрест!..
Где Чуден Крест?.. Игуменью ко мне!
Она теперь ответит мне вдвойне!

Маркел и **Кирилл** уходят.

О, вражий мир!.. Пошто мне править им,
Где каждый вор, антихрист, лихоим!
Не наслаждений ищут здесь, а плети
И вместо радости желают смерти!..
Непостижимо! Как меня вы жжете,
Пожары необузданные плоти!
Быть может, дьяволы и есть от века
Томленья плоти, страсти человека,
И потому нужны им наши души!..
Они кричат!.. И по ночам нас душат!..

Входит **Игуменья**.

ИГУМЕНЬЯ

Я здесь… Все знаю… Только не реки
О ней!..

ПАТРИАРХ

Ты все ль открыла сундуки
Для обозренья мне?

ИГУМЕНЬЯ

Ты ласков был
Со мною прежде… Бабы, что крапива,
Лишь поначалу жалят! Все строптивы…
Я обломаю!.. Долго ли в посте
Ей жить?!

ПАТРИАРХ

Зачем смолчала о Кресте?
Где Чуден Крест?

ИГУМЕНЬЯ

Помилуй, что за крест?
Я слыхом не слыхала…
(Крестится.)
Вот те крест!

ПАТРИАРХ

Не слыхивала! Так!.. Поди сюда!..
У сердца — золото, в глазах — беда!..
(Срывает с нее накидку.)

На **Игуменье** большой золотой крест.

Прикажешь миловать?

ИГУМЕНЬЯ

Изволь казнить!..

Патриарх срывает с Игуменьи крест.

ПАТРИАРХ

Кто ж будет Господу поклоны бить?..

Вбегают **Маркел** и **Кирилл**.

КИРИЛЛ

На стенке лодку начертила!..

ИГУМЕНЬЯ

Свят!..

МАРКЕЛ

Сбежала старица!..

ПАТРИАРХ

Набат! Набат!

4.ЛОДКА

Лес.
Отряд разинского атамана **Федора**.

ФЕДОР

(фехтуя с Есаулом)

Богат дуван ли нынче?

ЕСАУЛ

Три меча
Старинных… Сто локтей парчи…
Вина семь бочек! Две фузеи справных…
И пять дворовых мужиков!

ФЕДОР

Коней,
Коней-то сколько?

ЕСАУЛ

Лишь одна кобыла,
И та на сносях!..

ФЕДОР

Разин повелел
Взять монастырь!..

ЕСАУЛ

Возьмём и запалим!

ФЕДОР

Ты больно ловок!..

(Выбивает у Есаула саблю.)

Отпиши ему,
Что, дескать, Федор — атаман и брат —
Вина шлет бочку и парчу взамен
Ключей церковных… Монастырь стоит
На прежнем месте… Буду брать сперва
Три слободы.

ЕСАУЛ

А я вчера слыхал,

Что из монастыря среди обедни
Сбежала старица.

ФЕДОР

Все бабьи бредни!

ЕСАУЛ

Но всех нас разбудил тогда набат!

ФЕДОР

Теперь везде без поводу трубят!

ЕСАУЛ

Но слышал я, что ищет по лесам
Она людей лихих…

ФЕДОР

Явися к нам —
Мы б промаху не дали!

АНИКА

(фехтуя с Паленым)

Мы б зараз
Ее скрутили!

ПАЛЕНЫЙ

Чтобы знала нас!

Появляется **Убогий**.

ЕСАУЛ

А вот убогий!.. Этот знает все!

ФЕДОР

Как ты сюда пробрался?

УБОГИЙ

Карасём
По веткам тонким… Галкой по воде…

ЧИКА

Откуда нынче?

УБОГИЙ

Я бывал везде!..

ЧИКА

Ты расскажи, с кем ночью согрешил?..

ПРОРОК

С какой козою?

ПАЛЕНЫЙ

Ну-ка, посмеши.
Дадим вина!

УБОГИЙ

Пить нынче не с руки.

МУРЗА

Не пьет, гляди-ко!..

ЕСАУЛ

Стойте, мужики!..
Не знаешь ли?..

УБОГИЙ

Не знаю!

ЕСАУЛ

Что не знаешь?

УБОГИЙ

Ты без подманки рыбу не поймаешь!

ЕСАУЛ

(давая Убогому монету)

Не знаешь ли?

УБОГИЙ

Все знаю!

ЕСАУЛ

Погоди!
Ты не скачи кобылы впереди!..
Скажи, где старица?

УБОГИЙ

В лесу — в дупле,
На поле — в кочке, дома — на столе…
Теперь от вас саженях в двадцати
Тетерь стреляет.

ЕСАУЛ

Надо обойти,
Да и в ловушку!

ЧИКА

Верно!..

(Пытается бежать.)

ЕСАУЛ

Ты куда?

ЧИКА

Полгода, как я бабы не видал!..

ПАЛЕНЫЙ

Пошли загоном!..

ФЕДОР

Есть всему черед.
Она от вас далеко не уйдет.
Потешим души!.. Есаул, вина!
Садись, убогий! Кончена война!

МУРЗА

Зальемся, братцы!..

ПРОРОК

И по Волге вброд!..

Входит **Алена** с тетеревами.

ФЕДОР

Кати три бочки!

АЛЕНА

Не мути народ!

ФЕДОР

Глядите! Объявилась!.. Есаул,

Поставь-ка ей надежный караул!
Мне ж выстрой лодку косную!..

ЕСАУЛ

Братва!

ЧИКА

Такой наш Федор крепости не брал!..

ПАЛЕНЫЙ

Поди, возьмет!..

ЕСАУЛ

(Федору)

Пока ты был в бегах,
Здесь нечисть развелась на берегах!..

Есаул приносит **Федору** шляпу,
украшенную «золотой» бумагой.
На **Есауле** «серебряная» шляпа.

ЧИКА

Сама пришла!..

АНИКА

Все бабы без ума!..

АЛЕНА

(Федору)

Так, значит, ты здесь будешь атаман?..

ПАЛЕНЫЙ

А ну-ка, Федор!

ЕСАУЛ

Мужики! Садись
Скорей на весла! И по Волге — вниз!..

Разинцы садятся на землю,
образуя «лодку».

ЧИКА

Не пропадать же зря такой красе!..

ПАЛЕНЫЙ

Ну, поиграет Федор!..

ЧИКА

Хватит всем!

АНИКА

Эх, по ветру, эх, да по воде!..

ЧИКА

Качнем на волнах!..

УБОГИЙ

Нынче быть беде!..

ФЕДОР

Как величать тебя?

АЛЕНА

Да хоть убей —
Я не скажу вам!..

ПРОРОК

Все в ней при себе!

ЧИКА

Чего там?!

МУРЗА

Баба!.. Так и поминай!

УБОГИЙ

Побойтесь Бога!..

ФЕДОР

Леший, не встревай!

ЕСАУЛ

Готова лодка!

Федор и **Есаул** входят в «лодку».

ФЕДОР

Богу помолясь,
Отваливай!..

ЕСАУЛ

Не спеть ли песню?

ФЕДОР

Пой,
Да чтоб досель не слыхивал такой!

Разинцы снимают шапки и крестятся.
Затем начинают раскачиваться
взад и вперед, хлопая рукой об руку.
Изображается гребля и всплески весел.

ПЕСНЯ РАЗИНЦЕВ:

От Урала до Оки
Собирались рыбаки.
Там, где мутная вода,
Запускали невода!..
Рыбаки — не кормщики,
Рыбаки — разбойники!..
О-ха-ха, ха-ха, ха-ха!
Рыбаки — разбойники!..
Поросли их сети мхом,
А поймали на сухом
В ночь, сойдясь на спевку,
Чудо птицу-девку!..
Рыбаки — не кормщики,
Рыбаки — разбойники!..
О-ха-ха, ха-ха, ха-ха!
Рыбаки — разбойники!..

ФЕДОР

(перебивая песню)

Эй, есаул!.. А ну-ка, принеси
Трубу мне подозрительную… Надоть
Мне местность разглядеть!..

ЕСАУЛ

Мигоментально!

(Подает Федору картонную трубу.)

ФЕДОР

(разглядывая Алену)

Ха-ха!.. Зри в оба, да в один гляди:
Что это там маячит впереди?..

ЕСАУЛ

Коряга, атаман!

ФЕДОР

Ты сам коряга!
То шлюпка на воде, при ней два флага!
Плывет по Волге лебедью…

ПАЛЕНЫЙ

Эй, крестный!
Ты только погляди, какие весла!..

ЧИКА

Да что там весла! Экая корма!..
Такую не построят задарма!

МУРЗА

А нос! А нос!..

ЕСАУЛ

Глядит-то по-звериному,
А бока сведены по-змеиному!..
Брать будем?

МАМАЙ

С нами шутки плохи!

ПАЛЕНЫЙ

Ведь мы — разбойники!

АЛЕНА

Вы скоморохи!
Таких грешно и батогами бить…
На шею камень, да и утопить!

ЧИКА

Кончать ее!

ПАЛЕНЫЙ

Наслушались!..

МУРЗА

Вяжи!

ЧИКА

А где убогий?

Хватают **Убогого**.

ПАЛЕНЫЙ

Ну-ка, покажи!..

ЧИКА

Стягай портки, не отвертая глаз!..

МУРЗА

Давай, давай!..

ПАЛЕНЫЙ

Потешь ее и нас!

ПРОРОК

Сюда его, сюда!

ПАЛЕНЫЙ

Чтоб рыло в рыло!..

УБОГИЙ

Ха-ха!..

ЧИКА

Ты что?

УБОГИЙ

(вырываясь)

А мне виденье было!..

МАМАЙ

Что?.. Что?..

ПРОРОК

Виденье?

ЧИКА

Ну-ка!

МУРЗА

Что?

УБОГИЙ

На тройке
Скакала баба!..

МУРЗА

Не мешай попойке!

УБОГИЙ

И с неба снегом осыпались звезды,
Я видел: у коней светились ноздри,
У ней — глаза!.. Но этого ей мало!
Она, как щепки, молнии ломала!
Вот, думал, кони!..

МУРЗА

Выпей, малый, бражки!

УБОГИЙ

А пригляделся — мужики в упряжке!..

АНИКА

То не про нас!

МАМАЙ

Как знать?!

ЧИКА

Какие тройки?!

МУРЗА

Вяжи ее!.. Вяжи!..

ФЕДОР

А ну… Не троньте!
Есть атаман! Откуда родом ты,

Что так дерзка?

АЛЕНА

Горячей слободы,
Где псов не напущают на людей,
А укрощают диких лошадей!..
Там есть где ветру буйну погулять,
И ярманка, чтоб «лодку» представлять!

ЕСАУЛ

А правду бают или мелют зря,
Что убегла ты из монастыря?

АЛЕНА

Как подобает беженцу в тюрьме,
Я начертила лодку на стене!..
Но лишь ступила за порог ногой,
Набат я услыхала за спиной.
Но Бог со мной был, слава небесам!
Погоню растеряла по лесам!

ФЕДОР

Да ты не баба, а казачья рать!

АЛЕНА

Убогий здесь, а он не даст соврать!

УБОГИЙ

Двоих по рощам, угостив свинцом.
Троих в болоте Бреховом — с концом!..
А остальных… в чарусы завлекла
Болотницей!..

МАМАЙ

Видал наверняка?

УБОГИЙ

Доподлинно!

АНИКА

Ну, баба!

ПРОРОК

Ну, лиха!

МАМАЙ

Не доведи, Всевышний, до греха!..
Никак ведунья!

ПАЛЕНЫЙ

Погоди денек,
И атамана превратит в пенек!

АНИКА

Немудрено ей!

ПРОРОК

Да с такою прытью
Самой бы в пору атаманом быть ей!..

АНИКА

Пойдет потеха, ежели дуван
Дуванить будет баба-атаман!..

МУРЗА

Помрем мы, Федор!..

ЧИКА

Помогите, люди!
Понадорвемся все!..

АЛЕНА

Беды не будет!..
Я думала, что повстречаю братьев,
А встретилась с гулящей сворой татей;
Неужто вами дети позабыты?..
Вы пьете здесь, а жены ждут защиты!
Вы предались потехе и игре,
А рядом жгут людей в монастыре!..
Товарищам в глаза глядят вороны
И жадно ждут, когда затихнут стоны,
А вы уже от браги рассияли!..
Опомнитесь! Проснитесь, россияне!..
Есть Родина!.. А с ней и даль, и кров,
Обречены мы на ее любовь!..
Мы — бурлаки!
Пусть не хватает сил!..
Но, как баржи, не бросить нам Руси!
Тащить!..
Тащить ее воде навстречу,
Пусть жжет нутро и кровоточат плечи!..
И лямка в радость, коль сердца чисты…

ЕСАУЛ

Я говорил — пора на монастырь!

ПАЛЕНЫЙ

На монастырь!

ЕСАУЛ

Да, жаль, еще не срок —
Мы ни ходов не знаем, ни дорог!..

АЛЕНА

Я поведу вас!

ПРОРОК

Баба?!

ЕСАУЛ

Что за честь?!
Нельзя в бой с бабой!..

ПРОРОК

И примета есть!

ЕСАУЛ

Не жди удачи с ней!

ФЕДОР

Ты не вертись!
Вперед-назад!..

ЕСАУЛ

Да с бабою ни в жисть
Не знали толку…

МАМАЙ

Так любой горазд
Нас повести!..

ЧИКА

Сперва пусть клятву даст!..
Наказы ей!

ЕСАУЛ

Уж ты не обессудь,
Есть три наказа!..

АЛЕНА

Я готова в путь!..
Давай наказы, да не согреши!..

ПАЛЕНЫЙ

Куда наказы бабе?!

МУРЗА

Не смеши!

ЧИКА

Наказ!.. Наказ ей!

ЕСАУЛ

Есть наказ такой.
Кто хочет быть над нами головой —
Не гостем должен приходить сюда,
А породниться с нами навсегда!..
Что скажешь нам?

АЛЕНА

Я по ночам молюсь,
Но, коли надо будет, запрягусь
В одну поклажу с вами… Мне не власть
Ни Божья милость, ни мирская власть!

АНИКА

Ответ достойный!..

ПРОРОК

Вишь ты, с головой!

ЧИКА

Еще наказ ей!

ЕСАУЛ

Есть наказ другой!..
Мы лихо ходим каждый день на смерть,
Но ни один не должен умереть!..
Немудрено без промаха стрелять —
Умеешь ли ты раны исцелять?..

Федор ранит ножом руку и подходит к **Алене**.

ПРОРОК

…Остановила кровь!

АНИКА

Ну, баба!

МАМАЙ

Ложь!..
Меня на эту утку не возьмешь!
Уже видали!..

ПРОРОК

Да гляди острей:
Исчезла рана!..

МУРЗА

Выдавай скорей
Наказ ей новый!..

МАМАЙ

Не спеши, дурак!

МУРЗА

Наказ давайте!

ЧИКА

Что-то здесь не так!..

АНИКА

Наказ!..

ЧИКА

Наказ ей!..

АНИКА

Есаул, не трусь!..
Вот это баба!

ПРОРОК

Что ж ты хочешь — Русь!..

ЕСАУЛ

Пусть поломает атаманский меч,
Тогда признаем!..

МАМАЙ

Не рубите сплеч!..

ЕСАУЛ

Не поломает — кончим здесь!..

ЧИКА

Куда,
Куда там бабе?!

ЕСАУЛ

Значит, не судьба
Ей жить на свете!..

АНИКА

Не сломать клинка!

МУРЗА

Пусть, пусть потешит!

АЛЕНА

Дайте два платка!..

Есаул дает ей платок,
Федор — свой меч.

МАМАЙ

Свое знай дело — пироги печи!

ПАЛЕНЫЙ

Не бабье дело сокрушать мечи!

АНИКА

Нашли потеху!..

ЕСАУЛ

К делу!

ЧИКА

Помолясь!..

УБОГИЙ

Вы думаете, на булате вязь?..
Нет, мужики! То Богу не угодно!..
Там не узоры, а слова Господни:
«Направленные в бой рукою девы
Да победят!..» Вам выпал знак! И где бы
Вы ни были…

ЕСАУЛ

Постой!..

УБОГИЙ

Что ни речи —
Вы доигрались!..

ЕСАУЛ

Шельма, помолчи!

ФЕДОР

Ты хочешь править ими?

АЛЕНА

Лучше в ад!

ФЕДОР

Тебе одно — дороги нет назад…

АЛЕНА

Чего ты хочешь, говори короче.

ФЕДОР

Ты — атаман!.. Убогий нам пророчил,
А с ним Господь!

(Берет меч у Алены. Ломает его.)

АНИКА

Вот праведная речь!..

ФЕДОР

Меч атаману новому!..

АНИКА

(Алене)

Твой меч!

АЛЕНА

Я в поле выхожу, благословясь
Смертельным боем!.. Здесь я поклялась
Всех извергов и недругов известь
За Русь великую, за хлеб и честь!
Не тронь же, пуля, жилы становой,
И груди белой, и руки лихой!..
В пустыне черной — не во мне остынь

И не задень товарищей!.. Аминь!

РАЗИНЦЫ

Аминь!..

5. МОНАРХИ

Монастырь.
Дьяк приказа Тайных дел и **Софья.**

ДЬЯК

(пытаясь заигрывать с Софьей)

Как добрались?..

СОФЬЯ

Оставь!.. В монастыре
Что нового?

ДЬЯК

Доверившись игре,
Чуть сам разбойником не стал!.. Весь край
Меня клянет!..

СОФЬЯ

Шути, да меру знай!
Что атаманша?

ДЬЯК

Всей округой правит,
А царь не ищет на нее управы!
Пора кончать бы!

СОФЬЯ

Ты нам не указ!
Немедля отправляйся в свой приказ.
Жди патриарха с князем. И на них,
Сколь только сможешь, страху нагони!..
Я властвовать хочу, пока жива!

ДЬЯК

Плести ты не устанешь кружева
Сетей своих и после смерти!..

СОФЬЯ

Хватит!
Тому дерзить позволено, кто платит!..
Но я люблю тебя…

ДЬЯК

Не будь строга.
Дьяк Тайных дел приказа — твой слуга!

Дьяк уходит.

СОФЬЯ

(берет куклу)

Я так играю, будто ничего
Не ведаю… Моя беспечность — вот

Защита верная… Но отчего,
Скажи-ка мне, коль славу ниспослал
Бог женщине, зачем ей имя дал
Не Софья?.. Только стоило сбежать
Из кельи старице, как зазвонили
Колокола… И через миг смущенье
Великое возникло на Руси!..
Алены имя громом потрясло
И своды наши царские, и крыши
Убогих очагов… Не зависть, нет,
Во мне созрела нынче, не отмщенье —
А ненависть, какой не знала я.
Так женщина умеет ненавидеть
Лишь женщину… Ни крови царской,
Ни званий благородных, но, однако,
Коварство женское нас с ней роднит!
Престол свободным видеть не могу.
Казалось, сядь и правь!..

*(Усаживает куклу на престол.
Подает ей державу.)*

И вот — держава!
Нет, нет!.. Когда бы рождена была
Я князем, не великою княгиней,
Я и тогда б руки не подняла
На славного отца… Всего сильнее
Сражают разум и язык — оружье,
Проверенное в битвах всех веков!
Владею ими я… В своих речах
Я научилась, как трава, молчать.
Где быть жестокой нужно — я нежна…

Входит **Патриарх**.

ПАТРИАРХ

(заметив куклу на троне)

Не рано ли, великая княжна,
Хоронишь ты отца?..

СОФЬЯ

Я забавляюсь
Игрою детской!..

ПАТРИАРХ

Я прощаю шалость…
Но помни, дочь, что начала с игры
Папесса Иоанна!..

СОФЬЯ

(заигрывая с ним)

С той поры
Зим сто прошло… И высушено сто
Озер под солнцем… В тягость мне престол
Теперь пришелся б… Патриарх, сюда
Тебя, должно быть, привела беда?
Когда к царям приходят патриархи,

Дела престола плохи!

ПАТРИАРХ

(уходя от ответа)

Мы, монархи,
О том не ведаем… Как Алексей
Михайлович?

СОФЬЯ

Ты колесил по всей
Руси Великой… Вправду говорят,
Что будто все монастыри горят?

ПАТРИАРХ

Как батюшка?

СОФЬЯ

Ответом за ответ
Я заплачу… И лгут, должно, иль нет,
Что здесь воюют бабы… Все, кто мог
Поднять топор…

ПАТРИАРХ

То наказует Бог
Нас за раскол церковный… На алтарь
Уж покаяний не несут, как встарь…
Земля горит. Куда ни потеки,
Отступники вокруг! Еретики!..
А что до смуты — приходилось мне
И старицу увидеть на коне.

СОФЬЯ

Прости, Господь, Русь нашу от напасти.
Все женщины вдруг потянулись к власти,
А трон един державный!

ПАТРИАРХ

Как наш свет,
Царь православный, в здравии?

СОФЬЯ

Совет
С начальником Стрелецкого приказа
С утра ведет он…

ПАТРИАРХ

Мне хотелось с глазу
Увидеться с ним на глаз, но с княжной
Господь здесь свел… И не зазря, должно…
Свет Софья Алексевна! У тебя
Судьба Руси, да и моя судьба!
Понатерпелся я на Волге страху.
Теперь, как подобает патриарху
Руси Святой, хочу в конце концов
Осесть в Москве!..

СОФЬЯ

Поговорю с отцом…
Для одного тебя! В мои года
Нужна поддержка, патриарх.

ПАТРИАРХ

Всегда
Вознаградит Господь тебя!.. Есть князь,
Князь Долгорукий… И уже не раз
Я говорил: на Волгу со двора
Послать его давно царю пора!

СОФЬЯ

Его нельзя. Он — брата опекун!

ПАТРИАРХ

Но твоего соперника…

СОФЬЯ

В долгу
Я у тебя не буду… Я горда!
А чтоб не отлучили от двора,
Скажу секрет, известный всем, однако…
Об этом должен попросить ты дьяка!

ПАТРИАРХ

Я?.. Дьяка?..

СОФЬЯ

Дьяка!

ПАТРИАРХ

Право, не берусь…
Я… патриарх!

СОФЬЯ

Но есть еще и Русь!

Патриарх уходит.

Теперь он мой!.. Куда ему деваться?
Чего не сделаешь для государства!..
Появляется князь **Долгорукий**.
Князь Долгорукий?..

ДОЛГОРУКИЙ

Волею судеб!

СОФЬЯ

(обнимая его)

Но больше волей княжескою!..

ДОЛГОРУКИЙ

Где б
Я ни был на земле, княжна мой свет
София Алексеевна, к тебе
Переносился в помыслах всегда!..

СОФЬЯ

Должно, тебя к нам привела беда?

ДОЛГОРУКИЙ

Нет, нет!.. Я перед Богом не совру —
Привязанность к великому двору.
Лишь радостные вести о победах
Я приносил сюда… Тебе поведал
Об этом батюшка?

СОФЬЯ

Еще ребенком
Я слышала о них…

ДОЛГОРУКИЙ

Я дрался стойко,
Да меч мой притупился…

СОФЬЯ

Оттого,
Что в ножнах залежался он!..
Долгорукий
(отстранясь от нее)
Его
Не обнажу — я от побед устал…

СОФЬЯ

Что мне рекут почтенные уста?
Ты — первый ратник! И, должно, не вдруг!..

ДОЛГОРУКИЙ

Мне меч был дан, как землепашцу плуг.
Сражаясь в поле, кто не устает?

СОФЬЯ

Тебе плоды обильные дает
Земля Руси!..

ДОЛГОРУКИЙ

А нынче, слышал я,
Опять поход! Кто защитит меня?..
Не скажешь ли, где нынче патриарх?

СОФЬЯ

Не ведаю.

ДОЛГОРУКИЙ

Он здесь! В монастырях
Чернь поднялась… Как дикие татары,
Поместья жгут!

СОФЬЯ

Меча Господней кары
Не избежать им!

ДОЛГОРУКИЙ

Началась игра:
Кому на Волгу ехать от двора?..

СОФЬЯ

Укажут на тебя… И патриарх
Благословит… За веру и царя!

ДОЛГОРУКИЙ

Но я меча не поднимал бы больше,
Мне хватит впрок и Швеции, и Польши!
Как я могу тебя оставить? Брата?
Я опекун его… И есть судьба…
Царь плох уже…

СОФЬЯ

…Для одного… тебя…
Все сделаю!

ДОЛГОРУКИЙ

О, это постоянство…
И доброта…

СОФЬЯ

Я, князь, для государства!..
А чтоб опять не быть на поле ратном —
Тебе совет: ты посетил бы дьяка!..

ДОЛГОРУКИЙ

Мальчишку?!

СОФЬЯ

Да!

ДОЛГОРУКИЙ

Я, Софья, поседел…

СОФЬЯ

(перебивая)

Он ждет тебя в приказе Тайных дел!

ДОЛГОРУКИЙ

Вот чудеса-то!..

Долгорукий уходит.

СОФЬЯ

Говорит молва:
Одним — секиры, а другим — слова…
А что страшнее?.. Острое словцо
Рубцом не ляжет в схватке на лицо,
А грудь пронзит… Для маленькой княжны
И патриарх, и князь равно нужны!
Я так хочу, чтобы блистали рядом
Улыбка милая и перстень с ядом!..
Я так хочу… Да будет, наконец,
Им впору саван, ну а мне — венец!
Идет отец!..

Появляется **Алексей Михайлович**.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Здорова ли, княжна?

СОФЬЯ

Спасибо, батюшка!

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Ты не должна
Столь ревностно делить мои несчастья:
Ты молода еще.

СОФЬЯ

Мое участье
Лишь от любви великой!..

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Не внови
Ни смерти, ни рожденья от любви…

Не обессудь… Скажи, а где наш князь
И патриарх?..

СОФЬЯ

Ведь я уже клялась —
Не видела! Следить — не мой удел!
…Они, должно, у дьяка Тайных дел!..

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Изменники!..

СОФЬЯ

Зачем так?

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Дьяк да дьяк!..
Кто правит здесь? В толк не возьму никак!
Все, все к нему!.. Что ж это? Глаз да глаз
За всеми нужен!.. Он уже не раз
Подарки слал раскольникам!.. Наглец!
Кому он служит?..

СОФЬЯ

Пощади, отец!

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Вели вернуть!

СОФЬЯ

Спешу, отец!.. Сей миг!..
(В сторону.)
И батюшка теперь в руках моих!..

Софья уходит.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

На тайный пост вдруг выдвинем любимца
И сами через день его боимся!
Не знающий перед народом страха,
Я сам с опаскою гляжу на дьяка!
Поди и правь!.. Мы обнимаем трон,
Облитый кровью дедов… Испокон
Так повелось: мы, пестуя детей,
Обречены стать жертвой их затей.
Откуда ждать погибели? Я рад бы
Узнать про то… От рыцаря иль бабы
В обличье воина?.. Любой горазд
Схватить державу… Пусть Господь подаст!..
Отступники Христовы — не князья!..

Входит **Патриарх**.

Кому довериться?.. Что ни семья —
Готовят мне измену наперед!..

ПАТРИАРХ

Свет государь!..

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Я вижу, настает

День черный, патриарх.

ПАТРИАРХ

Как почивал?..
В спокойствии ль?..

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Во мне колокола
Всю ночь гудели… И пылал огонь…
Мне показалось, начался здесь гон
Охотничий… Метался костры,
Что красные собаки…

Входит **Долгорукий**.

ДОЛГОРУКИЙ

Государь,
Царь православный!..
(Целует руку.)

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Гром меня ударь,
Когда прощу тебе!.. Вокруг измены
И мятежи!..

ПАТРИАРХ

Наступят перемены,
Едва князь выступит!

ДОЛГОРУКИЙ

Мои стрельцы
Всегда готовы, но, однако…

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Цыц!..
Послушай, князь!

ДОЛГОРУКИЙ

Но я…

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Молчать!..

ДОЛГОРУКИЙ

Мой свет,
Позволь мне объяснить…

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Тому пять лет,
Как мы казнили Разина Ивана —
Донского казака… Будь трижды клята
Земля, его родившая, но брата
Зачем ты пощадил тогда, мой князь,
Степана Разина?.. За братьев мстят!
И жаль, жаль, князь, что в силе лишь у черни
Столь праведный закон… Теперь, как черви,
Подтачивают государства корни
Его походы дерзкие!..

ДОЛГОРУКИЙ

Укоры

Я принимаю, свет мой!..

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Всюду воры,
Разбойники… Нельзя пройти на струге
Купцу по Волге…

ПАТРИАРХ

Нынче в той округе
Воистину…

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Молчи!.. По островам
Ты не соскучился?.. Моя страна
Ох велика!..

ПАТРИАРХ

Но, царь, я на Москве…

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Ты, как юродивый, в одном носке
По полю скачешь?.. Ну, а где второй?
Потерян?..

ПАТРИАРХ

Никон вместе с головой
Его оставил… Господа прошу!..
Но что досталось мне, то и ношу!..

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Расколот мир — не церковь! Все в огне!..
Я слышу, трещина идет по мне!..
В раздоре вера! Эдак недолга
Раскольники разденут донага…

ПАТРИАРХ

Но видит Бог, в том не моя вина!

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Порядку нет, а церковь смущена!..
Жгут чернецы себя, и сладкий прах
Другим щекочет ноздри… В Соловках
Монахи заперлись… А в Арзамас
Въезжает баба на коне, что князь!..
Уж не твоя ли старица?..

ПАТРИАРХ

Твой гнев
Священен!.. Баба не горит в огне,
Не тонет, пиво пьет, как еретица!..

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Не всех, видать, ты научил поститься!

ПАТРИАРХ

Жжет слободы и грабит!

ДОЛГОРУКИЙ

Я виню
В том церковь православную!

ПАТРИАРХ

Вину

Не надо перекладывать!..

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Стой, князь!

ДОЛГОРУКИЙ

Но, государь мой!..

ПАТРИАРХ

В кошку обратясь,
Бесовским действом ходит меж людьми,
Как ветер в поле…

ДОЛГОРУКИЙ

Как там ни суди —
Нет веры!.. Нет! В огонь одна дорога!..
Распята святость — значит, нет и Бога!
Где черни страх?..

ПАТРИАРХ

Не богохульствуй, князь!
Нужны стрельцы и вера!.. Помолясь,
Сбирайся в путь!

ДОЛГОРУКИЙ

Чтоб воевода царский
На битву ехал с бабой арзамасской?!

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Да, с бабой, князь!.. И мой приказ таков!
Семь раз по тыще с нею мужиков:
Мордва, татары, дики чуваши
И черемиса горная…

ПАТРИАРХ

Спеши!
Так Бог велит и совесть!..

ДОЛГОРУКИЙ

Свят владыко!
Я постарел, сражаясь в поле диком,
И я хочу…

ПАТРИАРХ

С тобою будет, князь,
Благословенье наше… Обратясь
К святым великим…

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Снова купола
Позолотились! Вновь колокола
Гудят во мне!.. О, Господи, еси…

ПАТРИАРХ

Великая тревога на Руси!..
То не холодной меди голоса —
То нас предупреждают небеса!..

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Мне видится кровавая заря!..

ПАТРИАРХ

Ты до видений, князь, довел царя!..

Так искупи вину! Святая Русь
Вручает меч разящий!

ДОЛГОРУКИЙ

Я клянусь
Не уронить его!..

ПАТРИАРХ

Достоин будь!
Аминь.

ДОЛГОРУКИЙ

Прощай!

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Иди же! В добрый путь!..

Долгорукий уходит.

А ты чего здесь?

ПАТРИАРХ

Славен государь!
Я на Москву с тобою.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Все дела
Я справлю сам!

ПАТРИАРХ

Но, государь…

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Окрест
Огонь!..

ПАТРИАРХ

Помилуй!..

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Вон! Где меч — там крест!

Патриарх уходит.
Алексей Михайлович садится на престол.
Появляются **Софья** и **Дьяк**.

6. БУНТ

Монастырь.
Доносятся ружейные выстрелы
и крики штурмующих крепостную стену.
В панике пробегают **Старицы**
и **Церковнослужители**.
Маркел и **Кирилл** играют в бабки.
Первая и **Вторая старицы** молятся.
Появляется **Убогий**.

МАРКЕЛ

Как огород, убогий?

УБОГИЙ

Прорастет —
Всех приглашу!..

КИРИЛЛ

Уже который год
Ты воду носишь!..

МАРКЕЛ

Надобно святой!..

УБОГИЙ

Я поливал!

КИРИЛЛ

Ты поливал не той!

УБОГИЙ

Но прорастет — далеко до зимы!..

МАРКЕЛ

(Кириллу)

Жди… прорастет! Все выкопали мы!

Убогий наблюдает за их игрой.

ПЕРВАЯ СТАРИЦА

Обитель нашу сохрани, Господь,
От богохульников… Пусть неприступны
Им горы встанут на пути… Рази
Их молнией! Молись, сестра!

ВТОРАЯ СТАРИЦА

Молю
Я Господа лишь об одном: не дай
Взыграться плоти… Защити меня
От наваждений дьявольских… Спаси
От посрамленья стены…

ПЕРВАЯ СТАРИЦА

Не о том
Ты просишь Господа! Пусть проклянет
Он старицу Алену, что была
Сестрою нам, а дьяволицей стала!..

ВТОРАЯ СТАРИЦА

А что, как явится?

ПЕРВАЯ СТАРИЦА

Ее темница
Враз поглотит!..

ВТОРАЯ СТАРИЦА

Но я, сестра, боюсь —
С ней сила адская!

ПЕРВАЯ СТАРИЦА

Молись!

ВТОРАЯ СТАРИЦА

Молюсь!
Но с каждым часом ближе крики битвы…

ПЕРВАЯ СТАРИЦА

Сестра, грех отвлекаться от молитвы!..

ВТОРАЯ СТАРИЦА

Так вознесем на небо нашу мзду!

(Молятся.)

МАРКЕЛ

Раскаркались вороны по гнезду!
Поди, день третий воют.

КИРИЛЛ

До икоты!
А нам опять прибавится работы…
Пробегают Священнослужители.

ГЕРМОГЕН

Разбой!..

ФИЛИПП

Такого не было поднесь!

ТРЕТЬЯ СТАРИЦА

Конец пришествию!..

ЧЕТВЕРТАЯ СТАРИЦА

Они уж здесь!

ФИЛИПП

Плоть берегите!..
Гермоген
Боже, пронеси!
Бегите, сестры!..

Все суетятся,
кроме **Сумасшедшей старицы**.

ФИЛИПП

Господи, еси!..

ЧЕТВЕРТАЯ СТАРИЦА

(Третьей)

Мои пожитки!..

ТРЕТЬЯ СТАРИЦА

Отпусти!

ЧЕТВЕРТАЯ СТАРИЦА

Мои!

ТРЕТЬЯ СТАРИЦА

Пошла, не то!..

ЧЕТВЕРТАЯ СТАРИЦА

Клянуся на крови!
Тащить из кельи — это не в чести!
Воровка!..

ТРЕТЬЯ СТАРИЦА

Бойся Бога!

ЧЕТВЕРТАЯ СТАРИЦА

Отпусти!..

МАРКЕЛ

(Кириллу)

Я подбиваю бабки!..

КИРИЛЛ

Нет, постой!
Ты только бил!

МАРКЕЛ

Я?

КИРИЛЛ

Ты! Вон холостой

Гвоздырь валяется!..

МАРКЕЛ

То — твой гвоздырь!

КИРИЛЛ

А ника чья?

МАРКЕЛ

Твоя!

КИРИЛЛ

Свинья!

МАРКЕЛ

Упырь!..

Пробегают **Старицы**.

ПЯТАЯ СТАРИЦА

Чего дрожишь?

ШЕСТАЯ СТАРИЦА

Не говори, мне плохо!
За мной гнались, едва спаслась!..

ПЯТАЯ СТАРИЦА

Дуреха!

МАРКЕЛ

Мне подбивать!..

КИРИЛЛ

Сперва меня убей,
Мошенник драный!

МАРКЕЛ

Подколодный змей!
Моя свинчатка!..

Вбегает **Игуменья**.

КИРИЛЛ

Говорю — гвоздырь!

ИГУМЕНЬЯ

Во что вы превратили монастырь?!
Анафемы! Нашли игорный дом!
Не монастырь, прости Господь,— Содом!
Пошли на стену!.. Чтоб вас разнесло!

МАРКЕЛ

У нас совсем другое ремесло!..

ИГУМЕНЬЯ

Стрелять все могут!

КИРИЛЛ

Но не знаю я
Оружия, лопаты окромя!..

ИГУМЕНЬЯ

Отступники Христовы!

МАРКЕЛ

Почитай
Хоть за кого, да содержи нас втай!..
Я подбиваю бабки!

КИРИЛЛ

Бей!

ИГУМЕНЬЯ

Содом!..
Спешите, старицы! Сейчас пойдем
Все крестным ходом по стене…

ПЕРВАЯ СТАРИЦА

Но мы
Творим молитвы… Будут сметены
Раскольники…

ГОЛОС

Спасите!..

ИГУМЕНЬЯ

Что за гам?!

ПЕРВАЯ СТАРИЦА

Они идут!..

ВТОРАЯ СТАРИЦА

О Боже…

(Падает.)

ПЕРВАЯ СТАРИЦА

Встань, сестра!
То не они!..

Слышны колокола.

ИГУМЕНЬЯ

Колокола! Пора!..
Да придет нам спасенье!

АЛЕКСИЙ

Образа!
Спасайте образа!..

ИГУМЕНЬЯ

(останавливая пробегающих Старицу)

Куда? Назад!..
Господь прогневан!.. Но не в первый раз
Огнем небесным испытует нас!
На стену, сестры! В крестный ход!..

Появляется **Алена**.

Икону
С собой берите!..

АЛЕНА

Я ее не трону!

ИГУМЕНЬЯ

Антихристы!..

Появляются **Федор** и **Разинцы**.

ПЕРВАЯ СТАРИЦА

Бежим, сестра!

ВТОРАЯ СТАРИЦА

Бегу!

Лишь погляжу!..

Смеясь, проходит **Сумасшедшая старица**.

АНИКА

Искать в траве иглу —

Так здесь игуменью!..

ИГУМЕНЬЯ

Пред вами я!

ФЕДОР

Изволь-ка дать ключи монастыря!..

ЧИКА

(Старицам)

А, птички Божьи…

СТАРИЦЫ

А-а-а!..

ЧИКА

Чего оне?

ПРОРОК

Должно, маненько сдвинулись!..

МАМАЙ

Одне!..

АЛЕНА

Оставьте стариц!..

ФЕДОР

Где, карга, ключи?

Вы поглядите, словно пень молчит!

Забыла, матушка?.. Мы не спешим.

Ты вспомни, вспомни…

АНИКА

Языка лишил

Ее Господь!..

ПРОРОК

БОГ ВИДИТ ВСЕ!

МАМАЙ

Признал

В ней блудословицу!..

ФЕДОР

А где казна

Упрятана твоя?.. Не поскупись:

Дешевле золота не ценят жизнь!

Где серебро? Иконы? Сундуки?

Ответ ждет атаман!

ИГУМЕНЬЯ

Еретики!

Скажите мне, кто вас уверил в праве,
Чтоб вы могли бесчинствовать во храме?
Чтобы меня судить своим судом,
Блудить монахинь?.. Над моим гнездом —
Святые крылья ангелов!..

ЧИКА

Свисти!..
И ангелов ты держишь взаперти!

ПАЛЕНЫЙ

Уразумела грамоту, так ей
И говорить позволено?!

АНИКА

Плетей
Вели ей всыпать!..

ФЕДОР

Хватит! Где казна?..

ИГУМЕНЬЯ

Грешна я плотью, духом не грязна!
Ищите сами!..

МАРКЕЛ

Благостные вести!..
Мы знаем!.. Мы!

ФЕДОР

Так где?

КИРИЛЛ

В отхожем месте!

ИГУМЕНЬЯ

Христопродавцы!

ФЕДОР

Эй, сарынь, за мной!..
Жди, атаман!

ИГУМЕНЬЯ

(останавливая разинцев)
Постойте! Бью челом!
Владычица! Царица!.. Я ж тебе —
Что мать родная… О твоей судьбе
Молила Господа и день, и ночь…

АЛЕНА

Давай ключи и убирайся прочь!

ИГУМЕНЬЯ

Все, все отдам!.. Но повели вернуть
Стрельцов своих… Туда напрасен путь!
Казна не там!

АЛЕНА

А где?

ИГУМЕНЬЯ

Вернуть вели,
Тогда скажу!

АЛЕНА

Святая, не юли!..

ИГУМЕНЬЯ

(Разинцам)

Пройдете в трапезную… Помолясь,
Как прежде, пир устрою!..

МУРЗА

Мы зараз
И выпить можем!..

ПАЛЕНЫЙ

Что на стол подашь ты?

ИГУМЕНЬЯ

(Алене)

Все вина, государыня, все брашны:
Перепелов копченых и грибков,
А хочешь — соловьиных языков
Или барашка прям на вертеле!..

АЛЕНА

Не перепел, а пепел на столе
Твоем, игуменья!.. Глаза остры —
У этих стен я видела костры!..
Ты сладко ешь и пьешь, как из реки,
А скольким урезали языки?!
Игуменья, тебе не повезло —
Ведь я-то знаю, как ты прячешь зло
Под мантией святой!..

ИГУМЕНЬЯ

Ты подняла
На церковь руку… За таки дела…

АЛЕНА

Игуменья, хулы не сотвори!
Одна за храм святой не говори!
Перо не гусь, а только часть гуся,
Игуменья — еще не церковь вся!..

ИГУМЕНЬЯ

Ты богохульствуешь!

АЛЕНА

Давай ключи!..
Ступайте, Федор! Что слова речи?..

Часть **Разинцев** уходит.

ИГУМЕНЬЯ

Отступница!.. Анафема!..

АЛЕНА

Слова
Ты, мать, побереги!.. Пусть я сама
Сгорю в костре, оставлю этот свет,
Но и тебе под небом места нет!

ИГУМЕНЬЯ

Вели вернуть!.. Не там…

АЛЕНА

И что — забота
До мужиков тебе? Идет охота!..
Охота, мать, а не игра в горелки!
Давай ключи, давай!..

ИГУМЕНЬЯ

Ни в кои веки!

Разинцы обступают **Игуменью**.

Идем, я и сама все укажу!
Но тех верни!..

Алена и **Игуменья** уходят.

УБОГИЙ

(вслед Игуменье)

Где не пролезть ужу —
И там пройдет!..

КИРИЛЛ

Маркел, я так гляжу,
Что нам пора…

МАРКЕЛ

Куды?

КИРИЛЛ

Огромен свет…

МАРКЕЛ

Где дол — там дом. Где подадут — обед!
Сиди уж здесь!

ЧИКА

(вбегая)

Дуван несут!

МАРКЕЛ

Большой?

ПАЛЕНЫЙ

Ты не поднимешь!

КИРИЛЛ

Надоть!..

МАРКЕЛ

Вот ишо!

Играют в бабки. Появляется **Федор**.
Разинцы втаскивают **Патриарха**.

АНИКА

Ну и добыча!..

ПРОРОК

Вот тебе дуван!

МУРЗА

Дороже золота!..

ПАТРИАРХ

Где атаман?..
С ним буду говорить!

ЧИКА

Чего речи?!

АНИКА

На цепь его!

МАМАЙ

И в руки две свечи!..

ПРОРОК

Игуменья клялася, что зазря!..

ФЕДОР

Не золото нашли — золотаря!

ПАТРИАРХ

Я — патриарх!

МУРЗА

Ну, врать!

ФЕДОР

Ты — дерьмовщик!..
Напялить куколь может и ямщик!

МАМАЙ

Владыко наш в Москве!

ЧИКА

Ему до нас
И дела нет!

ПАТРИАРХ

Где атаман?

ПРОРОК

Сейчас
Он явится!

ПАЛЕНЫЙ

И без него решим!
Чего тянуть?..

АНИКА

На круг его!

МУРЗА

Круши!

ФЕДОР

Молчать, сарынь… Икону пусть несут —
Свершиться может и над нами суд.
Господь лишь властен здесь… Отец святой,
Меч мщенья поднят над твоей главой,
И ждет костер!..

ПАТРИАРХ

Но русские — не франки,
Чтоб жечь костры!..

ФЕДОР

Что ж нынче спозаранку

Они дымились?

ПАТРИАРХ

Мы еретиков
Лишь осуждаем испокон веков…
Я силой веру насаждать не падок!..

АНИКА

Ты во дворе, знать, жарил куропаток!

ЧИКА

А почему так много бересты?

ПАЛЕНЫЙ

Ты для кого велел строгать кресты?..

ПАТРИАРХ

Анафемы! Жалею, что для вас
Их не хватило!.. Но не ровен час…

АНИКА

И, верно, не хватило! Мы со стен
Товарищей снимали…

ФЕДОР

Ты вестей
Не жди благих!..

МУРЗА

Кончай, и все шиши!

МАМАЙ

Молися о спасении души!..

АНИКА

(поднимая крест)

Я крест нашел!..

ПАЛЕНЫЙ

Как смотрит на людей!
Видать, оставил для себя, злодей!

ФЕДОР

Тащи сюда!

Разинцы кладут **Патриарха** на крест.

ЧИКА

Здоров, как попадья!..

ЕСАУЛ

(пытаясь остановить расправу)

Все обежал — ни одного гвоздя!..

ФЕДОР

Вяжи веревкой! И кончай. Шабаш!

ЕСАУЛ

Остановитесь, он — владыко наш!..

Патриарха поднимают на кресте.

АНИКА

Тащи валежник и смолы!

МАМАЙ

Смолы!

ПАТРИАРХ

Постойте, православные! Сыны!..
Коль отойти воистину пора,
Распните, как апостола Петра,
Ногами к небу… Чтоб туда взойти
Я мог немедля!..

МАМАЙ

Нет туда пути
Продавшим рясу дьяволу!..

АНИКА

Огня
Несите!..

Паленый зажигает факел.
Появляется **Алена**.

АЛЕНА

Стойте! Стойте! Иль меня
Вы погребли уже?..

ПРОРОК

Нет!

МУРЗА

Час настал
Для мщенья, атаман!

АЛЕНА

Сними с креста!..
Он — патриарх!

МАМАЙ

Неужто — патриарх?
Ослепли мы!..

(Крестятся.)

АЛЕНА

И в мире, и в церквах
Сан патриарха Господу подобен,
Его пожечь нельзя нам!

Есаул и **Разинцы** снимают **Патриарха** с креста.

ЕСАУЛ

Гнев Господень
Не минет нас! Святыми именами
Он заклинал…

АЛЕНА

Пред небом, не пред нами
В ответе патриарх!..

ЕСАУЛ

Священный стих!..

АЛЕНА

За Русь воюем мы, а не за них!..
(Федору)
Вели коней запрячь!

ПАТРИАРХ

Как он неистов,
Твой слог, о старица!..

АЛЕНА

Пора на приступ!
Спешите, мужики! Пройдем лесами
На поле чистое! Русь нынче с нами!..

РАЗИНЦЫ

Будь славен, атаман!..

Разинцы уходят.

ЕСАУЛ

Прости, владыко,
Нам слепоту!..

ПАТРИАРХ

По дереву и лыко!..
(Останавливает уходящую Алену.)
Но, дочь моя, должно быть, неспроста
Святою Девой ты сняла с креста
Меня распятого?..

АЛЕНА

Затем из праха
Я вызволила к жизни патриарха,
Что верую… Мне дорог Божий град,
Как дом единственный!

ПАТРИАРХ

Так брось отряд!
Возрадуй Бога, церковь и царя!

АЛЕНА

Как смеешь предлагать…

ПАТРИАРХ

Я не зазря!
Утихнет скоро смута… Что грибов
Стрельцов в лесах и в поле… С ними Бог
И меч разящий… Сгинешь не за грош,
Как вся твоя сарынь! Подумай!

АЛЕНА

Ложь!
Владыко, ложь! Как туча ни черна,
Но чистый дождь на землю шлет она!
То ярманка вскипела на Руси —
Добро и зло упали на весы!..
Мне жизнь, я знаю, малая дана…
Чтоб я за славу совесть продала,—
Владыко, нет!.. Забитых в сто оков,
Нас обложили, будто бы волков!
Но все равно я буду гнать коня,

Покуда пуля не сшибет меня!
За веру-правду подняла я меч!
И пусть железу камня не рассечь!..
Где веры мало — правды каждый грош
Нам дорог!

ПАТРИАРХ

Дочь, ты на костер идешь!

АЛЕНА

Мне жизнь не дорога!..

ПАТРИАРХ

Ты молода,
Других иное льстит в твои года…
О жизни ты подумала мирской?

АЛЕНА

Мне неколи!.. Прощай!

ПАТРИАРХ

Господь велит,
И свидимся еще! Мир невелик!..

Патриарх уходит. Появляется **Федор**, за ним незаметно для всех **Есаул**.

ФЕДОР

Побыть с тобой хочу я! Не суди!..

АЛЕНА

Не время, Федор!..

ФЕДОР

Только взгляд один —
Уже награда!

АЛЕНА

После!..

ФЕДОР

Так всегда!
Уходишь ты, как в решето вода!
А говорила, монастырь возьму…

АЛЕНА

На берегу… у дуба… ввечеру…
Сейчас иди!

Федор уходит.

ЕСАУЛ

…Там тихие места!

АЛЕНА

(заметив Есаула)

Эй, есаул, не оставляй креста,
Он пригодится!

Вбегает **Чика**.

ЧИКА

Там боярин сдался!..

АЛЕНА

Иду, иду!..

Алена уходит.

ЕСАУЛ

Но и тебе воздастся!..
На берегу… у дуба…

Появляются **Маркел** и **Кирилл**.

МАРКЕЛ

Улеглось!
Давай конаться!..
(Подает Кириллу палку.)
На! Да выше брось!

Кирилл бросает палку. **Убогий** следит за игрой.

ЕСАУЛ

Придется, братья, отложить игру!

МАРКЕЛ

А мы теперь не в церкви!..

КИРИЛЛ

На миру!

ЕСАУЛ

Я заплачу!..

МАРКЕЛ

Сколь ни чекань монет,
Власть не твоя, а значит, спросу нет!..

Есаул бросает им кошель и уходит.

КИРИЛЛ

Глянь, золото!..

МАРКЕЛ

В миру не без чудес!

КИРИЛЛ

Исус воскрес!..

Кирилл и **Маркел** уходят за **Есаулом**.

УБОГИЙ

(вслед)
Воистину воскрес!..

7. СОЛОВЬИ

Берег реки.
Дерево с большим дуплом.

УБОГИЙ
(один)

Пошто иду за ней?.. И черной кровью
Кроплю дорогу… Не согреть любовью
Земли продрогшей… Глупо и негоже
Пытаться мир укрыть своей рогожей!
Любовь нелепа в человечьем роде
И безответна по самой природе!..
Так что мне стыд, когда я не был сыт!..
Есть стыд любви… И только это — стыд!
Когда летят не камни, а глаза —
Мне больно, такова моя стезя…
Мир — ярманка!
И хочешь жить — терпи,
Послушным стань медведем на цепи!..
Доносятся крики **людей.**
Прости, Господь, опять попутал бес…
Не мудрено — вон леших полон лес!..

Появляются князь **Долгорукий** и **Дьяк**.
Убогий прячется в дупло.

ДОЛГОРУКИЙ

Коль не придет?

ДЬЯК

Тогда к другому дню,
Князь, приготовь надежней западню!
Царь ждет ответа!

ДОЛГОРУКИЙ

Лишь из-за тебя
Я лезу на рожон!..

ДЬЯК

Послушай, князь,
Собор церковный розыск объявил,
Она ж сама идет к нам!

ДОЛГОРУКИЙ

Мало сил.
Что, как со стражей?

ДЬЯК

Не было преданий,
Чтоб выделяли стражу для свиданий!..
Ну, с Богом, воевода!

Дьяк уходит.

ДОЛГОРУКИЙ

Вот шельмец!
Хитрит, храбрится… Все один конец—
На дыбе быть! Эй, где вы?..

Появляются **Маркел** и **Стрельцы**.

Помолясь,
Приступим к делу!

Свист соловья.

МАРКЕЛ

Всепобедный князь!
Кирилл свистел… Должно, она идет!

Свист соловья.

Нет… соловей…

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

А может, и удод?!

ДОЛГОРУКИЙ

Да кто свистел?..

МАРКЕЛ

Искусен так Кирилл,
Что нам не отличить! Хвоста и крыл
Ему недостает!..

ДОЛГОРУКИЙ

Без шума брать
Ее одну!

МАРКЕЛ

А если с нею рать?

ДОЛГОРУКИЙ

Следи за мною!.. Прячьтесь!

Все уходят, кроме **Маркела**.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

Ты пошто
Не прячешься?

МАРКЕЛ

Да прятаться грешно,
Гляди-ко, темь какая!

Свист соловья.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

Прав ты, брат…
И я останусь… Правду ль говорят,
Что он не слышит, ежели поет?

МАРКЕЛ

Кто?

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

Соловей.

МАРКЕЛ

А кто его поймет!..

Свист соловья.

То ль соловей, то ли Кирилла шутит!..

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

Маненькая, а всю Расею мутит…

(Увидев Алену.)

Гляди, идет! Я спрячусь!

(Прячется.)

МАРКЕЛ

Не туда —

Тебя видать!..

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦ

(не зная, куда деться)

Ну, брат ты мой, беда!..

МАРКЕЛ

Влезай в дупло!.. Чего играешь в прятки?

Стрелец исчезает в дупле.
Из дупла доносится его крик.

Ну, бешеный!.. Чего ты?..

УБОГИЙ

(из дупла)

Все в порядке!..

МАРКЕЛ

К облаве приготовьтесь, мужики!..

Маркел уходит.
Появляются **Алена** и **Федор**.

АЛЕНА

Как тихо, Федор…

ФЕДОР

Нынче у реки

Опасно стало!..

АЛЕНА

Ежели мужик

О страхе говорит — его женить

Пристало время…

ФЕДОР

Оторопь берет

Не за себя…

Свист соловья.

Вот соловей! Поет!..

АЛЕНА

И ничего ему — один в лесу!

ФЕДОР

Но и над птицей острую косу
Заносит смерть. И никуда не деться!

АЛЕНА

Коль соловей поет открытым сердцем —
Глаза закрыты… Правила презрев,
Ловильщики снимают их с дерев,
Как глиняных!..

ФЕДОР

Того не может быть!

АЛЕНА

За слабость, Федор, надобно платить!
И дорого подчас… Но только в радость
Порой не сила нам, а эта слабость!
Кричи, пичужка малая, кричи!..

ФЕДОР

Любимая, беды не наречи!..

АЛЕНА

Огромная счастливая беда
Уже свершилась — я пришла сюда…
К тебе пришла… И я любви хочу,
Твоей любви, о коей я кричу
Холодными ночами…

ФЕДОР

О тебе
И я молитвы посылал судьбе,
Которой и обласкан, и поруган!..

АЛЕНА

Как долго мы навстречу шли друг другу,
И долго ль рядом нам идти, Бог весть…

ФЕДОР

Я знал… я верил… где-то есть ты! Есть!
Земля огромна и тобой светла!..

АЛЕНА

Земля огромна, нет на ней тепла!

ФЕДОР

Да!.. В этом мире каждый одинок!

АЛЕНА

Нас увлекает каждый огонек!
И шепчешь по ночам: «Приди… Приди…»
Так радостно проснуться на груди
Любимого…

ФЕДОР

Откуда ты сошла
На землю нашу грешную… княжна…
Владычица… Моя Любовь… и Крест!..

АЛЕНА

Что?.. Крест?..

(отстраняясь от него)
Довольно!.. Снова Божий перст
Мне указует!..

ФЕДОР
Что с тобою? Лгут
Все прорицатели!..

АЛЕНА
То — крови бунт!
Прости… Забылась я…

ФЕДОР
Мы здесь одни,
Над нами только ночь и соловьи!..
Здесь все твое… Тепло моей души
И трепет рук… И сердца…

АЛЕНА
Не спеши!..

ФЕДОР
Я не пойму!

АЛЕНА
Нет… нет тебя!

ФЕДОР
Я здесь!..

АЛЕНА
Да нет же!..
Нет!

ФЕДОР
Я пред тобою весь!..

АЛЕНА
Ты и не ты… Нет!

ФЕДОР
Говоришь чудно!
Мы только… только были заодно…
И ты глядела на меня любя!..

АЛЕНА
Какие руки… руки у тебя!
И он любил… Сколь отдавал мне сил
И никогда пощады не просил
От ласк моих…

ФЕДОР
Чтоб мне гореть в огне,
Да мы с тобой и не были одне!..

АЛЕНА
Уснула Выездная слобода…
А я с тобою бегала сюда
Птиц сердобольных слушать… С той поры
Состарились деревья… Их коры
Давно я не касалася рукой…

ФЕДОР
Любимая…

АЛЕНА

Не разрушай!.. Постой!
Не замути!.. Ты страстью обуян.

ФЕДОР

Не укротить мне море-окиян
Бушующий!.. Один порыв благой…

АЛЕНА

Но снова — Федор ты, а не другой,
Кого любила я… Не обессудь!
На сердце смута…

ФЕДОР

Нам единый суд —
Любовь! Убей меня! Меч занесен —
Руби, не рассуждая!

АЛЕНА

Вот и все…

ФЕДОР

Другого любишь?..

АЛЕНА

Нет же, дорогой!
Ведь я пришла сюда… Пришла с тобой!
Люблю тебя! О Господи! Дай сил
Сдержаться мне!..

ФЕДОР

Не надо. Не проси…
Я понял все!..

АЛЕНА

Нет, ты не понял… Нет!
Мне опостылет без тебя весь свет!..

ФЕДОР

Поёшь о браге, а живешь в посте!

АЛЕНА

Ты слышал ли о золотом кресте,
С которым плоть я погребла свою
В могиле мужа?..

ФЕДОР

Я тебя молю
Не говорить об этом!..

АЛЕНА

То не я —
То говорит заступница моя,
Святая Богородица! Прости…
Оставь меня!..

ФЕДОР

Мне без тебя пути
Нет на земле.

АЛЕНА

Оставь!

ФЕДОР

Алена!

АЛЕНА

Нет!
На мне еще лежит его запрет…
Иди!.. Я все сказала…

Федор уходит. Свист соловья.

Неспроста
Таинственны ночные голоса!..
Страшнее люди, если не в ночи,
А в нас самих огромный мир кричит!..
То свет в глаза, то роковая тьма…
Зачем же ты еще со мной, Кузьма?
Господь-Создатель! Что я говорю?..
Прости мне, Федор! Я люблю!.. Люблю!
Как я могла вот так тебя… сама?!
О, Господи!. Ведь я схожу с ума!
О, Боже!.. Боже! И на миг поверь я,
Что говорят не птицы, а деревья,
Они заговорят! О, милый мой!..
Твоя я, слышишь! Я иду!..

Появляется **Долгорукий** со **Стрельцами**..

ДОЛГОРУКИЙ

Постой!..

АЛЕНА

Ты кто?

ДОЛГОРУКИЙ

Твоя погибель!

АЛЕНА

Но зачем
Являться ей в серебряной парче?..

ДОЛГОРУКИЙ

Эй, люди!.. Взять!

АЛЕНА

Ты больно прыток, князь!
А что, как чином княжеским да в грязь?..

ДОЛГОРУКИЙ

Но за других не вправе ты решать!

АЛЕНА

(Прижимается к дереву.)
В стволе есть пуля, в ножнах — острый нож!
(Достает нож.)
Хоть руки длинные, а не возьмешь!
Не подходи!.. Коль песню начала,
Умей ее остановить сама!..
Воистину за слабости платить
Должны мы, князь! И если смерти быть —
Ее не миновать!..

Алена замахивается на себя ножом.
Убогий с дерева ловит ее за руку.
На нем одежда стрельца.

УБОГИЙ
Но над собой
Не властна ты!..

Алена роняет нож.

АЛЕНА
Ах, это ты… святой!
Всех ненавижу!.. Прочь с моей дороги!
О, сколько вас, всесильных да убогих!
Все хороши!.. Все трусы!.. Вам не сметь
Принять единственную радость — смерть!
ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦ
Ну, ловок, брат!
ТРЕТИЙ СТРЕЛЕЦ
Ко времечку приспел!
ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦ
Не зря совой на ветках просидел!..
ДОЛГОРУКИЙ
Вот видишь, это тоже не конец?!
АЛЕНА
(Убогому)
Будь проклят! Трижды проклят будь… стрелец!
Чего ты встрял?..
ЧЕТВЕРТЫЙ СТРЕЛЕЦ
Глянь, лес испепелит!
АЛЕНА
Во мне два года черный бес сидит!..
ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦ
С победой, князь!
АЛЕНА
Не больно ли ты скор?..
ТРЕТИЙ СТРЕЛЕЦ
Куда, князь, ведьму?
ДОЛГОРУКИЙ
В церковь!.. На Собор!

Убогий остается один.
Срывает с себя одежды стрельца.

УБОГИЙ
Спешил спасти! Зачем? Зачем? А вдруг
Спасенье — смерть, не продолженье мук!..
(Корчится от боли.)

8. АНАФЕМА

Монастырь. Церковный собор.
Появляются **Маркел** и **Кирилл**.

МАРКЕЛ

Клянусь, Кирилл, то дьявола игра —
Я потерял уже два топора.
Сейчас зачтут к сожженью приговор,
А сруба нету…

Появляется **Убогий** с топором и ведром.

КИРИЛЛ

Вот он, твой топор!

МАРКЕЛ

Держи его!

КИРИЛЛ

Боюсь…

МАРКЕЛ

Он кротче птахи!
Убогий он!..

КИРИЛЛ

Башку снесет без плахи!

УБОГИЙ

Пожар случится нынче, оттого
Ношу топор и воду.

МАРКЕЛ

Одного

Из нас изжарят тоже, коли мы
Не кончим дела.

Входит **Игуменья**.

ИГУМЕНЬЯ

Вот они! Сомы
Ленивые! Все б на песке лежать!..
Столбы готовы ль?

МАРКЕЛ

Только начал, глядь —
Нет топора! То он его унес!..
Ну, мы за ним! Какой с убогих спрос!
Льет воду на столбы!..

УБОГИЙ

Все прорастет!

ИГУМЕНЬЯ

Ворьё! Анафемы! Пусть разнесет
Вас воронье!. Скажи, до коих пор
Прощать мне вас!..
(Убогому.)
Сын мой, верни топор…
(Убогий не отдает.)
Брать надо лаской — ни к чему угрозы.
Что носишь ты в ведре?

УБОГИЙ

Людские слезы!
Костер сгорит — и быть Руси в золе…
А слезы высохнут — соль на земле!
Мне видятся проросшие сады
Из тех столбов и райские плоды!..

МАРКЕЛ

На дыбе — яблоки!..

ИГУМЕНЬЯ

Что Божий дар
Провиденья еще речет?

УБОГИЙ

Пожар!
Пожар, игуменья! И вопли… стоны…
Когда горят и люди, и иконы!

Игуменья уходит.

ИГУМЕНЬЯ

Типун тебе, убогий, на язык!
О, свят, свят, свят!..

Появляются **Долгорукий** и **Софья**.

ДОЛГОРУКИЙ

Я смолоду привык

К походам дерзким… Крепости я брал
С лицом открытым — не люблю забрал!

СОФЬЯ

Тобой доволен царь.

ДОЛГОРУКИЙ

А ты, княжна?

СОФЬЯ

Здесь благосклонность не моя нужна —
Царь выдает награды.

ДОЛГОРУКИЙ

Иногда
Мы видим, как обличье и слова
Расходятся, что не в ладу они…
Как нам не вспомнить это в наши дни!..
Княжна, ты тайну можешь уберечь?
…В устах царя твою все слышат речь!

СОФЬЯ

Безумец ты!

ДОЛГОРУКИЙ

Коль будут все умны,
Нам никогда не выиграть войны
Той, тайной, Софья… Тайной и святой!..

СОФЬЯ

Ты кто, мой князь?

ДОЛГОРУКИЙ

Поверь, союзник твой!

Появляется процессия
Священнослужителей.

Не потерпеть бы заговору краха!..

СОФЬЯ

Мой князь, остерегайся патриарха!..
Нас могут слышать… Расскажи-ка мне
О еретице!

ДОЛГОРУКИЙ

Если бы верхóм
Ты видела ее… И небесам
Такого ране не случалось… Сам
Диавол на коне…

Софья подходит к **Патриарху**.

СОФЬЯ

Ну что?

ПАТРИАРХ

Не сетуй,
Княжна моя! Но и царю, и свету
Свой срок Господен…

СОФЬЯ

Говоришь туманно…

ПАТРИАРХ

Я знаю, сбудутся все наши планы!
То старица грозит, то Стенька Разин…

СОФЬЯ

Мой патриарх, остерегайся князя!..
(Возвращается к Долгорукому.)

ДОЛГОРУКИЙ

Как свет державный?

СОФЬЯ

Нынче в гневе он,
Что приговор досель не приведен
Во исполненье.

ДОЛГОРУКИЙ

К церкви обратясь,
Я жду анафемы!..

ПАТРИАРХ

Могучий князь!
Надёжа наша, придет все на круги…
Не забывай, что мы Господни слуги.
Господь карает.

ГЕРМОГЕН

Вон она!.. Ведут!..
Священнослужители вводят Алену.

ФИЛИПП

Ведут отступницу!

ПИМЕН

У, еретица!..
А выступает, будто Божья птица!

ГЕРМОГЕН

Не зри в глаза ей, не было б беды!..

УБОГИЙ

В глазах у ней пожар! Воды!.. Воды!..

АЛЕКСИЙ

Что за убогий?

ДОЛГОРУКИЙ

Посадить в мешок
И — в реку!..

УБОГИЙ

Потону я!..

ДОЛГОРУКИЙ

Вон пошел!

АЛЕКСИЙ

Клятвоотступница и вор лихой
Алена-старица, что Арзамаса
Святого родиной, крестьянска дочь
Слободы Выездной, изыдя вдруг
С товарищами, равно змей из ложа,
И поглощая верных христиан

В глубокий ров погибели, и, яко
Лев-плотоядец, похищая враз
И души и тела людские клятвы
Великим отступлением,— согласна
С подобным изречением главы?

АЛЕНА

Не я клятвоотступница, а вы!
Додумалися кукишем молиться!..
Рога* надели!..

ГЕРМОГЕН

Дьявол!

ФИЛИПП

Еретица!

ПИМЕН

Не богохульствуй!..

ФИЛИПП

Здесь тебе не дом —
Спрячь плечи, ведьма!..

ГЕРМОГЕН

Подбери подол!..

АЛЕНА

Не вам судить меня!..

ИГУМЕНЬЯ

Заклеймены
Ее уста печатью сатаны!
Неурожай наслала нам…

АЛЕНА

Вы стали
Пить истину погаными устами!

АЛЕКСИЙ

Опомнись, старица!

ИГУМЕНЬЯ

Мне нужды нет
Здесь привирать… Глядите: липов цвет
Из кельи старицы… Коренья, письма
Все заговорные!..

АЛЕНА

Да вновь родись я —
От них не откажусь! Когда в крови
Святой Руси достойные сыны,
Сколь ни стенай на поле ратном Богу —
Одни молитвы ранам не помогут!..
Уразумела я…

АЛЕКСИЙ

Мы судим разом
Тебя за прегрешения и разум!

ИГУМЕНЬЯ

Я слышала, монастыри коря,
Она костила ересью царя!..

АЛЕНА

Свет государь! К тебе взываю я!..

СОФЬЯ

Здесь он не властен! Бог тебе судья!..

АЛЕКСИЙ

Мы слушаем, игуменья.

ИГУМЕНЬЯ

С разбоем
Колдунья ворвалась смертельным боем
В обитель нашу!.. Сразу онемел
Приказ стрелецкий — порох отсырел
У слуг у царских… Это дело тож
Ее — заговорительницы!

АЛЕНА

Врешь!
А кто из пушек в мужиков палил?
А кто смолу им на головы лил?
Кто трижды пулей шлем пробил на мне?..

АЛЕКСИЙ

То сам Господь сражался на стене,
О коем ты забыла!.. Но постой,
Тебя казнят не люди — Дух Святой!

ГЕРМОГЕН

Ты соблазнять не будешь наперед
Неискушенный праведный народ!

ФИЛИПП

И мы навеки всюду известим
О ереси и руки освятим
Костром твоим!..

ПИМЕН

Ты Богу на миру
Заместо славы нанесла хулу,
Умышленно притом!..

АЛЕНА

Проклятый мир!
Ведь вы пришли не на собор — на пир!
На нищий пир!..— об этом вы не знали
И шарите голодными глазами!
Вы правду погребли… Но чтоб она
Смирилась с тем — ни в кои времена!
Да нам такое видеть не внови,
Вы на себя взгляните — вы в крови!
В крови от пят до темени… Напрасно
Вы руки вытираете о рясы!
За стенами могутными не видно
Деяний лживых пастырей!.. Вам стыдно
Лишь глаз своих, но и глазам навеки
Стыд прикрывать Господь добавил веки!
Никто не знает, что даны вам уши
Подслушивать, а не затем, чтоб слушать!

И к вам идут!.. Открыты алтари!..
Вы ловко научили говорить
Святых, как галок, скрытых в образах.
Забыли вы, что церковь — не базар!
Пируйте же!.. Расхватывайте зелье!..
Вас ложь пьянит!.. Что будет на похмелье?!

ГЕРМОГЕН

Анафема!..

ПИМЕН

Довольно!

ФИЛИПП

Что за речь?!
Кончайте дело!

ПИМЕН

Без остатку сжечь!

ФИЛИПП

Короткий разговор с еретиками:
Молитвой ли убить или руками —
Едино есть!..

АЛЕКСИЙ

Нас учит Камень Веры,
Что паче смерти врачеванья нет
Богоотступникам!

ФИЛИПП

Такой химеры
Досель еще не знал крещеный свет!..

ПАТРИАРХ

Лечившей ворожбой и волшебством
И утверждающей, что исцеленья
В молитвах нет, а равно нет его
Ни в Божьей милости, ни в чудотворных
Святых местах,— анафема!

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ

Анафема!..

ПАТРИАРХ

И помышляющей, что государь
Возведен на престол самим собою,
А не благоволением к нему
Всевышнего, дерзающей притом
К измене злой — анафема!

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ

Анафема!..

ПАТРИАРХ

И отрицавшей Бога бытие,
Твердящей, будто самобытен мир
И все, что происходит в нем, не есть
Господен промысел, а только случай
И рок слепой,— анафема!

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ

Анафема!..

Вбегает **Убогий**.

УБОГИЙ

Горит икона!..

ИГУМЕНЬЯ

Богоматерь мнится!

УБОГИЙ

Свершилось чудо!

Убогий убегает.

ИГУМЕНЬЯ

Это еретица
Очами воспалила!..

АЛЕКСИЙ

Где вода?

ГЕРМОГЕН

То – зна́менье!..

ФИЛИПП

То – пожар!..
Пимен
Беда !..

АЛЕКСИЙ

Молитесь, славные!..

Дым обволакивает **Алену**.

ГЕРМОГЕН

Скорей гаси!..

ФИЛИПП

Дождя, дождя у Господа проси!..

ГЕРМОГЕН

С иконами народ идет на площадь!..

Раздается ржание лошади и стук копыт.

ФИЛИПП

О Всемогущий!..

АЛЕКСИЙ

В Божьем храме… лошадь!..

ПАТРИАРХ

Я заклинаю: стойте!..

Дым рассеивается. **Алены** нет.

ФИЛИПП

А-а-а!..

ПАТРИАРХ

Однако…

ИГУМЕНЬЯ

Исчезла еретица!..

АЛЕКСИЙ

Вовкулака!..

А-а-а!.. Оборотень!..

Пимен

Волшебство!..

ИГУМЕНЬЯ

Чур!.. Чур!..

ГЕРМОГЕН

Wehrwolf!..*

ИГУМЕНЬЯ

Чур!..

ПИМЕН

Чародейство!..

ФИЛИПП

Loup-garou!..**

СОФЬЯ

Я говорила, патриарх!..

Патриарх не отвечает.

ФИЛИПП

Мой свет,

Кто б мог подумать!..

ДОЛГОРУКИЙ

В слове проку нет!

Пожечь, чтоб вознеслася к небесам!

ПАТРИАРХ

Наш славный князь, о теле думать вам,

Нам — о душе ее!..

СОФЬЯ

Того, кто мыслил,

К добру не приводило… Шлите рысью

По всей Руси гонцов… Чтоб ни один

Ее укрыть не смел!..

ПАТРИАРХ

Мир осудил —

Я проклял еретицу!.. Суета

Погубит вас! И ныне неспроста

Всевышний подал знак… Ему молитесь!

Останьтесь гордыми!.. Не суетитесь!..

Я вижу… вижу: золотой венец

Несет Господь с небес!..

СОФЬЯ

Прости, отец!..

---

* Оборотень! (нем.)

** Оборотень! (франц.)

9. ПИСЬМО

Лес. Отряд **Алены**.
Алена и **Федор**.

АЛЕНА

Ты ждал меня?

ФЕДОР

Я сбился со следа!..
Птенец слепой, что выпал из гнезда,
Не ждет так матки!..

АЛЕНА

О птенцах опять?!.
В твои-то годы надобно летать
Высоко-высоко!..

ФЕДОР

Мне повезло!
Алена, ты и есть мое крыло!..
И я взлечу!

АЛЕНА

Я на земле была!..
Ведь я уже две жизни прожила
И поняла, что крылья — не защита,
Нам их не чистят, только перья щиплют!..
Лишь зазевайся — подадут на пир,
На пьяный стол, где вкруг сидят: вампир,
Сам сатана и дьявол-искуситель!

ФЕДОР

Но есть Господь!..

АЛЕНА

Воистину Спаситель,
И он хранил нас!..

ФЕДОР

Праведная речь,
Но как тебя для жизни уберечь
Мне, грешному? Вокруг стрельцы!..

АЛЕНА

Бог милостив…

Появляется **Есаул**.

ЕСАУЛ

Трубить во все концы —
Вернулся атаман!..

Появляются **Разинцы**.

АНИКА

Садись на место!
На атаманское!..

ЧИКА

Никак воскресла!

ПАЛЕНЫЙ

Вот так поверишь, что безгрешны мы —
Вернулось лето посередь зимы!..

МАМАЙ

Не чисто дело, братцы!..

ПРОРОК

А по мне,
Она взаправду не горит в огне!

ЕСАУЛ

Молчать, сарынь!

ФЕДОР

В стенах монастыря
Она узрела батюшку царя
И говорила с ним!..

ЧИКА

Глаза в глаза
С самим царем?..

ПРОРОК

Вот это чудеса!

МУРЗА

Пущай расскажет!..

АЛЕНА

Как-то ввечеру
Надумала птиц слушать на юру…
Пришла на песню, а на ветках в ряд
Не соловьи, а ангелы сидят!..
Они ко мне, что пчелы на цветок,
Слетели вдруг… Надели мне венок
И, как невесту славную в миру,
Под руки белы повели к столу.
А на столе!.. Гусь в яблоках и язь —
Чего я не видала отродясь!
Трава заморская, сыры да вина
Нерастворенные… И половина
Гостей пьяна!.. Гляжу, выходит князь,
Сам Юрий Долгорукий. Помолясь,
Мне говорит: «Алена-атаман!
Ждет царь тебя!..»
А у меня туман
От вин-то в голове вот-вот случится!..
«И подождет! — кричу.— Важна ли птица!..»
Мол, я сейчас румяны наведу,
Да и сама в палаты те войду…
Да и вошла! Все описать нельзя!
Царь посреди, а по бокам — князья!
«Здорова ль?» — говорит.
«Спасибо, свет,
Мне, окромя тебя, заботы нет!»
«Как мужики?.. Отряд силен ли, плох?..»
«Не жалуемся! Помогает Бог!»
«Как воеводы царские?» — в ответ
Он мне речет.
«Лютуют, спасу нет,
Да и управы враз… Не верь, не хочешь!..»
«Ну,— говорит,— открыла ясны очи

Алена мне… Отправлю на извод
Бояр лютующих и воевод.
Спасибо, атаман!.. А от меня
Прими за слово доброе коня!»
Тут я в седло — и такова была…

МУРЗА

Глянь, за одним столом с царем пила!..

АНИКА

Веди нас, атаман! Месть наша свята
За Стеньку Разина, как брат за брата!..

ПАЛЕНЫЙ

За веру нам ли жизнь свою беречь?

ФЕДОР

(подавая Алене меч)

Прими опять! Мы берегли твой меч!
Клянись вести!..

АЛЕНА

Покуда не низложен
Последний князь, меч не коснется ножен!

ЧИКА

Тебе мы верим!..

АНИКА

Запрягай коней!..

МАМАЙ

Нет атамана на земле верней!

МУРЗА

Будь славен, атаман!

АЛЕНА

Эй, есаул!
Найдется ли вино?..

ЕСАУЛ

Всегда!

АЛЕНА

А ну,
Ставь бочку на кон!..

ЕСАУЛ

Это мы зараз!..

Появляется **Убогий**.

УБОГИЙ

(Алене)

К тебе с посланьем я!..

АЛЕНА

А!.. Не сейчас!..

(Обнимает его.)

Ты нож отвел!.. Ты в храм привел коня!..
Когда б не ты, давно б сожгли меня.

(Увидев раны на его теле.)

И по тебе всласть погуляла плеть

Из-за меня!..

УБОГИЙ

О!.. О!.. Не смей жалеть!
Жалеть не смей! Об этом лишь молю!..

АЛЕНА

Зачем, мой добрый?.. Я тебя люблю!
…Гуляй, убогий!

УБОГИЙ

Что гулять зазря?..

АЛЕНА

А от кого письмо-то?..

УБОГИЙ

От царя!..
(Отдает письмо.)
Я нынче собираю их и жгу!..
И ты сожги, прочтя… Коли смогу
Собрать их все — ты снова спасена…

Убогий уходит.

АЛЕНА

(прочитав письмо)
Покуда голова не снесена,
Мстить буду я!.. Да только что пенять?..
Бог создал перья, чтобы сочинять.
Бумагу сделал… Только в суете
Не разглядел да в руки дал не те!
Вот и беснуются!..
(Бросает письмо.)
Эй, есаул!
Две бочки на кон!

МУРЗА

Зачинай разгул!
Едино все!..

АЛЕНА

Поверьте, мужики,
Наступят скоро жаркие деньки!..

Наливают вино.

ПАЛЕНЫЙ

По кругу всем!

ПРОРОК

Не налегайте, братья!

АЛЕНА

По случаю должна сменить я платье…

Алена уходит.
Есаул поднимает письмо.

ЕСАУЛ

Гляди, бумага!

(Отдает Анике.)

АНИКА

Добрая, видать,—
Со знаками!..

ЕСАУЛ

И царская печать!

ЧИКА

Читай!..

АНИКА

У-веще-ва-ние!.. К перу
Я не привычен…

ЕСАУЛ

Дай-ка разберу!..

(Читает.)

«Клятвоотступница и вор лихой
Алена-старица, что Арзамаса
Святого родиной…»

ЧИКА

Добавь-ка гласа,
Про атамана пишут!..

МУРЗА

Все точь-в-точь —
Она оттудова!

ЕСАУЛ

«Крестьянска дочь
Слободы Выездной, изыдя вдруг
С товарищами, ровно змей из ложа,
И поглощая верных христиан
В глубокий ров погибели…»

ПАЛЕНЫЙ

Прям в глаз!..
Все это, братцы, писано про нас!

АНИКА

Читай до точки, опосля…

ЕСАУЛ

«…И яко
Лев-плотоядец, похищая враз
И души и тела людские, клятвы
Великим отступлением, отныне
Святым собором предана навек
Анафеме!»

РАЗИНЦЫ

Анафеме?!.

ЕСАУЛ

«…Навек
Анафеме!.. В расспросе с пыток
Она сказалась, что имела тайно
Сношенья с адом, что чинила лихо
Соблазны на Руси, да и к тому ж,

Ведуньей будучи и чародейкой,
Во храме Божьем подожгла икону
Бесовским действом и, облекшись дымом,
Пред нашими светлейшими очами
В кобылу обратилась!..»

МАМАЙ

Эка ведьма!

ЕСАУЛ

«В кобылу обратилась и сбежала,
Собор в смущенье ввергнув, православных
Оставив в ужасе!.. Повелеваем
Господнем именем и царским равно
Предать ее огню!..»

ЧИКА

И поделом!

МАМАЙ

Иконоборица!..

ЕСАУЛ

«Того, кто смеет
Ее скрывать, постигнет Божья кара,
А выдавшего правосудью — ждет
Спасение благодатное. Аминь!..»

МАМАЙ

Молитесь, православные!.. В грехе
Погрязли лютом!..

МУРЗА

Вздернуть на стрехе,
Да и свезти!..

ПАЛЕНЫЙ

Вот выдалась кручина!

ЕСАУЛ

Мы проиграли битву — вот причина!
Что скажешь, Федор?..

ФЕДОР

Верить одному
И враз другому — не дано уму…
Но говорить вам, что травить гусей…

ЕСАУЛ

Мы — гуси? Братцы! Это как же… все?!
Чего глядите?!

ФЕДОР

Стойте!
(На Есаула.)
Ах ты, мразь!..

ЕСАУЛ

Должно, у них взаправду с адом связь!..

МУРЗА

И есть колдунья!..

ПРОРОК

Ступу уготовь!..

ЕСАУЛ

А помните: остановила кровь
Она бесовским действом?..

ЧИКА

(наступая на Федора)

Это он
Ее глазами адскими пленен!..

МАМАЙ

От века на земле заведено:
Быть атаманом бабе не дано!

АНИКА

Что не дано?!. Не каркай про века!..
Она покрепче будет мужика!..

ЕСАУЛ

Вы поглядите — тает, как свеча!..

ПРОРОК

Ты атаманом был!..

АНИКА

А кто кричал:
Меч атаману новому?.. Не вы ль?
В болото влезли, а клянете ил!

ПАЛЕНЫЙ

Ведь у самих есть руки и глаза,
Вы, что ль, о них забыли?..

ЕСАУЛ

Он в леса
Привел нас всех, ему и выводить!..

ФЕДОР

Я думал, вы — охотники… Вы — дичь!
Кто напоил вас бражною отвагой?
Пред вами человек, а вы — с бумагой?!
Она ж для вас…

ЧИКА

Постой!

МУРЗА

Давай реки:
Ты за кого?

ФЕДОР

(после паузы)

…За вас я, мужики…

ПРОРОК

С тобою нам идти одною ходкой!..

АНИКА

А что с Аленою?

ПРОРОК

Встречали лодкой,
Должны и проводить достойно!..

ЕСАУЛ

Эй,
Еще две бочки!..

МУРЗА

Заливайся! Пей!

МАМАЙ

Вино-то чародейное, поди?..

ПРОРОК

Без наговору в бочке бес сидит!..

ФЕДОР

Эй, есаул!..

ЕСАУЛ

Чего, мой атаман?

ФЕДОР

Построй мне лодку!

ЕСАУЛ

Мигом!.. По местам!

МАМАЙ

Колдунья баба!..

ПРОРОК

А считали кроткой!..

ФЕДОР

В беду попавших выносила лодка
Всегда на берег!..

ЕСАУЛ

Мужики, садись
Скорей на весла!.. Мы покатим вниз
По Волге-матушке… Не за копейку —
За Божий страх прокатим чародейку!

Разинцы садятся на землю,
образуя «лодку».

Готова лодка!..

ФЕДОР

Богу помолясь,
Отваливай!..

Разинцы снимают шапки.
Крестятся. Затем, раскачиваясь,
изображают греблю и всплески весел.

ЕСАУЛ

О чем грустишь ты, князь,
Наш атаман?

ФЕДОР

Вели-ка песню петь.

ЕСАУЛ

Эй, запевай! Да только в сердце меть!..

ПЕСНЯ РАЗИНЦЕВ

Чья она? — случился спор,

Кто — за меч, кто — за топор!..
Принесли два батога,
Ощипали донага!..
Рыбаки — не кормщики,
Рыбаки — разбойники!..
О-ха-ха, ха-ха, ха-ха!
Рыбаки — разбойники!..
Были крылышки востры,
Не признали в ней сестры.
И, забыв недавний спор,
Положили на костер!..
Рыбаки — не кормщики,
Рыбаки — разбойники!..
О-ха-ха, ха-ха, ха-ха!

Появляется **Алена** в нарядном платье.
Песня обрывается.

ФЕДОР
(Есаулу)
А ну-ка принеси
Трубу мне подозрительную… Надоть
Мне берег рассмотреть!..

Есаул подает трубу.

АЛЕНА
(подыгрывая)
Опять ты в лодке?
Начнем потеху!..

ЕСАУЛ
Слушай, атаман,
Я слышу голос чей-то!..

ЧИКА
Приглядись,
Быть может, видишь что-нибудь?..

ЕСАУЛ
Кажись,
Коряга, мужики!.. Торчат рога!..

МАМАЙ
То не коряга, атаман,— яга!..

ФЕДОР
Остановитесь!..

ЕСАУЛ
Не пугай — нас много!..

ФЕДОР
Вы проклянете сослепу и Бога!..

МАМАЙ
Она являлась птицей и русалкой!..

АЛЕНА
…Что с вами?.. Федор!

МУРЗА

По хребтине палкой!

(Бьет Федора.)

Федор падает.

АЛЕНА

Я — чародейка?..

ЧИКА

То-то и оно!..

ЕСАУЛ

Ни шагу, ведьма!.. Мы прочли письмо!

АЛЕНА

Ах, вот как! Значит…

МАМАЙ

Подожги фитиль
Бесовским действом!

ПРОРОК

Волгу возмути!

МУРЗА

Иль меч сломай!

ЧИКА

Иль в лошадь обратись!

МАМАЙ

Или над нами в ступе прокатись!

МУРЗА

В святую воду обрати вино!..

ЕСАУЛ

Хотим твое увидеть волшебство!

АЛЕНА

(вырвав меч у Есаула)

…Когда вбивали в землю, словно столб,
И молотили, как молотят сноп,
Когда вели сквозь адовы круги,
Я понимала это — там враги!..
Но вы-то!.. Вы!..

ЧИКА

Не купишь нас за грош!..

АНИКА

(останавливая остальных)

Побесновались, братцы,— и хорош!..

АЛЕНА

Вы — чернозем отменный!..

МАМАЙ

Меру знай!

АЛЕНА

Чем вас засеют — то и пожинай!
И так уж повелось из года в год:
Не дай вам Бог — случится недород!

О Боге и о вере говоря,
Собою вы удобрите поля!..
Бунт и смирение — два глаза ваши,
Один уснет, другой уже на страже!..
Вам сахарные видятся чертоги —
А там костры!.. Вы думали о Боге,
А то — диавол! Вам порою мнится…

МАМАЙ

Молчи, анафема!

ПРОРОК

У, еретица!..

ЕСАУЛ

У, чародейка, как огонь, слова!..

АНИКА

А если вдруг окажется права?..
Чего развякались?!

ЧИКА

Как не кричать?
Бумага царская, а в ей — печать!..

АЛЕНА

Вот тут-то убедить вас и сумей-ка,
Коль есть печать, все ясно — чародейка!
(Бросает меч.)

МАМАЙ

Глядите, хвост!..

ЕСАУЛ

Да пусть меня искрошат,
Коли совру,— ведь это, братцы, лошадь!
Неси уздечку!..

МУРЗА

Где хомут?

ПРОРОК

Поклажа?..

ЧИКА

На ей пахать бы враз!..

МАМАЙ

Где кнут и сажа?..

Связывают **Алену**.
Надевают уздечку и мажут сажей.

ЕСАУЛ

Бери иконы, мужики!.. Кресты!..
Пойдем на покаяние!..

ФЕДОР

(вставая)
Эй, ты!
Кончай юродствовать! Ах ты, поганка!..
…Вы что, родимые?!

ЕСАУЛ

Заступник! Глянь-ка!..

АНИКА

Он атаман наш!..

ЧИКА

Да о ком печется?!

ЕСАУЛ

В одну упряжку их!..

МАМАЙ

А нам зачтется!..

Связывают **Федора**, мажут сажей.
Появляются иконы и хоругви.

ЕСАУЛ

С великим плачем двинем в Арзамас
Во искупление греха! И нас
Простит Всевышний!..

ФЕДОР

Ты прости меня
За все, Алена!.. Ирода кляня,
Святую прокляли… Заря горит
Над Арзамасом!

АЛЕНА

Бог тебя простит!..

Разинцы идут крестным ходом.

10. КОСТЕР

Монастырь.
Алена прикована к стене.
Рядом — **Софья**.

АЛЕНА
Иди, княжна!.. Тебе такие страсти
Глядеть нельзя.

СОФЬЯ
Ты тоже жаждешь власти!..
А те, что жаждут, знаю, без вины
На муки страшные обречены…
Ниспосланы нам Господом Христом
Кому-то плаха, а кому — престол!..
Но то без разницы!..

АЛЕНА
И по ночам
Кому вериги, а кому парча
Стыд прикрывают равно…

СОФЬЯ
Росомаха!..
От первого стрельца до патриарха
Все! Все мои!..

АЛЕНА
Твои! Торгуешь бойко!..
Ковром стелиться к трону!.. И не больно!..

А высоко ли ценят низкий труд?

СОФЬЯ

Не беспокойся — скипетр дадут!
Доносится стук топоров.
Не забывай, что ты идешь в костер!

АЛЕНА

Я знаю, что не в ангельский шатер!
Что заждались все адовые псы
И дьяволы земные… Так лисы
Охотники в загоне ждут, чтоб взять
Не тело и не душу — шкуру снять
И шубу сшить для царского двора,
Чтоб ты блистала в ней…

СОФЬЯ

Тебе пора!
Будь проклята!..

АЛЕНА

Благословенна будь,
Ведь нас с тобой одна вскормила грудь…
Русь — наша мать!..

Появляется **Убогий**.
В его руках зеленая ветка.

УБОГИЙ

Глянь, чудо! Проросла!..

СОФЬЯ

Что?

УБОГИЙ

Виселица… листьями пошла!..
Я поливал ее!

СОФЬЯ

Напрасный труд!

Софья уходит.

УБОГИЙ

Но ведь живое дерево не жгут!

АЛЕНА

Ты будешь жить!.. Жить!

УБОГИЙ

Но не жгут живое!..
Жить, говоришь… А что это такое?

АЛЕНА

Убогий, кто ты?.. Отлученный бес
Или хранитель, посланный с небес?
На шее цепь, как на руке кольцо…

УБОГИЙ

Нет!.. То, что видишь,— это не лицо!..
Да и зачем?.. Так повелось в народе:

Все воду пьют, а кто глядит в колодец?!.
Смерть затаилась у меня под боком,
А ты считаешь, что хожу под Богом!
Да только я и Богу не угоден —
Вот ты в цепях, но разве я свободен?..
Нам кажется, что истина открыта:
Живые отвечают за убитых,
Но есть беда страшнее лжи такой —
Не разобрать, кто мертвый, кто живой!..
Я к человеку ближе, а не к Богу.
Людей встречал я много, много, много…
Но Человека нет!.. Есть только завязь!..
За что ж у них ко мне вскипает зависть?..
Из мира в мир на землю раз пришедши,
Что знали б вы без нас, без сумасшедших?!.
Спаси меня!..

АЛЕНА

Убогий!..

УБОГИЙ

Да!.. Убогий!..
Я нищ и гол! Мне много нужно… Много!
И ничего не нужно мне!.. Не то —
Из множества родится вдруг ничто!..
Не шел за указующим перстом,
Хоть батогом учили и крестом!..

АЛЕНА

Убогий мой!..

УБОГИЙ

Я умоляю слезно —
Прости меня!..

АЛЕНА

Мы прозреваем поздно.
Свет днем зовем, а он — темнее ночи!..
Себя не знаем, а другим пророчим!
В нас стон земли, в нас вопли тишины…
Мы в этом мире все оглушены
И оттого научены от века,
Объемля мир, не видеть человека!..
Добро творить… Здесь надобно уметь…
Избавь от муки… Принеси мне смерть!..
Вон на стене священный меч висит!..
Сними его, а Бог тебя простит!
Ударишь — и погашена свеча!..

УБОГИЙ

Как я давно не поднимал меча…
Хмельное счастье голову кружит…
И сердце твердо… А рука дрожит…
Я не могу!..

АЛЕНА

Ты задолжал мне смерть,
Нож отведя однажды!

УБОГИЙ

Ты не смей,
Не смей об этом мне напоминать!

АЛЕНА

Долги, убогий, надо отдавать!..

УБОГИЙ

(приближаясь к ней с мечом)

Молись!..

Появляются **Маркел** и **Кирилл**.

МАРКЕЛ

Убогий, не было греха,
Так голову отрежь у петуха,
А еретиц не трогай!..

(Кириллу)

Мать зови!..

Кирилл уходит.

Ты погляди, и так весь пол в крови!
А надобно без крови, чтоб души
Не повредить ее!..

(Наступает на Убогого.)

УБОГИЙ

Не согреши!..
Остановись!

МАРКЕЛ

Зачем чинить урон?..

УБОГИЙ

Иди ищи богатых похорон!..

Появляются **Игуменья** и **Кирилл**.

КИРИЛЛ

Хотел убить!..

ИГУМЕНЬЯ

Повесь на место меч!
Оружие-то надобно беречь!..

УБОГИЙ

Подите все!..

ИГУМЕНЬЯ

Держи его!..

Вбегают два **Монаха**.
Бьют **Убогого**.

Жарь… Жарь!..
Ломайте руки!..

ПЕРВЫЙ МОНАХ

Не дается, тварь!

АЛЕНА

Остановитесь!..

ИГУМЕНЬЯ

Да в колодки ноги!..

АЛЕНА

Побойтесь Бога!.. Это же — убогий!
Он не хотел!..

УБОГИЙ

Не защищай! Пусть… пусть…
Пусть поглумятся!..

ИГУМЕНЬЯ

Экий златоуст!..
Не помышляй ученьем сатаны!..

Появляется **Патриарх**.
Воспользовавшись замешательством **Монахов**,
Убогий убегает, прихватив с собой
топор, оставленный **Маркелом**.

ПАТРИАРХ

Снимите еретицу со стены!
Маркел и Кирилл освобождают Алену.
Оставьте нас… Я должен причастить
Ее к делам Господним!..

Алена и **Патриарх** остаются одни.

АЛЕНА

О делах
Не время говорить здесь, патриарх!..
Жизнь коротка моя… А ты, как тать,
Пришел последний свет в окне отнять,
Мне не оставив ничего!

ПАТРИАРХ

Взамен
На жизнь на вечную, где ни измен,
Ни смут, ни потрясений, ни костров!
Но ты себя достойно приготовь
Взойти туда… Не каждому даны
Ключи от рая… Козни сатаны
Постичь не в силах Божьей мысли высь!..

АЛЕНА

Что нужно от меня? Что?..

ПАТРИАРХ

Отрекись
От ведовства, от блудни, от молвы!..
Ты веруешь?..

АЛЕНА

Я верую! А ты
Сам веруешь? Посечены одни,
Повешены другие… Тени их

Тебя не мучают?

ПАТРИАРХ

Ты о спасенье
Своем подумай, дочь… О вознесенье…

Стук топора.

АЛЕНА

Для смерти можно приспособить все,
И карусели — было б колесо!..

ПАТРИАРХ

Ты не страшишься казни?

АЛЕНА

С детства я,
Как сатаны, боялася огня…
И страшно мне…

ПАТРИАРХ

Грех на душу приняв
И покаянье вырвав из тебя,
Могу спасти!..

АЛЕНА

За что, отец?.. И где же
Такое видано?..

ПАТРИАРХ

Условья те же:
Твое согласие!.. И вместо мук —
Блаженство, старица! Господних слуг
Заставлю имя выбелить твое!..

АЛЕНА

Над ним проклятье!..

ПАТРИАРХ

Трижды пропоем
Над ним прощение!.. Уедешь ты
В далекую обитель, где чисты
Озера полноводные, и сосны,
И храмы стоиконные, и росы
На меди колокольной…

АЛЕНА

Нет! Не минет
Здесь смерть меня!..

ПАТРИАРХ

Последнего аминя
Я не сказал еще, дотоль открыта
Не смерть тебе от церкви, а защита!..

АЛЕНА

Оставь меня!.. Оставь!..

ПАТРИАРХ

Есть Божья воля
Нам тех желать, что недоступны боле…
Князь ждет тебя для казни, но напрасно —

Я увезу тебя путем безгласным
От рук его!..

АЛЕНА

Ты погляди вперед:
Мне не прощенья — казни ждет народ!..
Не свято это.

ПАТРИАРХ

Что ж, и у вершин
Порой мы дело низкое вершим…
Нет ничего страшнее год от года
Теряющего веру в нас народа!..
Но пусть заботой дух твой не томится,
Мы на собор — другую еретицу!..

АЛЕНА

Не каждая сдержать способна муки!..

ПАТРИАРХ

Тогда мешок мы на голову кукле
Наденем — и в костер!.. А та не выдаст
Ни криком и ни стоном… Божья милость
К тебе сошла…

АЛЕНА

Не приложу ума:
Всесилен Бог, да попущений тьма!..
Кто научил тебя, тот бес иль вор,
Заместо смерти предлагать позор?..
И никому меня не уберечь:
Я шла в огонь, подняв для мести меч!..
На вас глядеть — вы правильны и строги,
Но я кричу вам:
— Вытирайте ноги,
Когда ступаете из храма в мир!..
Земля чиста!.. Не замутите росы!..
Не трогайте цветы!.. Девичьи косы!..
У слободских у нас закон простой:
Я схоронила Чуден Крест златой
В могиле мужа… Не копай межу!
Крест у кого — тому принадлежу!

ПАТРИАРХ

Тогда считай, что ты уже в дороге
В тот монастырь!..

(Достает Чуден Крест.)

АЛЕНА

Нет!

ПАТРИАРХ

С мыслями о Боге
Сбирайся в путь!..

АЛЕНА

И в темени могильной,
И в небесах — везде от вас погибель!
Я на костер иду, но ты-то — в пекло!..

Не вязко ли ногам твоим от пепла
Людей сожженных?.. Сгинь, лукавый, сгинь!
Будь трижды проклят!..

ПАТРИАРХ

На костер!.. Аминь!

Появляются: процессия **Священнослужителей**,
Софья, **Долгорукий**, **Дьяк** приказа Тайных дел,
Игуменья, **Маркел**, **Кирилл**, **Бабы**, **Мужики**, **Стрельцы**.
Вспыхивает огромный костер.
Появляется **Убогий** с цепями,
что были на **Алене**. Он страшен.

УБОГИЙ

Коль нет тебя, зачем на свете я?..
Горит огнем небесным вся земля!..
Не погасить его, пусть слезы льются!..
Нет человека — цепи остаются!
(Бросается в огонь.)

Костер вспыхивает ярче.
Маркел и **Кирилл** играют в бабки.

1973

БЕСТУЖЕВ –МАРЛИНСКИЙ

Драматическая легенда

…Белеет парус одинокой,
Как лебединое крыло,
И грустен путник ясноокой;
У ног колчан, в руке весло…

А. Бестужев-Марлинский
«Андрей, князь Переяславской» (1827–1828)

Очень жалею об издании Андрея — это отбивает и впредь всякую охоту писать на ветер. Другие будут пользоваться плодом моих трудов, и можно расхищать меня стих по стиху, строку по строчке, как это, вероятно, случилось со 2-ю песнею Андрея. Впрочем, это во всем моя участь.

А. Бестужев-Марлинский Из письма к сестре 10 ноября 1828 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛЕКСАНДР БЕСТУЖЕВ, КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ,
ПЕТР КАХОВСКИЙ, АЛЕКСАНДР ОДОЕВСКИЙ,
СЕРГЕЙ ТРУБЕЦКОЙ,
АЛЕКСАНДР ЯКУБОВИЧ — декабристы
ЖУКОВ, КОРСАКОВ — офицеры
Н. И. ГРЕЧ, Ф. В. БУЛГАРИН — издатели
ЛЕНХЕН, жена Булгарина
ФОН ДЕЗИН, капитан русской армии
НАТАЛИ, его жена
РОЗЕН, генерал-адъютант,
командующий экспедиционным корпусом
ДАРЬЯ УХТОМСКАЯ, княжна
АНЯ, ее дочь
ОЛЬГА НЕСТЕРЦОВА, дочь унтер-офицера
ГЕНЕРАЛ
ВАСИЛЬЕВ, комендант крепости
ГОСТИ в доме Н. И. Греча

Действие происходит в 20-е и 40-е годы XIX века в России.

Над вымыслом слезами обольюсь.

А. С. Пушкин

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1. 1

Декабрь 1825 года.
Большой зал в доме преуспевающего
петербургского либерала - издателя **Н. И. Греча.**
Вечер. Собираются гости.
За игральным столиком **Булгарин,**
его жена **Ленхен**, **Генерал**, **Дамы**.
В стороне — пять кресел, на которых сидят:
Рылеев, **Каховский**, **Одоевский**, **Трубецкой**, **Якубович**.
Часть **Гостей** танцует.

За игральным столом

ГЕНЕРАЛ

Скончался император! Шутка ль в деле?
А им все танцы. Танцы да дуэли.
Мы не были такими. Нет и нет.
Кто принесет Отечеству обет
Спасения?

БУЛГАРИН

Увы!.. В суровый час
Одна надежда, генерал, на нас,
На либералов.

ГЕНЕРАЛ

Сколько помню я —
Смерть императоров служила нам
Сигналом к действию.

ГРЕЧ

Свои права
Мы отстоим. Республика у нас —
Вопрос решенный.

БУЛГАРИН

Но переворот,
Идущий снизу, принесет стране
Лишь разорение. Нужны реформы
И конституция. Иначе мы

Не выживем как нация.

ГЕНЕРАЛ

Мы все
За конституцию пойдем на плаху.

В креслах

РЫЛЕЕВ

Сказать: «Вперед!..» — и разорвать рубаху.
Прикрыться фразой ловкой, как щитом.
Поговорить и кончить все на том.
Безвременье… Что может быть страшней
Для Родины?.. Да, Александр мертв!
Да, Константин взойдет на трон!.. А где,
Где наши идеалы?.. Где она —
Республика Российская?.. Увы,
Ни конституции, и ни свободы…
Одни слова, а где поступки наши?
Мы упустили случай… Больше он
Не повторится.

ОДОЕВСКИЙ

Царская семья
И свита присягнули Константину.

ТРУБЕЦКОЙ

Но есть же завещание. А в нем
Назначена корона Николаю.

РЫЛЕЕВ

Что предлагаешь?

ТРУБЕЦКОЙ

Если Константин
Откажется от трона, Николаю
Не присягать, пока не примет он
Условий.

РЫЛЕЕВ

Ну, а если Константин
Короны не отринет?

ОДОЕВСКИЙ

Мы тогда
Отложим действия на два-три года.
Войдем в Сенат, чтобы занять посты
Высокие, и сможем победить
Не мятежом, а требованием.

ЯКУБОВИЧ

Так!
Вы ретируетесь?

РЫЛЕЕВ

Нам ничего
Не остается больше. Надо ждать.

ЯКУБОВИЧ

Диктатором назначен Трубецкой.

Пусть он решает.

ТРУБЕЦКОЙ

Если присягать
Назначено нам будет Николаю,
Мы выведем мятежные полки
На площадь.

КАХОВСКИЙ

Господа, назначьте мне,
И я убью царя!

РЫЛЕЕВ

Не горячись.
Как общество решит, тому и быть.

КАХОВСКИЙ

Решайте. Я на все готов.

РЫЛЕЕВ

Нам царь
Единый Константин, и, если он
Не отречется от престола, мы
Отложим действия и станем ждать
Распоряжений Трубецкого.

ЯКУБОВИЧ

Так!..
На два-три года отложить, а там
И навсегда.

РЫЛЕЕВ

Друзья, но жребий наш
Нам выпадет еще, я в это верю!

* * *

В зале

ГРЕЧ

(встречая гостей)

Кто к нам идет!.. Глазам своим не верю.
Калоши и политику за дверью
Прошу оставить!

(Хохочет.)

ДЕЗИН

Нынче так и должно!

НАТАЛИ

Не беспокойтесь, сударь. Мы надежны.

ДЕЗИН

Не грех о том напомнить лишний раз.

ГРЕЧ

Рад искренне.

НАТАЛИ

Чем угостите нас?..
Мицкевичем иль Пушкиным?

ГРЕЧ

Их нет
В столице нынче. Посему обед
Вам предлагаю из имен иных.

ДЕЗИН

(в сторону)

Ждать одного, а называть других.
Вот женщина!..

НАТАЛИ

Мне это интересно!..

(Дезину)

Представьте, кто здесь?..

ДЕЗИН

Светские повесы,
Не более.

НАТАЛИ

И все же…

ДЕЗИН

У колонн
Поэт Рылеев, что-то шепчет он
Одоевскому.

НАТАЛИ

Вижу.

ДЕЗИН

Чуть поодаль
Каховский, Якубович… Эти оба
Носители бесовских тайных дум.
Не ожидал, что здесь я их найду…

НАТАЛИ

Какие нынче тайны?.. Это глупо.

ДЕЗИН

В России все — иль общество, иль группа.
Нет подсудимых более. Все судьи!..
Вон за столом достойнейшие люди:
Булгарин, автор самых чудных песен,
Его жена…

НАТАЛИ

Кто ходит между кресел?

ДЕЗИН

Князь Трубецкой. Он тоже вам не нужен,
Вы ищете другого.

НАТАЛИ

Что?

ДЕЗИН

О муже
Не помните. Вы позабыли цену
Себе, княжна!..

НАТАЛИ

Вам бы сейчас на сцену

С такою ревностью!

ДЕЗИН

Кто дал вам право?..

НАТАЛИ

Но, извините, здесь не мелодрама!
Я знаю, вы не спите по ночам —
Сражаетесь с тенями!

ДЕЗИН

Я молчал…

НАТАЛИ

Молчанье — золото, а не беда,
Так говорите же…

ДЕЗИН

Молчал, когда
Я сам читал расписанные четко
Вперед на две недели ваши вальсы,
Обещанные офицерам. Там
Фамилий было много, но на днях
Вы исписали перья и чернила
Одной фамилией, а это, друг,
Уже опасно!

НАТАЛИ

Не плетите кружев.
Скажите, кто он?..

ДЕЗИН

Капитан Бестужев!

НАТАЛИ

Какая чепуха!.. Побойтесь Бога.
Прочли лишь имя, и уже тревога!

ДЕЗИН

Вы любите его.

НАТАЛИ

Шутите в меру.

ДЕЗИН

Я не шучу. Я вызову к барьеру
И пристрелю его, как зайца!

Входит **Бестужев**.

НАТАЛИ

Ну же,
Спешите!.. Вот он!..

ГОЛОС

Александр Бестужев!

Бестужев кланяется всем
и подходит к **Натали**.

БЕСТУЖЕВ

Я красотою вашею сражен!

ГРЕЧ

(Булгарину)

Явился демон. Берегите жен!

ЛЕНХЕН

Бонжур, мон шер!..

ГЕНЕРАЛ

Майн фройнд!..

БЕСТУЖЕВ

Помещик курский,
А слова не произнесет по-русски.
Спасибо небу — сбросили парик!

ЖУКОВ

Позволь, я это запишу в дневник…

БЕСТУЖЕВ

(иронически)

Лишь для истории!..

ЛЕНХЕН

(восхищенно)

Каков ответ?

БУЛГАРИН

Хвастун, каких еще не видел свет,
И завирашка.

ГОСТЬ

Времена не те!..
Никто не скажет слова в простоте.
Все пишут, пишут…

ГЕНЕРАЛ

Сечь их надо!.. Сечь!
А их печатают. И кто?.. Сам Греч —
Хозяин дома!

ГРЕЧ

(о Бестужеве)

Вот мой протеже.

(Бестужеву)

Стихи прочтите!

БЕСТУЖЕВ

Я не Беранже,
Чтоб развлекать.

ГРЕЧ

Не вижу, брат, азарта
Всегдашнего.

БЕСТУЖЕВ

Я только из театра…

ГРЕЧ

Как вам спектакль?.. Я не поклонник, право,
Его таланта. Но, однако, «браво»
Кричал, как все, хотя в душе следа
И не осталось.

БЕСТУЖЕВ

Это не беда!
Судьба Отечества легла на карту,
А что мы видим — Невского, иль Спарту,
Иль славу Новгорода вечевого,
Иль вечный Киев — русскую основу,
Бородино, Кутузова?.. Да где там!..
Дают Шаховского «Урок кокеткам»,
Нас поучать любви стараться рады
Времен елизаветинских кастраты.
Театр, увы, не праздная забава —
Целитель нации или отрава —
Одно из двух… Поверьте: видеть больно
Мне зал пустой… Еще больнее полный!
Вот то, чего нам следует бояться:
Когда душе нет сил сопротивляться,
Когда она обманута искусно,
Воспринимает пошлость как искусство,
И, не внимая никаким заветам,
Пьет яд и улыбается при этом.

ГРЕЧ

Другой репертуар театру нужен.
Вы правы. Но стихи… Стихи, Бестужев!

БЕСТУЖЕВ

«На авторов давно прошла у знатных мода,
И лучший здесь поэт, честь русского народа,
Вовеки будет чтим с шутами наравне…
Источники забав от пресыщенья мутны.
Мы стары в двадцать лет, а в пятьдесят распутны…
Вы, кои прихотью затейливые музы —
Поэтов стран чужих куете в русски узы,—
Вы торжествуете! Вам дерзновенье щит,
Вкус ложный царствует, талант — в пыли лежит…
Теперь Глупениус взял верх над Княжниным,
И Мевия зовут Горацием вторым…»
Глядим спектакль бессмысленный, бесполый,
Стыдясь признаться, что король-то голый.
Дух нации забыт, и путь потерян,
Народ в неведенье, и двор растерян.
Россия ждет спасительного слова,
Театр ее обманывает снова.
Закрыть глаза, бежать куда попало,
Когда бы к залу — то не прилипало!..
Когда бы те безродные мессии
Не обезволивали нам России.

* * *

За игральным столом

БУЛГАРИН

Стихи, скажу вам, верный капитал.
С Рылеевым он свой завел журнал.

ГЕНЕРАЛ

Писать стихи — ненужные затраты
Души.

ДЕЗИН

Должно быть, проигрались в карты,
Вот и стараются.

БУЛГАРИН

Нет, вы не правы.
Они богаты. Не хватает славы.

ГРЕЧ

Но гениев в России нет. Увы,
Нет мучеников. И репертуар
Не есть бессмертья книга.

БУЛГАРИН

Нам в бою
Не страшно умереть, но Бог избавь
Произнести иль написать хоть слово
В защиту справедливости… Да, да!
От слова смерть принять, а не от пули
Мы не готовы!.. Генерал, ваш ход!

* * *

В зале

Ленхен подходит к Бестужеву.

ЛЕНХЕН

Где это вы пропали, ловелас?

БЕСТУЖЕВ

Свидетель Бог, искал в театре вас.

ЛЕНХЕН

А почему, друг мой, не на Луне?

БЕСТУЖЕВ

Так высоко взбираться не по мне.

ЛЕНХЕН

Вы возносились выше, дорогой.
Вас видели с «Полярною звездой»!

БЕСТУЖЕВ

Лишь в руки взял ее — остыли страсти,
И только свет остался мне на счастье.

ЛЕНХЕН

Но, Александр, не оправданье это,
Чтоб избегать совсем любви и света!..

БЕСТУЖЕВ

Хотелось силы приложить полезней…
(Отходит в сторону.)
Хотя в чем больше пользы?..

ГЕНЕРАЛ

Э… Любезный!..
Уж не любовь ли вас тревожит?

БЕСТУЖЕВ

Да.

ЛЮБОВЬ.

ГЕНЕРАЛ

Смиритесь. Это не беда.

БЕСТУЖЕВ

Любовь к Отечеству.

ГЕНЕРАЛ

Вы — патриот.
Но ныне не двенадцатый же год!

БЕСТУЖЕВ

Когда бы были патриотом вы,
Наполеону б не видать Москвы!

ГЕНЕРАЛ

(Васильеву)
Поэт, и только!.. Что с него возьмешь?!.

ВАСИЛЬЕВ

(сокрушенно)
И это, друг мой, наша молодежь!..

* * *

В креслах

РЫЛЕЕВ

Пора узнать, что думают в полках,
Кому там присягают.

ТРУБЕЦКОЙ

Константин
Взойдет на трон.

БЕСТУЖЕВ

Ты только нам скажи
Наверно, Конрад: будем ли искать
Мы пользы для Отечества иль нет?

КАХОВСКИЙ

Назначьте, я убью.

ОДОЕВСКИЙ

Но наша цель
Не истребить, а преобразовать
Правительство.

КАХОВСКИЙ

Вы — филантропы. Все!

ОДОЕВСКИЙ

Предпринимать переворот… Решать
Народов судьбы… Может быть, народ
Не ищет лучшего, а мы ему
Насильственно несем свои идеи
И конституцию.

РЫЛЕЕВ

Но никогда
Народ не знает блага своего…
(Каховскому)
Убей меня, коли служить начну
Себе, а не Отечеству.

КАХОВСКИЙ

Прости,
Я понимаю…

ТРУБЕЦКОЙ

Неизвестно, чем
Все это кончится. Скажу одно,
Что прежнего не будет.
(заметив подходящего к ним Генерала)
Господа,
К нам — генерал.

ГЕНЕРАЛ

Вы что уединились?
С тех пор, как в этот мир сошел Адам,
Не оставлял он без присмотра дам.

Доносится музыка.

Вальс, господа!

* * *

В зале

Несколько пар начинают танец.
Бестужев подходит к **Натали**.

ЛЕНХЕН

Зачем он к ней идет?

ЖУКОВ

Он ищет приключений.

ВАСИЛЬЕВ

И найдет!
Недаром иглы дал Господь ежу!

ЖУКОВ

(в стороне, с дневником)

Какая мысль!.. Я это запишу!

НАТАЛИ

Я думала, вы не решитесь… Каюсь.
Вы смелый человек.

БЕСТУЖЕВ

Не сомневаюсь.
Быть смелым — офицера ремесло.

НАТАЛИ

О, как бы вас, друг мой, не занесло!

БЕСТУЖЕВ

А быть решительным — стезя поэта.

НАТАЛИ

Я восхищаюсь вами. Танец этот
Вам может стоит жизни, капитан.

БЕСТУЖЕВ

Жизнь — самый ненадежный капитал,
Зачем беречь?

НАТАЛИ

Что вы хвастливы — все
Здесь говорят.

БЕСТУЖЕВ

Я нахожу в овсе
Пшеничное зерно!.. Туза рисуя,
Стреляю, дорогая, в пулю — пуля!..
Кидаю нож отменно…

НАТАЛИ

(игриво)

Боже мой,
Я чувствую уже себя вдовой.
И щеки от волнения горят!..

БЕСТУЖЕВ

(серьезно)

Об этом весело не говорят.

НАТАЛИ

(после паузы)

Вы смерти ищете?

БЕСТУЖЕВ

Почту за честь.

НАТАЛИ

Зачем, скажите?..

БЕСТУЖЕВ

Остальное есть.

НАТАЛИ

Шутник.

БЕСТУЖЕВ

Есть дым. Не видно лишь огня.
Где тот, который вызовет меня?

НАТАЛИ

Но я люблю вас.

БЕСТУЖЕВ

Не пройдет и года —
Забудете. Любить меня здесь мода
Скорей, чем чувство.

НАТАЛИ

Что в нас от природы
Сильней: любовь иль просто чувство моды,
Нам неизвестно!

БЕСТУЖЕВ

Вы сдались уже!
На все есть мода. Мода на мужей,
На шляпки, платья, на любовь народа…

НАТАЛИ

Скажите, разве умереть не мода?
Все стало модным с некоторых пор.

Танец окончился.

БЕСТУЖЕВ

Оставим, дорогая, этот спор.
Надеюсь, мы увидимся и мило
Договорим.

НАТАЛИ

Я стану ждать.

БЕСТУЖЕВ

Взаимно.

* * *

В креслах:

ЯКУБОВИЧ

Я мстить царю приехал. У меня
Есть голова своя… Пускай худая,
Но голова… Да, император умер.
Вы отняли его!.. Я не свершил
Ни подвига, ни мести… Ни одна
Инструкция мне не закон!

РЫЛЕЕВ

Прости,
Но революция…

ЯКУБОВИЧ
(прерывая)
Солдатам дай
Кабак на разоренье и веди
С хоругвями против тирана… Всё
Они с пути снесут.

Якубович уходит.

ОДОЕВСКИЙ
Но это — бунт.
Насилие!..

ЧЕЛОВЕК ХОЗЯИНА
(подходит с запиской к Бестужеву)
Простите, капитан.
Просили передать.

Бестужев берет с подноса записку. Читает.

* * *

В зале:

ГЕНЕРАЛ
Когда есть цель,
То есть и средства.

БУЛГАРИН
(показывая на Бестужева)
Вот вам и дуэль.

НАТАЛИ
Я не позволю!.. Я…

БУЛГАРИН
И это — Русь!

ДЕЗИН
(Натали)
Я с шалопаями и не дерусь!

НАТАЛИ
Напрасно! Вы расстроили меня…

ДЕЗИН
Но мести я своей не отменял!

Бестужев подходит к **Даме**,
стоящей в стороне.

БЕСТУЖЕВ
Чему обязан?

Дама открывает лицо.
Это **Дашенька Ухтомская**.

Боже мой! Здесь?.. Вы?..
Какими судьбами?.. Как?..

УХТОМСКАЯ

Из Москвы.
Кареты есть в наш просвещенный век.

БЕСТУЖЕВ

Я счастлив!

УХТОМСКАЯ

Вы… вы — низкий человек!

БЕСТУЖЕВ

НО, ДАШЕНЬКА…

УХТОМСКАЯ

Вы обманули нас.

БЕСТУЖЕВ

Я связан… Связан. Но наступит час
Победы нашей, и тогда, поверьте…

УХТОМСКАЯ

Любовь всегда предполагает жертвы,
А вы хотите, как двуликий бог,
Иметь и то, и это!

БЕСТУЖЕВ

Я не мог
Предать людей, с которыми…

УХТОМСКАЯ

Довольно.
Приходится кому-то делать больно,
Без этого нельзя.

БЕСТУЖЕВ

Я вас люблю,
Но есть дела, которые…

УХТОМСКАЯ

Молю,
Не надо лгать… Я, презирая робость,
Вошла сюда… Забыла честь и гордость,
Чтоб видеть вас…

БЕСТУЖЕВ

(приглашая ее на танец)
Так сделайте мне милость.

УХТОМСКАЯ

(отказываясь)
Нет. Ничего у вас не изменилось.

БЕСТУЖЕВ

Прошел лишь год. И не моя вина…

УХТОМСКАЯ

За год, друг мой, окончилась война
С Наполеоном. Вы же, дорогой,

Войны не кончили с самим собой.
Вы мучили меня…

БЕСТУЖЕВ

Все это так…
Но если б знать, кто друг в тебе, кто враг,
Что честь велит, а что тщеславье шепчет.

УХТОМСКАЯ

Мне, дорогой, от этого не легче.
Но разве в мир нельзя идти вдвоем?

БЕСТУЖЕВ

Мир — крепость! Та, которую берем
Лишь одиночеством.

УХТОМСКАЯ

Еще нелепость!
Вы сами и придумали ту крепость.
Вы водрузите, падая в крови,
Знамена над руинами любви…
Но что венок победы за труды,
Когда другим достанутся плоды?

БЕСТУЖЕВ

Вы правы, милая…

УХТОМСКАЯ

Не лгите… Вы
Не любите меня…

БЕСТУЖЕВ

Люблю!

УХТОМСКАЯ

Увы!
Вам слава кружит голову!

БЕСТУЖЕВ

Хотите
Меня обидеть… Знайте, вы мне льстите!

УХТОМСКАЯ

Что за стихи у вас?.. Что за сюжеты?
Все слышаны сто раз. Все перепеты,
Ни для ума они, ни для души…

БЕСТУЖЕВ

Вы — умная… Кто это вам внушил
Отчаянье?

УХТОМСКАЯ

Вы б лучше были немы!

БЕСТУЖЕВ

…За взгляд один отдам вам все поэмы,
Весь свой талант…

УХТОМСКАЯ

Какая жертва! Мне ли?
Тогда зачем вы ищете дуэли?
Вы в провиденье верите? Иль просто
Забавы юности? Болезни роста?

Да! У барьера вы всегда в ударе.
Все ездят на одной. Нет, вы — на паре!
Все бьют сидящих птиц, вы бьете влет,
И дальше, думаете, так пойдет?
Пусть вечен Север, но не вечен снег,
Но я люблю вас, дикий человек!
Пусть мы расстанемся… Люблю…

БЕСТУЖЕВ

…Не верьте,
Когда вы вдруг услышите о смерти
Моей!.. А что касается до книг,
Пока вы есть, я жив и я велик!
Я вас люблю! И знайте это впредь —
Я раньше вас не смею умереть.

УХТОМСКАЯ

Прощайте!..

БЕСТУЖЕВ

Что?!. Вы мне, должно, приснились.
Вы ль это, Дашенька?..

УХТОМСКАЯ

Мы объяснились.
Оставьте.

Бестужев целует ей руки.

Этого я не прошу…
(Вдруг целует Бестужева.)
…Будь счастлив!..

БЕСТУЖЕВ

Нет. Я вас не отпущу.

УХТОМСКАЯ

Вас ждут друзья. Они идут сюда,
Всевластные.

БЕСТУЖЕВ

Сейчас иль никогда!..
Любви одной над нами вечна власть.
Все остальное лишь порыв и страсть.
Чтоб в море плыть, пора концы рубить!
И я не мог им раньше объявить,
Но час настал… Сейчас мы скажем им,
Что обвенчаемся, что…

ЯКУБОВИЧ

(вбегая)
Константин
Престола не приемлет.

БЕСТУЖЕВ

Мы с тобой
Друг друга любим!.. Господа!..

РЫЛЕЕВ

Постой!

БЕСТУЖЕВ

Позвольте объявить вам, господа…

ЯКУБОВИЧ

Прости, Бестужев.

(Ухтомской)

Извините…

БЕСТУЖЕВ

Да…

Ну, что еще?..

ЯКУБОВИЧ

Скажу лишь то, что знаю:
Назначена присяга Николаю
На площади…

РЫЛЕЕВ

Когда же?..

ЯКУБОВИЧ

Декабря
Четырнадцатого…

КАХОВСКИЙ

Сего царя
Мы не желаем!..

ЯКУБОВИЧ

Воцаренье — факт!

УХТОМСКАЯ

Ах, Саша!..

БЕСТУЖЕВ

Погодите…

УХТОМСКАЯ

Как же так?..

БЕСТУЖЕВ

Сейчас… Простите…

(Подходит к Рылееву.)

Конрад! Ты меня
Имеешь право презирать!.. Да, да!..
Не удивляйся!

РЫЛЕЕВ

Что ты говоришь?
Знак подан. Обстоятельства ведут
К началу действий.

ОДОЕВСКИЙ

Только, господа,
Давайте без насилия!

ТРУБЕЦКОЙ

Мой план.
Поднимем полк, а с ним — второй, а там,
Бог даст, и третий… От полка к полку
Так и пойдем.

РЫЛЕЕВ

Нет! Это будет долго.

ТРУБЕЦКОЙ

Необходимо первый полк поднять,
А дальше все пойдет само собою.

РЫЛЕЕВ

Нет! Надо сразу всем полкам идти
К Сенату!

ЯКУБОВИЧ

Сколько их у нас?

РЫЛЕЕВ

За два
Наверное ручаюсь. Лейб-гвардейский,
Да и Московский.

БЕСТУЖЕВ

Надо подойти
И к Зимнему.

ОДОЕВСКИЙ

Избави Бог тебя
От искушения. Святое место
Должно святым остаться. Солдатне
Не место там.

РЫЛЕЕВ

Но крепость захватить —
Наш долг.

ТРУБЕЦКОЙ

Нет. Это нас разъединит.

КАХОВСКИЙ

Но мы должны всех истребить затем,
Чтоб замешательств не было.

ОДОЕВСКИЙ

Давай
Без крови, братец.

КАХОВСКИЙ

Друг мой, революций
Без крови не свершается!

ОДОЕВСКИЙ

Умрем!..
Как славно мы умрем!

РЫЛЕЕВ

Быть может, в том
И назначенье наше!

ТРУБЕЦКОЙ

Господа!
Не следует держаться крайних мер,
Когда вы не уверены, что вас
Поддержат все солдаты.

БЕСТУЖЕВ

Я хочу
Не рассуждать, а действовать.

ТРУБЕЦКОЙ

А вдруг
Нас выйдет мало… Что мы сможем сделать?

БЕСТУЖЕВ

Что? Умереть!.. А это, князь, немало.

РЫЛЕЕВ

Коль не пройдем, отступим… Но потом
Вновь на столицу двинем.

ЯКУБОВИЧ

Не забудьте,
Сто тысяч войск на юге.

ТРУБЕЦКОЙ

Если мы
На площади Сената соберем
Значительные силы, я готов
Сенаторов заставить подписать
И конституцию, и отреченье
От трона.

ОДОЕВСКИЙ

Но где шансы на успех?

РЫЛЕЕВ

Успеха нам не будет. Это так.
Но потрясение необходимо. Пусть
Проснется, вздрогнув, царство, что века
Дремало!

ОДОЕВСКИЙ

Я не знаю…

РЫЛЕЕВ

Господа!
Ведь не откладывать же… Все равно
Правительство все знает.

ГОЛОСА

— Это как?
— Что знает?
— Что ты говоришь?

РЫЛЕЕВ

Нас всех,
Всех предали уже. Мы все равно
Обречены на гибель.

ТРУБЕЦКОЙ

Кто?

РЫЛЕЕВ

Ростовцев.

ТРУБЕЦКОЙ

Всех предал?

РЫЛЕЕВ

Он фамилий не назвал,
Но заговор раскрыл!
(Каховскому)
Любезный друг,

Ты сир и одинок на сей земле.
Ты должен, брат, пожертвовать собой.
Убей же императора.

(Обнимает Каховского.)

КАХОВСКИЙ

Да, да…
Я выполню…

ТРУБЕЦКОЙ

Я должен, господа,
Немедля ехать. Ждут дела.

РЫЛЕЕВ

Вы, князь,
Диктатор.

ТРУБЕЦКОЙ

Да. Я поведу войска.
Вы ж действуйте. Все поручаю вам,
Кондратий Федорович!

Трубецкой уходит.

БЕСТУЖЕВ

Поспешим
В полки! Пусть мы умрем, но никогда
Россия не забудет нас.

РЫЛЕЕВ

В полки!

Будущие декабристы уходят.
Бестужев, встретясь глазами с **Ухтомской**, стоит в нерешительности.

УХТОМСКАЯ

Вы только говорили мне о чести —
И что же?

БЕСТУЖЕВ

Извините… Эти вести
Все изменили.

УХТОМСКАЯ

Да, вам не до свадеб…

БЕСТУЖЕВ

Отложим, умоляю, только на день!

УХТОМСКАЯ

Я столько лет одно и то же слышу!

БЕСТУЖЕВ

Поймите же…

УХТОМСКАЯ

(прерывая)
Как я вас ненавижу!..

Ухтомская резко уходит.
Бестужев идет вслед

за ушедшими **Офицерами**.
За карточным столом
продолжается игра.

1. 2

Поздний вечер 14 декабря 1825 года.
Комната в большой доме.
У окна со свечой **Дашенька Ухтомская**.
Она не находит себе места.
Открывается дверь. На пороге — **Бестужев**.
Она его не узнает.

БЕСТУЖЕВ

Я это… я…

УХТОМСКАЯ

О, слава небесам…
Вы живы!.. Вы нашли…

БЕСТУЖЕВ

Не знаю сам
Куда иду… Зачем?.. Я ничего
Не знаю… Все теперь обречено.

Все кончено… Как видите, героя
Не получилось из меня.

УХТОМСКАЯ

Пустое!
Я рада, что вы живы. Для меня,
Наверно, не было страшнее дня,
Чем нынешний.

БЕСТУЖЕВ

Не стою я любви
И вашего участья…

УХТОМСКАЯ

Вы в крови.
Разденьтесь.

БЕСТУЖЕВ

(с иронией)

Вы омоете мне раны,
Как рыцарю… Но это рано, рано…
Мы все под взором строгого судьи.
Не раны это. Раны впереди.
Я вижу кровь свою не первый год.
И боль мою залечит эшафот.
Простите и прощайте.

УХТОМСКАЯ

Вы жестоки.
Несправедливы, как все ваши строки,
Когда не женщина, а меч — вам лира!

БЕСТУЖЕВ

Вам не понять. Вы из другого мира.

УХТОМСКАЯ

Я с вами… здесь.

БЕСТУЖЕВ

Вы — из другого века.

УХТОМСКАЯ

Мы — два живых… здоровых человека!..
Вы слышите меня?!.

БЕСТУЖЕВ

Я это с кровью
Все вырвал.

УХТОМСКАЯ

Я не верила, не скрою,
Что вы в том обществе…

БЕСТУЖЕВ

Нет больше, нет
Ни общества, ни общности.

УХТОМСКАЯ

Пять лет
Знать вас и ваших братьев поименно…

БЕСТУЖЕВ

Кровь на снегу осталась, как знамена,

Которые нам больше не поднять.

УХТОМСКАЯ

Как не могла я раньше вас понять,
Я вас уберегла бы…

БЕСТУЖЕВ

Кончен бал.

Ухтомская

Вы знали, что на смерть идете?

БЕСТУЖЕВ

Знал.

УХТОМСКАЯ

И что вы испытали нынче?

БЕСТУЖЕВ

Страх.
Уже знакомый… Помню, в юнкерах
Я видел, как дрались ямщики.
Разнять бы их… Нас — много. Нам с руки.
Вдруг кто-то громко выкрикнул: «Вперед!..»
Я в драку влез… один!.. Вокруг народ
И юнкера… Кричу им: «Как же честь?..»
Они: «На то городовые есть!»

УХТОМСКАЯ

Вас извиняет детства юный пыл,
Но как сегодня?..

БЕСТУЖЕВ

Я бы поступил
И завтра так, но двум смертям не быть.

УХТОМСКАЯ

Вам счастье — в смерти?

БЕСТУЖЕВ

Как хотелось жить!
Смотреть на воду. Целовать траву.
Вас видеть не во сне, а наяву.
И радоваться каждой корке хлеба.
И робкий стих вымаливать у неба!..
Но шел за мной, отбрасывая тень,
Несчастья моего счастливый день.
Он — кара! Да! И он — благодаренье.
Я пережил счастливые мгновенья.
Я счастлив был, носясь над войском сводным.
Отечество мне виделось свободным.
Достойных граждан видел я в поклоне
Пред Разумом, сияющим на троне.
Но Николай остановил часы!
Когда победы зыбкие весы
Склонились в нашу сторону, и миг
Все порешил… вдруг выстрелы, и крик,
И храп коней, и гул толпы людской…
Явись в тот миг диктатор Трубецкой
На площади, как указанье свыше,

Мы б смяли их… Мы ждали. Он не вышел.
Замкнулось все в каком-то страшном круге.
Запуган Моллер. Пестель взят на юге.
Терзается Рылеев. Я чуть свет
Привел свой полк, а Трубецкого нет!
А как близки мы были к нашей цели,
И вот — все схвачены.

УХТОМСКАЯ

Но вы-то целы!
И живы в вас и дерзость, и отвага.

БЕСТУЖЕВ

Мы все Отечеству желали блага.
И мне позором было бы укрыться
У вас, когда друзья сидят в темнице.

УХТОМСКАЯ

Спасибо, что со мной вы откровенны.
Вам стыдно… Боже!..

БЕСТУЖЕВ

Я одним из первых
Был у Сената!..

УХТОМСКАЯ

Вы о первенстве опять?!.

БЕСТУЖЕВ

Возмездье должен первым я принять.

УХТОМСКАЯ

Но разве вас о том друзья просили?
Зачем вам?

БЕСТУЖЕВ

Для спасения России.

УХТОМСКАЯ

Вы молоды. И жизнь вам дорога.
Вы жертвой не насытите врага.
Без кандалов и без повиновенья
Вы жили годы!

БЕСТУЖЕВ

Мы живем мгновенья,
Не годы, нет… когда, как высотой,
Захватывает дух нам красотой.
И что бы ни твердил железный век,
Ты лишь мгновенья эти — человек!

УХТОМСКАЯ

Зачем мгновений этих не беречь?..

БЕСТУЖЕВ

(вспоминая)

Туман сползает с обнаженных плеч
Моей любимой…

УХТОМСКАЯ

Помните?..

БЕСТУЖЕВ

Несли
Нас кони и копытами земли,
Казалось, не касались.

УХТОМСКАЯ

Дорогой…

БЕСТУЖЕВ

(прерывая)

Все это было в жизни… но в другой,
Какой уж нет…

УХТОМСКАЯ

Но есть над нами Бог!

БЕСТУЖЕВ

Над вами — Бог, а надо мною — рок.
Сама судьба смеется надо мной,
Но не ходил я по миру с сумой.
Теперь же сдаться должен без борьбы!..

УХТОМСКАЯ

Так станьте ж, Александр, сильней судьбы.
Еще не поздно. Вам неведом страх,
Свободен дух, и руки не в цепях.
Распорядиться можно как угодно
Своею жизнью!

БЕСТУЖЕВ

Сердце не свободно.

УХТОМСКАЯ

Без вас не жить мне.

БЕСТУЖЕВ

Даша, мне пора!
Я должен сам явиться до утра.
Не то сюда придут, ворвутся в дом…

УХТОМСКАЯ

Не догадается искать никто
Вас в стенах этих. Здесь все говорят
О святости кровавого царя.
Хотя с утра, часов до десяти,
Кумиром был великий Константин.

БЕСТУЖЕВ

Найдут иль нет, нам это неизвестно.
В Отечестве и нет такого места,
Где безопасно.

УХТОМСКАЯ

Что нам эти люди?!.
Что их закон, ведь мы друг друга любим!..
Так неужели, как огню в золе,
Нам не найдется места на земле?
Граница рядом!

БЕСТУЖЕВ

Нет другой земли.
И нет любви от Родины вдали.
Пусть смерть, но здесь!.. В герои я не метил,

Но пусть мне здесь наденут лучше петлю,
Чем там венок лавровый.

УХТОМСКАЯ

Здесь — забвенье,
Проклятие…

БЕСТУЖЕВ

Российские поленья
Пошли на плахи…

УХТОМСКАЯ

Нет. Не слышит он.

БЕСТУЖЕВ

Лежать в родной земле — не смерть, а сон.
Да, чуткий сон, дарованный нам свыше,—
Все понимать! Все чувствовать! Все слышать!..
И рядом быть, не покидая мглы,
С тем, кто не бросит дедовских могил.
Я вас люблю, но мне нельзя иначе.
Иду в костер, чтоб пламя было ярче!..

УХТОМСКАЯ

Опомнитесь, нельзя быть всюду первым!

БЕСТУЖЕВ

Прощайте!..

УХТОМСКАЯ

Я навеки буду верной
Лишь вам.

БЕСТУЖЕВ

Спасибо.

УХТОМСКАЯ

Александр…

БЕСТУЖЕВ

(прерывая)

Не надо
Ни слез, ни клятв!.. За все мне смерть — награда!..

Бестужев уходит.

1. 3

Каземат крепости.
Где-то высоко под потолком
то ли окно, то ли щель, в которую
пробивается серый луч света.
Комендант крепости **Васильев** вводит **Бестужева**,
на глазах которого повязка.

БЕСТУЖЕВ

Который это, братец, каземат?..
Не рядом ли с Никольскими вратами?
(Васильев снимает с него повязку.)
От света я отвык. Глаза болят.
Пожалуйста, прикрой окно.
*(Васильев открывает окно,
добавляя света.)*
Уважил…
Спасибо и на этом. Все здесь в дело —
Пытать и светом можно. Скольким ты
Глаза повыжег солнцем?.. Что? Молчишь…
Не отвечаешь. Может, нет тебя
И не было?
*(Васильев усаживает
Бестужева на табурет.)*
Ты человек иль ты
Немое привидение?
*(Васильев надевает
на Бестужева кандалы.)*
Цепями
Ты сковываешь руки, но они
И не опасны, брат. Преступна мысль,
Посаженная в каземат. Не тело,
А дух, что не подвластен палачам,
Зря ты пытаешься его сковать
Своим молчанием… Мысль без ответа
Не жизненна. Она больна… Больна!
А может, ты глухой?.. И вся Россия
*(Васильев ставит на стол
кружку и миску.)*
Глухонема и безответна, как
Вот эти стены, стул, тюфяк и кружка?!
(Прижимается ухом к кружке.)
Но и она, коль ухо приложить,
Мне отзывается каким-то шумом,
Пусть непонятным, но живым… Живым!
(Васильев наливает в кружку воду.)
Воды не пожалел, дружок, а соли
Недостает… Соль в каземате — роскошь.
Не так ли?
*(Васильев опрокидывает
банку с солью в миску.)*

Ты старателен… Поверь,
Ты быстро вверх пойдешь по службе. Есть
(Выливает баланду на пол.)
То качество в тебе, что так давно
Недостает империи… Его
Любовью к ближнему не назовешь…
Ты веруешь?..
(Васильев не обращает на него никакого внимания.)
О да… Иначе б ты
Со мною столько не возился здесь.
Доносятся удары часов.
Ты думаешь, на башне бьют часы?
Нет. Время, брат, давно остановилось.
Идет само Возмездие… И это
Доносятся его шаги… Вглядись —
Пять маятников у него в руке
Качаются… И убиенных хрипы
В груди его клокочут… Слышишь? Нет!
Ты ничего не слышишь. А ведь я,
Я должен был качаться с ними рядом.
Я — маятник такой же, как они.
(Мечется от стены к стене.)
Васильев уходит.
Я мертв без погребения. Во мне
Стучит, уже не протестуя, сердце.
О чем оно стучит?..
(Прислушивается.)
Ты жив… Ты жив!..
(Берет миску и царапает на ней ложкой.)
Я… жив… Бестужев!..
(Встает на табурет. Бросает миску в окно.)
Я сойду с ума…
Да отзовитесь же хоть кто-нибудь!
Слышны удары молотков.
Как в крышку гроба, кто-то каждый день
Вбивает в темя гвозди, а затем
Со скрипом их вытаскивает, чтобы,
Приоткрывая череп мой, взглянуть,
На месте ли покойник… Но я жив.
И сам в себе еще не похоронен.

Скрип дверных засовов.
Появляется **фон Дезин**.
За ним — **Васильев** с миской **Бестужева**,
которую он молча ставит на стол.

Фон Дезин!.. Старый друг!.. Дошла мольба
До Господа!..
(Кидается к Дезину.)

Дезин замирает, как статуя.

А я уже не верил…
Что с вами, друг мой?.. Заговор молчанья?
Ответьте только мне одно: где братья
И живы ли?.. Какой сегодня день?
(Фон Дезин молчит.)
Бог вам судья. Мне он свидетель. Вас
Не хлебом поделиться я прошу,
А только словом… Вещим, добрым, злым,
Возвышенным, ничтожным… Это слово
Дороже мне и хлеба, и похлебки…
Так говорите же хоть что-нибудь!..
(Фон Дезин молчит.)
Я не был арестован. Я пришел
Сам к государю, чтобы разделить
Друзей несчастных участь. Я пришел,
Чтоб умереть. И вы мне мстите!.. Вы!
Вы сделали предателем меня
В глазах друзей… Вы заронили в них
Сомнение: не может человек
Сам в петлю лезть… Но Человек все может
Во имя Родины: пойти в огонь,
Быть распятым, повешенным… Одно
Завещано Отечеством ему —
Не быть предателем!.. Я в Зимнем был.
Я видел императора, и я
Лишь об одном его просил — о смерти.
И в этом мне отказано. За что?
Да отвечайте же!..
(Фон Дезин молчит.)
Ведь вы пришли
Увидеть здесь мой труп. Я умер. Умер,
Чтоб ваше самолюбие потешить,
Польстить тщеславью вашему… И там
Скажите любопытствующим: «Я
Сам видел труп Бестужева…» И вы,
Быть может, не солжете в первый раз.

С довольной улыбкой на лице
фон Дезин уходит.
За ним уходит и **Васильев**.

Вот мой удел… О помощи взывать
И не дозваться… Этого ль я ждал,
Идя на площадь, вверив жизнь свою
Лишь провидению… И нет виновных,
Кроме самой Судьбы, в моей судьбе.
Закованным в невидимые цепи
Молчания ходить по кораблю
От борта к борту… цепи… якоря…
И снова цепи… Паруса и мачты…
Эй, все наверх!.. Я поведу корабль
К заветной бухте «Родина и Воля»!
Пусть ветер обрывает паруса,

Нам бури не страшны: все мачты целы!
Кто жив остался — полный ход вперед!..
Вот — счастье… Быть свободным и, руля
Едва касаясь, ждать земли, которой
Ты не увидишь больше никогда.
(Ходит по камере, «раскачивая» пол.)
Откуда эта качка?.. Ветра нет.
Не слышно бури, но не видно неба…
Откуда эти черные валы,
Несущие погибель?.. Нас на скалы
Несет неудержимо. Рулевой!
Держи корабль!.. Остановись!.. Но — поздно!..
…Разверзлись скалы — это пасть вселенной
Схватила нас… Уже скрежещут зубы
Огромные, как мира жернова,
В муку перетирающие вечность.
Так пощади же нас, великий Мельник!..
Спаси корабль Отечества!.. Спаси!
(В изнеможении выливает
себе на голову кружку воды.)
Не слышит Мельник!..
(Гладит стены.)
Может, эти скалы,
Холодные, молчащие веками,
Ответят мне? У всех есть голос свой.
(Стучит в стену кружкой.)
Ну, отзовитесь!..
Доносится ответный звук.
Я сошел с ума,
Иль мне они ответили!..
(Снова стучит и снова слышит ответ.)
Да!.. Камни,
Вы превращаетесь в людей, а люди
Становятся камнями и молчат.
Пусть разум мой мутится, я еще
Способен говорить… И, даст Господь,
Я научусь сам понимать ваш голос.
(Стучит и слушает ответ.)
Есть в алфавите место и число
У каждой буквы… Если сопоставить…
Разбить на группы… Боже, дай мне сил
И памяти… Я где-то это слышал
Или читал, что каждой букве… Да!..
Так и начну по буквам и по цифрам!..
(Медленно стучит, с трудом
выговаривая слова.)
Бестужев-Рюмин… Пестель… Муравьев…
Каховский и Рылеев… казнены…
(Обессиленный, падает, но,
услышав ответ, поднимается
и стучит снова.)
Ты кто?.. Ты кто?..
(Слушает ответ.)

…Я… Батеньков… А ты?..
Ответь: кто ты?

(Стучит.)

…Я… Александр… Бестужев…

(Прикладывает ухо к стене.)

Ответа нет.

Бестужев!.. Отвечайте!.. Тишина…
Все предали меня, и даже камни
Оцепенели. Знаться не хотят
С преступною фамилией — Бестужев!..
Должно быть, мстят мне нынче небеса
За то, что я пророчески писал:
«Не спас от нищеты полет орлиных крил
Ни песней дар, ни сердца пламень!
Жестокие! У вас он хлеба лишь просил,
Вы дали — камень…
…Как бранный щит, в крови омытый,
Запало в тень светило дня,
И одичалые граниты
Вдали сверкают без огня…
Бушует бор, ущелье воет,
И вихорь цепь Карпата роет,
И гром катится вдалеке.
Но вот ярящимся Дунаем
То видим, то опять скрываем,
Ловец плывет на челноке.
Белеет парус одинокой,
Как лебединое крыло,
И грустен путник ясноокой;
У ног колчан, в руке весло.
Но, с беззаботною улыбкой,
Летучей пеной орошен,
Бестрепетно во влаге зыбкой
Порывом бури мчится он…»

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

2. 1

Кавказ. Действующая армия.
Командующий экспедиционным корпусом
генерал-адъютант **Розен**.
Появляется **Бестужев** в форме
рядового русской армии.

РОЗЕН

Бестужев.

БЕСТУЖЕВ

Да.

РОЗЕН

А ты был на виду
Когда-то… Я «Полярную звезду»
Почитывал… И, помнится, ты, брат,
Пописывал.

БЕСТУЖЕВ

Случалось. Виноват!
Теперь и думать я о том не смею.

РОЗЕН

Нет! Ты пиши. Все говорить умеют.
Давненько не читал я дерзких дум.
Тебе достался воспаленный ум!

БЕСТУЖЕВ

Но с ним недалеко и до греха.

РОЗЕН

С кем не бывало… Молодость лиха!
Так что я помню все.

БЕСТУЖЕВ

Благодарю.

РОЗЕН

Я пишущих людей боготворю.
Вот взять меня — воинственен и честен,
Но никому на свете не известен…
А почему? Отзывчивых сердец
Нет рядом!.. Я ль, друг мой, не образец
Для жизнеописания, а мер
Никто не принимает!

БЕСТУЖЕВ

Вы пример,
Барон, достойный. Как персидский шах
Богаты, крови древней и в чинах!

РОЗЕН

Да! Но мы славу создаем не сами…
Кто б знал о Македонском Александре
Филипыче, когда б, прости меня,
Не сочинители!.. Его б ни дня
Не помнили, а было время оно!..
Возьми наш век. Возьми Наполеона!..
Я на две головы, пожалуй, выше,
Но ведь не я — он в великаны вышел.
А все писатели! Ещё заметьте:
Чины нам царь дает, они — бессмертье.
Перо, друг мой, разит сильней, чем сабля.
Жаль, что рука твоя к перу ослабла.
Но песню для взбодрения солдат
Все ж напиши!

БЕСТУЖЕВ

Я услужить вам рад.
Смогу ли?

РОЗЕН

Сможешь. Я сказал о песне,
А у тебя уже взыгрались бесы
В глазах!

БЕСТУЖЕВ

Вы наблюдательны, барон.

РОЗЕН

Я не затем здесь, чтоб считать ворон!

Появляются штаб-капитан **Жуков**,
штабс-капитан **Корсаков**,
затем **фон Дезин** и **Натали**.

ЖУКОВ

(Розену)

Позвольте обратиться?

РОЗЕН

Что у вас?

ЖУКОВ

Барон, как вам известно, батальону
Недавно выделено два солдатских
«Георгия».

РОЗЕН

И что же? На кого
Пал выбор ваш?

ЖУКОВ

Все нижние чины
Представили Бестужева.

РОЗЕН

Позволь!
Вы шутите!

ЖУКОВ

По отношенью к делу
Нет более достойного.

КОРСАКОВ

Притом
Георгиевский крест заслужен был
Им трижды.

РОЗЕН

Где же?

КОРСАКОВ

Первый — у Байбурта,
Второй — у стен Дербента… Третий крест —
В Чиркеевском ауле у ворот.
Поймите…

РОЗЕН

Я не против, господа,
Но обстоятельства…

ЖУКОВ

Когда солдат,
Рискуя жизнью, лезет на завал,
Врубаясь шашкою в толпу…

РОЗЕН

Я видел.
Он жизнью так рискует лишь затем,
Что ей не дорожит.

КОРСАКОВ

Пусть так. Но разве
Он к смерти не готов?.. Так пусть Георгий
Его оберегает.

РОЗЕН

Господа,
Считайте, вы меня уговорили.
Где наш герой?..

Жуков и **Корсаков** подходят к **Бестужеву**.
Фон Дезин, вошедший несколько ранее
и слышавший разговор,
отводит в сторону **Розена**.

ДЕЗИН

Простите мне, барон,
Предостеречь вас должно.

РОЗЕН

От чего?

ДЕЗИН

Я вам напомню.

РОЗЕН

Сделайте любезность.

ДЕЗИН

(читая)

«Государь император
всемилостивейше повелеть изволил
государственного преступника
Александра Бестужева, осужденногопо приговору Верховного уголовного суда
в каторжную работу и потом сосланного\в Сибирь на поселение,
определить на службу рядовым
в один из действующих против неприятеля полков
с тем, однако, что в случае оказанного имотличия против неприятеля
не был он представлен к повышению…»

РОЗЕН

Он рвался на Кавказ
Для подвигов. О том меня просил,
Да и Паскевича, сам Грибоедов…
Мир праху незабвенного… Вы правы,
Я не могу сам орден возложить
На грудь его. Нас не поймут в столице.

БЕСТУЖЕВ

(Корсакову)

Фон Дезин!.. Это рок!.. Судьба упрямо
Нас сводит с ним.

Появляется **Натали**.

КОРСАКОВ

Гляди, какая дама!

БЕСТУЖЕВ

Все, все погибло!..

КОРСАКОВ

Ты знаком?.. Скажи…

БЕСТУЖЕВ

(не слушая его)

Я был в Финляндии. В Якутске жил,
Теперь — Кавказ!.. Россия велика,
Что ж нас Господь не разведет никак!

КОРСАКОВ

Ты ей представишь нас… Чтоб в полный рост,
По форме…

БЕСТУЖЕВ

Извини. Пора на пост.

КОРСАКОВ

Не женщина — звезда на землю пала…

БЕСТУЖЕВ

(проходя мимо Натали)

Простите…

НАТАЛИ

Боже!. Я вас не узнала!
Бестужев!.. Ах!.. Как, бедный, вам досталось…

БЕСТУЖЕВ

Вот все, что от Бестужева осталось.
Но я доволен. Что ни говори,
Гожусь на место стекол в фонари!..

НАТАЛИ

Что это — юмор иль воображенье
Больное?

БЕСТУЖЕВ

Деловое предложенье.
Не пропадать же на земле без пользы!

НАТАЛИ

Бестужев, вы не можете без позы!

БЕСТУЖЕВ

Заботами я здесь не обойден.

НАТАЛИ

Язвите все?

БЕСТУЖЕВ

Таким уж я рожден!
Ну, что столица?.. Чем наполнен мир?..
Как Пушкин там?

НАТАЛИ

У нас другой кумир!
Вот Бог кому талант дал исполинский!..

БЕСТУЖЕВ

Другой?.. Кто ж это?..

НАТАЛИ

Александр Марлинский.
Воистину Россию свел с ума.
Да что Россия?.. Я сюда сама
С надеждой тайной ехала, что здесь
Тот гений новый нам окажет честь
Своим знакомством… Он, вам не в пример,
Галантен.

БЕСТУЖЕВ

Он — опальный офицер?
За что разжалован?..

НАТАЛИ

Как все мужчины —
Дуэль!.. Другой не может быть причины.
…Простите, не хотела я…

БЕСТУЖЕВ

Ну, что вы?..
Приятны эти мысли мне и новы,
Но… неожиданны. В такие выси
Я не взлетаю. Я отстал от мысли
Общественной. Теперь меж нами пропасть.
Так что простите мыслей жалких робость.
Не смейтесь надо мной… Вы б не могли
Фамилию напомнить… Как?.. Марли…

НАТАЛИ

Марлинский!

БЕСТУЖЕВ

Не слыхал.

НАТАЛИ

Вам не чета.
Вот кто писатель века!..

БЕСТУЖЕВ

Не читал.
Чем знаменит он?

НАТАЛИ

Вас боюсь обидеть…

БЕСТУЖЕВ

Не бойтесь.

НАТАЛИ

Он… он пишет то, что видит.
Что ни странница — молнии и гром.
И саблею владеет, и пером
Отточенным.
(Достает книгу.)
Вот вам. Вернете завтра.
Здесь виден в каждом подвиге сам автор.

БЕСТУЖЕВ

А вы уверены?..

НАТАЛИ

Я знаю точно.
Ведь мы все влюблены в него!..

БЕСТУЖЕВ

Заочно?

НАТАЛИ

Теперь все соревнуются с ним в лоске;
Куда ни погляди — его прически!
У юношей — загадочность, и сила,
И страсть Марлинского!

БЕСТУЖЕВ

Ну и Россия!
Как любят подражать у нас, но знал
Хотя б один, каков оригинал!

НАТАЛИ

Каков ни есть!.. Скажу, коснись меня —
Я б чистила, друг мой, его коня

И целовала сбрую.

Подходит **Дезин.**

ДЕЗИН

И напрасно.
Не увлекайтесь!.. Это, друг, опасно.

НАТАЛИ

(мечтательно)

У нас бы с ним была такая дружба!..

ДЕЗИН

(Бестужеву)

Все о Марлинском?.. Ты скажи, как служба?..
В литературе ты большой невежда,
Скажу по чести.

БЕСТУЖЕВ

Нынче есть надежда.

ДЕЗИН

Какая же?

БЕСТУЖЕВ

Наперекор судьбе
Я жду «Георгия»!..

ДЕЗИН

А зря. Тебе
Отказано.

БЕСТУЖЕВ

В чем?

ДЕЗИН

В ордене. Как другу
Я говорю…

БЕСТУЖЕВ

Спасибо за услугу!..

ДЕЗИН

Помилуй Бог, не стоило труда!..

БЕСТУЖЕВ

Мы все берем: кто — штурмом города,
А кто — расположение начальства.

ДЕЗИН

Есть время впереди, ты не печалься —
Дослужишься до унтера!

БЕСТУЖЕВ

И кровью
Я никогда с лица Судьбы не смою
Презренья пятен. Сколько ни паши,
Не будет всходов.

ДЕЗИН

Извини. Спешим
К Паскевичу!.. Когда туда придешь,
Договорим.

БЕСТУЖЕВ

Но я туда не вхож.

ДЕЗИН

Прости, совсем забыл… Ха-ха!.. Прощай!

Дезин уходит.

НАТАЛИ

(Бестужеву)

Там сам Марлинский нынче обещал
Быть к вечеру. А это добрый знак
К знакомству.

БЕСТУЖЕВ

О, не беспокойтесь так.

НАТАЛИ

Там собирается вся наша знать.

БЕСТУЖЕВ

Он не придет.

НАТАЛИ

А вам откуда знать,
Солдатик мой?

БЕСТУЖЕВ

Я близок с ним, положим…

НАТАЛИ

Разжалован, а хвастовство все то же!

БЕСТУЖЕВ

С одним я наслаждением знаком —
Быть, если надо, круглым дураком…
Но подыграй иль увлекись слегка —
И вправду превратишься в дурака.

Входит бывший комендант
крепости — **Васильев**.

ВАСИЛЬЕВ

Ты здесь?.. А ну-ка, быстро на часы!
Ишь ты каков!..

Дезин возвращается за **Натали**.

ДЕЗИН

(Васильеву)

Ты сбрей ему усы!
В усах у них вся мерзость и отвага.
Да прогони с версту гусиным шагом!..

Хохочут.

ВАСИЛЬЕВ

При первой же оказии исполню!

ДЕЗИН

А я твое усердие запомню!..

2. 2

Дом штабс-капитана **Жукова**, на квартире
которого живет **Бестужев**. Раннее утро.
Бестужев сидит за столом.
Перед ним портрет А. С. Пушкина.
Бестужев и **Жуков**.

ЖУКОВ

Все пишешь, все не спишь, а нынче бой…
Да что об этом говорить с тобой,
Ты и не слышишь.
(Открывает окно.)
Глянь-ка, рассвело!..

БЕСТУЖЕВ

Кощунство нынче браться за перо.

ЖУКОВ

Я думал, ты за славою в погоне,
А ты и офицерские погоны
Не примерял… Без них мы — дом без кровли!..

БЕСТУЖЕВ

А сколько они стоили мне крови!

ЖУКОВ

Что кровь?.. Гляди, какой денек погожий…
А ты себя похоронил, похоже.
Вон цепи гор белеют вдалеке,
Я описал их нынче в дневнике.
Все храмы обошел я здесь и гроты.
Люблю Кавказ!..

БЕСТУЖЕВ

Да… Мне б твои заботы!..
Погиб Рылеев… Следом Грибоедов
Ушел из жизни, жизни не отведав…
Так хватит же!.. Остановись!.. Доколе?..
Мы не имеем даже сотой доли
Достоинств их… И вот еще удар —
И выбит Пушкин!.. Сгинул Божий дар
Поэзии и гражданин великий.
Он умер. Мы остались безъязыки!

ЖУКОВ

Я не пойму, брат, что ты за натура?

БЕСТУЖЕВ

Кому у нас нужна литература?
Нужны один штыки и бравый вид.

ЖУКОВ

Скорбит Россия.

БЕСТУЖЕВ

Да, друг мой, скорбит,
Но больше по привычке, как всегда.
Когда приходит в этот мир беда,
Мы протянуть другим готовы руки…
К своим потерям суетны и глухи.
Но минет срок. Склонясь под образами,
И мы заплачем поздними слезами
По гению.

ЖУКОВ

Но это, братец, рок.
Судьба. Что делать?.. Выйди за порог,
Там пули свищут… Ты же жив пока!

БЕСТУЖЕВ

Не рок нас косит. Сильная рука,
Которой мы, беспечностью играя,
Не видим… Или видеть не желаем.

ЖУКОВ

Все, все от Бога!..

БЕСТУЖЕВ

Нет! Не в Боге дело!..
Задумайся!.. Здесь целая система
Зловещая… И есть закономерность:
В ударе каждом — злоба, месть и ревность!
Мы все стоим в кругу неразрешимом.
Не по равнинам бьют, бьют по вершинам.
В глазах темно, и не видать ни зги —
То выбивают из Руси мозги…
Ее устои вековые руша,
Из нас самих вытряхивают души.
Мы подставляем щеки. Унтер грубый
Нас бьет, а мы выплевываем зубы,
И крестимся, и боль несем попу,
Из граждан гордых превратясь в толпу.
…А ты, брат, удивляешься: я грустный…
Могу ли я не горевать, как русский,
Болящий за Отечество, где правит
Бал сатана и никакой управы!..
Ведь гении России не нужны.
Она их не выдерживает… Мы —
Романтики!.. И мы, не веря в это,
Горим, а люди сторонятся света!..
Когда бы знать нам с самых юных лет,
Что есть одно оружье — пистолет,
Что Знание и Разум не в почете,
Давно б свели мы с этой жизнью счеты!

ЖУКОВ

Но жив Марлинский!

БЕСТУЖЕВ

Что?..

ЖУКОВ

Его Россия
Боготворит!.. В нем, брат, такая сила!..
Теперь не Пушкин на устах у всех,
А он — Марлинский!

БЕСТУЖЕВ

Мода — не успех!
Уже готова вознести толпа
И тень Александрийского столпа.
Всегда свои пристрастья у нее,
Но время каждому воздаст свое.
Ведь Пушкин — гений.

ЖУКОВ

Соглашусь вполне,
Но как Марлинский пишет о войне!..

БЕСТУЖЕВ

Писать о бойне может и мясник!

ЖУКОВ

Я это должен записать в дневник!

БЕСТУЖЕВ

Пиши!

ЖУКОВ

(с дневником)

Пишу!.. Какие нынче сутки?..

БЕСТУЖЕВ

Июль… Седьмое…

ЖУКОВ

Все твои поступки
И мысли здесь…

БЕСТУЖЕВ

Что так тебя заносит?..
Уж лучше сразу бы писал доносы.
Два жанра эти примыкают близко
Друг к другу…

ЖУКОВ

Что?

БЕСТУЖЕВ

Вести дневник, брат, низко!

ЖУКОВ

Но я — художник!

БЕСТУЖЕВ

Это сразу видно.
Мне от твоих художеств стало стыдно.
Я представляю, что ты написал
Там обо мне…

ЖУКОВ

Все, что сказал ты сам,
Не более… И если ты прочтешь
Дневник — все правда!

БЕСТУЖЕВ

Твой дневник — все ложь!

ЖУКОВ

Писал я честно!

БЕСТУЖЕВ

Так впиши в нем фразу —
Я не был искренним с тобой ни разу,
И потому сии пустые строки
Не исповедь, не документ эпохи,
А глупость автора!

ЖУКОВ

Марлинский сам
Мне б позавидовал!

БЕСТУЖЕВ

Вот чудеса!
Его ты видел?

ЖУКОВ

Нет. Но он мне брат.
Я слышал, что о нем все говорят,
И я его талантом поражен…

БЕСТУЖЕВ

А кто… кто знает, как унижен он?..
Ты думаешь, что он живет в хоромах,
А он боится за малейший промах
На службе царской высеченным быть…
Талант плетьми пытаются убить:
То гонят строем — в сторону ни шагу,
То пробуют на прочность, словно шпагу.
Но если острие и рукоять
Соединить, то можно и сломать!
Вот так судьба распорядилась нами—
Рабами быть и царствовать умами.
Все наши званья и чины — пустое.
Когда мы в главном ничего не стоим,
Когда, как оброненное весло,
Из наших рук уходит ремесло.
Отныне мне назначена судьбою
Одна погоня — за самим собою.
Любой из нас — трагическая пьеса
О Родине… А что, брат, до Дантеса,

(Берет пистолет.)

Одно желание снедает — месть.
Вот пистолет!.. Он постоит за честь
Руси моей, где правит дух варяжий.
Я отомщу, и скоро!..

ЖУКОВ

Он заряжен.

БЕСТУЖЕВ

(бросает пистолет под подушку)

Пусть Бог к тому мне не убавит сил.
Как до сих пор никто не отомстил,
На пулю пулю не послал в ответ?..
Иль в Петербурге офицеров нет?
Иль все на свете поросло быльем?..
Не понимаю…

Входит **Ольга Нестерцова**.

ЖУКОВ

Принесли белье!..

(игриво)

Я удаляюсь в голубые дали…

Жуков уходит, хохоча.

БЕСТУЖЕВ

Спасибо, Ольга!

ОЛЬГА

Вы меня не ждали.

БЕСТУЖЕВ

Всегда я рад тебе. Всегда… Скажи, я
Не ждал хоть раз?..

ОЛЬГА

У вас глаза чужие.

БЕСТУЖЕВ

Какие?

ОЛЬГА

Мертвые.

БЕСТУЖЕВ

Ну и ответ!
Но ты одна в них зажигаешь свет!..

ОЛЬГА

Какой смешной вы!

БЕСТУЖЕВ

Оттого смешон,
Что я недавно был всего лишен.
Я жил, как крепость, молодость круша,—
Совсем другого жаждала душа:
Она искала сути бытия
Естественной, как скрип коростеля,
И слов простых… И в этом все искусство:
Чем проще слово, тем богаче чувство.

ОЛЬГА

А разве так бывает?

БЕСТУЖЕВ

Не иначе!
Чем меньше мы имеем, тем богаче.

ОЛЬГА

Одной росой не напоить поля,
Есть дождь, есть реки…

БЕСТУЖЕВ

Оленька моя!
Не нужно рек, чтоб напоить росток.
Нас чистота спасет, а не поток.
И чтобы выжить в роковом спектакле,
Мне не хватало этой чистой капли!..

ОЛЬГА

Вы знатны родом, я же…

БЕСТУЖЕВ

Виноват.
Отец мой на мещанке был женат.
И счастлив был палить свои костры,
Пять братьев нас в роду и три сестры,
И сыновей каких!..

ОЛЬГА

Вас кто-то сглазил:
В Сибири двое, трое — на Кавказе.

БЕСТУЖЕВ

Я долго спал… И нынче наяву
Я вдруг почувствовал, что я — живу!
Мне жизнь теперь по-новому видна,

И это ты все сделала… Одна-
Единственная…

ОЛЬГА

Я бы солгала,
Когда б сказала, что и я была
Такой же искренней…

БЕСТУЖЕВ

Но ты нежна
Со мною…

ОЛЬГА

Это так… Но я грешна!..
Случается, что иногда тайком
Я вспоминаю о другом…

БЕСТУЖЕВ

О ком?

ОЛЬГА

Я не скажу!

БЕСТУЖЕВ

Другой!.. Да что за бред?
Вы с ним знакомы?

ОЛЬГА

Нет. Конечно, нет!

БЕСТУЖЕВ

Да что он… демон?.. В облаках парит?

ОЛЬГА

Он и теперь со мною говорит…

БЕСТУЖЕВ

Как… говорит?

ОЛЬГА

Как говорит трава,
Деревья, камни… Но звучат слова:
«Бушует бор, ущелье воет,
И вихорь цепь Кавказа роет,
И гром катится вдалеке.
Но вот ярящимся Дунаем,
То видим, то опять скрываем,
Ловец плывет на челноке.
Белеет парус одинокой,
Как лебединое крыло,
И грустен путник ясноокой;
У ног колчан, в руке весло…»

БЕСТУЖЕВ

Марлинский?!.

ОЛЬГА

Да!.. Вы угадали?

БЕСТУЖЕВ

Мне ли
Не угадать?.. Не избежать дуэли
Мне с ним теперь…

(В сторону)
Такое не приснится!

ОЛЬГА
Опомнитесь!.. Вы что?.. Самоубийца?..
Вы знаете, как он стреляет?

БЕСТУЖЕВ
Точно!
Но я не хуже. Шесть шагов — и точка!

ОЛЬГА
Вам шутки все!.. Вам все дуэли снятся,
А он уже давно отвык смеяться…
Не падайте в глазах моих так низко.
Послушайте… Вам это очень близко…
«Не спас от нищеты полет орлиных крил,
Ни песней дар, ни сердца пламень!
Жестокие! У вас он хлеба лишь просил,
Вы дали — камень».

БЕСТУЖЕВ
…Рука найдется, чтоб свершилась месть
И без меня… А все ж, каков он есть?
Каким он представляется?.. Свинцом
И саблей меченный?

ОЛЬГА
У вас лицо
Одно… простите…

БЕСТУЖЕВ
Вот как?.. Это честь!

ОЛЬГА
Вы не подумайте, что это лесть,—
Он даже стал мне сниться, что ни ночь…
А утром вспомню: это вы точь-в-точь!..
Простите!.. Я тянусь к нему рукой —
Все исчезает.

БЕСТУЖЕВ
Ум в тебе такой
Откуда?.. И во сне и наяву
Так мыслить…

ОЛЬГА
Я не мыслю, я живу…

БЕСТУЖЕВ
…В руке лишь камень, а просил о хлебе…
Тебя Марлинский любит.

ОЛЬГА
Он на небе!

БЕСТУЖЕВ
Ты говоришь, что он как я!

ОЛЬГА
И все же:
Вы в чем-то с ним и схожи, и не схожи!

БЕСТУЖЕВ

Он говорил мне о тебе.

ОЛЬГА

Не надо

Смеяться надо мною… Мне отрада,
Что вы так щедро приняли участье
В моей судьбе!.. Быть с вами рядом — счастье!
У чаши переполнены края!..
Чего ж еще?..

БЕСТУЖЕВ

Марлинский — это я!

ОЛЬГА

…Зачем вы так?..

БЕСТУЖЕВ

Я должен был сказать
Об этом раньше.

ОЛЬГА

Но не надо лгать.

БЕСТУЖЕВ

Но я не лгу!..

ОЛЬГА

К чему сия бравада?..
Я вас люблю… Мне этого не надо…

БЕСТУЖЕВ

Но я — Марлинский!

ОЛЬГА

Боже!.. Помолчите!..

БЕСТУЖЕВ

Ты мне не веришь?!

ОЛЬГА

О, вы — сочинитель!
Без присказки не ступите и шагу.
Вы смелы. Да! Все ценят в вас отвагу.
Вы можете на бой вести полки…

БЕСТУЖЕВ

Но доблесть в чем?.. Муж должен быть таким!..
А как иначе?!.

ОЛЬГА

Нет на вас и тени
Смущения… Вы…

БЕСТУЖЕВ

(прерывая)

Ольга, я растерян.
Зачем же здесь вы, если я таков?!.

ОЛЬГА

А говорят недаром: зла любовь.
Она таится, поджидая срока.
Я бы пришла, будь сто у вас пороков.

БЕСТУЖЕВ

Их сто и есть!..

ОЛЬГА

Наговорить такого…
Я все прощаю вам… Из вас святого
Я и не делаю… Но час расплаты
Придет.

БЕСТУЖЕВ

Придет.

ОЛЬГА

Но наши чувства святы.

БЕСТУЖЕВ

(вспоминая свои стихи)
«…Падут владельцы величавы,
И в позолоченных гробах
Сиянье северное славы
Не согревает хладный прах,
Не придает душе покою:
Века тяжелою пятою
Сотрут златые письмена;
Изроет плуг границ обломки,
И нерадивые потомки
Забудут славных имена!
Скажи мне: кто такие были
Вожди бестрепетных славян,
Когда они с полночных стран
Пределы римские громили?..
. . . . . .
Где имя их?..»

ОЛЬГА

Казалось, я вас знаю…

БЕСТУЖЕВ

Заблужденье.
Сам человек — загадка от рожденья.
Себя не знаем, где нам до других!..

ОЛЬГА

Но как вы написали столько книг?
И в каждой — вы! Я не права?..

БЕСТУЖЕВ

Положим…
Ольга
Как вы смогли?

БЕСТУЖЕВ

Не написал, а прожил.
Поэтом быть — не благо, а — судьба!..

ОЛЬГА

Вы счастливы?

БЕСТУЖЕВ

Пока ты рядом — да!

ОЛЬГА

Я не оставлю вас.

БЕСТУЖЕВ

Не надо…

ОЛЬГА

Милый…

БЕСТУЖЕВ

Я мог бы сделать и тебя счастливой.

ОЛЬГА

(пытаясь закружить его)

Я счастлива вдвойне!..

БЕСТУЖЕВ

Постой!.. Постой!..

ОЛЬГА

Бестужев рядом и Марлинский мой!..

БЕСТУЖЕВ

…Марлинский твой…

(Замолкает.)

ОЛЬГА

Да говорите!.. Ну же!..

БЕСТУЖЕВ

Но не тебе принадлежит Бестужев.

ОЛЬГА

Не надо усложнять.

БЕСТУЖЕВ

Все очень просто.
Есть ТЫ и Я… Зерно овса и проса.
Мы наших судеб не соединим,
И каждый стеблем прорастет своим.
Нам не уйти из рокового круга —
Расти, шуметь, касаясь вскользь друг друга.
Нам ни расстаться, ни соединиться,
Пока огонь крылатый, словно птица,
Нас не сожжет… Да будет день тот светел.
Объединят нас только прах и пепел…

ОЛЬГА

Не понимаю. Вы — и друг, и брат мой,
И мой возлюбленный.

БЕСТУЖЕВ

Я связан клятвой.

ОЛЬГА

Какою клятвой?!.

БЕСТУЖЕВ

Связан я.

ОЛЬГА

Да полно!..

БЕСТУЖЕВ

Есть женщина, которую я помню,
Которой мучаюсь… И ей — вся слава…

ОЛЬГА

Но мне не надо ничего!..

БЕСТУЖЕВ

Я права
Любить вас не имею!..

ОЛЬГА

Не о том…
Все не о том…

БЕСТУЖЕВ

Я бросился в потоп!
Я бури жаждал. Я еще не верил,
Что чаще разбиваются о берег,
Когда кричат спасительно: «Земля!..»
…И вот теперь ни бурь, ни корабля…
Брожу по берегу у самой кромки,
Отточенной, как сабля, и обломки
Надежд моих выбрасывает море
Мне под ноги.

ОЛЬГА

Но вы познали горе.
Бестужев
Унижен и разжалован.

ОЛЬГА

Но люди
Разжалованных нынче больше любят.

БЕСТУЖЕВ

Быть может, так… Но лишь коснись до дел —
Все рядом с тем, кто в службе преуспел.
Все жаждут солнца после непогоды…
Одним во мне так нравились погоны,
Другим — стихи…

ОЛЬГА

Зачем о том, что было.
Проходит все!..

БЕСТУЖЕВ

Любовь неистребима!
И коль предать ее, она невольно
Нам обернется ножевою болью.
И я, прости мне, не живу уже,
А проворачиваюсь на ноже.
И если улыбаюсь, так от боли…
Вот кто таков Бестужев.

ОЛЬГА

Но доколе
Вас будет мучить тягостными снами
Та женщина, что не пошла за вами?
Она живет в кругу своих забот:
Ни славы не делила, ни невзгод,
Вам выпавших на долю…

БЕСТУЖЕВ

Все — иначе!

ОЛЬГА

Что видела она?..

БЕСТУЖЕВ

Что?.. Как я плачу.
Как падал в пропасть, потеряв дорогу.

ОЛЬГА

Не много это.

БЕСТУЖЕВ

Это очень много.
И прежде чем продолжить этот путь,
В ее глаза я должен заглянуть.

ОЛЬГА

Вы в них увидите свою мечту?

БЕСТУЖЕВ

Нет! Но я знаю, что я в них прочту.

ОЛЬГА

То юности намеренье благое —
Повергнуть мир к ногам ее!

БЕСТУЖЕВ

Другое.
Есть честь и долг. И то, что лишь однажды
Случается, чего ждет в жизни каждый,
Чего по молодости мы не ценим,
Чем жертвуем во имя высшей цели,
Чего нам не дано понять до срока…

ОЛЬГА

Что ж вы молчали?.. Это ведь жестоко.
Зачем вам было допускать так близко
Меня к себе… Ведь это низко… Низко!..
Чем чище слово ваше, тем порочней.
Чем вы со мной нежнее, тем жесточе.
Вы о любви мне говорили… Вы же…

БЕСТУЖЕВ

(прерывая)
Не будь тебя со мною, я б не выжил.
Во мне два человека. Да. Две были.

ОЛЬГА

Вы выжили… Но вы меня убили…

Ольга резко уходит.
Бестужев бросается за ней.
Его останавливает **Жуков**.

ЖУКОВ

Оставь ее.

БЕСТУЖЕВ

Ты слышал все.

ЖУКОВ

Прости.

БЕСТУЖЕВ

…Сегодня мне от пули не уйти…

Смерть сломленным, а вольным— только воля —
Так говорят.

ЖУКОВ

Как сразу я не понял,
Что ты Марлинский…

БЕСТУЖЕВ

Вот, брат, незадача…
Зато какая у тебя удача!
Ты столько новых мыслей здесь настриг
С чужой беды… Спеши вписать в дневник!
Спеши развесть сентиментальным бредом
Путь Истины, что был тебе неведом.

ЖУКОВ

Как можно жить, брат, не снимая маски?

БЕСТУЖЕВ

Признался я теперь не для огласки,
А для нее, для Ольги.

ЖУКОВ

Скоро бой.
Так ты, брат, не кидайся с головой
В дела лихие.

БЕСТУЖЕВ

Мне один удел:
Она ушла — и, значит, нынче день
Последний мой.

(Достает бумагу. Подает Жукову.)

ЖУКОВ

Что это?

БЕСТУЖЕВ

Завещанье.
Прошу тебя: распорядись вещами,
Бумагами. Я не прошу о многом.

ЖУКОВ

Я позабочусь. Все мы здесь под Богом…
Но ты… ты связан клятвой. Умереть
Ты права не имеешь. Это ведь
Предательство.

БЕСТУЖЕВ

Ты все поймешь потом.
Когда мы покидаем этот дом
И смерть сама смежает наши веки,
Мы расстаемся. Да. Но не навеки!
Иначе для чего мы в мире есть?..

ЖУКОВ

Марлинский, знаешь, а ведь это честь
В одном полку пять лет служить с тобою…
Доносится звук боевой трубы.

БЕСТУЖЕВ

Труба зовет. Рассудишь после боя…

Бестужев и **Жуков** уходят. Некоторое время комната пуста.
Появляется **Ольга**. Со слезами бросается на постель.
Раздается выстрел
оставленного **Бестужевым** пистолета.
Ольга вздрагивает, пытается подняться,
затем безжизненно опускается на пол.

2. 3

Кабинет барона **Розена**.
Розен и **Жуков**.

РОЗЕН
(диктуя)

«…Мыс Адлер, служивший для большей части
обитателей северной покатости Кавказа
привольным местом к произведению
деятельной торговли с турками и других,
вредных для нас, сношений, занят нашими
войсками без значительной потери…»
Теперь, дружочек, ниже припиши
Убитых офицеров: князь Туманов
И подпоручик Мищенко, затем…
Кто там еще-то?..

ЖУКОВ
Прапорщик Бестужев.
Марлинский он же.

РОЗЕН
Да. Мне донесли.
Я не поверил.

ЖУКОВ
Но среди бумаг,
Оставленных Бестужевым, нашли
Тому все доказательства.

РОЗЕН
Еще,
Еще одна потеря для России
Невосполнимая… Когда б я знал,
Что он — Марлинский, я бы уберег
Его от пули этой.

ЖУКОВ
Никогда
Поэт не уходил еще от пули,
Назначенной судьбою. Только здесь,
Я думаю, другое…

РОЗЕН
Почему?

ЖУКОВ
А потому, что до сих пор не найден
Ни нами он, ни горцами.

РОЗЕН
Найдут.
Сегодня начался размен телами,
Отыщется.

ЖУКОВ
Мне рассказали: он
Спешил за помощью, когда его

Настигла пуля; что он долго был
В сознании; что он…

РОЗЕН

(прерывая)

Он сам просил
Солдат его оставить, но они
Несли его, пока хватало сил.
И только убедившись, что живым
Не донести,— оставили…

ЖУКОВ

Я был
На месте, где оставили его.
Вот все, что там нашел я… Пистолет

(Достает пистолет.)

Бестужева на теле горца.

РОЗЕН

Так…
Что вы сказать хотите?

ЖУКОВ

Только то,
Что я сказал.
Розен
Все видели потом,
Как налетели горцы и клинки
Пустили в дело?

ЖУКОВ

Да. Но где же труп?
Предать его земле — мой первый долг.
Я другом был ему… Он завещал…

Входит **Корсаков**.

РОЗЕН

(увидев Корсакова)

Сейчас узнаем. Что там?

КОРСАКОВ

Не нашли!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

3. 1

1842 год. Тот же зал в доме издателя **Н. И. Греча**.
За игральным столиком сидят те же гости,
что были в декабре 1825 года.
Кресла, в которых сидели декабристы, пусты.
Только в одном из них сидит **Человек**.
Никто из гостей не узнает его.

ГЕНЕРАЛ

Все эти общества — одна проказа.

ГРЕЧ

(встречая фон Дезина с женой)

Вот наш герой, явившийся с Кавказа.
Какие вести привезли, мой свет?

ДЕЗИН

Герои — это выдумка газет.
Вы, журналисты, суетливей ртути,
В газете — факты, люди жаждут сути,
Что чаще прочитаешь на заборе!

ГРЕЧ

Не спорю, сударь.

ДАМА

Как там нынче море?

ГЕНЕРАЛ

Шамиль захвачен?

ДАМА

Найден ли Бестужев?

ГЕНЕРАЛ

Чего искать его? Он нам не нужен.

ДЕЗИН

Советую забыть вам это имя.
Он бьется под знаменами Шамиля.
Он — перебежчик. И не первый год,

Слыхал — в горах газету издает.

ДАМА

Его уже встречали в Петербурге!

ЖУКОВ

Нет, господа! Все это только слухи.
Все — домыслы досужие и бред.
Что говорить о том, кого уж нет?!
Я — воин. И не верю чудесам.
Он был убит. Я это видел сам.

ДАМА

Но не нашли его на поле брани!

ЖУКОВ

Ну, не убит… так был смертельно ранен.

ДАМА

Но это, дорогой, уже пассаж!

ЖУКОВ

(показывая пистолет)

Вот, господа.

ГЕНЕРАЛ

Что там?

ЖУКОВ

Его «лепаж».
Не доказательство вам это разве,
Что он убит… А пистолет украсил
Мою коллекцию.

ГЕНЕРАЛ

(о пистолете)

Хорош!

ГРЕЧ

Мой свет,
Ты обещал продать мне пистолет
Бестужева. Так что?..

ЖУКОВ

Об этом после.
Радею я, друг мой, о вашей пользе.
Мне не хотелось говорить, но к слову
Скажу… Убил он Ольгу Нестерцову,
Дочь офицера.

ДАМА

Можно ль верить в это,
Чтобы Бестужев…

ДЕЗИН

Да. Из пистолета.
Как на дуэли.

УХТОМСКАЯ

Но дуэль с девицей
Немыслима.

ДЕЗИН

Бестужев был убийцей.

УХТОМСКАЯ

Не верю.

АНЯ

Может, ревность виновата?

ГЕНЕРАЛ

Вы что?.. Откуда ревность у солдата?!

ЖУКОВ

Он дворянин. Мы с ним служили вместе.

ДЕЗИН

В дворянстве состоять им много чести.

ЖУКОВ

Когда в том доме провели дознанье,
То не нашли его вины.

ДЕЗИН

Я знаю,
Кем подсудимый был, кем — судьи эти…
Они радели больше о поэте,
Чем о порядке… Да-с!.. Дела такие…

НАТАЛИ

Но там поэты были и другие…
С Марлинским мы встречались на Кавказе!

АНЯ

Простите нас, сударыня, но разве
Он не Бестужев?

НАТАЛИ

Как Москва и Мекка.
Поверьте мне — два разных человека.

АНЯ

Но этого не видно по стихам.

НАТАЛИ

Он о Марлинском слыхом не слыхал.
И мне с ним было говорить не легче,
Чем с нашим дворником, когда до встречи
С ним я унизилась. Но видит Бог,
Что свел нас случай. Нет, не случай… Рок!
А вот Марлинский… Это не Бестужев!

АНЯ

Так расскажите!

НАТАЛИ

(кокетливо)

Здесь нельзя… при муже.

ДАМА

Счастливица!

АНЯ

Каков он — наш кумир?

НАТАЛИ

В столетия лишь раз приходят в мир
Такие люди, чтобы вновь и вновь
Напоминать о том, что есть Любовь.

УХТОМСКАЯ

Но от любви есть верная защита —
Замужество.

НАТАЛИ

О, я не лыком шита!..
Я берегла супружеские узы…
Он называл меня своею музой!..

АНЯ

И только?

НАТАЛИ

Да. Лишь страсти утихали,
Он вдруг взрывался предо мной стихами.
Он — демон!.. Он велик!.. Скажу…

УХТОМСКАЯ

(прерывая)

Да полно!..

АНЯ

Какими же стихами?

НАТАЛИ

Я не помню.

АНЯ

Не теми, где, презрев любовь и муку,
Вдруг камень нищему вложили в руку?

НАТАЛИ

Ах, милочка! Мне ль помнить эти строки?..
Там, где белеет парус одинокий,
Каких на скалах маяков ни выставь,
Мы, женщины,— единственная пристань.
Да что я вам об этом говорю…

БУЛГАРИН

Я Лермонтова, брат, боготворю!

ГРЕЧ

Белеет парус… Помнится, я сам
Читал… Да, да… Марлинский написал
Тому лет двадцать.

БУЛГАРИН

Греч, но здесь иное:
Его все строчки — дело прикладное,
А наши — вечное… И если стих
Нам по душе, не ищем мы своих,
Берем Марлинского!..

ГРЕЧ

Ах, вот как?!. Браво!

БУЛГАРИН

Поэты, Греч, на все имеют право.
Марлинский слишком ярок и речист.
И сам, замечу, на руку не чист
В истории… Я знаю, как писатель…

ДАМА

(прерывая)

Вы с ним знакомы?

БУЛГАРИН

Он мне был приятель.

ДАМА

И что ж?

БУЛГАРИН

Исчез уже который год.

ДАМА

Но он, простите, русский Вальтер Скотт.

БУЛГАРИН

Куда с суконным рылом!.. Много лет
Искал он колею, которой нет.
И брал сюжеты в русской старине,
Как то — в цивилизованной стране,
Где ни копните — не уйти от клада!..
Но, милая, Россия — не Эллада.
Там Брут и Цезарь, а у нас боярин
И смерд.

БЕСТУЖЕВ

(поднимаясь с кресла)

Вы не писатель. Вы тот барин,
Что, нагрузив на воз российских лис,
Спешил в Орду пить с ханами кумыс.
Родства не помня, от восторга плакал
И кунтушом гордился при поляках.

БУЛГАРИН

Да, государь мой, да! Ведь испокон
В России не было своих икон.
Мы благодарно молимся чужим
И с завистью глядим за рубежи!
Поныне наш народ дремуч и дик.
Он не оставил нам великих книг.
Мы б до сих пор ютились по оврагам,—
Спасибо предкам, кликнули варягов!..
Все, все — варяги!.. Вот писать о ком —
Они нам дали право и закон,
Культуру, ремесло…

БЕСТУЖЕВ

Кто вам внушил?..

БУЛГАРИН

Всем, что ни есть, обязаны лишь им.
Народ российский славен только ленью
И не способен к самоуправленью.
И, я замечу, не в его природе
Шагать из рабства к призрачной свободе!

БЕСТУЖЕВ

Все мимо вас: история и штормы
Недавние…

БУЛГАРИН

Нам не нужны реформы
И революции!

ЖУКОВ

Меня возьмите —
Я тоже был отчаянный воитель,
Да Бог нас вывел на стезю другую:
Был глуп — боролся, а теперь — торгую!

ДАМА

На днях пришла я к Жукову чуть свет,
И вот, Бог дал, купила эполет
Марлинского.

ЖУКОВ

(Ухтомской)

С трудом для вас достал
Перчатку славной госпожи де Сталь.

УХТОМСКАЯ

Спасибо.

ЖУКОВ

Я пришлю вам до среды.

УХТОМСКАЯ

Я оплачу, любезный, все труды,
Не беспокойтесь.

ЖУКОВ

Я почту за честь.

БУЛГАРИН

Вы обещали нынче мне принесть
Его бумаги, те, что на войне
Он сохранил.

ЖУКОВ

Сойдемся ли в цене?

БУЛГАРИН

Сойдемся, брат… А вы — авантюрист!
Марлинский меньше получал за лист,
Чем вы. А он — писатель!

ЖУКОВ

Все возможно.
Ведь каждый труд свой ценит так, как должно.
А главное, мне думается, в том здесь,
Чтоб не писать, а сохранить в потомстве
Написанное и пустить на круг.
А это сделать может только друг,
Такой, как я…

БЕСТУЖЕВ

(в стороне)

И умереть нельзя,
Все после смерти лезут к нам в друзья!

ЖУКОВ

Так что и вам я, может, пригожусь.

БУЛГАРИН

Я дружбою с Марлинским не горжусь.
Кто только в доме этом раньше ни был…
Теперь над каждым не святые нимбы,
А тень зловещая… Бестужев первый!..
Но книги… книги — заработок верный.
И рукопись я покупаю.

ЖУКОВ

То-то!
У каждого из нас своя забота!

Играют в карты.

* * *

У кресел

УХТОМСКАЯ

(Бестужеву)

Вы как-то странно на меня глядите,
А мне вас не представили.

БЕСТУЖЕВ

Простите.

УХТОМСКАЯ

Но вы меня смущаете невольно.

БЕСТУЖЕВ

Я знаю вас, и этого довольно.

УХТОМСКАЯ

Вы так самоуверенны. Ответ
Ваш дерзок. Да!

БЕСТУЖЕВ

Я тот, кого здесь нет.

УХТОМСКАЯ

А!.. Вы романтик!.. Свет на это падок.
Но в нашем возрасте не до загадок.
Вы, может, призрак?..

БЕСТУЖЕВ

Что-то в этом роде.

УХТОМСКАЯ

Общаться с призраками нынче в моде,
Но я предпочитаю образа.

БЕСТУЖЕВ

Хотелось в ваши заглянуть глаза,
Которых я не видел целый век.

АНЯ

(подбегая)

Что это, маменька, за человек?

УХТОМСКАЯ

Он призрак!

АНЯ

Нынче — вечер, а не ночь

Для призраков!

БЕСТУЖЕВ

У вас такая дочь?

УХТОМСКАЯ

Да, сударь! Да! А что?

БЕСТУЖЕВ

…Знакомый взгляд…

УХТОМСКАЯ

(указывая Ане на кресла)

Сиди и жди!

БЕСТУЖЕВ

Простите. В них сидят!

АНЯ

Здесь?.. Кто?..

БЕСТУЖЕВ

…Они беседуют часами…
Да разве вы не видите их сами?..

АНЯ

Я — нет! Но их не видите и вы ведь!

БЕСТУЖЕВ

Не видеть тех, кого нельзя не видеть,
У нас умеют.

АНЯ

Юмор неуместен.

БЕСТУЖЕВ

Я не шучу. Полковник Павел Пестель
Глядит на вас.

АНЯ

Мы незнакомы с ним.

БЕСТУЖЕВ

Петля над головой его — как нимб.

АНЯ

Он что — Христос?

БЕСТУЖЕВ

Здесь все ему не рады.

АНЯ

Чего же так?

БЕСТУЖЕВ

Он автор «Русской Правды»,
Которую отстаивать непросто,
Но я отвлекся…
(указывая на второе кресло)
Муравьев-Апостол,
Герой войны двенадцатого года!

АНЯ

…На каждого у вас готова ода!
Но это неприятно мне вдвойне,
Пора давно забыть нам о войне
И тему эту навсегда оставить.

Зажили раны…

БЕСТУЖЕВ

(указывая на третье кресло)

Но кричит та память,
Которой, жаль, все меньше в мире этом…
Что сделала Рылеева поэтом,
Та память нас до сей поры тревожит.

АНЯ

Но я Рылеева не вижу тоже!

БЕСТУЖЕВ

Вы слепы!

АНЯ

Боже! Никого здесь нет.

БЕСТУЖЕВ

(указывая на четвертое кресло)

Каховский Петр! Дымится пистолет
В его руках!..

АНЯ

Пусть так, коль вам угодно…
Но это кресло…пятое… свободно?

БЕСТУЖЕВ

Сударыня! Вы приглядитесь лучше,
Бестужев-Рюмин в нем!

АНЯ

Кто?

БЕСТУЖЕВ

Подпоручик.

АНЯ

Вы можете назвать меня невеждой,
Но…

БЕСТУЖЕВ

(прерывая)

Все они глядят на вас с надеждой.

АНЯ

(Ухтомской)

Но кто они такие, ма?

УХТОМСКАЯ

Бог весть!
Их нет давно.

АНЯ

Их нет!

БЕСТУЖЕВ

Они все здесь!

УХТОМСКАЯ

Но нет того, что предано забвенью!..

БЕСТУЖЕВ

Вот и взошло в России поколенье,
Которого так ждали мы в те годы…
Посеяли мы семена свободы,

А что взросло?.. Невежество! Семь бед
Мы приняли. Каков жесток ответ!

Доносится музыка.

ЖУКОВ
(Ане)
Позволите вас пригласить?

АНЯ
О да!..
Ведь вы меня спасли.

Танцуют.

УХТОМСКАЯ
(Бестужеву)
Зачем сюда
Явились вы?.. Чтобы навеять страх?..
Что вы там ищете в моих глазах?
Я вас теперь не понимаю вовсе…

БЕСТУЖЕВ
Что я ищу?.. Хотя бы робкий отсвет
Былого счастья.

УХТОМСКАЯ
О, да вы святой!

БЕСТУЖЕВ
Я знал Бестужева.

УХТОМСКАЯ
А что мне в том?
Он был тогда известен очень многим.
Прикажете мне кланяться вам в ноги?
Я все забыла.

БЕСТУЖЕВ
Дайте способ верный
Забыть ему.

УХТОМСКАЯ
Но он во всем был первый!

БЕСТУЖЕВ
(боясь быть узнанным)
Да. И погиб он на передовой.

УХТОМСКАЯ
Я б не хотела быть его вдовой.

БЕСТУЖЕВ
Он обещал вам жить. И нет вины,
Что здесь…

УХТОМСКАЯ
(прерывая)
В нем не хватало глубины.
Меня всегда смущало хвастовство.
Ведь он договорился до того,

Что он — Марлинский!.. В час, когда в зените
Нам не сияло имя знаменитей
Марлинского, с которым мы связали
Надежды наши.

БЕСТУЖЕВ

Вы его не знали.

УХТОМСКАЯ

Бог уберег меня от той судьбы.

БЕСТУЖЕВ

Не представляете, как он любил.
Такой любви немногие достойны…

УХТОМСКАЯ

Вам говорить такое непристойно
При мне. И как вы можете…

БЕСТУЖЕВ

Я — призрак!
И все могу!

УХТОМСКАЯ

Но кто вас к жизни вызвал?
Кто пригласил?

БЕСТУЖЕВ

Вам это интересно?..
Те, что сидят со мною в этих креслах!

УХТОМСКАЯ

Да вы больны!

БЕСТУЖЕВ

Все обо мне вы снова…
Когда бы сами были вы здоровы,
То жили бы намереньем иным,
Чем называть здорового — больным.
Коль этим занимается страна —
Вот первый признак, что она больна!

УХТОМСКАЯ

Вы говорите, как Бестужев!

БЕСТУЖЕВ

Разве?
Тогда простите…

УХТОМСКАЯ

Разговор наш праздный
Смешон. Он к счастью все имел права!

БЕСТУЖЕВ

Искал он счастья Родине сперва,
Уверенный, что к вам любви не сможет
И смерть разрушить.

УХТОМСКАЯ

Он искал!.. И что же?
Что он нашел, пройдя через равнины
И все хребты?

БЕСТУЖЕВ

Нашел одни руины.
Не мог он и предположить тогда,
Что разрушает времени вода
Людские души. Он считал в те годы,
Что человек всегда сильней природы.

УХТОМСКАЯ

Красиво это!

БЕСТУЖЕВ

Если вам угодно!..

УХТОМСКАЯ

Он был красив во всем.

БЕСТУЖЕВ

Он был уродлив,
Как я сейчас… И разница лишь в том,
Что шрамы он носил в себе самом.
Он был борец!.. Но истины не ведал:
Коль некому нести плоды победы,
Борьба — ничто!.. А то дано немногим
Понять!

УХТОМСКАЯ

Будь жив, он бы упал мне в ноги
Просить прощения.

БЕСТУЖЕВ

Вы лжете снова.
Он все б сказал, как я вам, слово в слово.

* * *

За игральным столом

ГЕНЕРАЛ

(Ухтомской)

Что, дорогая, человек тот вызнать
Хотел у вас?

УХТОМСКАЯ

Не человек, а призрак!..

ГРЕЧ

(Генералу)

Берите карты.

ГЕНЕРАЛ

Право, я растерян.
Я призраков не помню в этих стенах.

ГРЕЧ

Но жив Бестужев, говорит молва.

ДЕЗИН

Ах, успокойтесь, это все слова!

БУЛГАРИН

Да, мы шумели! Ну и что в том толку?
Ишь, якобинцы,— насмешили только!
Ходите, сударь!

ГРЕЧ

Я не понял хода.

БУЛГАРИН

Вы невнимательны!

ГЕНЕРАЛ

Что есть свобода?
Да мне в ней никакого интересу.

ГРЕЧ

Вы не способны, русские, к прогрессу.
Народу удовольствие лишь в рабстве,
А вы ему толкуете о братстве.
О солнце и не помышляет крот.
Здесь царствовать должна лишь палка! Вот
Что образует ваш народ скорее,
Чем все реформы.

БЕСТУЖЕВ

…Были здесь Рылеев,
Каховский, Пушкин…

ГРЕЧ

Нынче благодать!..
Попробуй эту истину сказать
Тогда, в двадцатых,— не стыдясь, в лицо
Шпионом обзовут иль подлецом.
Мы слепы были.

ГЕНЕРАЛ

Надо знать одно:
Довольствоваться тем, что нам дано
От Бога и царя. Вот наш удел
Российский!

БЕСТУЖЕВ

Хватит! Есть всему предел!
Случается — взлететь не может птица,
Но как… как вы могли переродиться,
Предать друзей?!

БУЛГАРИН

Но это, братец, крайность!
Вы б помолчали!

БЕСТУЖЕВ

Я молчал и — каюсь!
Молчал, когда я видел сам воочью —
Вы растащили человека в клочья!

ЖУКОВ

Он — тень Бестужева!..

БЕСТУЖЕВ

Да, я — оттуда.
Вы не были мне другом. Вы — Иуда!

И счастлив видеть я, с какой любовью
Вы здесь торгуете моею кровью!
Веселая, жестокая потеха…
Пиратствуйте, и я вам не помеха!
Толпитесь у вселенского лотка,
Пуская все святое с молотка:
Любовь, и душу, и мундир, и строки…
В чем добродетель ваша?.. В чем пороки?
Как высоко вы мыслями парите…
Мы жизнь прожили. Вы всё говорите
О жизни!.. Вы мечтали о свободе —
Мы пробуждали этот дух в народе.
Все достижимо вами. Все доступно.
Но торговать Отечеством преступно.
Мы не позволим!

ГЕНЕРАЛ

Кто — мы? Очень лестно
Узнать. Не те ли, что сидели в креслах
Вот в этих самых?.. А?.. Скажи, любезный,
Не вы ль Россию нашу ввергли в бездну,
Да и себя сгубили?

БЕСТУЖЕВ

Ваша честь,
Кем были мы и кто для вас мы есть —
Вам не понять.

ГРЕЧ

Да успокойтесь!.. Бросьте!..
Вы — гость!

УХТОМСКАЯ

Он — призрак!

БЕСТУЖЕВ

Вы в России гости!
Мы привечаем здесь кого угодно…
Нет в мире хлебосольнее народа.
Но вы забыли, господа, о том,
Что вы пасетесь за чужим столом
Хозяина, не помнящего зла.
Хранит огонь горячая зола,
Едва копни!..

ГРЕЧ

Но встанет ли калека?
Руси нужна жестокая опека!
Народ ваш ни работать не привык,
Ни думать!..

БЕСТУЖЕВ

Вот как!.. Ну, а наш язык?
Он мог родиться только на свободе,
Звучней его нет ничего в природе!
И, несмотря на вековую заметь,
Не потерял он о свободе память,
И не растряс он на крутой дороге

Дух Новгородских вольниц в каждом слоге.
И неизменен наш народ и вечен.
Ударь в набат, он побежит на вече,
Как это было сотни лет назад!..

ГЕНЕРАЛ

Нет, извините! Я ценю ваш взгляд,
Но вы пьяны от новгородской браги.
Для вас дороже древние сермяги
Романовских знамен!

БЕСТУЖЕВ

Каким бы флагом
Ни прикрывали вы своих варягов,
Мы знаем, кто есть кто!

ГРЕЧ

Но, господа,
Такое не годится никуда!

БЕСТУЖЕВ

Пусть добрый инок послужить вам рад
Старинной сказкою на новый лад.
Руси немного от того вреда.
До Рюрика имелись города
И паруса свои, свои и весла,
Художества, законы и ремесла.

ГРЕЧ

Ворону не отмоешь добела!

БЕСТУЖЕВ

Русь вольною республикой была.
Но храмы древние пришли в негодность,
И говорит в нас попранная гордость:
Опомнитесь, великие славяне,
Все ваше подавляется!.. Все вянет!
Невежеством раздавлен ваш народ,
И цвет российский скоро опадет,
Не принеся в свет нравственного плода
Для мира и спасения народов!
А ведь когда-то, знаете вы сами,
Все называли нас сынами славы!..
Кто мы теперь, коль предает брат брата?..
Мы — дети новых нравов и разврата.
Что преступленьем было, стало нормой,
И этого не устранить реформой.
Народ царя и чествует, и славит —
Обманутый обманутыми правит!
Царь не сослал нас. Нет. И не повесил.
Есть в каждом доме… есть пять этих кресел.
Пять ликов, и у каждого свеча…
Прислушайтесь, о чем они молчат?!.

1985

КИБАЛЬЧИЧ

Три акта драмы

ДЕЙСТВУЮТ:

КИБАЛЬЧИЧ
ВЕРА
ЗАРЖЕВСКИЙ
ЖЕЛЯБОВ
СОФЬЯ
ЛАВРОВ
НЕЧАЕВ
АЛЕКСАНДР II
ОБХОДЧИК
ПРИТУЛА — крестьянин
СВЯЩЕННИК
ПРИСТАВ
ЖАНДАРМ
СОЛДАТ
ГЕНИЙ, он же КИБАЛЬЧИЧ
СПИНА, он же ЗАРЖЕВСКИЙ

Россия, 1874–1881 гг.

Первого марта 1881 года в С.-Петербурге бомбой,
брошенной неизвестными террористами,
был убит царь АлександрII.
По делу «1-го марта»
перед особым присутствием Сената
предстали члены исполнительного комитета
партии «Народная воля»:
Желябов, Перовская, Кибальчич,
Михайлов, Рысаков, Гельфман.
Этот выдающийся по своему значению
политический процесс закончился
приговором к смертной казни всех шести обвиняемых.

АКТ ПЕРВЫЙ

«Когда я явился к Кибальчичу,
как назначенный ему защитник,
меня прежде всего поразило, что он был занят
совершенно иным делом,
ничуть не касающимся настоящего процесса.
Он был погружен в изыскание, которое он делал
о каком-то воздухоплавательном снаряде…»

Из речи защитника Герарда

1.1

Трубецкой бастион Петропавловской крепости.
Март 1881 г.
Кибальчич в камере.

КИБАЛЬЧИЧ

Простой до боли поворот ключа
Мир делит на свободу и неволю.
Непросто человеку оказаться
С той стороны двери, где он свободен.
Но кто мне скажет, где та сторона:
Здесь, в камере, иль там, снаружи?
А может, отделяет эта дверь

Неволю от неволи… Иль свободу
Враз поделила надвое, а люди
От века насмерть бьются за ключи? —
Никчемное занятье!.. Что нас гонит?..
Опасное предчувствие бессмертья
Иль чувство ранней гибели? Зачем
Спешим свершить великое открытье
Себя в себе, а открываем двери
Не те, какие нам открыть хотелось!..
Они — страницы книги бытия —
Неотвратимые, как то пространство,
В которое мы все заключены!
И метил ли тогда в цареубийцы
Мой ум?.. Нет!.. Сердце?..
Никогда! Я знаю,
Что где-то в глубине моей души
Лежит вселенский ключ от мирозданья!..
…И как теперь постыдно и преступно
Все это унести на эшафот,
Куда мне путь указан от рожденья!..
Нет тайн Вселенной!.. Вымыслов давно
Не существует!.. Самодержец мертв,
И я повинен!.. Это преступленье —
Так думают с той стороны двери…
А с этой?.. Вижу в том, что есть и было,
Одно — движенье времени!.. И только!..
И если есть убийца во Вселенной,
То это — Время!.. Время и судите!..
Секунды четвертуйте всенародно
И вешайте мгновенья!.. Человеку
Позвольте быть собой!..

Появляется **Надзиратель**.
За ним **Заржевский**, на груди которого три ордена.

НАДЗИРАТЕЛЬ
К тебе защитник.

КИБАЛЬЧИЧ
Бумагу и перо!

НАДЗИРАТЕЛЬ
Запрещено.

ЗАРЖЕВСКИЙ
Кибальчич!

КИБАЛЬЧИЧ
Кто ты?

ЗАРЖЕВСКИЙ
Что с тобой?

КИБАЛЬЧИЧ
Бывает,

Глядишь на тень, а это — человек,
Глядишь на человека, он — лишь тень.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Не понимаю!

КИБАЛЬЧИЧ

Много ли дано
Понять нам, если ты… Заржевский, ты…
Защитник мой!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Позволь, но я считаю
Твое необъяснимое участье
В процессе этом недоразуменьем!

КИБАЛЬЧИЧ

Вот видишь — непонятно!.. Не старайся
Понять!.. Зачем?.. Ведь создала природа
Нам слово очень ловкое: допустим!
Ты допускай почаще!.. Не стесняйся.
Есть в допущенье истина познанья.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Ты странно говоришь…

КИБАЛЬЧИЧ

Теперь допустим,
Что я, Кибальчич Николай Иваныч,
Здесь, в стенах этих, при свече вот этой,
Чей воск причудливый напоминает
Одним — дерьмо, другим — мозг мирозданья,
Облек в слова и чертежи Идею,
Витавшую во времени… Идею,
Дрожащую на кончике пера
И у Платона, и у Леонардо,
И у Коперника…

ЗАРЖЕВСКИЙ

Послушай, брось!..
У нас осталось времени немного,
Чтобы теперь с проектами… Ты знаешь:
Последним словом памятен преступник.

КИБАЛЬЧИЧ

Взгляни-ка вот сюда!.. Ну как?

ЗАРЖЕВСКИЙ

Что это?

КИБАЛЬЧИЧ

Воздухоплавательный аппарат!

ЗАРЖЕВСКИЙ

…Допустим… Только на суде…

КИБАЛЬЧИЧ

Забудь!
Речь не о том, Заржевский… Очень много

Мы, люди, копошимся и мельчим!
Ты — мой защитник…

ЗАРЖЕВСКИЙ

Извини меня!
Я покаянья ждал, но ты упрям!
Я откажусь!.. Назначен будет Герард.
А он не справится!..

КИБАЛЬЧИЧ

Подлец!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Да, да…
Ты знал мое падение!..

КИБАЛЬЧИЧ

И что?!
Я разве не подал тогда руки,
Чтобы спасти тебя!..

ЗАРЖЕВСКИЙ

Подал… Но это
И наказуемо!..

КИБАЛЬЧИЧ

Одна лишь просьба:
Отдай проект защитнику.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Изволь.

КИБАЛЬЧИЧ

Поскольку мне теперь не суждено
Следить за воплощением проекта,
Мне важно то, что думают о нем
Ученые… Пусть Герард передаст
Проект на заключение. Я верю
В осуществление проекта. Здесь
Все чертежи и описанье… Знай,
Что времени немного, потому
Пусть поторопится!.. Прощай!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Прощай!

1.2

Народники считали, что русский мужик,
«коммунист по инстинкту»,
готов к революции в России.
Летом 1875 года Кибальчич отправился
на Киевщину «в народ» с экземплярами
нелегальной «Сказки о четырех братьях».
Провинциальный трактир. У дверей трактира **Нищий**.
Появляется **Кибальчич**.

КИБАЛЬЧИЧ

Есть единенье дерева с землей,
Зачем же ввысь все дерева стремятся?..
Я видел ели, тонкие, как нить,
Готовые вот-вот покинуть землю
И в небо унестись, туда, где нет
Кричащих сов, мышиного уюта,
Туда, где абсолютная свобода —
Ни пут земных, ни проливных дождей!..
Свобода!.. Я ли не служил тебе
И с первых дней творенья не стремился
К тебе, познав с вселенной единенье.
То единенье — сердца и светил!..
И в том предназначение мое
Здесь, на земле: чтоб все, что ввысь стремится —
Деревья, скалы, купола церквей,—
Подняться над землей могло однажды…

…Но на земле мне столько вышло дел
Таких земных, что я вдруг ясно понял:
Свободы от земного притяженья
Нет без свободы духа у людей!..
Есть единенье дерева и звезд,
Есть единенье дерева с землею!..

Едва **Кибальчич** поравнялся с **Нищим**, как тот запел.

НИЩИЙ

Хорошие мои!
Не проходите мимо.
Взгляните на меня,
На нищего банкира!
Как разменял себя,
Я не заметил, люди.
Мы суетимся все
Медяшками на блюде!
Пою не потому,
Что нет воды и пищи,
А потому, что мир
Давно такой же нищий!..

КИБАЛЬЧИЧ

А ты философ.

НИЩИЙ

Нынче в мире нет
Философов. Все суета, Кибальчич.

КИБАЛЬЧИЧ

Ты знаешь, кто я?

НИЩИЙ

Нет! Никто не знает
Другого человека. Мне знакомо
Одно лишь имя.

КИБАЛЬЧИЧ

Ты… Заржевский?!

НИЩИЙ

Нет!
Заржевским был… Я имя потерял.
И не стыжусь!

КИБАЛЬЧИЧ

Я не виню тебя.
Я… я не верю! Ты — Заржевский?.. Ты?..
Тот самый, что недавно в Петербурге…
Не может быть!.. Не верю!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Может… Может!

КИБАЛЬЧИЧ

Ты призывал идти нас за собой

Сюда, в деревню, бунтовать народ!
И что же?

ЗАРЖЕВСКИЙ

Я народа не нашел.
Народа нет.

КИБАЛЬЧИЧ

Ты ль это?!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Нету!.. Нет!

КИБАЛЬЧИЧ

Единственный защитник. Адвокат —
Каких в России мало… Знаешь, кем
Ты был для нас?.. Послушай, от паденья
Шаг до предательства!..

ЗАРЖЕВСКИЙ

Все суета!..
Мне нынче повезло… Ты при деньгах?

КИБАЛЬЧИЧ

Я помогу тебе!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Стакан вина.
Я большего не стою.

КИБАЛЬЧИЧ

Это ты?
Чьи интересы, мысли, страсть… вся жизнь
Принадлежали…

ЗАРЖЕВСКИЙ

Я хочу вина.

КИБАЛЬЧИЧ

…Лишь Родине!..

ЗАРЖЕВСКИЙ

Прошу тебя… Прошу…

КИБАЛЬЧИЧ

Заржевский!..

ЗАРЖЕВСКИЙ

Я от имени отвык.
И кто я?.. Что я?.. Ты сказал: Заржевский,
Как свет зажег… А это страшно: свет!
Внезапный свет, когда ты гол и жалок
Пред целым миром.

КИБАЛЬЧИЧ

Я боготворил
Всегда тебя.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Я не ходил в героях,
Уже тогда я был рабом.

Появляется **Притула**.

Лишь смерть
Освободит, Кибальчич, нас…
(Притуле)
Эй, ты!
Скажи-ка, братец, что такое смерть?

ПРИТУЛА

Господь с тобой!..
Заржевский
Не знаешь!

ПРИТУЛА

Как не знать!
Я видывал не раз. Смерть — это баба!..

КИБАЛЬЧИЧ

Как звать тебя?

ПРИТУЛА

Я — Притула, крестьянин.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Я был, как ты, восторжен… И как ты,
Смешон для них. Восторженность, Кибальчич,
Нас выдает. Забудь о ней. Здесь проза.
Мужик чудес не ждет. Топор и трусость —
Его два бога!.. И он служит им
Обоим сразу.
Да ему свобода
И не нужна!.. Ты опасайся здесь
Случайных встреч. Тебя он выдаст.

КИБАЛЬЧИЧ

Ты…
Ты — труп, Заржевский!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Это странно?

КИБАЛЬЧИЧ

Труп!

ЗАРЖЕВСКИЙ

С той разницею, что хочу вина.

КИБАЛЬЧИЧ

(Притуле)
Ты грамотен?

ПРИТУЛА

Да, помнится, мальцом
Одну книжонку с братом искурил,
Так буквы разбираю!

КИБАЛЬЧИЧ

Вот тебе
На память книжка от меня… Читай!
Понравится — отдашь другому.

ПРИТУЛА

Барин,
За что уважили?..
(Читает.)
Э… Сказку… эту
Читай, да и на ус мотай… Потеха!
Чего там не напишут грамотеи!..
Прощайте, барин!

Притула уходит.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Выдавать пошел!
Я знаю их!.. Я знаю!..

КИБАЛЬЧИЧ

Не кричи!
Ты просто болен.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Он тебя предаст!..

КИБАЛЬЧИЧ

Эй, эй!.. извозчик!..

ЗАРЖЕВСКИЙ

Я хочу вина!
Стук останавливающегося экипажа.

КИБАЛЬЧИЧ

Садись скорее.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Как тебе угодно.
(Поет, уходя.)
Цыганку я любил
И не боялся сглазу.
Закладывал себя,
Не выкупил ни разу!
Остался у меня
Лишь ключ от тайной дверцы.
Я мертв, я мертв, я мертв,
Коль есть — подайте сердце!
Пою не потому,
Что нет воды и пищи,
А потому, что мир,
Как я, такой же нищий!..

1.3

В сентябре 1875 года крестьянин Притула
передал «Сказку» пономарю Стефанюку,
тот — священнику Олтаржевскому, который,

в свою очередь, переслал книгу
киевскому митрополиту, а тот — губернатору.
Вскоре начальник Киевской жандармерии Павлов завел дело по обвинению Н. И. Кибальчича
в пропаганде нелегальной литературы.

С.-Петербург.
Перед **Александром II** стоит **Заржевский**.
Мы видим только его спину.

АЛЕКСАНДР
Насильно можно выслушать молитву,
В театре высидеть, но прочитать
Насильно книгу человек не может,
А эта вся зачитана до дыр!
СПИНА
Сюжет простой: пошли четыре брата
Искать по свету…
АЛЕКСАНДР
Знаю!
СПИНА
Государь…
АЛЕКСАНДР
Мне семь ночей в один и тот же час
Приходит сновидение, как будто
Передо мной кувшин… Но только тронь,
Как роза распускается над ним.
Огромная мистическая роза!
Крылатые химеры, словно пчелы,
Над ней летают…
Крылья их скрипят,
Как мельницы… И, просыпаясь, я
Все думаю: коль есть такой цветок
И бабочки, то, значит, есть и вихрь,
Терзающий его, и есть рука,
Срывающая розу… А?.. К чему
Все это?
СПИНА
В мире неспокойно.
Повсюду бунты.
АЛЕКСАНДР
Отчего, скажи,
Вот эта сказка мужику важней,
Чем хлеб насущный… Библию, должно,
Теперь и не читают?
СПИНА
Государь…
АЛЕКСАНДР

Нет, не читают! Им подай скорей
Что поострей и проще!

СПИНА

Государь,
Он книжицу отнес пономарю,
А тот отдал священнику. Священник
Немедля — губернатору…

АЛЕКСАНДР

Короче!

СПИНА

Так появилось дело.

АЛЕКСАНДР

В добрый час!
(Вручает орден.)

1.4

19 августа 1875 года Кибальчич вернулся в С.-Петербург. На следующий день он снял квартиру на Петербургской стороне на набережной Большой Невы, 6. При обыске, поводом которому послужила подаренная Притуле «Сказка», было обнаружено: 719 экземпляров газеты «Вперед», издаваемой за границей Лавровым; 89 экземпляров брошюры «В память столетия пугачевщины», издаваемой в Лондоне; 2 листа переведенного на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» и другая нелегальная литература…

С.-Петербург. 11 октября 1875 г.
Квартира **Кибальчича**.

КИБАЛЬЧИЧ
(один)

Союзник мой и первый враг мой — память,
Я думал, ты дана для созиданья,
А ты… ты отлучаешь постоянно
Меня от мысли, нужной в этот миг…
Ты — ноша. То легка, то непосильна.
Не отягченный памятью, я к цели
Приду скорей…
Стань палачом, мгновенье!..
Убей во мне о прошлой жизни память!..
Освободи, всесильная минута,
От ненасытных губ, от глаз молящих,
От рук, меня предавших, рук — любивших,
От оболгавших трезвых голосов!..
Идите прочь!.. Беспамятство приемлю
Глухое, как заброшенный колодец,
Где только мох, покой и тишина…
…Но в глубине беспамятства опять
Ее глаза и губы… А быть может,
Открытья все — в одной ее реснице?!
Так стань же милосердным вновь, мгновенье,
Мой первый враг — союзник первый — память!..

Появляется полупьяный **Заржевский**.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Удел великих — нищенство, а ты
Живешь в довольстве.

КИБАЛЬЧИЧ

Помолчи!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Скажи,

Зачем тебе цилиндр? Все равно
Умней не станешь!

КИБАЛЬЧИЧ

Я прошу…

ЗАРЖЕВСКИЙ

Гляди:
Изделье «Лондон-74»!..
Ему цены-то нет… А здесь ломбард
Неподалеку.

КИБАЛЬЧИЧ

Отнеси. Отдай!..
Пропей иль проиграй, иль…
Оставь меня в покое!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Башмаки.

КИБАЛЬЧИЧ

Что башмаки?

ЗАРЖЕВСКИЙ

Христос ходил босым,
А мир постиг!

КИБАЛЬЧИЧ

Я не Христос!.. Иди!..

Заржевский уходит.

КИБАЛЬЧИЧ

Желанье забытья куда острей
Желанья жизни! То, что изначально,
Влечет его сильней, чем то, что будет.
Небытие — праматерь бытия
Воистину!

Доносятся шаги.

КИБАЛЬЧИЧ

Вот дьявол!

Вошла **Вера**. **Кибальчич** ее не видит.

Что еще?
Бери, что хочешь, только уходи!
Приборы, книги, башмаки…

ВЕРА

Кибальчич!
Ты дома?

КИБАЛЬЧИЧ

Вера?!

ВЕРА

Здравствуй!

КИБАЛЬЧИЧ

Заходи!
Откуда ты?

ВЕРА

Мне никогда вопросов
Не задавал ты…

КИБАЛЬЧИЧ

Я молчу. Прости!

ВЕРА

А ты не рад.

КИБАЛЬЧИЧ

Я не успел еще
Опомниться!

ВЕРА

О чем ты?

КИБАЛЬЧИЧ

Есть порок,
Что называют часто воспитаньем.
Мне б извиниться, мне б сказать: прости,
Работаю!.. Зайди попозже… Нет!
Уже спешу поставить самовар,
Объятья простираю!

ВЕРА

Вот те на!
Ты выставляешь гостью за порог
Во имя человечества?

КИБАЛЬЧИЧ

Нет, нет!
Не о тебе я… Это просто к слову.

ВЕРА

Там вещи у меня!

Кибальчич приносит тюк,
оклеенный эмблемами европейских отелей.

КИБАЛЬЧИЧ

Здесь пол-Европы!

ВЕРА

Купила, что могла.

КИБАЛЬЧИЧ

Вот оттого
Я не женюсь!

ВЕРА

Я — женщина.

КИБАЛЬЧИЧ

Вот-вот!
А женщины, как мне известно, любят,

Когда им угождают.

ВЕРА

Мудрость жизни
И в этом есть.

КИБАЛЬЧИЧ

Иллюзия — не мудрость.
Ведь все не так!

ВЕРА

Но я учусь… служу…

КИБАЛЬЧИЧ

Мы все несем один огромный груз,
Одну Идею, дружно, как варяги
Тащили посуху один корабль,
Взвалив его на плечи. Только мы
Все роста разного: одни, как гномы,
Ногами семенят, и все!.. Другие —
Руками держатся, и не поймешь —
Они несут корабль иль их несет
Неведомая сила великанов
Двух-трех, напрягших мышцы до предела?..
Но все — варяги. Все прибудут в греки!

ВЕРА

Большим всегда груз больший выпадает,
А я невелика!.. И мне легко!..
Мне так легко, что я вот-вот сломаюсь.
Так весело, что опухают веки.
Прости, что я пришла к тебе, Кибальчич,
Но не прийти я не могла.

КИБАЛЬЧИЧ

(думая о своем)

Клянусь,
Я ждал тебя… Поверь, я даже счастлив,
Что ты со мною.

ВЕРА

Я тебе не верю.
Я здесь с тобой, но нет со мной тебя.
Ты вежлив, да!.. О, ты не представляешь,
Насколько ты внимателен. Ты весь…
Весь напряженье!.. Хочешь, я скажу,
О чем ты думаешь? Ты повторяешь
Стократно имя, чтобы не забыть,
Как называть меня… Да, да!.. Но я
Не обижаюсь, а ведь это страшно —
Быть при тебе невидимой!

КИБАЛЬЧИЧ

Ты можешь
Уйти совсем иль навсегда остаться —
Мне все равно, пока со мной работа.

Но на земле нет женщины желанней
Тебя!

ВЕРА

Остановись, Кибальчич!
Ведь ты опасен!.. Более того,
Ты… ты преступник!.. Ты убил себя!..
Уже убил!..

КИБАЛЬЧИЧ

Песочные часы
Дала природа нам. Две равных колбы.
Одна полна — то наша жизнь. Вторая
Пуста — для дела жизни, для Идеи.
Сквозь разум наша жизнь перетекает
В другую колбу, становясь Идеей.
Так мыслю я себя.
Вот вся премудрость.
А смерти нет!

ВЕРА

Но я хочу любви!
Скажи, что́ без нее озноб познанья,
Ожоги революций? Без наград
Нет состязаний.

КИБАЛЬЧИЧ

(раздражаясь)

Тайною природы
Всегда пребудет женщина. У вас
Есть милое до жути назначенье —
Все превращать в игру. В забытых кукол
Вы ловко обращаете мужчин —
И вот успех! Есть высшая награда
Любовь, а есть костер. Мой жребий брошен —
Alea jacta est* — не говори
О самоотреченье… Все банально.
Я так живу.

ВЕРА

Ты счастлив, Николай?

КИБАЛЬЧИЧ

Я так живу!..

ВЕРА

Но мне не все равно —
Уйти совсем иль навсегда остаться!
Ты знаешь, я завидую вещам,
Которых ты касаешься руками
И взглядами. Я бы осталась здесь
Свечой вот этой или легкой тенью,
Скользящей за тобой.
Но жребий брошен —
Alea jacta est! — ты прав, Кибальчич!..
Вот саквояж… Ты думаешь, что в нем

Мои наряды?.. Спрячь его подальше.
За ним придут товарищи. Ты нам,
Надеюсь, не откажешь?.. У таких
Жандармы не гостюют.

КИБАЛЬЧИЧ

Поживиться
Здесь нечем им.

ВЕРА

Ну вот и объяснились.
Прощай!

КИБАЛЬЧИЧ

Останься!
За дверью слышен грохот.

ВЕРА

Что это за шум?

КИБАЛЬЧИЧ

Заржевский из ломбарда.

ВЕРА

Я уйду!
Кибальчич
(показывая запасный выход)
Сюда!

ВЕРА

Спасибо и прощай!

КИБАЛЬЧИЧ

Прощай!

Вера уходит.
Кибальчич открывает дверь.
Появляются **жандармы**.

ПРИСТАВ

Кибальчич?

КИБАЛЬЧИЧ

Но позвольте, господа…
Что это значит?

ПРИСТАВ

Ай, не видишь — обыск!

КИБАЛЬЧИЧ

Ворваться в дом!..

ПРИСТАВ

А мы при понятой,
Как по закону!..

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

Ничего не взяли!

ПРИСТАВ

Ты вот каков!

ЖАНДАРМ

Ученые, должно быть.

ПРИСТАВ

Выкладывай!

КИБАЛЬЧИЧ

О чем вы?

ПРИСТАВ

Не юли!
Оружие и тайные бумаги,
К храненью не дозволенные. Мне
Приказ таков.

ЖАНДАРМ

Не гневайтесь.

КИБАЛЬЧИЧ

Приказ?
Ищите, коль найдете.

ЖАНДАРМ

Здесь замок!
И здесь…

КИБАЛЬЧИЧ

Ломайте!

ЖАНДАРМ

Дорогая вещь!

ПРИСТАВ

Ломай!.. Ну что там?

ЖАНДАРМ

Нету ничего!
Должно, в подполье!

ПРИСТАВ

Где тайник?.. Живей!..

ЖАНДАРМ

(распаковывая тюк)
Уж не извольте гневаться… Чутье!
Из деревенских я, и, знамо дело,
Лишь тюк поднял, сообразил, что в ем!
Навоз и книги в тяжести своей
Друг друга стоят!..

КИБАЛЬЧИЧ

Что я должен делать?

ПРИСТАВ

Поедешь вместе с нами.

КИБАЛЬЧИЧ

У меня
Нет денег на извозчика.

ПРИСТАВ

Шалишь!
Мы на казенный счет. Покажь-ка руки!

(Надевает наручники.)

Все, кроме **Кибальчича**, уходят.

КИБАЛЬЧИЧ

Я посмотрел на линии руки,
Судьбу мою вместившие… Жестоко
Рок начертал их… Линия страданий
И росчерк лжи… Вот зависти зарубка,
Вот линия желаний — все нелепо
Вдруг обрываются, едва начавшись…
И лишь одна, что Жизнь обозначает,
Та — бесконечна!.. Вот она… Так значит,
Мне быть, когда окончатся страданья,
Не зная Гнева, Зависти, Любви;
Глухому слышать крик свой — прежний крик!..
Слепому видеть солнце — то, что было!..
Кричать беззвучным ртом: я существую!..
И старой мыслью обновлять миры!..
Вселенная — пересеченье линий!..

1.5

После трехлетнего пребывания под следствием
в 1878 году Кибальчич приговорен судом к месячному заключению за распространение нелегальной литературы.

«Тюремное заключение более или менее продолжительное оказывает на
неустановившихся людей одно из двух влияний:
одних лиц — неустойчивых и слабых натурой —
оно запугивает и заставляет отречься
от всякой деятельности в будущем.
Других же, наоборот, закаляет, заставляет стать в серьезные отношения к делу,
которое представляется теперь главной задачей жизни.
Я принадлежу к числу вторых».

Н. Кибальчич

Московский пересыльный замок. 1878 г.
Пустая камера.
Жандарм вводит **Кибальчича**.

ЖАНДАРМ
Освободилась только, занимай!
Здесь поуютнее.

Жандарм уходит.

КИБАЛЬЧИЧ
Куда уютней!
Вода стучит, как много лет назад!..
Как много лет вперед…

Каждое в своей плоскости
возникают зарешеченные окна.
За ними — **народовольцы**.

НЕЧАЕВ
Кибальчич!
КИБАЛЬЧИЧ
Да!
НЕЧАЕВ
Сегодня?
КИБАЛЬЧИЧ
Я не знаю.
НЕЧАЕВ
Ты крепись!
Теперь уж скоро, коль перевели.
Подолгу здесь не держат. Приговор —
Иль в петлю, иль на волю.
КИБАЛЬЧИЧ
Все одно:
Свобода за воротами тюрьмы
Не начинается. Свобода наша
Лишь в нас самих… Три года ждать суда

И осужденным быть на месяц!.. Вот
Все правосудие!

НЕЧАЕВ

Зато меня —
К пожизненному — без суда, и, в среднем,
В империи порядок!

КИБАЛЬЧИЧ

Кто здесь был?
Здесь, до меня?

НЕЧАЕВ

Товарищ наш.

КИБАЛЬЧИЧ

Я видел,
Как повели его. Куда?

НЕЧАЕВ

Свобода
Не для него…

КИБАЛЬЧИЧ

Но шел он так спокойно!..

НЕЧАЕВ

Пророк, постигший мир, всегда спокойней,
Чем палачи…

Барабанная дробь.

ГОЛОС

Да здравствует свобода!

ЖЕЛЯБОВ

Товарищи!.. Клянемся отомстить
За каждый крик задушенный, за слово,
Растерзанное псами!

ГОЛОСА

Мы клянемся!

ЛАВРОВ

Отныне бог один — террор!.. Террор!..
И только выйду…

ЖЕЛЯБОВ

Ты погубишь дело.

ЛАВРОВ

Всех разом!.. Всю фамилию!..

ЖЕЛЯБОВ

Опять
Ты за свое!

ЛАВРОВ

Всему виною царь!

НЕЧАЕВ

У нас нет динамита.

ЛАВРОВ

Есть Европа!

КИБАЛЬЧИЧ

Мы можем сами получить. К тому
Есть все у нас.

ЖЕЛЯБОВ

Сегодня ты уйдешь
Туда, на волю… Помни об одном:
Ты занимался поиском энергий
В религии, в земле, в телах небесных,
В природе человека… Ты был близок
К открытию, которое повергло б
В унынье человечество иль в радость,
Какой оно не знало… Это так.
Но нам сегодня… нам нужна наука…

КИБАЛЬЧИЧ

Я понимаю, что же убеждать?

ЖЕЛЯБОВ

Нас, убежденных, много — нет борцов!
По тюрьмам все… Но нам и заключенье —
Борьба пожизненная.

НЕЧАЕВ

Четыре года
Готовимся мы встретить государя
Здесь, в крепости. Он каждый год сюда
Приходит к императорским могилам
На поклонение…
Пусть мне еще
Понадобятся годы, но клянусь,
Что я взбунтую царскую охрану!

ЖЕЛЯБОВ

Нечаев, это невозможно!

НЕЧАЕВ

Нет,
Нет невозможного!

Входит **Жандарм**.

ЖАНДАРМ

Кибальчич?

КИБАЛЬЧИЧ

Да.
Прощай, Нечаев!

ЖАНДАРМ

Торопись!

НЕЧАЕВ

Прощай!

ЛАВРОВ

До встречи!

ЖЕЛЯБОВ

Жди нас всех!

КИБАЛЬЧИЧ

Даю вам слово
Употребить все знания и силы
На дело революции!.. Свобода
Пусть станет Богом нашим. Я займусь
Наукою, которая теперь
Мне кажется важнейшею!..

НЕЧАЕВ

Прощай!..

АКТ ВТОРОЙ

19 декабря 1878 года министр внутренних дел разослал всем губернаторам секретный циркуляр:
«Сын священника Николай Иванович Кибальчич,
находившийся под надзором полиции в гор. С.-Петербурге…
20 октября отметился выбывшим в Москву, но… в Москву не прибывал…»
«В конце весны 79 года, когда борьба между правительством и партией обострилась до крайней степени, я, сознавая, что в такое время обязанностью каждого, разделяющего известные убеждения, является активное содействие партии, предложил через Квятковского свои услуги революционной организации…»

Н. Кибальчич

2.1

Квартира **Кибальчича**. Август 1879 г.

КИБАЛЬЧИЧ

Из уважения к самим себе
Мы сами возвеличиваем часто
Своих врагов… И мне понятен этот
Порок людей — как беспорочность птиц!
Я одного осмыслить не могу —
Предательства… Оно закономерно,
Как героизм. Как свет дневной и тень.
Как свет и тень… Предмет и тень… Да, да!..
В день пасмурный мы не встречаем тени,
Но всходит солнце — и во всей Вселенной
Вмиг оживают эти привиденья!..
Не убежать от них и не укрыться…
Сразиться с тенью можно новым светом!
Так, значит, все предательства от солнца,
От мысли, свет несущей, от Идеи,
И уничтожить можно только мыслью
Предательство, несущее в себе
Отчаянье ничтожества?! Но, люди,
Нас свет слепит, и мы теней не видим.
Нас предают, не пряча глаз, как прежде.
И в добродетель превращен порок.
И потому предатели безлики!..
Но все ж благословен будь этот мир,
В который мы пришли и не уйдем,
Пока не потрясем его основы!..

Появился **Заржевский**. **Кибальчич** не видит его.

Что в сущем есть загадочнее?..

ЗАРЖЕВСКИЙ

Что?
Загадочнее человек!

КИБАЛЬЧИЧ

Сдаюсь!
Заржевский, ты ли?.. Ну, брат!.. Европеец!..
Позволь обнять!.. Я потерял тебя.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Россия велика!

КИБАЛЬЧИЧ

Тесна Россия!
Ты преуспел!.. Я рад!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Спасибо.

КИБАЛЬЧИЧ

Где ты
И кто?

ЗАРЖЕВСКИЙ

Я вывел формулу успеха
И ей живу.

КИБАЛЬЧИЧ

Скорей поведай миру!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Успех есть жизнь за вычетом соблазнов.
(Пишет мелом на стене.)
«G» минус «S»!

КИБАЛЬЧИЧ

Так просто?

ЗАРЖЕВСКИЙ

Не скажи!
Подставь хотя б на час свои значенья —
И все поймешь!

КИБАЛЬЧИЧ

Загадка человек.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Да — человек, а не твоя наука.
Все истины, энергии — все в нем.
Он совершенен!..

КИБАЛЬЧИЧ

Как же он тогда
В несовершенном мире существует?
Где точка, на которой пребывает
Мир в этом ненадежном равновесье?
Гармония…

ЗАРЖЕВСКИЙ

Гармония Вселенной

Откроется не нам… Нас манит завтра!.
Игрок ведет опасную игру
Без козырей, и вдруг...

КИБАЛЬЧИЧ

Когда на карте
Судьба России…

Входит **Вера**.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Вот моя жена.
(Вере)
Позволь тебя представить…

ВЕРА

Мы знакомы.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Простите, я забыл.

ВЕРА

Кибальчич!..

КИБАЛЬЧИЧ

Да.

ВЕРА

…Я рада видеть…

КИБАЛЬЧИЧ

Я… я тоже рад.

ВЕРА

Прошло три года…

ЗАРЖЕВСКИЙ

Ты считала годы?

ВЕРА

Кибальчич, он ревнует!.. Берегись!..

ЗАРЖЕВСКИЙ

Ревную… Да!

ВЕРА

(Кибальчичу)
Я изменилась?

КИБАЛЬЧИЧ

Я
Не знаю.

ВЕРА

Почему?

КИБАЛЬЧИЧ

А для меня
Все женщины… все на одно лицо.

ВЕРА

Благодарю, утешил!

КИБАЛЬЧИЧ

Не сердись!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Я лишний здесь?

ВЕРА

Вот адрес. Позови
Товарищей сюда. Здесь безопасней.

ЗАРЖЕВСКИЙ

Кибальчич, не женись!

КИБАЛЬЧИЧ

Я не Кибальчич!
Я третий месяц как Агаческулов
И Дорошенко!

ЗАРЖЕВСКИЙ

И еще Самойлов!

Заржевский уходит.

ВЕРА

Прости меня… Когда б я знала… Но…
Тогда… так неожиданно.

КИБАЛЬЧИЧ

Всему
Свой срок… И, Вера, ты права.

ВЕРА

Права?
Не понимаю.

КИБАЛЬЧИЧ

Формула успеха:
«G» минус «S»!

ВЕРА

О чем ты?

КИБАЛЬЧИЧ

Подставляю
Свои значенья в формулу.

ВЕРА

И как?
…Я жду, Кибальчич!

КИБАЛЬЧИЧ

Равенство неверно!
Успех любого дела есть соблазн!
Соблазн познания.

ВЕРА

Мир говорит
Устами избранных. За что одним
Даны и ум, и красота, и слава,
Другим — ничто?

КИБАЛЬЧИЧ

Им жизнь дана, и тем
Все сказано.

ВЕРА

Дано подобье жизни.
А это скучно!

КИБАЛЬЧИЧ

Ищем символ тайный
В колоде дров и знаках зодиака
И забываем первородный смысл
Полена и звезды.

ВЕРА

Ждать столько лет,
Чтоб так вот встретиться!

КИБАЛЬЧИЧ

Ждать?

ВЕРА

Имена
Носить чужие, жить в чужих домах!..
Квартиры, паспорта… опять квартиры.
Фиктивный муж… фиктивная судьба…
Чья только не была я… И ничьей
Не быть в конечном счете!..
Все игра,
Азартная до самоотреченья…
Но без нее я б не могла… Она
И стала жизнью!

КИБАЛЬЧИЧ

Ты прости меня.
Я думал, что Заржевский…

ВЕРА

Помолчи.
Мне кажется, я прихожу сюда
Предвестницей беды… Назад три года
Вот так же здесь…

КИБАЛЬЧИЧ

Пустое. Позабудь!
Ты ни при чем. Напротив, я тебе
Лишь благодарен.

ВЕРА

Твой арест…

КИБАЛЬЧИЧ

В тюрьме
И есть, мой друг, то ощущенье жизни,
Свободы, братства, без чего мы все
Не общность, а общественность слепая,
Способная иметь чужое мненье,
А не оружие!

ВЕРА

Ты стал другим.

КИБАЛЬЧИЧ

Нет, Вера, нет!

ВЕРА

Другим!… В тебе живут —
Не смейся только — несколько людей.
И каждый — ты!.. Тебя в тебе так много,
Что я вдруг устаю… Мне только ясно:
Я не смогла б с тобой быть больше часа,
Но и не быть совсем я не могу.
Твой гений раздражает.

КИБАЛЬЧИЧ

Гений?! Мой?!
Не льщу себя надеждой прикоснуться
К истории… Так мало ниспровергнуть
Правительство, восстановить законы…
Богатство, мощь, стабильность государства —
В духовности его людей!.. В веках
Пребудет вечно тот, кто вдруг расширит
Нам чувственное восприятье мира,
Кто нас научит глубже сострадать,
Любить и мыслить!

ВЕРА

Я люблю тебя
За то святое отношенье к делу,
Которым ты живешь. Но отчего
Ты сам себе синод и государство,
Элита и толпа?.. Ты судишь сам
И сам же отбываешь наказанье
В себе самом!..

КИБАЛЬЧИЧ

Прости, я предлагал
Свои услуги партии.

ВЕРА

За тем
Мы и пришли к тебе. Никто другой
Нам не поможет. Нужен динамит.
И только ты способен…

КИБАЛЬЧИЧ

Бомбы?

ВЕРА

Да.

КИБАЛЬЧИЧ

(показывая на стол)

Вот погляди сюда.

ВЕРА

Что это?

КИБАЛЬЧИЧ

Проба.

ВЕРА

(бросаясь к столу)

Кибальчич!..

КИБАЛЬЧИЧ

Осторожно!

Вера роняет колбу.

Берегись!

Кибальчич прижимает **Веру** к себе.
Раздается взрыв.

…Ты побледнела… Испугалась?

ВЕРА

Да.

Что это было?

КИБАЛЬЧИЧ

Нитроглицерин.

Стук в дверь.

ВЕРА

Жандармы!..

КИБАЛЬЧИЧ

Не должно…

ВЕРА

Но все равно

Накроем стол!

КИБАЛЬЧИЧ

Вот скатерть… Вот цветы…

ВЕРА

Поставь графин!

КИБАЛЬЧИЧ

Войдите!

Входят **Желябов**, **Софья**, **Лавров**, **Заржевский**.

ЖЕЛЯБОВ

Что у вас

За взрывы?

СОФЬЯ

Здравствуйте!..

КИБАЛЬЧИЧ

(отвечая на приветствие)

Открыл бутылку

Шампанского неосторожно!..

СОФЬЯ

Да,
Таким вином недолго с ног свалить!

КИБАЛЬЧИЧ

Лавров!

ЛАВРОВ

Кибальчич!

КИБАЛЬЧИЧ

Здравствуй! Ты ли это?
Что там Нечаев?

ЛАВРОВ

Связи больше нет.

КИБАЛЬЧИЧ

Опять провал?

ЛАВРОВ

Мне это неизвестно.

ЖЕЛЯБОВ

Приступим к делу!.. Довожу до вас
Решенье сходки.
(читая)

«Приговор царю.
За бесправье и нищету русского народа,
за суды-убийства
Исполнительный комитет партии «Народная воля»
приговаривает царя-узурпатора к смертной казни.
Приговор должен быть исполнен
в ближайший месяц».

ЛАВРОВ

(доставая карту)

Предлагаю план:
Царь выезжает поездом на юг.
Под Александровском есть два откоса.
Вопрос лишь в динамите.

КИБАЛЬЧИЧ

Мины будут.

СОФЬЯ

Я остаюсь для помощи.

ВЕРА

И я.

2.2.

С.-Петербург. 1879 г.
Александр II и **Спина**.

АЛЕКСАНДР
Опять ты здесь?
СПИНА
Простите, государь!
Долг пред Отечеством всего превыше.
АЛЕКСАНДР
О долге после. Что там?
СПИНА
Доношу:
«За зло, которое он совершил,
За все суды-убийства, за бесправье
Народа русского, за нищету
Главнейший столп реакции и лжи,
Царь-узурпатор должен быть казнен
В ближайший месяц».
АЛЕКСАНДР
Кто же?
СПИНА
Исполком
«Народной воли».
АЛЕКСАНДР
Где?

СПИНА

Вас будут ждать
Под Александровском.

АЛЕКСАНДР

Все покушенья —
Есть жертвоприношения… А я
Пред Богом невиновен, оттого
Меня хранит он.

СПИНА

Повелите их
Арестовать?

АЛЕКСАНДР

Зачем?.. Еще не срок.
Мне нравится игра, что холодит
Порою кровь… В меня уже стреляли.
И что же? Я живу — посланник Бога!
Есть миссии Господни на земле
У нас, царей.

СПИНА

Но, государь…

АЛЕКСАНДР

Игра!
Один удар расстроит пирамиду —
И не собрать шаров!.. Но есть восторг
Глядеть на поле, видеть в нем Россию,
Жезл для удара занеся.

СПИНА

И все же
Не следует вам ехать.

АЛЕКСАНДР

Я поеду!

СПИНА

Пусть вас хранит Господь!

АЛЕКСАНДР

(подавая орден)

Благодарю.

СПИНА

Долг пред Отечеством всего превыше.

АЛЕКСАНДР

Долг пред царем.

СПИНА

Спасибо, государь!..

2.3

«Закладывая мину под полотно железной дороги
под Александровском, пробыл в дороге четверо суток без сна… Ждали взрыва, но царь благополучно проследовал
по Лозово-Севастопольской ж. д. Это огорчило.
Оставалась надежда на Москву…»

Из воспоминаний народовольцев.

Железнодорожный пост.
Жандарм, Пристав, Обходчик,
Вера и **Кибальчич.**

ВЕРА

Мы к поезду…

ЖАНДАРМ

(Кибальчичу)

Позвольте документ!

ПРИСТАВ

(показывая Обходчику фото)

Не видел?

ОБХОДЧИК

Вроде нет!

ЖАНДАРМ

Мы ждем царя
Проездом нынче.

ОБХОДЧИК

Да пора б уже.

ЖАНДАРМ

(читая)

Коллежский регистратор Иваницкий
С женой Елизаветою… Не те…
(Возвращает документ.)
Простите, служба!

ПРИСТАВ

Честь имеем быть!

Пристав и **Жандарм** уходят.

ОБХОДЧИК

Житья не стало… Каторжника ищут.
Да где его найдешь?.. Серег в ушах
Теперь не носят. Клейм не ставят нынче.
Он человек среди людей, как все…
А загляни в глаза — преступник каждый:
Один украл; другой убил жену;
Пьет третий; врет, божась, четвертый;
А пятый вроде бы ни то ни сё,
Но тем преступник больший, чем другие.
Нет человека, чтобы мог сказать:
Я чист пред небом и собою.

ВЕРА

Есть.
Есть и такие!

ОБХОДЧИК

Я их не встречал.

ВЕРА

А что, коль убивает человек
Во имя блага?

ОБХОДЧИК

Все равно убийца!

Входит **Лавров**.

Как ни крути.

ВЕРА

Ну что там?

ЛАВРОВ

Все готово.
Осталось только ждать…

КИБАЛЬЧИЧ

Скажи, любезный,
Что поезд царский?

ОБХОДЧИК

Зря, что ль, битый час
Я пуговицы чищу? Телеграмма
Уже была… Мы час от часу ждем.

ЛАВРОВ

И частый гость он?

ОБХОДЧИК

А не чаще вас,
Но нам и это праздник! По жандарму
На шпалу каждую одной охраны!
Да нешто мы разбойники какие?!
Мы — люди смирные.

ВЕРА

А говорил,
Что все — преступники!

ОБХОДЧИК

Так то по жизни,
А в службе мы смиренные… Хотя
Случается: стоишь как столб один
Среди путей… Развилка в две дороги.
Вдруг слышишь — поезд!.. Ты уже не столб,
Ты… Бог в преддверии и сам решаешь,
Куда его направить: в ад иль в рай,
Налево иль направо, будто правишь
Двумя мирами!..

ЛАВРОВ

И куда же ты
Их направляешь?

ОБХОДЧИК

В окнах — господа
Такие, что и поклониться благо
Им в ножки белые… А честь отдать —
Так это ж… сам в раю!..

ГОЛОС

Эй, телеграмма!

Обходчик уходит.

ЛАВРОВ

Уснуть бы на часок!

КИБАЛЬЧИЧ

Еще немного.
Крепитесь, господа.

Возвращается **Обходчик**.

ОБХОДЧИК

Жандарму почта.
Секретная, видать.

ЛАВРОВ

Позволь-ка мне…

ОБХОДЧИК

Нам не положено…

ЛАВРОВ

С кем говоришь?!

ОБХОДЧИК

Прошу прощенья!

(Отдает телеграмму.)

ЛАВРОВ

(читая)

«Государь сей день
Проследовал благополучно по
Лозово-Севастопольской дороге».

ОБХОДЧИК

Другою веткою!.. За что же так?
Не я ли месяц чистил фонари,
Подсаживал деревья?.. Я цветы,
Пусть восковые, по кустам крепил!
А мой мундир?.. А пуговицы, а?!
Я красил камушки и составлял
Слова святые: слава, мол, царю.
А он — другой дорогою!. За что?..

КИБАЛЬЧИЧ

Немедля уходить.

ЛАВРОВ

(возвращая телеграмму)

Мы уезжаем!

ОБХОДЧИК

Но поездов не будет!

КИБАЛЬЧИЧ

Все равно!
Мы на извозчике.

ВЕРА

Прощай!

ОБХОДЧИК

Прощайте!
Не спать две ночи… И уйти пешком…
Так господа не делают…

КИБАЛЬЧИЧ

Прощайте!

2.4

2 апреля 1879 года Соловьев стрелял в царя.
22 ноября стало известно
о неудачном покушении под Москвой.
5 февраля 1880 г. была взорвана царская столовая.

Квартира **Кибальчича**.
Собрание народовольцев.

ЖЕЛЯБОВ

Единой страстью мы живем, одним
Дыханием, одним единым сердцем
Во имя матери одной — России!..
Единым горем содрогались мы,
Друзей теряя, и восторг единый
Познали мы, когда нас ждал успех!
И революция — закон наш высший,
Один для всех, мы приняли его.
И каждый трижды был проверен в деле.
Я верю всем и каждому из вас.
Но факты против — среди нас предатель!

ВЕРА

Желябов!

ЛАВРОВ

Прекрати!

КИБАЛЬЧИЧ

Пусть говорит!

ЛАВРОВ

А виселицы и суды!..

ВЕРА

А пытки!..

ЖЕЛЯБОВ

Я сам готов за каждого из вас
Пойти на смерть!.. Но факты, факты, факты!..

ЗАРЖЕВСКИЙ

Что факты?

ЖЕЛЯБОВ

Соловьев стрелял в царя…

ЗАРЖЕВСКИЙ

Без нашей санкции!

ЖЕЛЯБОВ

Пусть — неудача!
Под Александровском мы ждем царя,
А он — другой дорогой!.. Пусть — случайность!
Ждем поезд под Москвою. Взрыв!.. И что же?
Он — невредим!.. Пусть динамит повинен.
Но в Зимнем тот же самый динамит
Столовую царя взметает в воздух,
Но он… опаздывает вдруг к обеду,
Забыв о пунктуальности… Что это —
Случайность иль предательство?

ЗАРЖЕВСКИЙ

Все так!
Предательство — твердит рассудок здравый,
Предательство, и только… Но, друзья,
В рассудке здравом есть один порок —
Конкретность мысли, а она есть ложь!
Чем мысль конкретнее, тем лживей, лживей!
Но миром правит высшая разумность,
И, может, провидение само
Хранит царя?!

ВЕРА

Так что же?.. Отказаться
Совсем от цели?

ЗАРЖЕВСКИЙ

Надо переждать,
А коли есть предатель — покарать!

СОФЬЯ

Предатель даже смерти недостоин!
Нельзя же на одном кресте распять

Иуду и Христа!

ЛАВРОВ

Иуда — царь!
Всех разом!.. Всю фамилию!..

ВЕРА

Виновен
Лишь самодержец!..

ЗАРЖЕВСКИЙ

(наступая на Кибальчича)

Нет!.. Виной — наука!
Кто развращает нацию?.. Ученый
С его проектами. До паровоза
Мы были нравственнее. Дым разъел
Нам души и глаза!

КИБАЛЬЧИЧ

Но без науки
Мы б жили на деревьях.

ЗАРЖЕВСКИЙ

А зачем
Крестьянам знанье, что земля кругла,—
Они по ней не ездят!.. Но скажите,
Кто… кто в России совершенней всех?
Кто бережет язык наш и привычки?
Все он — крестьянин!..
Что он без царя,
Без поклонения?! Мне чужд террор!

ЖЕЛЯБОВ

Вы совмещаете легко с Россией
Убогость, трусость, чинопреклоненье!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Я б не был здесь!..

ЖЕЛЯБОВ

Мы сочетаем с ней
Террор и революцию!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Убийство
Во имя гуманизма?

ЛАВРОВ

Только так!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Разумно ли?

ЖЕЛЯБОВ

А это порешит
Организация. У нас есть цель,
И это главное. Да — торжествует зло,
Но коли нам дано его осмыслить,
Мы и должны покончить с ним. Народ
Сигнала ждет!.. А мы… мы сотрясаем

Словами воздух!.. К действию сейчас
Немногие способны!

ЛАВРОВ

Лишь террор,
Террор спасет Россию!

СОФЬЯ

Как сигнал
К всеобщему восстанию… Мужик,
Он… по инстинкту коммунист, и я
Уверена, что он пойдет на бунт
И революцию!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Народ пойдет!
Но где уверенность, что завтра нас
Не продадут свои?

ЖЕЛЯБОВ

В великом деле
События движут не одни герои,
И нас не остановят ни ищейки,
Ни страх, ни жертвы… Путь, что нам начертан,
Мы до конца пройдем!.. Пусть это знает
И тот, кто предает нас!..

ЗАРЖЕВСКИЙ

Но должны
Мы действовать наверняка!

ЖЕЛЯБОВ

Есть план.
(Разворачивает карту.)
Пред нами Петропавловская крепость.

ЛАВРОВ

Мы узнаем.

ЖЕЛЯБОВ

Нечаев восемь лет
Готовил этот план. В известный день
Со свитой в Петропавловский собор
Прибудет царь почтить усопших предков.
Среди гробниц его захватят в плен,
К тому есть подготовленные люди
В охране крепости… Ну, а престол
Мы волею народа отдадим
Наследнику. Ему условья наши
Передадут.

ЗАРЖЕВСКИЙ

А если — неудача?
Гарантий нет.

ЖЕЛЯБОВ

Гарантии дают,
Когда кареты чинят!.. У кого

Какие мнения?

ЛАВРОВ

Принять!

ВЕРА

Принять!

ЗАРЖЕВСКИЙ

Воздерживаюсь.

КИБАЛЬЧИЧ

За.

СОФЬЯ

Принять.

ЖЕЛЯБОВ

План принимаем полностью, а день
Оговорим особо. Всем сменить
Сегодня же квартиры. Уходить
Прошу по одному.

Остаются **Желябов**, **Кибальчич**, **Софья**.

ЖЕЛЯБОВ

Постой, Кибальчич!
Ты отчего молчал?

КИБАЛЬЧИЧ

Прекрасный план.
Осуществим ли?

ЖЕЛЯБОВ

Есть еще один.
Но с большим риском.

КИБАЛЬЧИЧ

Важен результат.
Сорвавшись в пропасть, вспоминать о риске
Не для меня.

СОФЬЯ

(Желябову)

Мы все должны учесть!

Появляется **Солдат.**

СОЛДАТ

Позвольте!

ЖЕЛЯБОВ

Заходи!
Солдат
Я — Пастухов.
Из крепости.

ЖЕЛЯБОВ

Я знаю.

СОЛДАТ

Вам привет
Нечаев шлет.
(Передает письмо. Пытается уйти.)
Желябов
Не уходи!
(Читает письмо.)
Так… так…
(Что-то пишет.)
СОФЬЯ
(Солдату)
Ну как там?.. Все готово?
СОЛДАТ
Все как есть!
Команды ждут. Вот будет заваруха!..
ЖЕЛЯБОВ
(отдавая ответ)
Доставишь в крепость. Срочно.
СОЛДАТ
Никак нет!
Там больше не служу. Переведенный
На острова согласно циркуляру.
ЖЕЛЯБОВ
…Он все продумал…
(Солдату)
Извини, прощай!..
СОЛДАТ
Храни вас Бог! Прощайте!

Солдат уходит.

СОФЬЯ
Добрый путь!
ЖЕЛЯБОВ
(сжигая письмо)
Невероятно.
СОФЬЯ
Что стряслось?
ЖЕЛЯБОВ
Нечаев
Мой план считает лучшим, потому
Свой отвергает!
СОФЬЯ
Отказавшись, он
Сам обречет себя…
ЖЕЛЯБОВ
Уже обрек.
И, понимая это, все ж находит,
Что вероятнее казнить царя

На улицах. Пусть все считают,
Что в действии наш прежний план, о новом
Ни слова никому.

СОФЬЯ

А долгий труд?
Его побег?..

ЖЕЛЯБОВ

Он остается там.

СОФЬЯ

Но это нам решать!
Желябов
Все решено!
Он выбора не дал нам, все пути
К себе отрезав!.. Это первый камень
На усыпальницу царю. И нам
Идти за очистительною жертвой,
Коль миром правит высшая разумность!..

2.5

С.-Петербург.
Александр II и **Спина**.

АЛЕКСАНДР
Все в государстве, как в колоде карт,
Расписано навеки. Есть шуты,
Тузы, шестерки, короли и дамы.
Так ты смирись, коли тебе от века
Написано шестеркой быть трефовой,
В тузы не меть!.. Я неповинен в том,
Что был рожден царем, но я терплю.
Я знаю: мир уже не переделать!
На картах судеб написал Художник
Путь каждому, распорядившись сущим.
И нам идти, пока нас не сотрут
В своей игре слепые пальцы мира!

СПИНА
Слепые, государь!. Мы слепы все —
Твои глаза!..

АЛЕКСАНДР
Что там?

СПИНА
В известный день
Со свитой в Петропавловский собор
Прибудет царь почтить усопших предков.
Среди могил его захватят в плен —
К тому есть подготовленные люди
В охране крепости…

АЛЕКСАНДР
Но крепость та
Свидетельствует прочность трона!
И там изменники?! Непостижимо!

СПИНА
Нечаев много лет готовил их.

АЛЕКСАНДР
Вот, господа, к чему ведет гуманность!

СПИНА
Возмездие грядет… Вот адреса,
Фамилии…

АЛЕКСАНДР
Судить!.. Всех, всех судить!

СПИНА
Желябов арестован!

АЛЕКСАНДР

Ну так что?

СПИНА

Змея без головы не так опасна,
Как с головой.

АЛЕКСАНДР

Но помни, в русских сказках
Все змеи трехголовые!

СПИНА

Отрубят
И остальные.

АЛЕКСАНДР

Дай-то Бог.
(Прикрепляет орден.)
Иди!

СПИНА

Спасибо, государь! Пусть вам покой
Пошлет Господь.

АЛЕКСАНДР

Иди. Цари спокойны,
Покуда виселицы есть в России!..

АКТ ТРЕТИЙ

3.1

1 марта 1881 г. С.-Петербург. Полуподвал.
Софья и **Кибальчич**.

СОФЬЯ

Спокоен город, будто ничего
Не происходит… Или он привычен
К предательствам, облавам, беззаконью,
И не волнует больше никого,
Что рядом тихо исчезают люди?..
Мы без Желябова…

КИБАЛЬЧИЧ

Ты заменила
Его достойно.

СОФЬЯ

Он незаменим!
Так громко жить — и так исчезнуть тихо!

КИБАЛЬЧИЧ

Но эхо этой тишины вот здесь.
Вот в этих бомбах!

СОФЬЯ

Погляди туда:
Вытряхивает булочник мешки
На середине улицы, не зная,
Что он стоит сейчас на динамите,
И стоит топнуть посильней ногой —
Взлетит на воздух!

КИБАЛЬЧИЧ

Не взлетит.

СОФЬЯ

Мир полон
Своих забот… Кухарка выметает
Последних околевших тараканов,
Трактирщик — пьяниц!.. Осознанье всеми
Одной большой заботы — вот что нас
Возвысит до борьбы, до Человека!..
И это все должно произойти
Сегодня, может…

КИБАЛЬЧИЧ

(прерывая)

Свойственно нам всем,
Когда мы вкладываем в дело жизни
Все, что имеем, ошибаться!.. Да!..
Себя мы осязаем центром мира!
Нам кажется, что люди всей земли
Должны взирать на нас как на богов.
А человечество подчас не знает
Не только нас, но и своих героев,
Достойных этой славы…

СОФЬЯ

Ты увидишь
Еще сегодня… Ты увидишь: здесь
Пойдет народ!.. И будут говорить:
Да здравствует свобода!.. В этом слове,
Где наши имена все воедино
Слились,— ты будешь различать свое!
Затем мы здесь.

За окном видны ноги **жандармов**.

Жандармы!

ГОЛОС ЖАНДАРМА

Разойдись!
Освободите место!

КИБАЛЬЧИЧ

Ждут царя!

СОФЬЯ

Теперь уж скоро!

ГОЛОС ПРИСТАВА

В крепости измена!
Все он опять!

ГОЛОС ЖАНДАРМА

Неужто?

ГОЛОС ПРИСТАВА

Кто ж еще?!
Как был в одной рубашке, так и взяли
Ни слова не сказал!

ГОЛОС ЖАНДАРМА

Да где ему
По-нашему-то знать, коль сатана!

СОФЬЯ

Нам не уйти.

КИБАЛЬЧИЧ

Зато у нас теперь
Есть информация из первых уст, а это
Куда важней.

СОФЬЯ

Спокойствие твое…
Сейчас… преступно!

КИБАЛЬЧИЧ

Коль жандармы здесь —
Царь не минует нас, а в динамите
Не сомневаюсь я.

СОФЬЯ

Прости.

КИБАЛЬЧИЧ

Есть бомбы.
И что случись, то дело довершат
Бомбометатели.

Слышны свистки **жандармов**.

Кругом жандармы!

ГОЛОС ЖАНДАРМА

Куда?.. Куда?..

ГОЛОС ПРИСТАВА

Сюда нельзя!

ГОЛОС ЖАНДАРМА

Убег!
Что поезд?

ГОЛОС ПРИСТАВА

Выехал.

ГОЛОС ЖАНДАРМА

Посторонись!

ГОЛОС ПРИСТАВА

Не собирайтесь кучками!

Стук в дверь. На пороге **Лавров**.

КИБАЛЬЧИЧ

Лавров?
Как ты прошел?

ЛАВРОВ

Царь изменил маршрут!
Все сорвалось!..

СОФЬЯ

План Петербурга!

ЛАВРОВ

Вот!

СОФЬЯ

Скорее!.. Где он едет?

ЛАВРОВ

Здесь… Здесь… Здесь.

СОФЬЯ

Там — никого!

КИБАЛЬЧИЧ

Вот бомбы!

ЛАВРОВ

Нам не выйти!
Здесь оцепленье!

КИБАЛЬЧИЧ

Я пройду!

СОФЬЯ

Нет, нет!
Ты остаешься!

КИБАЛЬЧИЧ

Я…

СОФЬЯ

Считай, что это
Постановленье партии!.. Лавров,
Немедленно доставишь эти бомбы
И план бомбометателям! Спеши!

Лавров уходит.

КИБАЛЬЧИЧ

(глядя в окно)

Свернул за угол.

СОФЬЯ

Не успеть!

КИБАЛЬЧИЧ

Успеет.

СОФЬЯ

Кибальчич, ты спокоен, как всегда.
Но знаешь… странно… Я спокойна тоже.
Спокойна, понимаешь?

КИБАЛЬЧИЧ

Плачешь?

СОФЬЯ

…Нет!
Холодная уверенность твоя —
Она всевластна!

КИБАЛЬЧИЧ

Обучила мать
Трем языкам меня. Отец священник —
Трем заповедям, главная из них:
Не суетись!

СОФЬЯ

И ты предпочитаешь
Трем языкам великим — три глагола

Таких же мудрых?

КИБАЛЬЧИЧ

Нет! Всего дороже
Единственное слово, но свое
Об этом мире.

СОФЬЯ

Взрывы бомб твоих
Его произнесут!

КИБАЛЬЧИЧ

Взрыв бомбы — шепот,
А нам пора на целый мир кричать!
Мы говорим высокие слова
Об истине, движении… Но слово
Лишь мертвый символ сути. Оживляет
То слово данный матерью язык.
Как многозвучны мира голоса:
Кричит француз на русском… Англичанин
Арабские рисует вензеля.
Но мир не слышит их…
Мир отзовется
На тот язык, что дан был при рожденье
Многострадальной Родиной твоей.

Резкий стук в дверь.

ГОЛОС ЖАНДАРМА

Откройте!.. Именем царя!

СОФЬЯ

Скорей
Спрячь бомбы!

ГОЛОС ЖАНДАРМА

Именем царя!.. Откройте!..

КИБАЛЬЧИЧ

(берет бомбу)
Они сломают дверь!

СОФЬЯ

Не смей!

ГОЛОС ПРИСТАВА

Откройте!..
Откройте, или…

Неподалеку раздается мощный взрыв.

СОФЬЯ

Что это?

Раздается второй взрыв.

КИБАЛЬЧИЧ

Свершилось!

Мимо окна пробегают **жандармы**.

Теперь пускай войдут.

СОФЬЯ

Их нет.

Через несколько мгновений улица затихает.

Свершилось?
Ты понимаешь, что сказал?

КИБАЛЬЧИЧ

Да.

СОФЬЯ

Нет!
Нет! Ты не понимаешь!.. Ты не рад!

КИБАЛЬЧИЧ

Я радуюсь, клянусь.

СОФЬЯ

Свершилась месть,
И ожили мгновенно все предметы.
Ползет чугунная змея… Цветет
Чугунный виноград! Кричат вокруг
Двуглавые чугунные орлы!
И неживым в кричащем этом мире
Мне кажешься лишь ты!.. Ты!

КИБАЛЬЧИЧ

Никогда
Не чувствовал в себе я столько жизни,
Как здесь, сейчас!..

СОФЬЯ

Я счастлива, Кибальчич!
Есть радость, возвышающая нас,
И мы ее познали здесь, в стране,
Где испокон прекрасное опасно,
Великое запрещено… За это
Тебе спасибо! К совершенству мира
Наш поводырь — Любовь! Любовь к земле,
К Отечеству!.. Ты погляди на город:
Идет народ!..

КИБАЛЬЧИЧ

Не вижу.

СОФЬЯ

Он идет!
Я слышу!.. Слышу!..

(Пауза.)

Почему все стихло?..

КИБАЛЬЧИЧ

Быть может, мы убили не царя,
А город?

СОФЬЯ

Тихо… Что это, Кибальчич?
Как понимать?

КИБАЛЬЧИЧ

Все спрятались.

СОФЬЯ

Но мы
Так ошибиться не могли!

КИБАЛЬЧИЧ

Увы,
Событье в миг свершенья — не событье.
Его событьем делают газеты.
Иль речи, или сплетни… А для них
Еще не время.

СОФЬЯ

Как же так?.. Ведь мы
Рассчитывали… Я не верю!

КИБАЛЬЧИЧ

Софья!
Все, что могли, мы сделали!

СОФЬЯ

Не все!
Не все, Кибальчич! Ты сказал о слове
Своем единственном… Я это слово
Произнесу!

КИБАЛЬЧИЧ

Но, Софья…

СОФЬЯ

На суде!
Я ухожу к Желябову!..

КИБАЛЬЧИЧ

Безумство!.

СОФЬЯ

Событье в миг свершенья — не событье,
Ты трижды прав… И было бы безумным
Нам не использовать суда!.. Прощай!..
Вот паспорт и билеты до Берлина.
Поторопись!

КИБАЛЬЧИЧ

Но, Софья…

СОФЬЯ

Торопись!
Не ты ли говорил: наш жребий брошен!
И я должна, пойми!..

КИБАЛЬЧИЧ

Прощай!

СОФЬЯ

Прощай!

Софья уходит.
Кибальчич смотрит на оставленные
Софьей билеты и разрывает их.

3.2

«Я… признаю право каждого на жизнь, свободу,
благосостояние и развитие всех нравственных
и умственных сил человеческой природы.
С этой точки зрения отнятие жизни человека,
и не с этой только, но и вообще, с человеческой точки зрения,— является вещью ужасною…
Затем уже по частному вопросу я имею сделать заявление насчет одной вещи, о которой уже говорил мой защитник. Я написал проект воздухоплавательного аппарата.
Я полагаю, что **этот аппарат вполне осуществим…**»

Из последнего слова Кибальчича на суде

«Трогательно, что человек перед страшной казнью имеет силы думать о человечестве».

Э. К. Циолковский

Март 1881 г. Трубецкой бастион
Петропавловской крепости.
Кибальчич в камере.

КИБАЛЬЧИЧ

В предчувствии величия открытья
Восторг сжимает горло и в мгновенье
Так разгоняет сердце, будто скачут
В тебе десятки сильных кобылиц!..
Поди останови разгоряченных,
Полынью опьяненных лошадей,
Когда ты сам не человек, а поле,
Пронизанное мыслью, словно солнцем!..
Скачите, кони! Гулко бейся, сердце!
Гони, восторг! И зеленей, трава!..

СОН КИБАЛЬЧИЧА

Кибальчич один. Возникает **Священник**.

КИБАЛЬЧИЧ
Зачем ты здесь?
СЯЩЕННИК
В тебе живет Идея,
Что, как душа, бессмертна. Не гордись,
Не к одному тебе приходят мысли.
Идея словно голубь: где прикормят,
Там и живет.
КИБАЛЬЧИЧ
О чем ты?
СВЯЩЕННИК
Возмечтал
О счастье ты!
КИБАЛЬЧИЧ
Я матерью рожден
Для дел иных!
СВЯЩЕННИК
Ты помышлял о славе!
КИБАЛЬЧИЧ
Бред юного ума! Воображенья
Игра слепая!..
СВЯЩЕННИК
Мы приходим в мир
Лишь для того, чтоб каяться.
КИБАЛЬЧИЧ
Но в чем?
Я миру нес добро!
СВЯЩЕННИК
Добро… Добро…
Где та граница меж добром и злом,
Меж небесами и землей — все хаос!
Зло — продолжение добра, и грани

Меж ними нам не уловить, мой сын!
Удушье — продолжение объятий,
А продолженье радости — печаль!
Ты мир творишь в себе самом! Ты хочешь
Сразиться с притяжением Земли…

КИБАЛЬЧИЧ

Но все не так!

СВЯЩЕННИК

Я знаю, что ты веришь
Лишь своему единственному богу,
Что называют Разумом… Распятье
Перед тобой. Все видят в нем Христа,
А ты в нем видишь Гений свой!

Священник исчезает.
Гений Кибальчича сходит с креста.

ГЕНИЙ

Я распят
За то, что столько знаю о тебе,
Сколь не дано другим… Взгляни однажды
На руки, распростертые в любви,—
Что это?.. Не распятье ли?.. А радость
Твоя, которой ты живешь и дышишь,
Не есть ли чье-то страшное мученье?..
И не завидуй птицам. Мук полета
Не испытай. Полет — распятье крыльев!

КИБАЛЬЧИЧ

Распятье крыльев?

ГЕНИЙ

Ну, а что дала
Свобода мыслей? Замкнутость движенья!
Мои страданья более твоих.
Я — гений твой, а ты — убийца!

КИБАЛЬЧИЧ

Браво!
Безвинный Гений! Гений никогда
Безвинным не был. Сам ты преступаешь
Обыденность рассудка, потому
Все гении преступны по природе!
В чем ты — не я?

ГЕНИЙ

Я знаю лишь один,
Что человечество освободит движенье.
Оно — свобода всех свобод. Мир сложен
И прост, как крест. Вселенские детали
Одни и те же, но закономерность
Дано постичь немногим.

Гений Кибальчича переворачивает крест.

Погляди:
Вот стержень, в небо устремленный, он
Пусть станет двигателем, а вторую
Деталь креста ты преврати в площадку
И человека укрепи на ней.
Пусть взрыв рассудка вытечет огнем,
Для вознесения необходимым. В небо
Направь снаряд — спрессованный огонь.
Страданием полета мир познай.
Все муки равны, будь прибит гвоздями
Или Идеей праведной. Спеши
Свершить свой долг!

Гений Кибальчича исчезает.

КИБАЛЬЧИЧ

У детства есть всегда
Сто дерзновенных клятв: ходить по небу,
Быть гусеницей, бегать с воробьями,
Товарищем стать рыбе…
Но, чем старше,
Желания — скромней, рассудок — крепче.
И вот фантазия лежит, как шкура
Давно тобой убитого медведя:
Ты вытираешь ноги и не помнишь,
Что был медведь и говорил с тобой!
И лишь немногим выпал путь иной
Туда, обратно в детство, с исполненьем
Хотя б одной из тех великих клятв
Безумного горячего рассудка.

3.3

Кибальчич в камере.

Появляется **Надзиратель.**

НАДЗИРАТЕЛЬ

К тебе священник!..

КИБАЛЬЧИЧ

Я просил…

Входит **Священник**.

СВЯЩЕННИК

Сын мой,
Я знаю, исповедь не для тебя.
Ты отказался. Я пришел к тебе
Лишь только потому, что я один,
Один я знаю, кто ты есть… Проект
Твой гениален. Только люди
Невежественны, чтоб его осмыслить.

КИБАЛЬЧИЧ

Вы мне поможете?

СВЯЩЕННИК

Нет. Никогда.
Проект твой — недоверье к человеку.
Все в человеке. Человек взлетит,
Познав себя, без огненных машин,
А сам собою!

КИБАЛЬЧИЧ

Мы о мире знаем
Не больше ведьм средневековых!

СВЯЩЕННИК

Полно!..
Мы знаем мир, но мир не знает нас.
Ты не познал себя! Ты был рожден
Совсем иным.

КИБАЛЬЧИЧ

Я был рожден собою.
Тем, кто я есть!

СВЯЩЕННИК

Отправился Христос
На поле к детям, но, играя, те
Надели на него венок из роз,
И вдруг по лику слезы потекли
Кровавые.

КИБАЛЬЧИЧ

Несущие добро
Не могут не принадлежать другим.
Я сердцем, страстью, действием, умом
Принадлежал тем людям, что несут
На землю свет!

СВЯЩЕННИК

Но и от света слепнут
И днем блуждают. Путь их был порочен.
И с ними ты погиб. Ты не исполнил
Того единственного, для чего

Ты приходил на свет!

КИБАЛЬЧИЧ

Отец, они…
Они крылаты!

СВЯЩЕННИК

Майские жуки
Крылаты тоже! Но есть время суток,
Когда они, как желуди, бескрыло
На землю падают, тряхни лишь ветку.
Для всех крылатых есть в природе час,
Час роковой!.. И вас стряхнут с планеты,
Как крылья не расправивших жуков!

КИБАЛЬЧИЧ

Живущих для людей — таков закон —
Карают те же люди, для которых
Они живут, но остаются искры
Прозрения… И озареньем поздним
Народ и крепок.

СВЯЩЕННИК

Ты не знал сомнения:
Зачем служить освобожденью мира,
Мечтать о человечестве, когда
С тобою рядом человек и просит
Участия?.. Так послужи ему!
Ты человечества не спас. Лишь совесть,
Как осознанье самого себя,
Освободит его!

КИБАЛЬЧИЧ

Нет! Лишь движенье
Несет свободу людям! Если космос
Доступен станет, то Земля тогда
Свободой разродится!

СВЯЩЕННИК

Ересь!

КИБАЛЬЧИЧ

Если
Моя Идея будет исполнимой,
Я счастлив буду тем, что окажу
Громадную услугу Человеку
И Родине! И я спокойно встречусь
Тогда со смертью, ведь моя Идея
Со мною вместе не погибнет. Нет!
Отныне ей существовать всегда
Средь человечества!

СВЯЩЕННИК

И это слово
Твое последнее?

КИБАЛЬЧИЧ

Последним словом
Была вся жизнь моя. Она мое
И завещание и очищенье
От всех грехов.

СВЯЩЕННИК

Я оставляю здесь
Тебе распятье. Долг мой — облегчить
Твои страданья.

Появляется **Надзиратель**.

КИБАЛЬЧИЧ

Я просил
Бумагу и перо!

НАДЗИРАТЕЛЬ

Запрещено!

Кибальчич зажигает свечу.
Появляется портрет Александра II и **Спина**.
Спина переворачивает портрет.
На обратной стороне — Александр III.

СПИНА

Воздухоплавательный аппарат?!
«Приобщить к делу «1-го марта».
Давать это на рассмотрение ученых
едва ли будет своевременно и может
вызывать только неуместные толки».

Кибальчич берет распятие, подходит к свече.
На стену падает тень распятия.
Кибальчич убирает распятие, но тень не исчезает.
Кибальчич безуспешно пытается стереть ее со стены.

1975–1976 гг.

ИГРА В ШАШКИ ШАХМАТНЫМИ ФИГУРАМИ

(ГРИШКАРАСПУТИН)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

НИКОЛАЙ («НИКОЛАЙ») — государь Император
АЛЕКСАНДРА («АЛИКС») — жена государя
РАСПУТИН — фаворит царской семьи
ВЫРУБОВА («АННУШКА») — фрейлина царицы
АКТЕР, он же ДВОЙНИК Распутина
ЮСУПОВ — князь
АКТРИСА — она же «Юсупова»
ПУРИШКЕВИЧ — думский депутат
СИМАНОВИЧ — ювелир
МАНУЙЛОВ («МАСКА») — журналист
РУБИНШТЕЙН — банкир
СУХОМЛИНОВА («Изюминка») —
жена военного министра
ХВОСТОВ — чиновник
ПРОТОПОПОВ — чиновник и министр
РЕПОРТЕРЫ, АКТЕРЫ,
ГОСТИ народного дома,
Посетители Ресторана

Россия 1916 года.

ПРОЛОГ

Народный дом.
Мануйлов, **Актер**.

МАНУЙЛОВ

Есть реплика вселенского актера:
Терпите!..

АКТЕР

«Все изменится. И скоро…» —
Так люди попадают в сладкий плен
Немого ожиданья перемен.
Нам этот плен парализует волю.
И мы, смиряясь с вековою болью,
Глядим на обездоленный народ:
Ни хлеба, ни театра, ни свобод!

МАНУЙЛОВ

Жизнь коротаем кое-как, и браво.

АКТЕР

Но вот объявлен долгожданный траур,
И возникает роковая вера
В грядущего безвестного премьера.
Он явится и потрясет основы.
Все мысли наши с ним, с премьером новым.
Всегда семь пядей у него во лбу.
А прежнего — к позорному столбу!

МАНУЙЛОВ

В том, что развал в стране, — его вина.

АКТЕР

Но вот они — иные времена:
Народ в движеньи. Пьяный от свободы
Все говорит, о чем молчал все годы.
Сход правдолюбцев. Шабаш подлецов.

МАНУЙЛОВ

Однако, перемены налицо!

АКТЕР

Уже не Петербург, а Петроград!

МАНУЙЛОВ

Какой же русский этому не рад?!

АКТЕР

Еще в речах ни лозунгов, ни фальши.
Вот, наконец-то!…

МАНУЙЛОВ

Только что же дальше?

АКТЕР

А дальше — коренные перемены:
Менять обои, но не трогать стены.

МАНУЙЛОВ

И что же получается в итоге?

АКТЕР

Премьер-то новый, только в старой тоге.
А, если позволительно порезче,—
Фонарь все тот же, а бордель похлеще!

МАНУЙЛОВ

Вы можете и не взирать на это.

АКТЕР

Но я — актер. Я — боль и нерв поэта.
Ведь я повязан текстом!.. Я в неволе.
Я вопрошаю, граждане: — Доколе
По прихоти припадочной царицы
Входить нам в европейские столицы?
Подумать страшно, но судьба Америк
Зависит нынче от ее истерик.
Идет война. Мы умираем в раже.
За что воюем? Может кто-то скажет?..
Непрошенные на кровавый пир
Мы героизмом поражаем мир.
В церквях молебен, ликованье в ставке…
А пьяный царь (с кем не бывало,— встаньте!)
Объявит нам, не размышляя шибко,
То, что считалось доблестью, — ошибка!..

МАНУЙЛОВ

Когда еще нас так судьба верстала,
Припомнить бы, да памяти не стало.

АКТЕР

Не вороны, ворье на вороных,
А мы — премьеры…

МАНУЙЛОВ

Дело и не в них!
Что света нет, не обвинять же ставни.
Все дело в тех, кто нам премьеров ставит.
Кто их находит, словно в сене иглы.
Кто нам навязывает эти игры.
Кто вверх забрался, как циркач под купол.
Кто превратил царя с царицей в кукол.

АКТЕР

Мне надоели робкие намеки.
На сцене я, чтоб обнажать пороки.
Спешите, рыцари скандальной прессы!
Я эту маску из античной пьесы
Сменю на ту, какой не знали прежде,
И появлюсь совсем в другой одежде!..

МАНУЙЛОВ

Итак, сегодня или никогда?!

АКТЕР

Что будет завтра — это не беда.
Кто встал на сцену, тот не ищет выгод…
Но, извините, тороплюсь на выход!

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Народный дом.
В глубине — подмостки для представления.
Всюду снуют **репортеры**.
В толпе **— Хвостов, Юсупов, Пуришкевич, Сухомлинова, Рубинштейн, Мануйлов, Симанович**.

ЮСУПОВ

Нет! Это слухи, господа. И только!

ПУРИШКЕВИЧ

Зачем тогда здесь репортеров столько?
Поверь мне, ожидается скандал.
Как мухи, все слетаются сюда.

ЮСУПОВ

Такое время нынче на дворе,
Что клином свет сошелся на царе!
первый репортер
Но больше — на царице!..

ЮСУПОВ

Вы не рады?
первый репортер
Казна уходит на ее наряды!

Вы видели, в каком блистала платье
Она вчера в театре?

ЮСУПОВ

Царь оплатит.

первый репортер

Да он давно мышей не ловит.

ЮСУПОВ

Вот как?!.

ВТОРОЙ РЕПОРТЕР

Нет, ежли что погубит нас,— так водка.
Один профессор заявил мне лично:
Царь — пьяница, царица — истеричка!

ПЕРВЫЙ РЕПОРТЕР

Я склонен больше доверять молве
О том, что Аликс не в своем уме.

СИМАНОВИЧ

Но царствует достойно.

МАНУЙЛОВ

Дорогой,
Да, царствует. А правит кто? Другой!
Распутин.

ПУРИШКЕВИЧ

Хороша вся камарилья!

СИМАНОВИЧ

О, господи!.. Пока нас не прикрыли…
Прошу вас… О политике не будем.
Актеры ждут, а мы рядим да судим
О царском доме, не жалея красок.
В глубине сцены раздвигается занавес.
Для вас. Впервые: представленье масок!..

Сцена античных масок

Царские покои.
Больная **Эвридика**, в стороне от нее **Исмена** и царь **Креонт.**
(Это актеры, играющие **Александру**, **Николая** и **Вырубову**.)

КРЕОНТ

(встречая Эскулапа)

Гибнет царица… Спаси, Эскулап всемогущий!
Боги с тобой в исцеленьи сравниться лишь могут.

ЭСКУЛАП

И — всевластитель Креонт!

КРЕОНТ

Эскулап, я всевластен
Над миллионами жизней рабов, мне послушных.
Только здоровье любимой моей Эвридики
Мне не подвластно…

Эвридика приподнимается. В руках у нее весло.

ЭВРИДИКА

Ты кто?

ЭСКУЛАП

Эскулап твой, царица.

ЭВРИДИКА

Нет! Ты — Хирон!.. Ты явился из тьмы подземелий,
Чтоб в Царство Мертвых меня увести!..

ЭСКУЛАП

Но, царица…

ЭВРИДИКА

Прочь от пещеры твоей я свой челн направляю!..
(Гребет веслом по воздуху.)

ЭСКУЛАП

Страх твой напрасен, царица.

ЭВРИДИКА

Откуда же крысы?
Крысы грызут мой челнок!.. Я тону!.. Помогите!..
(Гребет чаще.)

ЭСКУЛАП

(Креонту)
Весть эта горькая мне головы может стоить,
Только я правдою не поступлюсь!

КРЕОНТ

Говори!

ЭСКУЛАП

Милуй меня иль казни… Но царица — безумна!

КРЕОНТ

Горе мне!.. Горе!.. Безумна. Страшней приговора
Произнести ты не мог!

ЭСКУЛАП

Так — казни!

КРЕОНТ

Невиновных
Я не казню!.. Это воля могучего Зевса.
Я приглашаю тебя разделить мое горе!..

Креонт и **Эскулап** уходят.

ЭВРИДИКА

Где ты, Исмена?.. Меня здесь безумной считают…
Боги, за что?..

ИСМЕНА

Разум твой, как и облик, прекрасны.

ЭВРИДИКА

Так отчего же я в страхе живу постоянном,

Будто я чуда жду… Чуда!

ИСМЕНА

Моя Эвридика!
Знают все Фивы великую силу предчувствий.
Ты не ошиблась!.. Свершится оно очень скоро…
Он вмиг излечит тебя!..

ЭВРИДИКА

Кто?

ИСМЕНА

Один прорицатель.
Он вездесущ, словно Бог… Но ответь, дорогая,
Разве не чувствуешь ты ничего?..

ЭВРИДИКА

Ах, Исмена…
Где он?..

ИСМЕНА

Он здесь!..

Исмена отдергивает занавеску.
За ней стоит **Актер** в гриме **Распутина**.
Исмена его не видит.

Это он!.. Прорицатель Тиресий!..

ЭВРИДИКА

Ух!

АКТЕР

(в роли Распутина)

Испужалась!.. Куды там?.. Скажите на милость!..
(Пристально смотрит на Эвридику, манипулируя руками.)

Эвридика движется к нему, как загипнотизированная.

Вот так-то лучше!.. Что дрожишь-то вся?..
А ну-ка, обними меня!..
(Подхватывает ее на руки.)

АКТРИСА

(играющая Исмену)

Скандал!
Чего он позволяет!

АКТЕР

Вон отсюда
Иль зашибу!..

Актриса убегает.

(Эвридике)

Голубушка моя!..
(Уносит ее за ширму.)
Зрители в недоумении.

СУХОМЛИНОВА

Простите, где приличия и нормы?

ПЕРВЫЙ РЕПОРТЕР

О чем вы, граждане, в стране — реформы!
Не вы ль вчера мечтали о свободе?..
Теперь хоть голым заседай в Синоде!

СУХОМЛИНОВА

И в древних Фивах были плут на плуте!

ВТОРОЙ РЕПОРТЕР

Какие Фивы?.. Это же — Распутин!..

РУБИНШТЕЙН

Здесь оскорбили царскую особу!
Ну, доигрались!.. Дали им свободу!..

МАНУЙЛОВ

Свободу дали — следом и ответ:
Здесь и реформа и эксперимент!

РУБИНШТЕЙН

Но это же Гоморра и Содом.

ПУРИШКЕВИЧ

Он бросил бомбу в царствующий дом,
И, думаю, что угодил по цели!

СУХОМЛИНОВА

Все!.. Дожили: Распутины на сцене!..

Возникает хаос.
Кто-то из **Репортеров** фотографирует.
Другие пытаются брать интервью у **Актера**.

ПУРИШКЕВИЧ

(Юсупову)

Вот и скандал.

ЮСУПОВ

Набросилась вся свора.
Они готовы растерзать актера.

(Мануйлову)

А ты чего стоишь?

МАНУЙЛОВ

А я об этом
Заране известил по все газетам.
И до утра, пока не рассвело,
Засыплю ими Царское Село.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Царское Село.
Появляется **Распутин**, за ним **Вырубова** с газетами.

РАСПУТИН

Зачем мне знать, чего газета врет,
Когда я вижу на пять лет вперед.
Мне об нее мараться неохота.

ВЫРУБОВА

Осталось только ждать переворота.
Сначала — сцена, следом — эшафот.

РАСПУТИН

Скажу царю: так дело не пойдет.
Коль хочет оставаться он при мне,
Пущай клопов размажет по стене.

ВЫРУБОВА

А что рисуют?.. Боже!.. Царь — олень!

РАСПУТИН

Малюют нынче все, кому не лень.

ВЫРУБОВА

Не зря меня не покидает страх…
Григорий, это на тебя замах!..
Пристукнут где-нибудь, и все пропало.

РАСПУТИН

Четыре службы охраняют.

ВЫРУБОВА

Мало.
Нам не известно, что они за люди.
Боюсь я…

РАСПУТИН

Ишь, запричитала… Будет!
Я сам боюсь, да в страхе мало толка,
Меня здесь обложили, словно волка.
Застрелют… Иль зарежут, как свинью…
Охрану надо бы иметь свою.
У каждого свой долг и интересы…
Но хуже пули я боюся прессы.

ВЫРУБОВА

Найди, кто пишет, и расправься с ним.

РАСПУТИН

Он прячется подлец за седоним.
Кака-то «Маска»!.. Где ее найдешь?
Покою нет. Кусается, как вошь.
Вот-вот, гляди, в запое обвинят.

ВЫРУБОВА

Тогда не пей.

РАСПУТИН

Ты не учи меня.
Да, кстати, принеси сюда вина.

ВЫРУБОВА

О, господи!.. Да что за времена?..

РАСПУТИН

И этого сюда… с картонной рожей,
Который вроде на меня похожий!..

Распутин пристально смотрит на **Вырубову**,
которая, ежась под его взглядом, уходит.
Распутин отходит в сторону.
Появляются **Николай** и **Александра**.

АЛЕКСАНДРА
Ты отпустил газетам удила!
НИКОЛАЙ
Но это все российские дела,
А там, в Европе…
АЛЕКСАНДРА
(прерывая)
Посмотри на тон!
(читая)
«Вползла гадюка в царствующий дом»!..
Как можно, Ники, написать такое
О нашем друге?
НИКОЛАЙ
Да оставь в покое!
АЛЕКСАНДРА
Они как вороны над нами кружат.
НИКОЛАЙ
Газеты, Аликс, для того и служат.
РАСПУТИН
(неожиданно)
Вороны у покойников на службе!..
АЛЕКСАНДРА
Ух!.. Напугал-то как!
РАСПУТИН
Пока мы в дружбе,
И я, и вы за каменной стеной.
(Пристально смотрит на Александру.)
Боится смерти только волк степной
Затем, что он от века одинок.
Бог милосерден. Человек жесток.
Газеты врут. Но прав в одном разлучник:
Здесь хорошо у вас, но дома лучше.
Уеду я.

Вырубова принесла вино.

Вот на дорожку сяду,
И…

Николай

Обижают?
РАСПУТИН
Никакого сладу!
Пооблепили хуже сраных мух.
(Пьет.)

Николай не пьет.

…Вино-то пей. Оно смиряет дух!..

Под взглядом **Распутина**
Николай берет бокал.

Придешь в синод,— там лишнего не пикни.
Пойдешь до ветру, глядь,— повсюду шпики!
Так что мне делать?.. Аллилую петь,
Коль я такой, что не могу терпеть?
Ну, сделаешь чего там тише мыши…
Так нет!.. На утро все уже опишут!
Так и следит повсюду глаз крысиный…
Листок поганый, а какая сила!
Того гляди, и голову снесет,
И вся твоя охрана не спасет…
Теперь халдеи не дают покоя:
Кобенятся и людям рожи строят.
Поразмалюют нас и так, и сяк,
А я и так уж наперекосяк,
Особо ежли по утру, с похмелья…
Нет жизни, нет…

Выпили.

НИКОЛАЙ
Я им подрежу перья.
Дам укорот.

РАСПУТИН
(собираясь)
Я нынче видел сны:
Не наступай на фронте до весны.
Нельзя. Так вижу.

АЛЕКСАНДРА
(Николаю)
Слушай и внимай!

РАСПУТИН
Ну, я поехал. Чать, не ближний край.

НИКОЛАЙ
Не оставляй нас.

РАСПУТИН
Рад бы!.. Не могу!..

НИКОЛАЙ
Я всех газетчиков согну в дугу!

РАСПУТИН
Пущай марают. Нам не в первый раз.
Но чтоб в театре… рожу на показ,
Чтоб все глядели?!

АЛЕКСАНДРА
Миленький… Хороший…

РАСПУТИН
(причитая)

Да на кого же, сироты, вас брошу?..
Ведь я вам не варнак, не лиходей,
Чтоб ни за что губить живых людей!

НИКОЛАЙ

Они ответят мне за эту шалость.

РАСПУТИН

(спокойно, по-деловому)

Уговорили. Я побуду малость,
Да помолюсь за вас… Знай, в доме — моль,
Пора белье трясти.

НИКОЛАЙ

Все это — соль
На язвы мне!..

РАСПУТИН

Такие времена:
Без соли в рот не лезет ни хрена!

Появляется **Актер** с книгой.

АКТЕР

Мой государь.

НИКОЛАЙ

Входи, артист… Так, так…
Ты и меня изобразить мастак?

Актер молчит.

Не ожидал, что призовут к царю?

АКТЕР

Я Вас за эту честь благодарю.

НИКОЛАЙ

Идет война, а мы играем, шутим!..
В античной пьесе — бах!.. И вдруг — Распутин!
Оригинально. Браво! Только грубо.
Кто надоумил-то тебя?

АКТЕР

Гекуба.
Здесь все написано.

РАСПУТИН

Ну и нахал!

НИКОЛАЙ

При чем Гекуба здесь?

АКТЕР

(раскрывая книгу)

Вот… «Я слыхал,
Что и преступники порой в театре
Потрясены искусством были так,
Что под воздействием игры актеров,

Вдруг признавались в страшных злодеяньях».

НИКОЛАЙ

Так от кого ты жаждешь покаянья?..
Или считаешь ты, что царь ваш слеп?

АКТЕР

Быть может, мой поступок и нелеп,
Но нам так долго зажимали рот,
Узнали бы, что говорит народ!..

НИКОЛАЙ

Мне любопытно.

АКТЕР

Все, как в старину:
Вы привели к погибели страну,
Которая от Бога вам досталась
Еще державой!.. Нынче — это хаос!

НИКОЛАЙ

Ты поконкретней. Я не вижу сути.
Кто тот злодей? Не я ли?

АКТЕР

Кто?.. Распутин!
И все, что с ним.

НИКОЛАЙ

У нас министров рать.
А им, скажу, ума не занимать.
Все то, что ты сказал, для них обидно…

АКТЕР

Умов в достатке — разума не видно.

НИКОЛАЙ

(останавливая его)

Не забывайся!

АЛЕКСАНДРА

Это все… откуда?

АКТЕР

Из «Гамлета».

(открывая книгу)

Вот… «…Милая Гертруда,
Все, что вокруг, мне градом пуль с избытком
Наносит раны».

(закрывая книгу)

Есть другая пытка:
В окопах нечем накормить солдат,
А здесь, в столице, сытость и разврат.
Давно б Россия эту гниль свела,
Да все идет из Царского Села.

АЛЕКСАНДРА

Как ты посмел, фигляр?

РАСПУТИН

А ну, ответь!

АКТЕР

За правду легче будет умереть.
Скажи я, что он — ангел, а не хлыст,
Мне все равно от петли не спастись.
А потому, что вам моя докука?

НИКОЛАЙ

Я — государь!

АКТЕР

Нет, государь!. Вы — кукла,
Привыкшая к тому, что старец прыткий
Вас и царицу дергает за нитки.
Вот где талант неотразим и редок,—
Захочет так поставит, хочет — эдак!
Глядит страна, не зная, что все значит —
Сперва смеется, после горько плачет.

ВЫРУБОВА

Я не ручаюсь за себя!

АКТЕР

Да брось!..

ВЫРУБОВА

Откуда это чудище взялось?

АКТЕР

(читая книгу)

«Когда я лгу, права святой любви
Ты смертью отомсти в моей крови!»

ВЫРУБОВА

В своих недугах обвинить весь мир!..
Немыслимо.

АКТЕР

Но это же — Шекспир!

ВЫРУБОВА

Он невозможен.

НИКОЛАЙ

Скоро навсегда
Он замолчит, лишь дело до суда
Коснется…

АЛЕКСАНДРА

Там такое понесут!..
Как можно этовыносить на суд?!

НИКОЛАЙ

Что ждет тебя, ты знаешь?

АКТЕР

(читая в книге)

«…Не случалось
Мне о конце раздумывать чрезмерно…»

АЛЕКСАНДРА

Он приговор сам вынес без судьи.

НИКОЛАЙ

С ним — кончено. Суди иль не суди.
(Берет у Актера книгу. Открывает.)
«Болезнь отчаянную лечат только
Отчаянные средства» — так сказал
Все тот же гений. Чтобы жить в покое,
Пора не храмы,— виселицы строить.

АЛЕКСАНДРА

Когда б всегда был тверд ты и жесток,
Со старца не упал бы волосок,
И власть бы наша крепла год от года.

НИКОЛАЙ

Да, мы не знаем своего народа.
Одно теперь известно наперед,—
Бал правит дьявол, если Бог уснет!..
…Велю повесить!..

РАСПУТИН

Заварил кутью
И ешь… А ежли не благословлю?
Рога недолго обломать корове,
Да после не отмоешься от крови.
Я сам сочтусь с ним.

НИКОЛАЙ

Думаешь,— так лучше?

РАСПУТИН

Я не министер, чтоб гадать на гуще.
Кого там думать? Это же накладно.
Я, миленькой, так вижу, ну и ладно.

НИКОЛАЙ

О, все они еще узнают, кто ты!

РАСПУТИН

Я на себя возьму твои заботы.

НИКОЛАЙ

Спасибо.

Николай, **Александра**, **Вырубова** уходят.

РАСПУТИН

(Подходит к Актеру.)
Да… Ты прав, что Русь бедна.
(Берет маски.)
Вон рож-то сколько… Голова — одна!

АКТЕР

Ждешь, брошусь с благодарностью?..

РАСПУТИН

Садись.
Ты думаешь, что я какой садист?..
Я — христианин!.. Я людей люблю!..

Мадеры хошь?

АКТЕР

Я с нечистью не пью!

РАСПУТИН

А ты не пей. Плещи через плечо.
Свинья всю жизнь не моется, и че?
Вон, на базаре — по три пятьдесят.

АКТЕР

Ты и того не стоишь.

РАСПУТИН

Я не свят.
Не стою сам,— сдам шубу да меха.
Скажи, а кто сегодня без греха?
Такое время выпадает редко:
Все выгод ищут, как дерьма наседка,
И всяк себе по зернышку клюет,
А сколько нагребет,— с тем и умрет.
И ты ведь тоже заработать хошь!..

АКТЕР

На чем?

РАСПУТИН

На том, что на меня похож!
Все, все вы одинаковы в итоге…
Есть у меня в селе один убогий,
Изображат любые голоса,
Да так подлец, что дыбом волоса!..
Но замолчит, бывало, и — шабаш,
Пока подлюке пряник не подашь.

АКТЕР

К чему ты это клонишь?

РАСПУТИН

Ишь какой!
С царем-то острый, а со мной тупой.
Я это дело понимаю так:
На сцене может прыгать и дурак,
Ты в жизни, брат, сыграй!.. Я посмотрю,
Похож ли вправду, а?

АКТЕР

Ноздря в ноздрю!
Не различит нас и родная мать.

РАСПУТИН

Ты мне кончай комедию ломать!
Сыграшь иль как?

АКТЕР

Да я уже играл,
И ежели продлится этот бал,
Я стану мстить… И говорю открыто…

РАСПУТИН

Ты морду-то сперва засунь в корыто,
Отведай пойла да травы в яслях…

АКТЕР

Да я же…

РАСПУТИН

Хрюкать будешь опосля!
Графиня скоро будет из Парижу,
С ней сходишь в баню.

АКТЕР

Я вас ненавижу,
Чем выше положенье — выше нравы,
Так я считал.

РАСПУТИН

И что же?

АКТЕР

Боже правый!
Орлов — с царицей!.. С Вырубовой — царь!..

РАСПУТИН

А это дело любит кажда тварь.
Так что давай, касатик, не бузи.
Все пешки нынче метятся в ферзи,
А ты немало побродил по свету
И знаешь сам — другого хода нету.

АКТЕР

Не для меня все это.

РАСПУТИН

Что до баб,
Не зарекайся, человек так слаб…
В них истина. Вот так. А не в вине.
Тебе — мирское. Все святое — мне.
Вот я в кабак собрался, как на грех…
Сходи… И, ежли там обманешь всех,
Даю милльон…

АКТЕР

Мараться не хочу!

РАСПУТИН

Да я ж тебя, бездельник, жить учу.
Ведь ты — актер, а в главное не вник:
Обманешь — ты воистину велик.
Чего же ты торопишься на плаху?
Мир должен знать тебя.

АКТЕР

Снимай рубаху!

Распутин снимает рубаху.
Отдает ее **Актеру**.

РАСПУТИН
И бороду наклей, какую надо…

Актер наклеивает бороду.

Всяк о себе заботится… И ладно.
Не век сидеть на золотом крыльце,
Нам надо думать, парень, о конце.
А он у нас теперь один, похоже…

АКТЕР
(перед зеркалом)
«Одно лицо, одежда, голос тот же…
Быть может, это в зеркале волшебном?»

РАСПУТИН
Дык, это — я!.. Хоть отмечай молебном!..

АКТЕР
«Но как же ты надвое разделился?
Вы как две капли, сходны меж собой
И кто же — Себостьян?..» Я — Себостьян!..

РАСПУТИН
Однако, слышу в голосе изъян.

АКТЕР
Сам о себе ты, старец, не суди.
Дай время мне, тогда и поглядим.

Появляется **Вырубова**.
Распутин, отдавший свою рубаху **Актеру**,
прячется.

ВЫРУБОВА
Прости меня, я задержалась, друг.

АКТЕР
(в роли Распутина)
Собаке бешеной семь верст не крюк!

ВЫРУБОВА
Где этот тип? Ну, не язык, а жало!

АКТЕР
Корова языком его слизала.
Что шашни заводить-то с наглецом?

ВЫРУБОВА
Что это, старец, у тебя с лицом?

АКТЕР
Иль больно страшен? Не гожусь?

ВЫРУБОВА
Напротив.

АКТЕР
(Пьет.)
Попей с мое. Вот рыло и воротит.

Туды, сюды!..

ВЫРУБОВА

Ну, как моя мадера?
Сегодня привозили для премьера.

АКТЕР

Ему сойдет. Он пить привык бузу.
Я сколь ни пью, все ни в одном глазу!

ВЫРУБОВА

Давай налью еще.

(Наливает.)

Актер пытается с ней заигрывать.

Да будет лапать!..

АКТЕР

Че налила-то?.. В один глаз закапать!
Пример пусть пьет. Я — корень настоящий.
Уж ежли пить с тобой, так цельный ящик.

Пьют.

Чего мы без толку валяем Ваньку.
Бери мотор и почесали в баньку.

Вырубова и **Актер** уходят.
Появляется **Распутин** без рубахи.

РАСПУТИН

Вот так и положись здесь на людей.
Силен, скотина!.. Паралич разбей!

(Идет к телефону.)

Такую птицу надо бить на взлете.

(в трубку)

Сидите, подлецы?! Мадеру жрете!
А я вот трезвый здесь… И в дураках…
Что?!. Двойники гуляют в кабаках!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Ресторан.

В глубине сцены плакат:
“НЕТ ВЫХОДА СЮДА ВОШЕДШИМ”.
Под ним танцуют:
Куклы — **женщины** в чулках и шляпах,
Куклы — **мужчины** в котелках и галстуках.
Хвостов, Мануйлов, Сухомлинова, Рубинштейн, Симанович.
Репортеры и **посетители ресторана.**

СИМАНОВИЧ
(Мануйлову)
У старца появились двойники,
А у тебя об этом ни строки.

МАНУЙЛОВ
Наверно знаешь?

СИМАНОВИЧ
Все так говорят.
Полиция усилила наряд,
А взять не может.

РУБИНШТЕЙН
Это самозванцы
Да аферисты!

СИМАНОВИЧ
Я и сам, признаться,
Так думаю… Но как их отличить,
Когда Распутин в несколько личин
Сам наряжается… Он сам — актер!

МАНУЙЛОВ
Все знают здесь, какой я репортер!
Пусть только явится. Бьюсь об заклад
Разоблачить его.

СИМАНОВИЧ

Я и не рад,
Что стал его секретарем.

Вбегает Первый репортер.

ПЕРВЫЙ РЕПОРТЕР

Идет!..
Идет!..

МАНУЙЛОВ

(останавливая его)

Да не кричи ты, идиот!

Мануйлов уходит.
Появляется **Актер** в роли **Распутина**.
Все поднимаются с мест.

СИМАНОВИЧ

(встречая)

Григорий!.. Осчастливите, надеюсь?

АКТЕР

Кады вошел, куды теперя денусь?
(Смотрит на танцующих кукол.)
У, шлюхи!

СИМАНОВИЧ

Не угодно ли присесть?

АКТЕР

(о танце)

Чего вы это — повзбесились все?

СИМАНОВИЧ

А — что?

АКТЕР

Хотя б прикрыли эти… фиги!

СИМАНОВИЧ

Все в соответствии с уставом лиги
«Люби свободно!»

АКТЕР

Ты в том убежден?

СИМАНОВИЧ

Устав наш высочайше утвержден.

АКТЕР

За что тебя люблю я, подлеца?..

СИМАНОВИЧ

Вы не больны?

АКТЕР

А что?

СИМАНОВИЧ

Сошли с лица.
И весь какой-то не такой…

АКТЕР

Ишь, ты!..
Захочешь срать, сам скинешь и порты,
А я кручусь, как пред грозой стрижи.
Не знаю, как еще доселе жив?
Давай мадеру выставляй на кон!..

СИМАНОВИЧ

Помилуйте! У нас сухой закон.
Полиция заглядывает часто.

АКТЕР

Во — темнота!.. Неси-то в чайных чашках!

СИМАНОВИЧ

Дык с чашечки-то вам какой навар?

АКТЕР

Понравится,— поставишь самовар.
Не для меня, а для провару пищи!..

СИМАНОВИЧ

Что будем есть?

АКТЕР

Гони по всей афише!

СИМАНОВИЧ

(с меню)

Картошка «фри»!..

АКТЕР

Сам трескай этот яд!
С него одни воротнички стоят.
Зря только бегать занимать горшок.

СИМАНОВИЧ

Чего тогда прикажете ишо?..
Здесь нового не завозили сёдни.

АКТЕР

Давай, что и всегда: икры да семги.

Симанович поднимается.

Постой!

СИМАНОВИЧ

Я слушаю!

АКТЕР

Что здесь за люди?

СИМАНОВИЧ

Все наши…

АКТЕР

Все следят за мной…

СИМАНОВИЧ

Да будет
Подозревать в своих врагах весь мир!

АКТЕР

И все же — кто?

СИМАНОВИЧ

Там — Рубинштейн, банкир.

АКТЕР

Небось, мошенник!

СИМАНОВИЧ

У него все чисто!

(показывая)

Хвостов — чиновник. Метится в министры.
Есть куклы…

АКТЕР

Че я эту не видал?

СИМАНОВИЧ

Кого?

АКТЕР

Вон в шляпе. Посади сюда.

Симанович отходит в глубину сцены.

(в сторону)

Искал свободы, а попал я в путы…
Еще доказывай, что ты — Распутин!..
Оригинал куда бледней, чем роль…
Не потерять бы над собой контроль!..

Вдалеке **Симанович** разговаривает
с **Сухомлиновой**.
Около **Актера** появляется **«Маска»**.

ТАНЕЦ КУКОЛ-ЖЕНЩИН:

Мы все спустились к вам из высших сфер.
Любили нас князья не раз и сам премьер.
Любовь свободна.
Люби сегодня,
Пока мы не похожи на Химер!

ТАНЕЦ КУКОЛ-МУЖЧИН:

Прости нас, царь, мы вышли за вольер.
На время отложили револьвер.
Любовь свободна.
Люби сегодня.
Постой, солдат. Сначала — офицер!..

Возвращается **Симанович**.

СИМАНОВИЧ

Я не из тех… людей,— так и сказала.

АКТЕР

Да мне царицка бы не отказала.

СИМАНОВИЧ

А в этой, может, нет какого нерва?
Я тоже удивляюсь ей!..

АКТЕР

Вот стерва!
Отколь взялась она,— узнай-ка быстро.

СИМАНОВИЧ

Она… жена военного министра.

АКТЕР

А как дела у старикашки?

СИМАНОВИЧ

Плохо.

АКТЕР

Совсем слетит и не успеет охнуть.

СИМАНОВИЧ

А кукла хороша — сойти с ума.

АКТЕР

Постой, к порогу приползет сама.
Пока им не накинешь поводок,
Сколь не учи каналий — все не впрок!
…А энта кто?..

(Показывает.)

СИМАНОВИЧ

Та вовсе не кичится.
Не первой свежести…

АКТЕР

Сойдет с горчицей!
Давай!

СИМАНОВИЧ

Лица не разобрать под маской.

АКТЕР

Нам все одно: коль не кнутом, так лаской!
(в сторону)
Прости, Фемида, своего слугу:
Хотел быть праведным, да не могу.
Когда вокруг кипят такие страсти,
То над собою я уже невластен!

«Маска» подсаживается к **Актеру**.

АКТЕР

Че не подходишь,— видишь, я один.

МАСКА

Мне кто заплатит, тот и господин.

АКТЕР

Видать, совсем испортился народ.
(Пытается обнять.)

МАСКА

Давай без рук.

АКТЕР

Че?

МАСКА

Денежки вперед!

АКТЕР

Об этом ты волнуешься напрасно!

МАСКА

Вы все здесь норовите мимо кассы,
А барышня потом безвинно плачет.

АКТЕР

Ты деньги любишь?

МАСКА

Ну, а как иначе?

АКТЕР

А ежели не дам?

МАСКА

Пошла я…
(показывая дулю)
Накось!..

АКТЕР

(хватая Маску)

Иди сюда! Чего уж там?!.

Их фотографируют. **Актер** вдруг отпрянул, удивившись, что перед ним мужчина.

Тьфу, пакость!
Ты — кто?

МАСКА

Я — «Ванька-Манька».

АКТЕР

(срывая с него маску)

Шелкопер!

МАСКА

А ты… ты — лицедей!

АКТЕР

Но я допер,
Кто, сукин сын, ты!.. Ты и есть та «Маска!»..

МАНУЙЛОВ

Ты сам попался!.. Вот она — развязка!

АКТЕР

Тьфу на тебя!

Их фотографируют.

МАНУЙЛОВ

Плюешь-то на печать…
…Ты пей чаек-то, остывает, чать!..
А завтра, ты похмелишься пока,
Придет газетка. В ней ты за бока
Хватаешь «Ваньку-Маньку!..»

АКТЕР

Брось!

МАНУЙЛОВ

Вот крест!
А под картинкою написан текст:
У старца был удачливый денек.
Он дело сделал и в окно утек!..
Я — репортер! Так что, прости, отец.
Поддельный ты иль нет — один конец!
Ты буйствуй, буйствуй! Я не возражаю.

АКТЕР

Какая же ты сука!.. Уважаю!..

МАНУЙЛОВ

Что ни соври — нет дыма без огня!..

АКТЕР

Тебе не страшно эдак… на меня?..
Стопчу копытом ведь… Обидно мне,
Твоею волею я весь в дерьме,
Об этом ты задумался, шакал?

МАНУЙЛОВ

Тебя вот наглость кормит, нас — скандал.
Но описать тебя — душе отрада…

АКТЕР

Я говорил: писателев не надо!
Одной газеткой обойтись могли бы.
От вас вся вонь повсюду и погибель…
И что с тобою делать-то, упырь!
Из каждой дырки лезете, клопы!
Проснешься утром, по стене ногой
Размажешь одного, а там — другой!..
Всех петлей захлестнуть бы, да под крышку,
Ну и подлец!

МАНУЙЛОВ

От подлеца и слышу!
Ты б лучше мне мадеры заказал.
Давай поговорим глаза в глаза.

АКТЕР

Чего тебе?

МАНУЙЛОВ

Вот, если б вышел спор,
Сколь можешь выпить?

АКТЕР

Больно ты, брат, скор!

МАНУЙЛОВ

Вот я — бутылку. Больше не могу.

АКТЕР

Чего считать соломины в стогу?

МАНУЙЛОВ

А все же?..

АКТЕР

Если не входить в дебош,
То… пару самоваров, и — хорош.
(Пьет.)
А третий не доводит до добра…
Но я все больше эдак… из ведра.
Оно, конечно, ежли после бани.

МАНУЙЛОВ

Тебя, видать, сам дьявол не обманет.
Сколь баб берешь?

АКТЕР

Ты испытуешь, что ли?
Дык мы с тобой, писатель мой, не в школе!..

МАНУЙЛОВ

Признайся, старец, здесь же все свои.

АКТЕР

Сколь ни набьется в баню,— все мои!..
… А че ты щеки распустил, как маки?..
Ох, ненавижу эти… Маньки-Ваньки!..
Пошел отсель!..

МАНУЙЛОВ

(уходя)
Ишь, строит Иисуса…
Он ненавидит!.. Это — дело вкуса!

АКТЕР

(вслед)
А мне с тобою ни пахать, ни сеять.
Скажи хоть имя!

МАНУЙЛОВ

Ванька Манусевич!..
Ты должен был бы знать меня в лицо!..
(Подходит к Рубинштейну.)

АКТЕР

Вас разве всех запомнишь, подлецов?

Около **Актера** возникают
Протопопов и **Хвостов**.

ПРОТОПОПОВ

(вымаливая)
Представь царице…

АКТЕР

Я ж сказал: в гробу!..
Иди отсюда или зашибу!..

ПРОТОПОПОВ

Влюбленный я…

АКТЕР

Черт с Богом — не зятья.

ХВОСТОВ

Представь, молю…

АКТЕР

Не видишь,— занят я!..

Протопопов и **Хвостов** уходят.

РУБИНШТЕЙН

(Мануйлову)

Ну, что?.. Тащить притворщика на площадь?

МАНУЙЛОВ

Нет, погоди.

РУБИНШТЕЙН

А что?

МАНУЙЛОВ

Он пьет, как лошадь.
Я проиграл! Не знаю: сам иль нет?

РУБИНШТЕЙН

«Он пьет, как лошадь»,— это не ответ…
Я сам узнаю!

МАНУЙЛОВ

Но похож. И очень!

РУБИНШТЕЙН

(Подходит к Актеру.)

Чего, отец наш, невеселый нонче?
Иль что задумал новое, хитрец?

АКТЕР

Погиб я, Митька. Вижу свой конец.

РУБИНШТЕЙН

Вот это, старец, говоришь не дело.
Не вовремя. Мне надобность приспела
В тебе, Григорий… Наступил твой срок.
Вот мы воюем с немцем, а в чем прок?..
Вещичек не прибавилось в квартире?..

АКТЕР

А че тебе-то?

РУБИНШТЕЙН

Я пекусь о мире.
Проси царя остановить войска.

АКТЕР

На это, брат, есть Божия рука.

Похоже, что меня ты с кем-то спутал.
Я не могу. Окстись!..

РУБИНШТЕЙН

Ты — кто?.. Распутин?
Иль подменили старца невзначай?..
Ты деньги получал с нас?

АКТЕР

Получал.

РУБИНШТЕЙН

Кто жил-то, кровь лихую веселя?..

АКТЕР

Ну, я… И — что?

РУБИНШТЕЙН

(Достал бумаги. Показывает.)
А это — векселя.
Платить тебе.

АКТЕР

Я знаю, что их тьма.
Да что с того мне?

РУБИНШТЕЙН

Как чего?.. Тюрьма!..

АКТЕР

Ты не дави мне, Митька, на мозги!

РУБИНШТЕЙН

Настало время отдавать долги!..

АКТЕР

Пошел отсель, глаза твои пустые!..

РУБИНШТЕЙН

Где я пройду,— останется пустыня!..
…Пусть будет царь Верховным.

АКТЕР

А ты — жук!..
Навозный жук, а соображашь, гляжу…
Че пнем сидеть папашке в самом деле?
…Пущай командует!..

РУБИНШТЕЙН

А что до денег,
О них не думай!.. Вот моя рука.

АКТЕР

У нас до денег память коротка!

РУБИНШТЕЙН

О мире я пекусь себе в убыток.

АКТЕР

А ты, гнусавый, не боишься пыток?
Прослышал государь про сухари…

РУБИНШТЕЙН

Отец Григорий, и не говори!
Я армию кормлю!.. А кто мне судьи?..

АКТЕР

Чью армию ты кормишь?

РУБИНШТЕЙН

Всюду люди.
Все есть хотят. Они теперь, как мощи.

АКТЕР

Они худеют, твой кошель все толще.

РУБИНШТЕЙН

Вот камешки: аквамарин, опал…
(Сует «Распутину».)
Ты хочешь, чтобы я спокойно спал,
Да и с тобой дружился?

АКТЕР

Непременно!

РУБИНШТЕЙН

Давай поставим Штюрмера премьером!..
Тогда и пожируем на лугу
Без привязи.

АКТЕР

Вот это — не могу!

РУБИНШТЕЙН

Он мудр и зрел!

АКТЕР

Уж лучше бы младенца.
Мы с кем воюем?.. И в примеры — немца?
Ты сам своей кудряшкой-то кумекай.

РУБИНШТЕЙН

У нас, ты знаешь, и царица немка.
Все можно, если делать осторожно.

АКТЕР

Да это — всей России плюнуть в рожу!
Что будет в войске?.. А дойдет до ставки?!.
С такой фамилией крутиться в лавке,
А не примером. Ты в своем уме ли?

РУБИНШТЕЙН

На Панина фамилию заменим.
Отпустим бороду, других не хуже.

АКТЕР

Башка в кустах, а задница наруже.
Иванов много, да не всяк дурак!..

РУБИНШТЕЙН

Пойми ты: Штюрмер — это белый флаг.
Шаг к перемирию.

Их фотографируют.

АКТЕР

Сживут со света.
Вокруг листки с дерьмом, а не газеты.
Лишь где чихни, все предают огласке.
Каки-то Манусевичи, да маски…
Вот где погибель!.. Вот она — тоска!..

РУБИНШТЕЙН

Ты о газетах позабудь пока.

АКТЕР

Да как забыть-то, хоть бросайся в омут!..

РУБИНШТЕЙН

Отныне, брат, они тебя не тронут.

АКТЕР

Хотя б пущай умерили свой пыл.

РУБИНШТЕЙН

Да я их все по случаю… купил.
Все акции у нас!..

АКТЕР

Ну, голова!..
Дай поцелую!..

РУБИНШТЕЙН

Ты скажи сперва,—
Со Штюрмером получится хоть что-то?

АКТЕР

А это, Митька, не твоя забота.
Ты заплатил за все, и — хата с краю!..

Рубинштейн уходит.

Гуляю я сегодня!.. Ух, гуляю!..

Около **Актера** снова возникают
Протопопов и **Хвостов**.

ХВОСТОВ И ПРОТОПОПОВ

(клянча)

Представь царице…

АКТЕР

(Хвостову)

Вот вцепился, клещ!

(Протопопову)

Ты, кобелина, переел мне плешь.

ПРОТОПОПОВ

Мне только б поглядеть одним глазком.

АКТЕР

Отлипни, лист!

Протопопов ловко дает ему взятку.

…Считай, что ты знаком!..
Что смолкли, куклы? Гром вас разрази!..
Иль затянуло в задницу язык?
Иль ненароком проглотили че?!.
Гуляю я!.. Эх, раззудись, плечо!..

ТАНЕЦ КУКОЛ-ЖЕНЩИН:

Напрасно не грусти, наш кавалер.
Мы — женщины изысканных манер.
Любовь свободна.
Люби сегодня.
Не ангелы, а черти нам пример!

ТАНЕЦ КУКОЛ-МУЖЧИН:

Не пощадим для вас своих карьер.
Не фронт нам уготован, а — барьер.
Любовь свободна.
Люби сегодня,
Пока Господь еще не принял мер!
И пусть нас завтра всех на фронт сошлют!..

ХВОСТОВ

(останавливая песню)

Эй, замолчите!.. Разве так поют?

Все замерли.

Вам заплати, вы рады расстараться!..
Не видите,— не это нужно старцу!..

КУКЛЫ

Дак мы…

ХВОСТОВ

А ну-ка дай сюда гитару!
Сейчас мы ей дадим под жопу пару!..

(Поет.)

Эй, струна!.. Ты, струна!..
Забубенная страна.
Взял девчонку, снял юбчонку —
Мое дело сторона.

(Танцует.)

О-на!.. О-на!..
Мое дело сторона!..

(Поет.)

А у всех, просто смех,
Вырос из штанов орех.
Взял из саду на рассаду,—
Говорят, что это — грех!..

(Танцует.)

О-эх!.. О-эх!..
Говорят, что это грех!

АКТЕР

(Протопопову)

Вот это — наше!.. Чтоб тебя свело!..

Тебе сигать-то так не тяжело?
Во — барабан наел!

ПРОТОПОПОВ

А мне отрада
И на голову встать, коль это надо.

АКТЕР

(Хвостову)

Бери свою гитару, старина!..
И… как там это?.. Эй, струна!.. Струна!..

ХВОСТОВ

(Поет.)

Эй, струна!.. Ты, струна!..
Забубенная страна!..

(вместе с Актером)

Взял девчонку, снял юбчонку —
Мое дело сторона!..

(Танцует.)

О-на!.. О-на!..
Наше дело — сторона!..
Ух-ах!.. Ух-эх!..
Говорят, что это — грех!

Актер начинает неистовствовать в танце,
скидывая постепенно с себя одежду.
Его окружают танцующие **Посетители** и
каждый пытается «втиснуть» ему свою взятку.
Когда толпа расступается, **Актер** сидит на полу
с пачками банкнот. Его фотографируют.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Царское Село.
Слышен гвалт ворон.
Хвостов, **Александра** и **Вырубова**.

ХВОСТОВ
Мы все теперь на волоске от смерти.
АЛЕКСАНДРА
Кто б мог спасти Отечество?
ХВОСТОВ
Доверьте!..
Вершится за оплошностью оплошность,
Ведь это — непростительная роскошь,—
Подумайте!.. Министр ваш год от года
Скрывал царицу от ее народа!..
АЛЕКСАНДРА
Я появлялась.
ХВОСТОВ
Да!.. Лишь на минуты
На площади,— вот от того все смуты!..
Мы тайн не любим!..
АЛЕКСАНДРА
Пафос ваш понятен,
Но, дорогой…
ХВОСТОВ
Беда от белых пятен!
Народ бунтует, а нужна лишь гласность!
АЛЕКСАНДРА
Готова я… А наша безопасность
Не пострадает?
ХВОСТОВ
О, ни в коей мере.
Пусть знают все о вас и о премьере.
АЛЕКСАНДРА
Когда б вам эту должность занимать,
С чего б вы начали?
ХВОСТОВ
Снимать!.. Снимать!..
Снимать!..
АЛЕКСАНДРА
Какой вы смелый, право, но
Согласна ль женщина?..
ХВОСТОВ
Снимать кино!..

АЛЕКСАНДРА
Кино? Ах, волновалась я напрасно.
ХВОСТОВ
Спасенье есть — кинематограф в массы!
АЛЕКСАНДРА
Спасенье в этом,— так ли вы сказали?
ХВОСТОВ
Пусть видят все своими же глазами,
Как петухи поутру не пропели,
А вы вставать изволите с постели
И пьете чай.
АЛЕКСАНДРА
Я поднимаюсь поздно.
ХВОСТОВ
А днем на небе не увидеть звезды.
На то и есть кино!.. Еще заметьте:
Кинематограф вам дает бессмертье.
Ведь ежели, простите, вас не станет,
Ваш добрый дух жить будет на экране.
А, ежли старец рядом хоть бы разик,
Так это просто для потомков праздник.
А мне сегодня солнце улыбнулось —
Вас видеть, Александра!
АЛЕКСАНДРА
Фуй!.. А ну вас!
ХВОСТОВ
Где камера?.. О, как ступает прямо!..
А тело!.. Господи!.. Каррарский мрамор!
АЛЕКСАНДРА
Да помолчите вы!..
ХВОСТОВ
И не просите!
Куда глядят наш Фидий и Пракситель?
Вот, вот она — Милосская Венера.
Снимать!.. Снимать!..

Появляется **Распутин**.

РАСПУТИН
Переборщил, холера.
ХВОСТОВ
Я ухожу.
АЛЕКСАНДРА
Зовите просто,— Сана!..
Хвостов
Ваш раб.

Хвостов уходит.

АЛЕКСАНДРА
(Вырубовой)
Наш раб.
ВЫРУБОВА
(с альбомом)
А я уже вписала.
Уж я-то знаю, кто какого сорта.
Здесь все расписаны: кто — «про», кто — «контра»!
РАСПУТИН
Лишь в дом войдут и сразу на полати.
АЛЕКСАНДРА
Такой чудной.
РАСПУТИН
Он мне за все заплатит!
АЛЕКСАНДРА
Ты ж за него просил нас.
РАСПУТИН
Я?.. Просил?..
Господь с тобою!
АЛЕКСАНДРА
Дескать, на Руси
Достойней нет…
РАСПУТИН
(в сторону)
Артист дает дрозда!..
АЛЕКСАНДРА
Ты видел, как взошла его звезда!..
Иль это дьявол был в твоем обличье?..
РАСПУТИН
(ретируясь)
Всех не упомнить, вон их сколько нынче.
АЛЕКСАНДРА
Но это же особая статья.
РАСПУТИН
Прости, прости… Запамятовал я.
АЛЕКСАНДРА
Тебе такое, старец, не пристало…
(вдруг подозрительно)
…А тут еще приснилось, что не стало
Пятна родимого… На пальцах — когти!..
РАСПУТИН
Пятна?.. Какого?
АЛЕКСАНДРА
У тебя на локте.
РАСПУТИН
Кто это шлет тебе такие вести?..
(Засучивает рукав. Показывает.)

Вот это, что ль?..

АЛЕКСАНДРА

(облегченно)

Все у него на месте.
Ну, слава Богу!..

РАСПУТИН

(ворча)

Ишь, как на досмотре.
Я — это. Я!..

ВЫРУБОВА

О, Боже! Да не спорьте!

АЛЕКСАНДРА

Вон сколько птиц гуляет на полях.
Все серые.

НИКОЛАЙ

(появляясь)

Что за совет в Филях?

РАСПУТИН

(крестясь на икону)

Мне, миленькой, за мужика обидно.
Смерть косит нас, а все конца не видно.
Что землю-то месить, ан не пирог!

НИКОЛАЙ

Я сам молюсь, да все не слышит Бог.

РАСПУТИН

Ему, должно, не до твоих молений.
Однако, вижу!..

НИКОЛАЙ

Что там?

РАСПУТИН

На колени!..

АЛЕКСАНДРА

Но что там?

РАСПУТИН

Падайте!..

Все встают на колени.

Вон… на войне
Сам государь пред войском на коне
С победоносной вестью, как Георгий,
Летит, врагов сминая на дороге.
Сверкает меч, не знающий устатку!..

(Замолкает.)

НИКОЛАЙ

Что это, старец, а?.. Мне ехать в Ставку?

РАСПУТИН

Ты сам решай!.. Но зри, папашка, в корень:

Телега рухнет, если выпал шкворень.
Не соберешь тогда костей вовек.

НИКОЛАЙ

Но там же — князь!.. А он большой стратег.
И ростом вышел и умом. Как быть?

РАСПУТИН

За пень большой срать хорошо ходить,
А на войне от них одна морока.
Держать его Господь не видит прока.
Жертв много.

НИКОЛАЙ

Это так…

РАСПУТИН

И небесам
Угодно, чтоб ты в Ставку ехал сам.

НИКОЛАЙ

Нас никогда не тяготила служба,
Но стать Верховным…

РАСПУТИН

Так России нужно,
Чтоб ты стоял на самой высоте.

НИКОЛАЙ

Да у меня и знания не те.

АЛЕКСАНДРА

Ты — Государь!.. Возьми же это в толк.

НИКОЛАЙ

Я мог бы повести в атаку полк.
А это — Ставка!.. Здесь не просто бой,
Здесь вся стратегия!..

РАСПУТИН

Так я ж с тобой!

НИКОЛАЙ

Не знаю, старец… Может, ты и прав.

РАСПУТИН

И — чтоб не занимали телеграф!..
А то у них все сводки да доклады…
Мне что?.. Стучать на ветер?

АЛЕКСАНДРА

И не надо.
Ах, Ники, там воистину Bedlam.
(Распутину)
Ты мне пиши, а я все передам.

РАСПУТИН

Без пастыря поразбредется стадо.
Ну?..

НИКОЛАЙ

(после паузы)

Я решил…
Распутин
Решился? Ну и ладно.

Появляется **Юсупов**.

Сварилась каша, подождем и супа.
И весь обед.

ЮСУПОВ
Мой Государь!

НИКОЛАЙ
Юсупов!
Юсупов целует руку Александре.

АЛЕКСАНДРА
А где Ирина, князь?

ЮСУПОВ
Она устала.

АЛЕКСАНДРА
Все говорят,— красавицею стала.

ЮСУПОВ
О том теперь не спрашивают мужа.

НИКОЛАЙ
Пусть красота ее и нам послужит.

АЛЕКСАНДРА
Фуй, Ники!.. Ты забылся.

НИКОЛАЙ
Да!.. Представь-ка,
Я уезжаю!..

ЮСУПОВ
И куда же?

НИКОЛАЙ
В Ставку.
Верховным!..

ЮСУПОВ
Извините, Государь,
Кто подсказал вам…

РАСПУТИН
(перебивая)
Гром тебя ударь
Промеж бровей, да так, чтоб — вон душа!..
(неожиданно)
…А что, Иринка вправду хороша?

ЮСУПОВ
К чему ты это?

НИКОЛАЙ
Жди! Сейчас расскажет!

РАСПУТИН

Мне интересно: шьет она иль вяжет?
Иль больше бисером, как говорится…
Молва идет,— большая мастерица.
Нельзя держать княгиню под замком.
Ты, маленький, меня с ней познакомь,
А то поизносился я совсем!..

Юсупов, не отвечая, крестится на икону.

Ишь, испугался!.. Я ее не съем!

НИКОЛАЙ

Чего ты, Феликс?

РАСПУТИН

Экий кроткий взор,
А ведь убить меня поклялся!

НИКОЛАЙ

Вздор!
Убить?.. Тебя, Григорий?.. Это — брось!..

РАСПУТИН

Он клялся в этом, мне Господь донес,
Вчерась у Белосельских, а намедни —
У Воронцовых!..

АЛЕКСАНДРА

Что еще за бредни?

РАСПУТИН

И это, вроде б, для Руси награда.

АЛЕКСАНДРА

Скажи нам, Феликс: все не так!..

ЮСУПОВ

Все — правда!
И я исполню долг наверняка,—
Убью!.. Но не его, а двойника,
Лжестарца!.. Развелось их слишком много.
Один мерзавец, не смутясь, с порога
Вещал в «Савое»…

РАСПУТИН

(пытаясь его остановить)

Это, брат, ты зря!..

ЮСУПОВ

Что он Верховным сделает царя.
Я и явился к вам на сей предмет,—
Хочу узнать — случилось так иль нет?

НИКОЛАЙ

*(Подходит к окну. Берет ружье.
Надевает повязку на глаза.)*

Гляди!..

(Стреляет в окно.)

Гвалт ворон.

ЮСУПОВ

Попал!

НИКОЛАЙ

(снимая повязку)

Ты усомнился вроде,
А небеса ответили, что годен.

ЮСУПОВ

Не понимаю, а какая связь?..

АЛЕКСАНДРА

(прерывая)

Ах,Ники!..

НИКОЛАЙ

Извини!..

(Юсупову)

Идите, князь!
Решение мое явилось свыше.

Юсупов уходит.

РАСПУТИН

Похоже, что и я теперя лишний,
Как свадебный пирог на похоронах!..
Устроить мне проверку на воронах?!
Уважили!..

НИКОЛАЙ

Не принимай в укор!..

РАСПУТИН

(Вырубовой)

Распорядись, чтоб подали мотор.

(всем)

Не поминайте лихом.

(Крестит их и идет к выходу.)

Ишь — князья…

АЛЕКСАНДРА

(бросаясь к нему)

Куда же ты?.. Постой!.. Да так нельзя!..

РАСПУТИН

Ну, вот еще!.. Затявкали щенки!..
Не трожь меня!.. Стой!.. Оборвешь ремни!..
Одной покажь пятно, другой — депешу
От Господа о том, что ты не леший!..
…Простите, что не буду на обеде.
Прощайте!

АЛЕКСАНДРА

(в истерике)

Никуда ты не поедешь!..

РАСПУТИН

Папашка, забери свою жену!

АЛЕКСАНДРА

(схватив ружье, Распутину)

На!.. Застрели меня!.. Чего ж ты?.. Ну…
Стреляй, убивец!

ВЫРУБОВА

Всемогущий Боже!..

АЛЕКСАНДРА

Один конец мне!.. Раньше или позже!..
Лишь ты уедешь, смерть придет к нам!

РАСПУТИН

Что ж,
Вы сами так хотите!

НИКОЛАЙ

Это — ложь!

(Александре)

Да успокойся!..

Вырубова подает лекарство.

Ну же… Выпей травки…
Не едет он…

АЛЕКСАНДРА

Ты почему не в Ставке?

НИКОЛАЙ

Ты побелела вся!..

РАСПУТИН

И ты, гляжу…

*(Медленно подходит к Александре,
кладет руку ей на голову.)*

АЛЕКСАНДРА

(успокаиваясь, Николаю)

Ты хочешь моей смерти?

НИКОЛАЙ

Ухожу!

Вырубова и **Николай** осторожно выходят.

РАСПУТИН

Порядка в доме нету!. Так негоже…
Чего ты эдак отпустила вожжи?
Когда б не я, он не надел б погон.

АЛЕКСАНДРА

Грешна, Григорий!.. Дума о другом.

РАСПУТИН

*(пристально глядя
в глаза Александры)*

Дык, курице и сытой просо снится.
Ведь это пьяный, говорят, проспится,
А бабы те… лишь наступила ночь…

Че делать-то?

АЛЕКСАНДРА

Ты должен мне помочь.
Спасти корону… Все летит вверх дном.

(Под взглядом Распутина
расстегивает на своем платье пуговицу.)

РАСПУТИН

…А это мы сейчас!..

АЛЕКСАНДРА

Я не о том!
Пока у нас есть деньги, есть и честь!

РАСПУТИН

Дык, камушков-то у тебя не счесть.

АЛЕКСАНДРА

Не счесть в России!.. Думать надо шире.

(Под взглядом Распутина
расстегнула следующую пуговицу.)

Случится что, кому нужны мы в мире
Без состояния?

РАСПУТИН

Дык все хотят
С твоей короны камешек хотя б.
Оно верней, чем дырочки от кружев.

АЛЕКСАНДРА

Надежный человек для дела нужен…

(оглянувшись, тихо)

Чтоб переправить деньги.

РАСПУТИН

Можно, если
Недалеко.

АЛЕКСАНДРА

Да родственникам в Гессен!..

РАСПУТИН

(раздеваясь)

В Германию?.. Ты, мать, стреляешь метко.
А что на это скажет контрразведка?
Ты б раньше мне кудахтала о чести!

АЛЕКСАНДРА

Но кто же знал?

РАСПУТИН

Дремала на насесте,
Пока не ощипали догола…
Хватилась бабка — девкою была!
Ей человека дай!.. Не хочешь дулю?
Кто согласится лезть туда под пулю?

АЛЕКСАНДРА

(расстегивая еще пуговицу)

Мы предпринять должны, Григорий, меры.

РАСПУТИН

И я о том же! Штюрмера — в примеры!
Хвостова — в МВД!..

АЛЕКСАНДРА

Но…

РАСПУТИН

Для разрядки…
Юстицию — возьмем — и все в порядке.
И можно будет делать с немцем мир…

АЛЕКСАНДРА

А с переправкой?

РАСПУТИН

Есть один банкир.

АЛЕКСАНДРА

(продолжая раздеваться)

Гляди, вдруг не случилось бы промашки!
Премьера — сделаю!

РАСПУТИН

А я — барашка!..

АЛЕКСАНДРА

Не для заклания!..

РАСПУТИН

Да ты не дрейфь.

АЛЕКСАНДРА

Чтоб был надежным, как заморский сейф.

РАСПУТИН

В любой игре наш выйдет с козырями —
Не для того дана башка с кудрями,
Чтоб потерять.

АЛЕКСАНДРА

Но надо все по форме.
Он сможет?

РАСПУТИН

Кто Германию-то кормит?
Без нас она б не воевала часа,—
Откуда у Вильгельма столько мяса?
У нас снарядов нет,— там канонада!…
Такой подходит?

АЛЕКСАНДРА

Это то, что надо!

РАСПУТИН

(разглядывая свою одежду)

Однако, вот и делу заковырка!..

АЛЕКСАНДРА

О чем ты?

РАСПУТИН

Глянь, в портках какая дырка!

Аж из Москвы видать в нее Воронеж.
Совсем, царицка, ты меня не холишь.
Ты хочешь, чтобы я с тобой повздорил?..

АЛЕКСАНДРА

Прости.

РАСПУТИН

(Бросает ей одежду.)

Зашей!

АЛЕКСАНДРА

Я счастлива, Григорий!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Дом Распутина.
Распутин и **Актер**.

РАСПУТИН

Ну, погулял и хватит. Где казна?

АКТЕР

(повторяя за ним)

Ну, погулял и хватит. Где казна?

РАСПУТИН

Че, как на бабу, выпялил глаза?

АКТЕР

Че, как на бабу, выпялил глаза?

РАСПУТИН

Клади кошель, да и пошел отсель!

АКТЕР
Клади кошель, да и пошел отсель!
РАСПУТИН
Я не шучу!
АКТЕР
Я не шучу!
РАСПУТИН
Ну!
АКТЕР
Ну!
РАСПУТИН
Сейчас по роже-то как стебану!
АКТЕР
Сейчас по роже-то как стебану!
РАСПУТИН
И это благодарность за харчи?
АКТЕР
И это благодарность за харчи?
РАСПУТИН
Да, что ты за паскуда?! Замолчи!
АКТЕР
Да, что ты за паскуда?! Замолчи!
РАСПУТИН
Вот сука, попугай!.. А ну, сигай!
АКТЕР
Вот сука, попугай!.. А ну, сигай!
РАСПУТИН
Да это же…
АКТЕР
Да это же…
РАСПУТИН
Отлипни!
АКТЕР
Отлипни!
РАСПУТИН
Банный лист!..
АКТЕР
Однако, влип ты!..
Недолго, брат, гулять тебе на воле.
РАСПУТИН
Я задавлю тебя!
АКТЕР
А кто позволит?
РАСПУТИН
Как — кто?

АКТЕР

Забыл, что за стеной охрана?

РАСПУТИН

Она ж — моя!

АКТЕР

Была твоя!

РАСПУТИН

Ну, браво!
Даешь, артист!.. Я ею защищен!

АКТЕР

А это нужно доказать еще!

РАСПУТИН

Ты возомнил уже, что ты король?

АКТЕР

Кто предложил играть мне эту роль?
А я ведь рисковал. И очень смело!

РАСПУТИН

Ты так, паскудник, раскрутил все дело,
Что я и сам теперь уже не рад.
Одни скандалы.

АКТЕР

Обижаешь, брат!

РАСПУТИН

А ты моих не сосчитал обид?
Одна заходит: — Здрасьте, говорит,
А у самой-то брюхо карасем!

АКТЕР

Чего буровить? Не было — и все!

РАСПУТИН

Да я уже промок от бабьих слез!

АКТЕР

Переживут, ан не туберкулез.
Распутин
Когда б одна, а то их цела рать!

АКТЕР

Теперь тебе Распутина играть,
Чтоб быть на высоте, при деле, значит.

РАСПУТИН

Мне?.. Самого себя?..

АКТЕР

А как иначе?

РАСПУТИН

Ты это, парень, малость не того?..

АКТЕР

Проси прохожих выбрать одного
Из двух Распутиных… Средь бела дня

Кого ни встретим,— выберут меня!

РАСПУТИН

Вот этого при мне не говори!..

АКТЕР

Да я готов хоть с кем держать пари!

Вваливается пьяный **Хвостов**
с ящиком вина.

ХВОСТОВ

От Вырубовой.

РАСПУТИН

Ты с ней не шали!
Намажу медом — вывалю в пыли,
Не отскребешься! — говорю в глаза.

ХВОСТОВ

Да я все делал так, как ты сказал.
Мы ж вместе были…

(Увидел второго «Распутина».
Крестится.)

РАСПУТИН

Что с тобою, брат?

Хвостов пытается уйти.

Куда ты?

ХВОСТОВ

Я вчера, знать, перебрал!

Входит **Рубинштейн**, на которого наталкивается **Хвостов**.
Увидев **Рубинштейна**,
Распутин заталкивает **Актера** за ширму.

Эй, Митька!.. Слышь-ко, наклонись ко мне!..
(Что-то шепчет Рубинштейну.)

РУБИНШТЕЙН

Пей меньше, Хвост. Ты не в своем уме.

Хвостов уходит.

Григорий! Ну, а где же твой обед?
Я разве опоздал?

РАСПУТИН

Обеда нет.
Тебе, должно, обычай мой неведом:
Собрался в гости — запасись обедом!..
…Да и не звал я…

РУБИНШТЕЙН

(присматриваясь к нему)
Кто здесь чей должник?
Стареешь, видно!

РАСПУТИН
Придержи язык!
Вот так молва-то ересь и разносит:
Чуть где чихни, так тут же твой гундосый
Напишет, что я помер!

Рубинштейн
Перепишет,
Коль ты — живой!

РАСПУТИН
Чего он снова рыщет?

РУБИНШТЕЙН
Он не поймет: где сапоги, где лапти?..

РАСПУТИН
Пущай заткнется!

РУБИНШТЕЙН
Это — как заплатим.

РАСПУТИН
Так заплати!.. Вот времечко настало:
Нет у народа в головах-то сала.
Совсем уже не варят котелки,
Вот и глядят в газеты, как телки!
Там лопнул вдруг пузырь, а там — карьера…
(После паузы.)
Пора задаточек бы за примера!

РУБИНШТЕЙН
Зачем спешишь?

РАСПУТИН
Дык, короток наш век!
Принес?

РУБИНШТЕЙН
Принес. Я — честный человек.
(Наклоняется к саквояжу.)

Актер, выскочив из-за ширмы,
ловко занимает место **Распутина**.

АКТЕР
(в роли Распутина, разглядывает деньги)
Так сколько здесь?

РУБИНШТЕЙН
Как и всегда.

АКТЕР
Бандиты!
Не видите, как времячко летит-то?
По стольку даже нищим не дают.

За эти деньги морды не набьют
Теперь в России!.

РУБИНШТЕЙН

Как же так, процентщик?..
Мы договаривались — вдвое меньше
И по рукам ударили.

АКТЕР

Умора!
И не было такого разговора.
Ты, видно, спятил!

РУБИНШТЕЙН

Тише. Что за хай?
Не будем спорить. Сумму называй,
А мы дадим тебе любую ссуду.
Так сколько?

АКТЕР

Два по сто в одну посуду!

РУБИНШТЕЙН

Не подавись!

АКТЕР

А для луженой глотки
Сколь ни залей, все не хватает водки.
Да что с вас взять?.. Вы не того сословья!.

РУБИНШТЕЙН

Но я-то выполнил твои условья.
Набиты трюмы царскими деньгами.
Чего еще-то?

АКТЕР

У тебя с врагами
Один язык… И здесь, и там — ворье!..

РУБИНШТЕЙН

А это дело, старец, не твое.

АКТЕР

Как не мое?

РУБИНШТЕЙН

Ты сам с царицей ловко
Нас повязал теперь одной веревкой.

АКТЕР

Ан, недоволен?

РУБИНШТЕЙН

За нее боюсь.

АКТЕР

Ты за нее не бойся. Это — Русь.
Одним богата, а другим бедна:
Веревок тьма, а петля лишь одна —
Враз для твоей кудрявой головы.

РУБИНШТЕЙН

Твои угрозы, старец, не новы.
За что мне в петлю лезть?

АКТЕР

Ответь-ка, кореш,
А как ты нашим хлебом немца кормишь?

РУБИНШТЕЙН

Мне тоже деньги носит не жар-птица.
По свету белому всю жизнь крутиться,
Как белке в колесе, скажи, легко ли?

АКТЕР

Так что ж вы размножаетесь в неволе,
Коль вам невмоготу?.. В сырое лето —
Не каждый зверь решается на это.
А вас вон сколь, и все с обиняками,
Что бедные… А, глянешь,— с кошельками!

Из-за ширмы возникает рука
Распутина и утаскивает **Актера**.
Рубинштейн этого не замечает.

РУБИНШТЕЙН

В грозу высоко не влезай — убьет.
Чего ты лезешь?.. Ты ж не идиот.
Зачем тебе вникать в такой вопрос,
Куда собака не совала нос?
А ты пытаешь нас, как на суде.
Сперва возьми с поличным!
(заметив исчезновение Актера)
Эй!.. Ты где?
Чего куражишься?

РАСПУТИН

(появляясь)
Ну и житуха!
Коль не понос возьмет, так пронесуха!
То пьяный поп, то загуляла паства!.
(неожиданно)
А сколько стоит заграничный паспорт?

РУБИНШТЕЙН

Ты что?

РАСПУТИН

Хочу удариться в бега.
Зачем мне нарываться на рога?
Не я!.. Другой здесь пред тобой бесился!

РУБИНШТЕЙН

И — правда!. Ты в лице переменился!

РАСПУТИН

(испугавшись)
Заметно?.. Ты, надеюсь, не продашь?..

РУБИНШТЕЙН

Да успокойся!.. Вижу — снова — наш!
Ты не по злобе!.. Ты для куражу!..
Я знаю.

РАСПУТИН

Слово дал, так я держу!
Примером Штюрмер будет.

РУБИНШТЕЙН

Да ты — маг!

РАСПУТИН

Пущай готовит сумку для бумаг.

РУБИНШТЕЙН

А он уже не верит. Ходит грустный.

РАСПУТИН

А чтобы все подумали, что русский,
Не надо нам бренчать на балалайке,
Пущай расскажет две мужицких байки!
И ежли вспомнит вовремя про мать,
Бояться станут,— значит, уважать!
Не важно дело, главное — душа!

Входит **Сухомлинова**.

СУХОМЛИНОВА

Позвольте мне…

Распутин

Входи, коли пришла!
(выпроваживая Рубинштейна)
Уж не побрезгуйте моим порогом.

РУБИНШТЕЙН

Иду, иду!..

РАСПУТИН

Теперь я занят.

РУБИНШТЕЙН

С Богом.

Рубинштейн уходит.

РАСПУТИН

Ну, вот и заявилась!.. Больно нужно?
Я ж говорил,— придешь!
(Пристально смотрит на нее.)

СУХОМЛИНОВА

(сжимаясь под его взглядом)
Спасите мужа.

РАСПУТИН

Спасите! …Ишь, как просто рассудила…
…Иринка-то к тебе не заходила
Юсупова?..

СУХОМЛИНОВА

Такая нынче мода:
Рисует или лечится на водах,
Как все.

РАСПУТИН

И — где же?

СУХОМЛИНОВА

В Риме.

РАСПУТИН

Мать-размать!
Че за семь верст-то киселя хлебать.
Чего вы мечетесь туды-сюды,
Как будто нету вам своей воды.

СУХОМЛИНОВА

Своей немало, но целебней та.

РАСПУТИН

Не нравится мне эта суета!
Ведь вы в здоровьи-то ни в зуб ногой:
Бутылку выпей, разотрись другой
И в баню на полок, повыше чтобы…
Один часок — и никакой хворобы.
И незачем таскаться ко врачу…
Ты приведи ее, я излечу.

СУХОМЛИНОВА

При встрече мы о том поговорим.

РАСПУТИН

Вот это — дело!.. А то — Рим, да Рим!..

СУХОМЛИНОВА

А как же с мужем?..

РАСПУТИН

Не было суда,—
Так и не будет!.. Проходи сюда…
Сейчас я…

Сухомлинова уходит за ширму, из-за которой с другой стороны выходит **Актер**.

АКТЕР

Чья взяла?

РАСПУТИН

(растерянно)

Ты… аферист!

АКТЕР

Я говорил тебе, что я — артист,
И неплохой,— ты должен в том признаться!..
Вот — позвоню… Тебя, как самозванца,
В колодки закуют и от любви
К истории,— кол всадят!

РАСПУТИН

Не губи!..
Все… все отдам!

(Снимает с себя крест.)

АКТЕР

Да ты не понял, знать:
Что нечего с тебя мне больше взять,
Чем то, что взял. Я от тебя не скрою,
Что я, как царь, богат своею ролью!..

РАСПУТИН

Отказываться, брат, нехорошо.

АКТЕР

Мне ничего не надо. Вон пошел!

Актер идет за ширму.
Распутин уходит.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Царское Село.
Александра, **Вырубова**, **Сухомлинова**.

СУХОМЛИНОВА
Я думаю, и наш великий предок
Подарки брал… Но, чтоб Россию предал?..
Нет!.. И мой муж таков, а я вот маюсь,
Что он в тюрьме!

ВЫРУБОВА
О, я вас понимаю,
Путь вверх тяжел и очень легок — вниз.
Он в том уже виновен, что — министр!

СУХОМЛИНОВА
Вы ж знаете, он безобидней пташки.
За что же так?

ВЫРУБОВА
Случаются промашки.

СУХОМЛИНОВА
Он оказался там в кругу знакомых.

ВЫРУБОВА
Все оттого, что нет у нас законов.
В России все бесправны мы.

АЛЕКСАНДРА
Положим,
Законы есть.

ВЫРУБОВА
Так применить не можем.
Гражданский кодекс — вот всему основа.

СУХОМЛИНОВА
Достаточно лишь царственного слова,
Чтоб прекратился этот кавардак.
…Я не права?

АЛЕКСАНДРА
И я считала так!
Но посмотрите, что они творят?
На Красной площади бранят царя

И отреченья требуют!.. Меня же
Хотят постричь в монахини. И в раже
Грозят расправой своему попу.
Но надо ж как-то усмирять толпу?..
Кровь пролилась… Так это ж не парад!
Теперь все ищут: кто же виноват?
Кто дал приказ? Кто посягнул на честь?..
При чем тут мы?.. Градоначальник есть!

ВЫРУБОВА
(Сухомлиновой)

Людей всегда объединяло горе.
Спасибо старцу. Это он, Григорий,
Мне ныне о тебе твердил полдня.

АЛЕКСАНДРА

Но, милая, сегодня у меня
Он был с утра.

ВЫРУБОВА

Как у тебя, царица?!
Нас видела с ним вместе вся столица!

АЛЕКСАНДРА

Друг мой, ты удивляешь нас немало.
Я… я ему рубашку вышивала.

ВЫРУБОВА

А он?

АЛЕКСАНДРА

Он мне о радости вещал.

ВЫРУБОВА

Поверь, что он мне душу очищал,
И ждали с неба мы благих известий…

АЛЕКСАНДРА

А после?

ВЫРУБОВА

После мы молились… вместе…
О праведной душе…

АЛЕКСАНДРА

Зачем так лгать?..
Нельзя же необъятное объять!
Ты шутишь… И, наверно, неспроста…
Как мог он оказаться в двух местах?
Мы вышивали с ним…

ВЫРУБОВА

Послушай, Аликс!
Мы никогда друг друга не стеснялись…

АЛЕКСАНДРА

Что следует из твоего порыва?

ВЫРУБОВА

То, что молились мы без перерыва!

Так поимей же совесть хоть немножко!..

АЛЕКСАНДРА

Ну, это слишком!.. Ах, ты, хромоножка!
Ведь это… это ни в какие рамки!..

ВЫРУБОВА

Глянь на себя!.. Сама-то вся из дранки!..

АЛЕКСАНДРА

Не обод держит колесо, а спица,
Хотя и тонкая.

ВЫРУБОВА

Да!.. Ты — царица!
Но лгать зачем?

АЛЕКСАНДРА

Он был со мной.

ВЫРУБОВА

Вот случай!
Когда же он успел?

АЛЕКСАНДРА

Тебе знать лучше!
Ведь ты и по ночам сова совой!

СУХОМЛИНОВА

(неожиданно)
О, Боже!.. Кто же вышивал со мной?!.

ВЫРУБОВА И АЛЕКСАНДРА

Что?!.

СУХОМЛИНОВА

Я молчу!

АЛЕКСАНДРА

Нет, говори!

СУХОМЛИНОВА

…Потом…

ВЫРУБОВА

Ах, ты, тихоня!

РАСПУТИН

(возникая)
Лаетесь пошто?

АЛЕКСАНДРА

Григорий, расскажи!.. Свидетель небо.
Где был с утра?

РАСПУТИН

Нигде я нынче не был.
Да вот пришел, чтоб доложиться папе.

Сухомлинова глядит на него в ужасе.

Вернулся ль он из Ставки?..
(Вырубовой)

Эй, ты, в шляпе!
Что рот раскрыла? Разве мы нагие?..

ВЫРУБОВА

Ты только говорил слова другие.
О красоте… И вдруг, как обухом…

РАСПУТИН

Ты в шляпе, как говно под лопухом.
С такой красой далёко ли уедем?

СУХОМЛИНОВА

Иль мир сошел с ума, иль все мы бредим!

РАСПУТИН

Слова-то выбирайте осторожней.
Оно понятно, я здесь не прохожий,
И каждый руку тянет… за советом,
Но можно ль нынче говорить об этом,
Когда, царица, у тебя беда!

АЛЕКСАНДРА

Беда?.. Ты не пугай, Григорий!..

РАСПУТИН

Да!

АЛЕКСАНДРА

Бог наказал меня!

РАСПУТИН

И поделом!

АЛЕКСАНДРА

Мой сын!..

РАСПУТИН

Царенок под моим крылом.
Птенца хранить Господь доверил мне.

АЛЕКСАНДРА

Так что ж случилось?

РАСПУТИН

Наш банкир — в тюрьме!

ВЫРУБОВА

Как это можно при живых царях?

РАСПУТИН

Крал семгу, а попал на сухарях!

АЛЕКСАНДРА

Кто посадил!.. ведь это же… скандал!

РАСПУТИН

Кто посадил!.. Царь пряники раздал,
Не слушая меня.

АЛЕКСАНДРА

Плебеи!.. Гунны!..

РАСПУТИН

Должно быть, наш папашка шибко умный.

Ведь Митька всех нас пустит без одежи…

АЛЕКСАНДРА

Но ты же говорил, что он надежен.
Какие деньги я давала в рост!..
А кто нас предал?

РАСПУТИН

Думаю, что «Хвост».

АЛЕКСАНДРА

Он разве знал?

РАСПУТИН

Нет. Он о том проведал,
Когда однажды у меня обедал.

ВЫРУБОВА

Так ты любого обвинить горазд?

РАСПУТИН

Лишь сытого. Голодный не предаст.

АЛЕКСАНДРА

Служить царице и — тюрьма в награду…

РАСПУТИН

И «Маску» загребли.

АЛЕКСАНДРА

За что?

РАСПУТИН

За правду!
Вот… пишет, что я — ангел!

АЛЕКСАНДРА

(в сторону)

Это крах!..

РАСПУТИН

(с газетой)

Все голяком плясали, я — в штанах!

СУХОМЛИНОВА

Скажи, Григорий, что ж такое грех?

РАСПУТИН

Грех — спать с одною, если любишь всех.
Когда поймешь,— ан времечко минуло.

АЛЕКСАНДРА

Предчувствие меня не обмануло…

ВЫРУБОВА

Живем в аду, а говорим о рае.

АЛЕКСАНДРА

А — дума?

РАСПУТИН

Дума музыку играет
Совсем другую… Дали воли слишком.
Царева голоса уже не слышно.

Но сколь она не думает, — все — дура!

СУХОМЛИНОВА

Но кто в России главная фигура?
Наш царь!

ВЫРУБОВА

И ты.

РАСПУТИН

Я — Божия букашка.
Куда уж мне…

Появляется **Николай**.

А вот и наш папашка!

НИКОЛАЙ

(Распутину)

Здоров ли?

РАСПУТИН

Я — здоров, а ты вот — хворый!
Уж больно стал на все решенья скорый.

НИКОЛАЙ

А разве царь решать уже не волен?

РАСПУТИН

Все сам вершишь. Господь наш недоволен.
Я ж на тебя настроен, как струна,
А между нас — огромная страна.
Но я все слышу… Ты ж, как недомерок,
То так решишь, то переделашь эдак.
Все мечешься, как на ветру трава,
А у меня кружится голова
И все болит!.. Своя, чать, не чужая!..

НИКОЛАЙ

За это я тебя и уважаю,
Что рядом ты со мной в любой момент.

Распутин

Чти не меня, а энтот мой струмент!
(Подводит Николая к окну. Подает ему ружье.)
А ну, стреляй!

Николай стреляет. Гвалт ворон.

Ну, что теперь мне скажешь?

Николай стреляет еще раз.

Вот так, папашка, ты повсюду мажешь!

АЛЕКСАНДРА

Ты погубил нас всех.

НИКОЛАЙ

Все может статься.

АЛЕКСАНДРА

Я выслала тебе гребенку старца,
Чтоб ты расчесывался ею прежде,
Чем принимал решенья… Мы в надежде,
Что так ты поступал!..

НИКОЛАЙ

Я…

АЛЕКСАНДРА

Где она?
Вокруг — разор!.. Ждет мудрости страна.
Бунтует двор. Сошел с ума народ.
Где та гребенка?.. Мудрость где?

НИКОЛАЙ

Да… вот!…

(Достает гребенку.)

Я получал все указанья старца,
Молился я…

(Расчесывает волосы.)

РАСПУТИН

Теперь-то што чесаться?!

НИКОЛАЙ

Хвостова снял я…

РАСПУТИН

А кого поставил?!.
Папашка, ты играешь против правил!
Взял одного, а трех отдал под сруб.
Зачем же я молился?..

АЛЕКСАНДРА

Душегуб!..
То ловят левых, то гоняют правых,
То забирают с улиц всех кудрявых.

НИКОЛАЙ

О ком вы это?.. Что-то не пойму.

АЛЕКСАНДРА

Как можно… Рубинштейна и — в тюрьму?!.

НИКОЛАЙ

Знать, он не без греха.

АЛЕКСАНДРА

Что ж это, люди?..
Есть царь или нет?

НИКОЛАЙ

Но есть и правосудье.
Оно просеет всех, как решето.

АЛЕКСАНДРА

Всем, всем — цари!.. Мне — только тень!.. За что?

НИКОЛАЙ

Прошу тебя, избавь от сих картин!..

Твои истерики — вот где!

АЛЕКСАНДРА

Кретин!
I shall not stand this!

НИКОЛАЙ

I said "Keep calm".

АЛЕКСАНДРА

Better than you from me went down.
It's all in vain for me to teach.
You dirty bum.

НИКОЛАЙ

Keep shut, you bitch!

АЛЕКСАНДРА

What do we have, the war with Germany
And enemys at home!

НИКОЛАЙ

Shut up, I said.

АЛЕКСАНДРА

I never shall, you bet!

НИКОЛАЙ

They all are looking. Lower your tone.
I'm still the Tsar! Tsar!

АЛЕКСАНДРА

So what!
Let's see them what you really are!
Освободи его!

НИКОЛАЙ

…Когда б я мог…

АЛЕКСАНДРА

(падая)

Меня… я слышу… призывает Бог…

СУХОМЛИНОВА

Что это с нею?

НИКОЛАЙ

Вот еще беда!..

(Трясет Александру.)

Очнись же, Аликс!.. Боже!.. Так всегда…
Прошу тебя!..

РАСПУТИН

(в сторону)

Напрасные труды!..

НИКОЛАЙ

Да принесите кто-нибудь воды!

Вырубова приносит воду.
Брызгает на **Александру**.

Не помогает…

ВЫРУБОВА

Господи еси…

НИКОЛАЙ

Григорий!.. Я прошу тебя!.. Спаси!..

РАСПУТИН

Чуть что,— Григорий!.. Я ж не Бог вам, вроде…

(Подходит.
Кладет ладонь на голову Александры.
После паузы.)

Прощайся с ней. Она уже отходит.

НИКОЛАЙ

Но, старец…

РАСПУТИН

Зря ты говорил так грозно…

НИКОЛАЙ

Спаси!.. Ты можешь все!..

РАСПУТИН

Однако поздно.
Она вот-вот на небе воцарится!..

НИКОЛАЙ

Но так нельзя!..

(взрываясь)

Все это — ты!.. Убийца!..
Убийца!.. Примешь смерть на колесе!..

РАСПУТИН

Вот это зря!..

НИКОЛАЙ

(не выдержав его взгляда)

Прости.

РАСПУТИН

Уйдите все!

Все уходят. **Распутин** кладет
ладонь на голову **Александре**.

Ушла в тайгу… Тропу назад забыла…
Ну, вспоминай… Ну!..

АЛЕКСАНДРА

(открывая глаза)

Что со мною было?
Кто вел меня по тверди голубой?

РАСПУТИН

Смерть нынче приходила за тобой,
Но я не дал переступить порога.

АЛЕКСАНДРА

Ты спас меня?

РАСПУТИН

То промысел лишь Бога!

Сцена седьмая

Дом князя **Юсупова**.

ЮСУПОВ

(Один, поет под гитару.)

Цветет на поле боя лебеда,
Тревожа память горькую во мне.
— Прощай!..— поручик выкрикнул войне
И наземь рухнул. Это не беда,—
Ведь оставалась вечною душа,
Похожая полетом на орла…
Но пуля сквозь поручика прошла
И у России в сердце замерла.

Появляется **Пуришкевич**.

— Прощай!..— Россия крикнула войне,
Но взгляд ее был обращен ко мне!..
Ах, если бы не эта лебеда
Прошла бы стороною и беда!..

ПУРИШКЕВИЧ

Вот слушаю в который раз…

ЮСУПОВ

И что ж?

ПУРИШКЕВИЧ

Пора стрелять, а ты, князь, все поешь!..

ЮСУПОВ

(играя пистолетом)

Командуй!.. Пистолет не даст осечки!

ПУРИШКЕВИЧ

Я расстрелял их всех своею речью!
Впервые Дума так рукоплескала.

ЮСУПОВ

У нас давно не Дума, а «Ла Скала»!

ПУРИШКЕВИЧ

Я все назвал своими именами…
Мне глубоко плевать, что будет с нами,
Но я их уничтожу!.. На Руси
Все зло идет от потаенных сил.
Нам говорят, что миром правят страсти,
Эмоции… Абсурд! Нет в Думе власти.
Нас прокатили, как на вороных.
Мы — зданье власти, а ключи у них,—
Фамилии не вышепчешь с разбега…
Вот оттого-то со времен Олега
Не можем выйти мы до сей поры

Из роковой навязанной игры,
В которой наши «мамки» да «папашки»
Играют за столом вселенским в шашки
Фигурами из шахмат. Ложь на ложь.
Куда кто ходит, сразу не поймешь.
Порой нелепой выглядит игра,
Но жизнь России — вот ее цена!..
Гляди, какие головы летят.
Игра беспечна лишь на первый взгляд.
А мы глядим!.. Нам в мире все потешно!..
Ведь даже сам король — простая пешка!
Я ж на Россию все-таки надеюсь!
Но знать хочу: в чем русская идея
Сегодня?.. Завтра!.. Все перемешалось.
Вопрос не праздный. И не чья-то шалость,
А зов веков… Наш долг найти ответ.
Он — наша цель. Без нас России нет.
И только монархизм — всему основа!..

ЮСУПОВ

Ты это все сказал им?

Пуришкевич

Слово в слово!

ЮСУПОВ

Герой ты, Пуришкевич!

ПУРИШКЕВИЧ

Без апломба,
Скажу, Юсупов!.. В государстве бомба
Разорвалась и ухнула по цели!..

ЮСУПОВ

Разорвалась, а колокольни целы.
Цена геройству твоему — полушка!..
Не бомба это, сударь, а — хлопушка,
Петарда, и не больше!.. Вас надули!..
Пока вы там витийствовали в Думе
И, надобно признаться, очень смело,
Распутин, не смущаясь, делал дело:
Назначил Протопопова министром.

ПУРИШКЕВИЧ

Вот сволочь, а?

ЮСУПОВ

Без суеты, но быстро!
Недаром, что в премьерах — Штюрмер!

ПУРИШКЕВИЧ

Бред!
На то ни прав, ни оснований нет!..

ЮСУПОВ

Все это он вершит по Божьей воле.

ПУРИШКЕВИЧ

Масонский прихвостень!.. Терпеть доколе!

ЮСУПОВ

Мы сами виноваты. Мы ведь тоже
Считали, что услышать голос Божий
Царю полезно.

ПУРИШКЕВИЧ

Это, князь мой, слишком!

ЮСУПОВ

К царю мы близко подпустили Гришку,
А он вцепился, как в добычу тать.
Никто теперь не в силах оторвать.
Господь нам с неба посылает знаки
Через него.

ПУРИШКЕВИЧ

Собачья смерть — собаке!
И коль не мы ее свершим, так — кто?
Князь, принимай решенье!

ЮСУПОВ

Я готов.
И вот моя рука. Готовь кутью!..
(Наливает бокалы.)
Так выпьем за успех!

ПУРИШКЕВИЧ

Вперед не пью.

ЮСУПОВ

Не пьешь вперед, давай за то, что есть.
Что нам всего дороже?.. Это честь

Входит **Хвостов**.

России нашей… Но ее позор —
Любить и тех, кто ей чинит разор.
Надеюсь я, что дни их сочтены!

ХВОСТОВ

Такому тосту не было б цены
Еще вчера.

ЮСУПОВ

Хвостов, иди сюда!..
Бери бокал!..

ХВОСТОВ

Простите, господа…

ЮСУПОВ

Русь очищается,— не прав я разве?

ХВОСТОВ

Мне б не хотелось омрачать ваш праздник…

ПУРИШКЕВИЧ

Кто б это мог,— те, в некотором роде,
Все арестованы.

ХВОСТОВ

Все на свободе!.

ЮСУПОВ

Хвостов, ты шутишь!

ХВОСТОВ

Да не место, вроде.
Вот телеграмма.

ЮСУПОВ

(читая)
«Наш банкир свободен»
И подпись: «Александра». Мать-царица…

ПУРИШКЕВИЧ

Такое в сне кошмарном не приснится.

ЮСУПОВ

Я говорил с царем, выходит, зря.

ХВОСТОВ

Ты — здесь, а Гришка около царя.
Дела такие делаются быстро.

ПУРИШКЕВИЧ

Не зря тебя погнали из министров.
Не смог убрать с дороги мужика!

ХВОСТОВ

Здоровье у него, как у быка!
Пять раз травил!.. Кормил паскуду с ложки!..
Он — хоть бы что, а рядом сдохли кошки!

ПУРИШКЕВИЧ

Тебе медаль бы выдать за отвагу.
Свинью не травят, а вонзают шпагу!

ХВОСТОВ

Спасибо, Пуришкевич, за урок.
Я нанимал убийцу, все не впрок!
Растраты лишь.

ПУРИШКЕВИЧ

Россия не простит.

Появляется **Сухомлинова**.

СУХОМЛИНОВА

Для вас столь неожидан мой визит,
Что я смущаюсь…

ЮСУПОВ

Полноте!.. Мой дом
Всегда открыт.

СУХОМЛИНОВА

Я собралась с трудом…

ЮСУПОВ

И ЧТО Ж ВАС ПРИВЕЛО К НАМ?

СУХОМЛИНОВА

Только месть.
Я знаю — под угрозой Ваша честь.

ЮСУПОВ

Не понял.

СУХОМЛИНОВА

Берегите, князь, жену
От старца. Вы не нравитесь ему.

ЮСУПОВ

Простите, но при чем моя жена?

СУХОМЛИНОВА

Узнав, что возвращается она,
Он обезумел. Ходит сам не свой!

ЮСУПОВ

Такие шутки не пройдут со мной!

СУХОМЛИНОВА

Мы все под Богом ходим. Все — рабы.
Не повторить бы ей моей судьбы
Униженной… В нем дьявольская сила,
Она засасывает, как трясина…
Лишь глянет он, все цепенеет вдруг…
Он многолик, как змий, и многорук.
Не вырваться, поверьте… Либо-либо…
Увы!..

ЮСУПОВ

За откровенность вам спасибо!
Похоже, что и вправду это демон!..

ПУРИШКЕВИЧ

Не беспокойтесь, князь.
(Сухомлиновой)
Скажите, где он?
Грядет Варфоломеевская ночь!..

СУХОМЛИНОВА

О, если бы!..

ХВОСТОВ

Вы нам должны помочь.
Без женщин нам не обойтись.

СУХОМЛИНОВА

Вы правы.
Без женщины нет на него управы!

ХВОСТОВ

Он говорил всегда, что легче сдохнуть,
Чем отказаться…

ЮСУПОВ

Что им движет?

ХВОСТОВ

Похоть!

Знать, только в этом он находит радость.
Кто в чем силен, в том и ищите слабость.
То, господа, проверено веками.
Но, знайте, старца голыми руками
Мы не возьмем.

ПУРИШКЕВИЧ

Семь бед — один ответ.
А ну-ка я проверю пистолет!.

(Стреляет в мишень.)

ЮСУПОВ

Брось, Пуришкевич!.. Ни к чему бравада.
Пойми, нам лишних выстрелов не надо.

ПУРИШКЕВИЧ

Что, мне Распутину поклон отвесить?!.
Уж, извини!

(Хвостову о мишени)

Ну, что?

ХВОСТОВ

(у мишени)

Как должно — десять!

ПУРИШКЕВИЧ

Нас ждет успех!

ЮСУПОВ

Что истинно, что ложно
Нам неизвестно… В мире все возможно!..
Ступил шажок и замети следы…
В игре надежней тихие ходы!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Баня.
Появляются **Актер** в роли **Распутина**,
затем **Рубинштейн**, **Симанович** и **Мануйлов**.

АКТЕР
Как вам свобода?
СИМАНОВИЧ
Что и говорить!
Не знаем уж кого благодарить.
Ты нам один в Росиюшке отрада.
Ставят подарки на стол.
АКТЕР
Царицку вам благодарить-то надо,
А не святого батюшку Николу.
СИМАНОВИЧ
Я перстень передал.
МАНУЙЛОВ
А я — икону.
АКТЕР
Знать, не сладка тюремная баланда.
Ну, посидели голубки… И ладно.
РУБИНШТЕЙН
Когда б не ты, нам не видать свободы.
АКТЕР
Все впереди. Какие ваши годы!..
В России каждый посидеть должон,
Тогда и лезть не станет на рожон,
А то витать привыкли в облаках.
Совсем не ценят, что уже в руках.
Такого раньше сроду не бывало:
Сколь ни дают —все человеку мало.
Министров не умастишь калачом.
Свобода нынче, думаешь, почем?..
РУБИНШТЕЙН
Полмиллиона хватит?
АКТЕР
Ну, положим,
Не густо… Но и это деньги тоже…
Хошь взятку дать?.. А я ведь не беру!..
РУБИНШТЕЙН
А как же быть?

АКТЕР

Я, братцы, за игру!
Пусть карты нас рассудят честь по чести:
Им лучше знать, кто «буби» здесь, кто — «крести!»
По кругу пустим и вся недолга!..

РУБИНШТЕЙН

Да ты в момент разденешь донага.

АКТЕР

А думаешь, свобода, что ль, дешевле?

МАНУЙЛОВ

Но ты же — шулер!

АКТЕР

Но и вы, чать, шельмы!

СИМАНОВИЧ

Давайте жить по доброму… Без брани.
Устраиваются за столом.

РУБИНШТЕЙН

(приглядываясь к Актеру-Распутину)
Что я люблю у вас, так это — бани!
Как будто вновь рождаешься из тьмы.

АКТЕР

Особо, ежли вышел из тюрьмы!

РУБИНШТЕЙН

Кажись, на небо поднялась душа
И вместе с паром в облака ушла,
А лишь плеснешь водичкой душевой,—
Был, вроде мертвый, а, глядишь, живой!
И снова в жизни никаких помех.

АКТЕР

Чего водой-то?.. Ты беги на снег.
Узнаешь там по чем ядрена мать!

РУБИНШТЕЙН

Там холодно.

АКТЕР

(мечтательно)
Люблю в снегу поспать.

СИМАНОВИЧ

Возможно ль, голой задницей на лед?!.

АКТЕР

Медведь всю зиму спит и не чихнет!
Как вам — не знаю… Мне, однако, рай!..
…Чего мусолишь карты?.. Раздавай!

РУБИНШТЕЙН

(всё приглядываясь)
Сдаю!.. С чего начнем?

АКТЕР

Давай — по сто!

Делают ставки.

Че на меня глядишь?.. Гляди — на стол!
Коль нечем крыть,— скажите!.. Есть — так кройте!..

РУБИНШТЕЙН

Да, вроде б, родинка была на локте…

АКТЕР

Все видишь ты, как беркут вострым оком.
(показывая левую руку)
Была. Вот здесь. Содрал, брат, ненароком.
Подрался как-то с целою оравой!.

РУБИНШТЕЙН

Да, не на левой!.. Вроде бы на правой…

АКТЕР

Дык в драке разве разберешь?

РУБИНШТЕЙН

Ну, ну…
(жестко)
Мильен я ставлю!..

АКТЕР

Это — по уму!
Тогда… я — два!

СИМАНОВИЧ

Григорий, не спеши!

АКТЕР

Я ж не корысти ради… Для души!

Об стол хлопают карты.

Сколь карт-то там?

РУБИНШТЕЙН

Ходи. Да по одной!

АКТЕР

А ты, гляжу, мужик-то заводной.

РУБИНШТЕЙН

Как говорят: святое дело — риск!..
Вот так!

АКТЕР

А — так?..
(Бьет карту. Сгребает деньги.)
Не можешь, не берись!

Появляется **Сухомлинова**.

СУХОМЛИНОВА
(Актеру)

Она пришла.

МАНУЙЛОВ

Он одурачил нас…

АКТЕР

Идите в баню!.. Не до вас сейчас.
А ну, шагайте!

МАНУЙЛОВ

Я без бани чист.

АКТЕР

(толкая его)

Иди, иди!.. Зачем же мы сошлись?
Знай, чистыми бывают только чайки!..

Мануйлов, открыв дверь, отпрянул.
Из бани доносится женский визг и хохот.

МАНУЙЛОВ

Да там же!.. Там же!..

АКТЕР

Там — мои мочалки!
Да ладно, пользуйтесь.

МАНУЙЛОВ

Я…

АКТЕР

Телегент.
Че рассуждать-то здесь. Лови момент.
Рвани мадеры. Веником занюхай
И на полок!

Мануйлов уходит.
Актер подходит к **Симановичу**.

А ты… сюды послухай!
Будь мужиком. Я ныне бескорыстен.
Сдаются крепости, заслышав выстрел,
А бабы наши тоже, как солдаты —
Всегда готовы,— только ждут команды.

Симанович уходит.

А ты чего торчишь?..

РУБИНШТЕЙН

А я без денег.

АКТЕР

Тогда тебе положен только веник.

РУБИНШТЕЙН

Мне не прийти в себя за трое суток.

АКТЕР

Иди, стягайся и придешь в рассудок.
Да пару им подкинь, а я проверю!..

Рубинштейн уходит.

Ну, где же краля-то?

СУХОМЛИНОВА

Стоит за дверью.

АКТЕР

Ух, прокачу!.. Лишь дайте карусель.
Зови ее сюда!.. И — брысь отсель!

Сухомлинова уходит.
Появляется **Актриса** в роли **Юсуповой**.
Ее лицо скрыто под вуалью.

АКТЕР

Чего боишься?.. Чтобы не узнали?..

АКТРИСА

Иначе бы пришла к вам без вуали.

АКТЕР

Явилась-то, поди, не к королю.
А я, ты знаешь, тряпок не люблю!

(Срывает вуаль.
Поражен красотой «Юсуповой».)

АКТРИСА

Спокойней. Я Юсупова жена!..

АКТЕР

Под тряпкой-то ты на хрена нужна?
Чать, в баню шла.

АКТРИСА

Но с мыслью не о том…

АКТЕР

(раздеваясь)

Че будешь так сидеть с открытым ртом?
Вон слышь, как у меня народ резвится?!.

АКТРИСА

Так это ж, старец, что в аду вариться!

Актер

Зачем явилась, коли это — пытка?

АКТРИСА

Я — женщина. Узнать мне любопытно,—
Как через баню путь проходит к трону?

АКТЕР

Спроси об этом чертову ворону,
Что привела тебя.

АКТРИСА

Ну, и хитер!..
Но, вижу, старец, ты плохой актер!

(Пауза.)

Вот о вороне здесь болтаешь мне,

А сам другое держишь на уме.

АКТЕР

Маленько есть… Давай наполню чаши.

(Наливает бокалы.)

АКТРИСА

Хочу чтоб ты бывал у нас почаще.

Пьют.

АКТЕР

Уж если князь кого и приголубит,
Так не меня.

АКТРИСА

Но он Ирину любит,
А для нее пойдет на все!

АКТЕР

Что толку?

АКТРИСА

Молю, ты не отказывайся только.
А я, клянусь, не пожалею сил,
Чтоб он тебя к нам в гости пригласил.

АКТЕР

Устами-то твоими пить бы мед!..
Ведь пригласит паскудник и убьет.

АКТРИСА

Ты эти мысли выбрось…

АКТЕР

Сами лезут.
И пристают, как ржавчина к железу…
Господь лишь властен отвести беду.

АКТРИСА

Что, не придешь?

АКТЕР

Дык, может, и приду,
А, может, нет…

АКТРИСА

Ну, я пойду!.. Довольно!..

АКТЕР

Чего идти-ть?.. Не смелая ты больно…

АКТРИСА

Ну, не такая робкая, положим.

АКТЕР

Ну кто же в бане-то сидит в одеже?
Кого стыдиться?.. Мы же здесь одни.

АКТРИСА

Не смелая?!.

(Поворачивается к нему спиной.)

А ну-ка расстегни!..
Еще увидим, кто из нас смелей!..
Чего копаешься?.. Вот дуралей!..

АКТЕР

Сейчас… сейчас… Узлов понавязала!..
Нехорошо.

АКТРИСА

Ну, если бы я знала…

АКТЕР

Коль собралася в баню, так изволь
По форме быть… А пуговок-то сколь!..

АКТРИСА

Ну, что там?

АКТЕР

Задала головоломку!..
У нас в деревне — дернешь за тесемку,
И вот она — святая мать в окладе,
А с городскими сразу и не сладишь.
Таких затяжек не видал я в жись!..
Зачем же так?

АКТРИСА

А ты не суетись!

АКТЕР

Дык кашу-то не варят на ухвате,
А в печь суют!

АКТРИСА

Все!.. На сегодня хватит!..
(Выворачивается.)
До этой пуговки дошел и точка!..

АКТЕР

Квашня взошла… Сейчас взорвется бочка!..
Нет, уж позволь!..

АКТРИСА

Сказала же — потом!..

АКТЕР

Когда ж еще?

АКТРИСА

Когда придешь к нам в дом.
Быть может, там добьешься ты успеха…

АКТЕР

А как же князь?

АКТРИСА

А он нам не помеха.
Не беспокойся, дом у нас большой.

АКТЕР

Давай сейчас, а там тогда ишо!..

АКТРИСА

Не место здесь!

АКТЕР

А мне одно известно.
Где двое рядом лягут, там и место!

АКТРИСА

Чегой-то, старец, ты такое мелешь?

АКТЕР

Спроси царицку, ежели не веришь!

(ПАУЗА.)

А знаешь, на тебя я не в обиде…
Все кажется, что где-то раньше видел…
Да ты… ты не Иринушка?!.

АКТРИСА

Вот — горе!
Такая ж в точности, как ты — Григорий!

(Пауза.)

АКТЕР

Князь подослал тебя?.. А платит сколько?

АКТРИСА

Не забывайся, ты актер и только!..

АКТЕР

Актер и только?.. Нет уж! Обижаешь!..

АКТРИСА

Ты не такой, кого изображаешь.

АКТЕР

Какой же я?.. Добрее или злей?

АКТРИСА

Все говорят в России, что ты — змей!
А ты совсем другой — вот в чем загадка…

АКТЕР

(с издевкой)

Расплачусь я!.. Не говори так сладко!

АКТРИСА

Ну, я пойду!..

АКТЕР

Погодь-ка, я оденусь.

АКТРИСА

Ну что?.. Придешь?..

АКТЕР

Куда теперь я денусь?!.
Ты пуще пара греешь!.. До костей!..

АКТРИСА

Не провожай. Иди, потешь гостей!..

Актриса уходит.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Дом Распутина.
На тахте лежит **Актер**. Он утомлен.
К нему подходит **Распутин** с рюмкой.

АКТЕР
Башка гудит, и ноги, как свинец.
РАСПУТИН
Весь не истаешь, чать, не леденец.
АКТЕР
Глаза открыть и то нужны отмычки.
РАСПУТИН
Она, зараза, требует привычки.
Ты делу этому учись в народе.
Раздается телефонный звонок.
Что с перепою-то у нас выходит?..
Одна возня, да поутру обида.
А если и храбримся, так для вида!

Снова звонок.

Знакома, парень, мне твоя печаль!..

АКТЕР

Че трубку не берешь?.. Не слышь — бренчат!

РАСПУТИН

Пущай бренчат! Кака-то тать, наверно.
Всем нужен я! Всем!.. Истрепали нервы!..

АКТЕР

Мне тоже!.. Выхожу я из игры!

РАСПУТИН

Нет уж постой… Погодь до той поры,
Покуда в силе договор-то наш,
Еще неделю, а потом — шабаш!

АКТЕР

Нет, не могу!

РАСПУТИН

Но это ты, упырь,
Подвел обоих нас под монастырь.
Все от того, что слаб, видать, умишко…
Из-за тебя — я и останусь Гришкой —
Распутником!.. А я, ведь, есть — ГРИГОРИЙ ЕФИМОВ СЫН!..

АКТЕР

Невелико и горе!..

РАСПУТИН

Теперь бежишь! Нет! Больно ты хитер!

АКТЕР

Я только доказал, что я — актер!
А под себя не роет и свинья.
Зачем мне?

РАСПУТИН

Придурь у тебя своя.
А имя-то чужое!

АКТЕР

Это брось ты.
Я с этим именем, ей-Богу, сросся.
И даже полюбил тебя, не скрою…
Мне горько, старец, расставаться с ролью.
Ведь лишь теперь я понял, что я стою,
Когда мне аплодировали стоя
Все от премьера до последней стервы!..
Все, старец, все!.. И у меня есть нервы!

(Собирается уходить.)

РАСПУТИН

Хошь сапоги дам?.. Надевай — новье,
И муха не сидела.

АКТЕР

Все твое
Лежит вот здесь… Прощай!

РАСПУТИН

Побудь ишо!..
Бери деньжищь, сколь хочешь!..

АКТЕР

Я пошел.

РАСПУТИН

(с деньгами)
Прошу тебя!.. Чего считать расходы!..

АКТЕР

Один был поп, да разные приходы!
Так что — прости!..

РАСПУТИН

Хошь, дам еще, коль мало!..
В тебе, брат, прежней музыки не стало.
Я это понял.

АКТЕР

Извини, отец!
Схожу к Юсуповым и все. Конец!

РАСПУТИН

К Иринке-то я сам, поди, схожу!
Где ждут орла, зачем туда ежу!

АКТЕР

Ну вот!..

РАСПУТИН

Не по себе наметил цель.
«Постой, солдат. Сначала — офицер!»
Иль позабыл?

АКТЕР

Тебе-то что она?

РАСПУТИН

Во-первых, «друга» моего жена!

АКТЕР

А во-вторых?

РАСПУТИН

Ты сам не сеял лен,
Чего ж трепать собрался?.. Аль влюблен?..
Княжну любить — с твоею ли мошной?..

АКТЕР

Но я к ней нынче лично приглашен!

РАСПУТИН

Вот то-то и оно!.. Вот и отлично…
Я и пойду, коль приглашен ты лично!..
Так что остынь, браток, пока не поздно.

АКТЕР

Лицо одно!.. Все остальное — розно!

А тоже человек!

РАСПУТИН

Вот ведь паскуда!
Берутся же такие!.. А — откуда!

АКТЕР

Откуда все на свет явиться рады!

РАСПУТИН

Я не отдам тебе своей награды!
Бери колпак, а шапку Мономаха
Не тронь!

АКТЕР

Я не пущу!

РАСПУТИН

Взбесился, хахаль!
Кому-то петь, кому — тягать меха!..

АКТЕР

Не доводи, Григорий, до греха.

РАСПУТИН

(уставясь на него)
Обидел я тебя?.. Аль что отнял?..
Скажи!..

АКТЕР

Да не гляди так на меня!

РАСПУТИН

Знай место!

АКТЕР

Я сказал же: не пойдешь!
(Бьет Распутина всем,
что попадает под руку.)

РАСПУТИН

Замах на рубль, а вот удар — на грош!..
Сильнее бей!

Актер бьет.
Тот же результат.

Кого свалить надумал?..
Не видишь, что ли: я стою за дубом!..
(Пристально смотрит на Актера.)

Актер корчится под его взглядом
и опускается на пол.)

Вот так-то, братец, и лежи под лавкой!..

АКТЕР

(целуя ему сапоги)
Прости меня!.. Прости…

РАСПУТИН

Щенок, не тявкай!..

Не дракою нам разрешать наш спор.
Че за окном чихает?.. Не мотор?..

АКТЕР

(бросаясь к окну)

Он самый!.. Князь торопится на чай!

РАСПУТИН

(подойдя сзади)

К тебе спешит-то!.. Так иди, встречай!
(Выбрасывает Актера в окно.)
…Ты, друг-приятель, больше мне не нужен.
Для одного готовили там ужин.
Собрался сам!.. Святая простота!..
Пусть образумит парня высота.

Распутин уходит.
Появляется **Юсупов**.

ЮСУПОВ

Что здесь за шум?.. Ты где, ночной буян?..
Открыты двери… Лишь бы не был пьян…
А коль и пьян, добавим за удачу!..
Что я так весел?.. Знать, еще наплачусь…

Телефонный вызов.

Не только мы не спим… Не спит вся свора.
Но — ничего. Бог даст,— замолкнет скоро.

Появляется **Распутин**, сменивший
красную рубаху на синюю.

РАСПУТИН

Князь?.. Самолично к нам?.. А на рожна?

ЮСУПОВ

Я б не приехал, если б не жена.
Покорно просит нанести визит.

РАСПУТИН

Прикрой-ка, Феликс, дверь, а то сквозит!

Телефонный вызов.

Покою не дают. Звонят опять.
Послушай!

ЮСУПОВ

(У аппарата, после паузы)
Что?!. Где будут отпевать
Покойного Распутина?..

РАСПУТИН

(смеясь)
Князь,— шутка!

ЮСУПОВ

Но кто осмелился шутить так жутко?

РАСПУТИН

Убить меня грозятся!.

ЮСУПОВ

Это — бред!

РАСПУТИН

Таких мазуриков на свете нет.
А коль и есть, сломаются ножи
И порох скиснет!.. Ты чего дрожишь?

ЮСУПОВ

Я с улицы. А там не очень сладко,—
Мороз.

РАСПУТИН

А я подумал — лихорадка.
(Достает бутылку.)
От всех болезней лечит нас коньяк.
(Наливает. Подает Юсупову.)
Пей, да не бойся!..

Юсупов пьет.

Это не мышьяк!
Че поперхнулся-то?.. Не в то, что ль, горло?
(Бьет Юсупова по спине.)
Ну че, прошло?

ЮСУПОВ

Прошло. Да очень горько.

РАСПУТИН

Ну вот и ладно. Вот и хорошо!..
К тебе, что ль, едем-то?

ЮСУПОВ

Я с тем и шел.
(Забирает недопитую бутылку.)
Зажги свечу, а то совсем темно.

Уходят. За окном показывается израненный **Актер**. Перелезает в комнату.

АКТЕР

Ненужным стал, так можно за окно?
Обидел ты меня, Сарданапал,
Но видит Бог, не на того напал.
Живуч я… Это не последний вздох…
Но, может, лучше, чтобы я подох?
Я даже имени теперь лишен.
С чего я начал?.. И к чему пришел?!.
Об истине кричал царю в лицо!..
Чего добился?.. Сам стал подлецом!..

Бежал на помощь, а кого я спас?..
Ждал чистоты и в похоти увяз…
А — зрители?.. Поплачут. Посмеются.
Похлопают едва и разойдутся.
Посплетничают, может, день-другой,
И все пойдет своею чередой…
Свои страдания и наслажденья…
Как мне смешны мои же убежденья,
Что в мире можно что-то изменить.
Оборвалась во мне и эта нить!..
Сначала я считал, что это шалость,
Но маску сбросил,— все внутри осталось…
(Достает пистолет.)
И эта пуля мне, как благодарность.
О, Господи!.. Какая ж я бездарность!..
Жизнь положить на роль, играя с блеском,
И в миг единый провалиться с треском!..
Так просто умереть… Я — на краю…
Но женщину, которую люблю,
Оставить дьяволу на растерзанье?!.
Нет большего на свете наказанья!..
Хватил я зелья вдоволь!.. Я отравлен!..
Нет!.. Если биться в муках, так на равных!..
(Надевает красную рубаху.
Берет «распутинскую бороду». Убегает.)

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Дом князя **Юсупова**.
Актриса, **Хвостов**, **Пуришкевич**.

ХВОСТОВ

Пробило полночь.

АКТРИСА

Да. Теперь уж скоро.
Прислушайтесь, не слышно ли мотора?
Не дай Господь, не появиться вдруг.
(мужчинам)
Зажгите свечи. Нынче нету слуг.

ПУРИШКЕВИЧ

Сейчас зажгу. Спокойно, господа!.
(Зажигает свечи.)

АКТРИСА

Хвостов, поставьте сладости сюда!

ХВОСТОВ

Приказывайте. Я у вас во власти.

АКТРИСА

(передавая Пуришкевичу яд)
Держите, это не по женской части.

ПУРИШКЕВИЧ

О, с удовольствием…
(Сыплет яд в бокалы.)
Так… Хорошо…

ХВОСТОВ

Туда ли ты насыпал порошок?

ПУРИШКЕВИЧ

Так князь просил. Вот в этих трех — отрава.

ХВОСТОВ

Кому отрава, а кому приправа.
Насыпь побольше, он, подлец, здоров.
Боюсь, опять не наломать бы дров,
Ведь я его уже травил не раз,
Он все живой!..

ПУРИШКЕВИЧ

Ты что пугаешь нас?
И без того мне на душе тревожно.
Вдруг яд не тот.

ХВОСТОВ

Проверить это можно.
(Актрисе)
Собака князя?

АКТРИСА

Вроде. Но, Хвостов…

ХВОСТОВ

(взяв пирожное)
Грех на душу возьму!..

АКТРИСА

Постой, постой!..

ХВОСТОВ

Господь простит. За все один ответ.
(Бросает пирожное за сцену.)

Все замирают в ожидании.

…Мгновение… Вот так… Была и нет!..

АКТРИСА

О, Боже святый…

ХВОСТОВ

Извиненье — дамам.

ПУРИШКЕВИЧ

Коль это не подействует,— он дьявол!

ХВОСТОВ

Тогда я вас другому научу.
(Приносит гирю.)

ПУРИШКЕВИЧ

Что это?

ХВОСТОВ

Натуральный каучук.
Хрясть по башке, и враз клиент готов.
И, главное, что никаких следов!
Бери!.. Рекомендовано наукой.

ПУРИШКЕВИЧ

Зачем?

ХВОСТОВ

За дверью встанешь с этой штукой!
И чуть чего… На случай крайних мер…

ПУРИШКЕВИЧ

Спасибо!.. Но надежней револьвер.

ХВОСТОВ

Мы десять лет сего момента ждали.
В подобном деле главное — детали…
(Подходит к столу.)

Порядку много на столе.

АКТРИСА

Неужто?

ХВОСТОВ

(разоряя накрытый стол)

Он догадается, что здесь ловушка.
Нюхнет, как зверь, и был подлец таков!..

АКТРИСА

Но вы не цените моих оков.

ХВОСТОВ

(целуя ей руку)

Но все-таки опасной будет ночь.
Я предлагаю выпить.

АКТРИСА

Я не прочь.
Пока не все отравлено… Не так ли?..

Наливают вино в бокалы.

Все здесь, как в романтическом спектакле.
Вино и яд… И свечи… И пароли.
Расписаны и выучены роли.
Эй, музыка!..

Пуришкевич запускает граммофон.

Мы к действию готовы!
И пусть потом сто лет гадают: кто мы?
Как говорят: ни пуха, ни пера!..

ПЬЮТ.

ПУРИШКЕВИЧ

Вам страшно?

АКТРИСА

У меня вся жизнь — игра!

Шум подъезжающего автомобиля.

Приехали.

ПУРИШКЕВИЧ

Идут, идут сюда!..

ХВОСТОВ

Наш час настал.

ПУРИШКЕВИЧ

За дело, господа!

Все уходят.
Появляются **Распутин** и **Юсупов**.

ЮСУПОВ

Ну, слава Богу, добрались до места.

РАСПУТИН

(озираясь)

Кого нам надо славить — неизвестно!..
Держи шубейку!.. Где мне бросить кости?

ЮСУПОВ

Иди сюда!.. Там у Ирины гости.

РАСПУТИН

Кому веселье, а кому — забота!

ЮСУПОВ

Зашли на чай, да припозднились что-то…
Не гнать же их средь ночи-то домой?!

РАСПУТИН

Да, ладно!.. Лучше выпьем по одной!

(Тащит Юсупова к столу. Наливает водку. Берет пирожное.)

Знай, по ночам охотится сова.

(Разглядывает пирожное.)

Хозяйка приготовила?

ЮСУПОВ

Сама.

РАСПУТИН

Да не дрожи ты!.. Водка как слеза!..
Пей!

(Подает Юсупову бокал.)

ЮСУПОВ

Я не пью.

РАСПУТИН

Чего так?

ЮСУПОВ

Завязал.

РАСПУТИН

Князь, обижаешь! Так нехорошо!..
Ведь я к тебе, как к родственнику шел.
Ты сам позвал, а водка нас роднит!

ЮСУПОВ

Я вылил пузырек за воротник
Пока мы ехали… Куда ж еще?

РАСПУТИН

А хоть и бочку. Без меня не в счет!
Коль с водкой завязал, давай мадеры!

(Наливает мадеру.)

ЮСУПОВ

Что у тебя, Григорий, за манеры?!.

РАСПУТИН

Пей!

Юсупов под пристальным взглядом **Распутина** выпивает.

ЮСУПОВ

(прислушиваясь к себе)

…Вроде стало потеплее…

(Вытирает пот со лба.)

РАСПУТИН

А мертвые, однако, не потеют.
Им все равно, что лебеди, что утки!..
Прости!.. Шучу!..

ЮСУПОВ

Хорошенькие шутки!

РАСПУТИН

Я тоже выпью.

(Пьет.)

Хороша мадерца!..

ЮСУПОВ

Отборная!.

РАСПУТИН

Ух, достает до сердца!..

ЮСУПОВ

(берет гитару, поет)

Ты головы мне, милый, не морочь.
Нам без любви с тобой не обойтись.
У нас с тобой единственная ночь,
А потому, любимый, торопись!..
Зажги свечу!.. В бокал вина налей!..
И не шепчи заученных речей.
К утру туман рассеется с полей,
И пелена слетит с твоих очей!..

Распутин наливает вино. Пьет и ест.
Юсупов замолкает, с удивлением глядя на него.

РАСПУТИН

Чего глядишь-то эдак?.. Много пью?
Пой, коли начал.

ЮСУПОВ

Я пою, пою…
И мы с тобою разбежимся прочь.
Но не ищи,— причина не во мне.
Что станет та единственная ночь
Твоим последним счастьем на земле.
Зажги свечу!.. В бокал вина налей!..
И не шепчи заученных речей.
К утру туман рассеется с полей,
И пелена слетит с твоих очей!..

РАСПУТИН

(продолжая трапезу)

Не… без тебя Отечеству потеря.
Тебе министром надо быть, тетеря.

Я сделаю!

ЮСУПОВ

На что тебе забота?

РАСПУТИН

Как без нее?.. Да ладно уж… Чего там…

ЮСУПОВ

(поет)

Все можно в этой жизни превозмочь,
Но от Судьбы своей не убежишь…
У нас с тобой единственная ночь.
У нас с тобой единственная жизнь!..
Гаси свечу!.. В бокал вина налей!..
Целуй меня, любимый, горячей…
К утру туман рассеется с полей,
И пелена слетит с твоих очей!..

РАСПУТИН

Давай зови Иринку… Для уюту.

ЮСУПОВ

Сама придет с минуты на минуту!.

РАСПУТИН

Зови!

(Покачнулся.)

ЮСУПОВ

Ты что?

РАСПУТИН

Кольнуло… будто шилом…

ЮСУПОВ

…Неужто?..

РАСПУТИН

Что-то в горле запершило.

ЮСУПОВ

Бывает… Не прошло?..

РАСПУТИН

Налей-ка чаю.
Тебя я что-то смутно различаю…

(Затихает.)

Появляется **Актриса** в роли **Юсуповой**.

(Распутин ищет бокал.
Пьет. Подмигнул Юсуповой.)

Ну?.. Дождалась?.. А поминала всуе…

(Подошел к мольберту.)

Слыхал, что ты художница.

АКТРИСА

Рисую.

РАСПУТИН

Я пред французом ползал, как пред Богом,

А тут своя художница под боком.
Нехорошо скрывать сию породу.
Талант должон принадлежать народу.
Я в том пытался убедить царя…

ЮСУПОВ

Ты — демократ!

РАСПУТИН

А вот ругашься — зря!
(Юсуповой)
Ты нарисуй меня… От сих до сих!..

АКТРИСА

(подавая ему бокал)
Но выпейте сперва из рук моих!..

РАСПУТИН

(Берет бокал и отставляет в сторону.)
Ты нарисуй меня, покуда трезвый
И раму замени, а то не влезу!..
(Садится и позирует.)
Все стиснуть норовят… А так нельзя…

Актриса быстро делает набросок.
Распутин, снова обмякнув, затихает,
Актриса и **Юсупов** снова
подходят к нему, крестятся.
Вдруг **Распутин** поднимается
как ни в чем не бывало.

ЮСУПОВ

О, Господи!..

РАСПУТИН

Ну, милые князья,
Чего подсыпали?.. Грешно… Грешно!..

АКТРИСА

Смешно и думать!..

РАСПУТИН

Говоришь: смешно?!.
(Берет бокал,
который она подавала ему.)
Воистину, не повела и бровью.
Так на!.. На, выпей за мое здоровье!

Актриса берет бокал.

Пей!.. С Богом, на икону помолясь!..

АКТРИСА

Я не могу!..

РАСПУТИН

(Подходит к ней.)
Нет, пей!..

АКТРИСА

Стреляйте, князь!
Стреляйте же!..

РАСПУТИН

(не оборачиваясь)

Он у тебя варнак,
Куды ему!..

Выстрел. **Распутин** замирает, затем медленно поворачивается к **Юсупову**.

…А ты ведь, князь, дурак!..
Я сразу разглядел в тебе прохвоста.

(Падает.)

АКТРИСА

Ну, вот и все!..

ЮСУПОВ

Как оказалось просто…
В России невозможное — возможно!.
Вбегают Хвостов и Пуришкевич.
Ах, господа, прошу вас,— осторожно!..
Не торопитесь!.. Гришки больше нет!.

Гаснет свет.

Хвостов

Эй! Что случилось?

ЮСУПОВ

Свет!.. Зажгите свет!..
Там где-то выключатель!..

ПУРИШКЕВИЧ

Ну так что же?

ЮСУПОВ

Я же просил вас, братцы, осторожней!.

ПУРИШКЕВИЧ

Нас дьявол испытует темнотой.

ХВОСТОВ

Свечу зажгите!..

ПУРИШКЕВИЧ

Что я вам — святой?

ЮСУПОВ

Коль это чья-то шутка,— очень глупо!..

ХВОСТОВ

Я к вам иду!.. Побудьте возле трупа.

ЮСУПОВ

Мне жутко, господа!.

ХВОСТОВ

Вы — не юнец!..

ЮСУПОВ

Да прекратите шутки, наконец!..

Вспыхивает свет. **Распутин** лежит вроде бы
в той же позе, но на нем красная рубаха.
Это — **Актер**, который подменил **Распутина** в темноте.

ХВОСТОВ

Он жив еще.

ПУРИШКЕВИЧ

(с оружием)

Но «Соваж» мой на взводе.

Целится в **Актера**.

ЮСУПОВ

(останавливая его)

Не надо шума. Он уже отходит.

ХВОСТОВ

Он мертв.

ЮСУПОВ

…От яда никакого толку…

ХВОСТОВ

Что вредно людям, то полезно волку!
(еще раз убедившись, что Распутин мертв)
Отмучилась Россия!..

ПУРИШКЕВИЧ

Господа!
Наш царь спасен!..

ЮСУПОВ

Шампанского сюда!..

Актриса подает вино.

ХВОСТОВ

За русский флаг!

ЮСУПОВ

За белое на синем!..
(Пьют.)

АКТРИСА

Казалось мне, он был в рубахе синей…
И кисти золотые… наперед…

ЮСУПОВ

Все это от волнения… Пройдет.

АКТРИСА

Я не могу избавиться от страха.
(Подходит к портрету.)
Вот, видите,— здесь синяя рубаха!..

О, Господи!.. Смешались все цвета.

ЮСУПОВ

Княгиня!

АКТРИСА

Да! Княгиня, но не та!
Я выполнила долг… Сыграла роль!..
(Снимает украшения Юсуповой.)
Довольны ли вы, князь, моей игрой?

ЮСУПОВ

Блистательно!.. Примите поздравленья!
Вы честь спасли мне.
(Целует Актрисе руку.)

ХВОСТОВ

Светопреставленье!

ЮСУПОВ

Я вечный ваш слуга.

АКТРИСА

(в сторону)
…Он не похож!..

ЮСУПОВ

Как ваше имя?

АКТРИСА

Ну и муж!.. Хорош!..
Я — женщина. И женщины во имя
Пусть неизвестным остается имя.
Любая слава — не восторг, а — бремя.

Актриса уходит.

ЮСУПОВ

Пусть будет так!..
(мужчинам)
Но торопитесь,— время!
Давайте же не прогневим Творца
И доиграем роли до конца.
Хвостов, влазь в шубу!
(Надевает на Хвостова шубу Распутина.)

ХВОСТОВ

Нет уж!

ПУРИШКЕВИЧ

Не перечь!
Вот адрес. Как приедешь — шубу в печь.
Ты же — Распутин! Подражай ему.
Вернешься, тело выбросим в Неву
И разойдемся с Богом.

ХВОСТОВ

Я дрожу!..

ПУРИШКЕВИЧ

Позволь мне, князь, я только провожу.

Хвостов в одежде Распутина и **Пуришкевич** уходят.

ЮСУПОВ

(Один, подходя к портрету Распутина.)

Что жизни явь, а что нам только снится?..
Меж ними нету никакой границы…
Смерть носит Высший смысл,— она ответ
На жизнь бессмысленную, словно бред!..
(портрету)
Ты многолик… Да, да!.. И многорук!..
Чего я стал оправдываться вдруг?..
Спокойно, Феликс!.. Что это со мной?..
Молчит портрет!.. Григорий, как живой!..
Но мертв он!.. Мертв!.. Я выстрелил, не целясь…

АКТЕР

(сзади, спокойно)

А ведь тебя повесят завтра, Феликс!..

ЮСУПОВ

О, Господи!.

АКТЕР

Все маме расскажу.
Ты бедный… бедный!..

ЮСУПОВ

Я с ума схожу.
Ты — дьявол!..

АКТЕР

Бедный…

ЮСУПОВ

Дьявол!

АКТЕР

Да очнись!..
Я здесь!

ЮСУПОВ

О, Боже!

АКТЕР

Рядом!..

ЮСУПОВ

Да заткнись!

(Бросает портрет на пол.)

Не испугаюсь я твоих заклятий!..

(Бьет портрет гирей.)

Ты не уйдешь отсюда!

АКТЕР

Вправду спятил!

ЮСУПОВ

Ах, Феликс… Бедный Феликс!..

АКТЕР

Ну, дела!

ЮСУПОВ

(с гирей)

Повесят завтра… Завтра… Завтра!..

(увидев Актера)

А-а-а!..

А-а-а!.. Пуришкевич!.. Господи!.. Сюда!..
Он жив!.. Мы все погибли, господа!..
Он… он убьет меня!..

АКТЕР

Ты — трус, гляжу!..

ЮСУПОВ

Убьет… Убьет!..

АКТЕР

Дык, уж не пощажу!..
Кто ж это знал, что ты такая мразь!..
Ты обманул меня!..

(Выхватывает у него револьвер.)

В это время показывается **Пуришкевич**.

ПУРИШКЕВИЧ

Держитесь, князь!..
Я здесь!..

Актер бросается вверх по лестнице.

Юсупов

Стреляйте!. Вон он… у дверей!..

Актер открывает дверь.
Делает обманное движение
и прячется за выступ.
Пуришкевич и **Юсупов** пробегают мимо **Актера.**

ПУРИШКЕВИЧ

Кто дверь открыл ему?

ЮСУПОВ

Скорей!.. Скорей!..

Юсупов и **Пуришкевич** выбегают.
Слышны их голоса.

Стреляйте же, а то уйдет!..

ПУРИШКЕВИЧ

Да где он?

ЮСУПОВ

Да вон!.. В рубахе синей!.

ПУРИШКЕВИЧ

Ах, ты демон!
Постой!..

ЮСУПОВ

Бежит, как будто и не ранен!..

АКТЕР

(наверху, у окна)

Видать, Господь все рассчитал заранее,
Чтобы спасти меня!..

Слышен выстрел.

Ишь, как виляет!..

Второй выстрел.

Ну, офицеры!.. Кто же так стреляет?!.
Представь, что здесь театр… Все — понарошке!..
…Огонь!..

(Стреляет.)

Герой наш замер на дорожке!..
…Еще огонь!..

(Стреляет.)

Дорога в ад открыта!..
Упал… Вот так!..

(Выбрасывает револьвер.)

С ним кончено. Finita!..

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Царское Село.
Александра, **Николай**, **Вырубова**, **Протопопов**.

АЛЕКСАНДРА
(Протопопову)
Убийство хочешь преподать, как милость?
Не выйдет.

ВЫРУБОВА
(причитая)
Солнце наше закатилось.

НИКОЛАЙ
Они считают, что исчезла тьма!

АЛЕКСАНДРА
Бог не простит им.

ВЫРУБОВА
Я сойду с ума.

ПРОТОПОПОВ
Убить собаку — разве это грех?..

АЛЕКСАНДРА
Я повелела взять под стражу… Всех!..

НИКОЛАЙ
Как ты могла?.. Я не просил о том!..

АЛЕКСАНДРА

Я часто слушала тебя,— и что?
Уже на Думу не найти управы:
Кто левым был, вдруг, оказался правым!..
Всех разогнать!

НИКОЛАЙ

Да будь разумной все ж,
Распутина ты этим не вернешь!

АЛЕКСАНДРА

О, горе, горе…

НИКОЛАЙ

Охать бесполезно!..

АЛЕКСАНДРА

Как будем жить теперь?.. Пред нами бездна!..

ПРОТОПОПОВ

(решительно)

Все это, царь, пустые пересуды.

АЛЕКСАНДРА И ВЫРУБОВА

О, Господи!.

ПРОТОПОПОВ

(подражая Распутину)

Молчите!.. Вы!.. Паскуды!..
Дни наступают черные, как смоль!..
Так вижу.

ВЫРУБОВА

Что с ним?

ПРОТОПОПОВ

Я снимаю боль.
Внушаю вам спокойствие.

АЛЕКСАНДРА

Иди ты!..

ВЫРУБОВА

Свихнулся.

ПРОТОПОПОВ

Вы меня не подводите!..
Отныне мне командовать парадом.
Бессмертен дух!

АЛЕКСАНДРА

О, Боже!..

ПРОТОПОПОВ

Вот он… Рядом!..

АЛЕКСАНДРА

Гореть тебе на адовом огне!..

ПРОТОПОПОВ

Ко мне подходит… Он уже — во мне!..
Во мне… Во мне!..

НИКОЛАЙ

Молчи, порода лисья!

ПРОТОПОПОВ

Дух… Дух Распутина в меня вселился!..

ВЫРУБОВА

Его душа уже под небесами!

ПРОТОПОПОВ

И он мне говорит: пока я с вами,
Смертей не будет!

АЛЕКСАНДРА

Лиходей!.. Отстань!.
Не старец ты, хоть на голову встань!..

ПРОТОПОПОВ

И встану!..

АЛЕКСАНДРА

Здесь тебе не балаган!..

ПРОТОПОПОВ

(внезапно)

Глядите!.. Ап!..

(Делает стойку на голове.)

АЛЕКСАНДРА

Кощунство!..

ВЫРУБОВА

Интриган!

ПРОТОПОПОВ

(стоя на голове)

Хотите, песню вдарю в три струны?!.

Появляется **Юсупов**.

ЮСУПОВ

Любуйся, царь,— правительство страны!
На это и дана им голова.
Вот как они используют права.
Но это все, на что они способны!.
Протопопов падает.
Им аплодируют и чернь, и снобы,
Мужья науки нашей и невежды…

НИКОЛАЙ

На вас я возлагал свои надежды…
За что Господь меня так покарал?

(Протопопову)

Чего ты хочешь, князь?..

ПРОТОПОПОВ

Я проиграл,
Но я не сдамся!..

(Встает.)

АЛЕКСАНДРА

(в отчаяньи)

Что же с нами будет?

НИКОЛАЙ

Да прекрати истерику!.. Здесь — люди!..

АЛЕКСАНДРА

А мне плевать!.. Умей себя блюсти!..

ЮСУПОВ

Его убили, чтобы трон спасти
И Вашу честь!..

АЛЕКСАНДРА

Какую честь, mein Gott!..

ЮСУПОВ

Вы б слышали, что говорит народ
О вас с Григорием!.. Ведь это… стыд!

АЛЕКСАНДРА

Да будь я ангелом, он не простит
Того, чему и доказательств нет!
Но царь наш знает, что все это — бред!

НИКОЛАЙ

Я знаю… Но так что?.. Моей жены
И домыслы касаться не должны.
Супруга Цезаря вне подозрений!.

АЛЕКСАНДРА

Не ожидала я таких прозрений!

НИКОЛАЙ

Я не слепец! Я вижу все!..

АЛЕКСАНДРА

Ну, срезал!
Запомни, Николай!.. Ты — не Юлий Цезарь,
Хоть и женатый не на замарашке!..

НИКОЛАЙ

Я царь еще!

АЛЕКСАНДРА

Оставь свои замашки!
Когда б ты был воистину царем,
Их бы уже казнили!.. Мы вдвоем
С Григорием делили все невзгоды.

НИКОЛАЙ

Народ убийцам требует свободы!
Мы с ним должны считаться, как ни горько.

ЮСУПОВ

Когда в стране не ум в чести, а горло,
То неминуем, царь, переворот!..

АЛЕКСАНДРА

Еще недавно нас любил народ!..

ПРОТОПОПОВ

Здесь мертвого поставят на попа!..

НИКОЛАЙ

Народ разумен.

ЮСУПОВ

Да! Но есть толпа.
А от нее ты доброго не жди.
У ней свои законы и вожди.
Народ безмолвствует, но он есть мера
Того, насколько, царь, жива в нас вера.

НИКОЛАЙ

Но в каждом русском есть и чувство долга!

ЮСУПОВ

Мы верили тебе… Жаль, что недолго.
И верили б в твои пустые речи
Еще б теперь… Но вот пришел советчик!
Ты не пресек слов огненного ада.
Мы обгорели в них… Нам было надо,
Чтоб в мир являть великие примеры,
Найти в тебе опору нашей веры.
Мы ждали Думы, а не камарильи.
Прямого дела, а не говорильни…
И не дождались!.. А, когда нам худо,
Мы все еще надеемся на чудо!
Но это не спасительная мера,
Когда не Власть врачует нас, а вера!
Когда в движенье ты приводишь расы,
А собственный народ находишь в трансе,
В котором дремлет не один Распутин…
Народ, забывший о природной сути,
Ждет, как небесной манны, исцеленья
И замер, словно сфинкс, в оцепененьи!..
Доколь терпеть, чтоб дьяволу в угоду
Откручивали головы народу
И души отдавали на износ?..
Не думай, царь, что впал народ в психоз
И ищет там спасительную жилу,—
Нет!.. Это, царь,— агония режима!
Режима власти. Видишь ли ты это?
Ведь Высший Суд потребует ответа.
С тобою вместе призовут и нас…
Отечество спасти последний шанс
Мы видели в содеянном… Суди,
Но только помни: пропасть впереди.
Мы на краю. Открыт обратный счет.
Кто ж, кроме нас, Отечество спасет?..

АЛЕКСАНДРА

(как после гипнотического сеанса)

Что это было?.. Сон иль наваждение?..

НИКОЛАЙ

(Юсупову)

Тебе спасибо за освобожденье…
Что есть лицо?.. А что у нас — личина?..
Мы все больны. Больны неизлечимо.
Но в том, что так народ мой занемог,—
Не я тому причина, видит Бог.
Убить — кому ума недоставало?!.
Мы преуспели в этом и немало.
Какие б вы ни строили прожекты,
Убийцы, князь, всегда ничтожней жертвы!..

АЛЕКСАНДРА

Я чувствую, как спала пелена!..

ВЫРУБОВА

(в тон Александре)

Прошло похмелье от его вина!..

АЛЕКСАНДРА

Как я могла увлечься… мужиком?..
И проливала слезы здесь… О ком?!.

ВЫРУБОВА

Но ты его любила.

АЛЕКСАНДРА

Лишь как брата.

ВЫРУБОВА

Всегда ли так?

АЛЕКСАНДРА

Но в чем я виновата?..
Ты и сама, хоть мы с тобой подруги,
Ему оказывала все услуги.

ВЫРУБОВА

При чем тут я?.. И я жила в тумане!..
Но он же всю Россию одурманил!
Он и министров наших обессилил!..

НИКОЛАЙ

Но пуще глаза он берег в России
Царя… И кто бы что ни говорил,
Но я его всегда боготворил.
Есть в этом мире Высшие законы.
Но, князь, не делайте из нас иконы,—
Не всяк святой, чья голова седа.

(Прикладывает платок к глазам.)

ВЫРУБОВА

(в сторону)

Иконы тоже плачут иногда.

НИКОЛАЙ

Я слышу глас, что призывает грозно…

ЮСУПОВ

Мы защитим царя!

НИКОЛАЙ

Боюсь, что поздно.

ЮСУПОВ

Но вы свободны от его оков!

НИКОЛАЙ

Ты ничего не понял. Я готов
Пройти кровавый путь свой до конца
В сиянии тернового венца,
Тяжелого, как шапка Мономаха.

ЮСУПОВ

Но, Государь!.. Это начало краха…

НИКОЛАЙ

«Быть иль не быть?» — да нет такой дилеммы.
Мы сами создаем себе проблемы.
Глядим на звезды, приловчась к трубе,
Но повернись же к самому себе!..
Что знаем мы в себе?.. Порок да косность!..
А все не так! Ведь человек — сам Космос.
Он — бездна, господа. И поиск вечен.
А мир вне нас… Он замкнут и конечен.
И пусть дойдет до моего народа:
Свобода убивать — не есть Свобода!
И потому сжимаю свой кулак
В проклятии!..

(Грозит небесам.)

Возникает **Актер** в роли **Распутина**.

АКТЕР

На, выкуси!..

Николай, **Александра**, Вырубова,
Юсупов замирают.

(Садится за стол Николая.)
Вот так!..

Занавес.

1987г

ДАР БОЖИЙ

Драма любви
Федора Михайловича Достоевского

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович, писатель
СНИТКИНА Анна Григорьевна, стенографистка
ФЕДОСЬЯ, служанка в доме писателя
СТЕЛЛОВСКИЙ Федор Тимофеевич, издатель

Лица в эпизодах:

СВЯЩЕННИК
ПАЛАЧ
ХУДОЖНИК
ПАУКОВСКИЙ
МАРИЯ
ИНКВИЗИТОР
ПЛЕННИК в облике ХРИСТА
АНЯ*

Санкт-Петербург, 1849—1867 гг.

ПРОЛОГ

Декабрь 1849 года.
Санкт-Петербург,
Семеновский плац.

* Эпизодические роли могут исполняться актерами, занятыми в главных ролях.

У столба стоит **Ф. М. Достоевский**.
На нем саван смертника. Лицо открыто.
Доносятся: шум любопытствующей публики,
строевые команды, крики ворон.
Рядом с **Достоевским** — **Священник** и **Палач**.

ГОЛОС

...Военный суд приговорил его
(_ _/ _) отставного инженера —
поручика (_/) Федора (_ _/)
(_ _/ _) Достоевского (_ _/)
За (_/) недонесение (_ _/)
преступного о (_/ _ _/ _ _/)
религии и (_/ _ _/ _ _/)
правительстве письма лишить чинов,
всех прав (_) состояния и (_/)
Подвергнуть смертной казни (_/ _ _/)
(_ _/ _)* расстрелянием...

ДОСТОЕВСКИЙ

...Крест.
Господь! Ты посылаешь нам его.
Теперь мы будем вместе... О, прости:
...Забыть!
И ничего не слышать... Облака
Плывут себе, и никакого дела
Нет до того им, что вершится здесь,
Здесь, на земле... Но все не так. Не так!..
Без воли неба облако вон то
Не скроет солнца ... Ежели оно,
Как парус, доплывет до этой ветки...
...На что надеюсь я? Есть миг, он мой...
Когда оно дойдет до этой ветки,
Меня не будет... Каждому свой путь
От дерева до дерева... Пройти,
Пройти его незрячим и в конце
Увидеть вдруг за пять минут до смерти,
Что небо — это небо!.. Захотеть
Прижаться к туче, словно к существу
Живому, и пролиться на поля
Дождинкой, жизнь дарящей... Осознать
В мелькнувшей в небе птице — знак Креста
На теле вечности... И воздух пить...
Нет! Есть его, как хлеб, не торопясь,
Не зная, что отнимут... Сытым быть,
Не насыщаясь никогда... Так вот,
Вот то, что значит — жизнь!

---

* Пропущенные слова заполняются ударами барабана, число ударов которого равно числу заключенных в скобках слогов с указанием ударных.

ГОЛОС

Покайтесь.

Достоевский отворачивается
от поднесенного **Священником** распятия.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я возгордился так, что позабыл,
Кто — Ты, кто — я!.. Я, возмечтавший словом
Коснуться истины, но не прошедший
И двух шагов младенческих к тебе,
Который Сына посылал сюда —
Мир изменить глаголом... Кто же нам
На плечи взваливает этот груз,
Что не под силу смертным? Почему
Мы поддаемся вечному соблазну
Провозглашать пророками себя,
Мы, кто ничто в сравнении с Тобою?
За это воздается нам теперь
Мучительным, но истинным познаньем,
Что мир возможно изменить лишь словом,
Рожденным на Кресте... Ты нас прозрел,
Но поздно...

ГОЛОС

На кра-ул!

ДОСТОЕВСКИЙ

О, если б жить!
И все начать сначала, с колыбели...
...Прости меня, на доброту твою
Я не успел тебе ответить, мама.
И если можно что-то т а м исправить,
Прими меня, ведь я к тебе иду...
Не страшен путь... Я жив еще...Я жив!..
Но, милый брат, когда б ты знал, как жутко
Тебя оставить в мире одного
В тени извечной моего позора...
Крепись и помни обо мне...
Нарастающий гул толпы.

ГОЛОС ЖАНДАРМА

Куда?!.
Эй, осади!..

ДОСТОЕВСКИЙ

Не дай узнать в толпе
Глаза друзей, в которых затаилось
Не сострадание, а любопытство...
Но, видно, так устроен человек.
С утра, надев рубаху поновей,
Бежали вы на это представленье,
Как на великий праздник ... Так глядите

На наши скоморошьи колпаки!..
Не нравится?. . Покорнейше простите.
Да, мы — петрушки!.. Да, мы — циркачи,
Шарманщики и летуны, но бездна,
В которую летим, вам недоступна!
А Истина в другом: не вам, а нам
Последнее на свете представленье
Дает Господь сегодня... Знали б вы,
Как здесь они нелепы и смешны,
Гримасы ваши...

ГОЛОС

На при-цел!

ДОСТОЕВСКИЙ

...Мгновенье!
Как ты безмерно, если ты — Любовь.
Любовь, а не бездушная минута,
Отсчитывающая свои секунды,
Как подаяние...

Палач набрасывает на голову **Достоевскому** башлык. Барабанная дробь.

ГОЛОС

(_ _/ _ _/)
Его Величество (_ _/ _ _/)
(_ _/ _) по прочтении (_ _/)
Всеподданейшего доклада (_/)
(_ _/ _) повелел (_ _/ _) вместо
(_ _/ _) смертной казни (_/ _ _/)
(_ _/ _) отставного инженера -
Поручика (_/) Федора (_ _/)
(_ _/ _) Достоевского (_ _/)
(_) в каторжную (_/ _ _/ _ _/)
Работу в крепостях (_ _/ _ _/)
(_ _/ _) на четыре года...

Палач открывает **Достоевскому** лицо.

ДОСТОЕВСКИЙ

...Жизнь...

Опускается на колени.

Жизнь после смерти... Боже, снова свет!
...Великий грешник, на пороге бездны
Стою растерянный, не понимая:
За что спасенье мне послал Господь?..
Да и спасенье ль это?.. Смерть — ничто!..
Нам жизнь порою — адовые муки...
И, если царь решил нам жизнь оставить,

К чему тогда весь этот балаган?!.
Скажи мне, Вездесущий... Ты же знаешь,
И у тряпичной куклы есть душа,
Способная на клочья разорваться...
А мы живые люди... Но о чем я?..
Не прогневить бы мне тебя... На нас
С небес сошла невиданная милость.
...Но если в балагане справедливость,
Тогда, Создатель, ты — комедиант,
Что попустил такое!..

Палач разламывает шпагу над головой **Достоевского.**

Я смирюсь,
Я понесу по жизни униженье,
Как горб, стыдясь, что жив... Но погляди
В глаза разочарованной толпы —
Что в них? Презренье или же смятенье?
Гнев иль порок? Протест или смиренье?
Что ждут они? Вот — тайна тайн… И мне,
Блуждая в этой неприглядной тьме,
С огарочком души, дарящей свет,
Покуда буду жив, искать ответ!..

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В ПАУТИНЕ

Август 1865 года.
Санкт-Петербург.
Квартира Ф. М. Достоевского.
Большая комната в два окна. Диван.
Столик с лампой. Зеркало в черной раме.
В углу письменный стол. Две свечи. Две китайских вазы.
На столе портреты друзей, на стене — портрет женщины.
С улицы доносятся звуки шарманки. Появляется **Федосья**
в накинутом на плечи зеленом в клетку платке.

ФЕДОСЬЯ
(одна, сметая паутину)

Сколь ни мети, а, видно, никогда
Не будет проку!.. Хоть беги куда...
Еще вчера все убрала и на́ —
Откуда все взялось?.. Да что болтать?
Как барин явятся — вот будет крику!..
(о пауке)
Ишь, поразвесил... А и то сказать:
У каждого свое на свете дело.
А муха - дура так и лезет... Знать,
Не дал Господь ума... Попал, касатик!
Я ноги-то тебе пообщипаю...
Эй, эй!.. Убег!..
*(Стряхивает пыль с висящего
офицерского мундира.)*
А барин пусть из бывших,
Из каторжных, ан снова офицер,
Порядок знает.
(невидимому пауку)
Что ты шебаршишь?
Что отставной? От этого не легче.
Бумаг-то цельный ворох... Ой, грехи!
Бывало, столько их понакидает,
Гляди, себя завалит... Пишет, пишет...
А толку что? Сплошная канитель,
Доходу нет. Все отнесли в ломбард,
Все заложили, окромя души...
Но долго ли до этого?
(Кричит в окно Шарманщику.)
Иди,
Иди, милейший, не томи души.
Нет барина!..
(заметив паука)
Ах, бес!.. Еще один.
Вот ежели кто на земле и вечен,
Так это племя...

Шарманка умолкает.

Ноги оборвешь,
А он все ими дрыгает... Живуч!

Ни язва не берет их, ни погром.
Одно, видать, спасение — пожар,
Не приведи, Господь, того.
(вытирая пыль с портрета)
Гляди,
И здесь гнездо устроили... Хозяйка...
Ох, царство ей небесное... Бог дал,
Отмучилась. И барину вдовцом
Доколе шастать при живой жене?
(Берет другой портрет.)
А этому чего не пожилось?!.
И дело было прибыльное... Ездил
На лошадях... Своих!.. Ан нет — туда же,
В писатели, за братом, в нищету,
В долги да в книжки!.. А чего с их взять?
Бумага-то она и есть бумага,
Не золото червонное...
(Берет следующий портрет.)
Вот был
Веселый человек... Все песни пел,
Все теребил гитару... Дал Господь
Чудное имечко-то... Аполлон!
И в святцах нет, поди. Видать, индус
Иль мавр!.. И что с того, что Аполлон?
Ведь тоже кончил в яме долговой
В «Тарасовке», как Ванька-ключник... Эх,
Вот-вот, гляди, и барин загремит
Туда же.
(Увидела паука.)
Да откуда ты опять?

Входит **Ф. М. Достоевский**.

Но погоди же!.. Щас я — кипятком!
Не убежишь...

ДОСТОЕВСКИЙ

Федосия!

ФЕДОСЬЯ

Сей миг!
...Вот нечисть развели!..

ДОСТОЕВСКИЙ

Не убивай.
Каков ни есть, а тоже ведь душа
Живая.

ФЕДОСЬЯ

Да какая в ем душа,
А паутины — вон сколь!

ДОСТОЕВСКИЙ

Все же — грех.

ФЕДОСЬЯ

Грех — ежели по злобе... Я ж его —
По доброте.

ДОСТОЕВСКИЙ

Пускай живет, а то
Известий нам не будет.

ФЕДОСЬЯ

Мы и не ждем
Благих вестей, а ежели худых,
И без него в достатке.

ДОСТОЕВСКИЙ

Ты чего
Разговорилась? Чаю принеси.
Да живо!

ФЕДОСЬЯ

Побежала.

Идет нарочито медленно.

ДОСТОЕВСКИЙ

Стой!

ФЕДОСЬЯ

Стою.

ДОСТОЕВСКИЙ

Ты где взяла платок, что на тебе?

ФЕДОСЬЯ

Господь с тобою, батюшка... Вы что?
Да я в ём родилась.

ДОСТОЕВСКИЙ

Да, да... Прости...
Я о своем.

ФЕДОСЬЯ

О Господи Христе,
Иль приблазнилось что опять?

ДОСТОЕВСКИЙ

Иди.

Федосья уходит.

Платок-то не ее... Да... Паутина —
Куда ни ткнись...
(Закуривает.)
Похоже, что завяз,
И накрепко. Не выбраться. Никто
Руки не протянул!.. Я был бы рад,
Хотя бы подтолкнули, — с палачом
Душе пропащей все же веселей.
Опять тюрьма... Не о себе пекусь,

Жаль времени, что потеряю. Сам
Я с радостью пошел туда, когда б
Мне это обернулось избавленьем
От вечных кредиторов и долгов,
Нависших пауками... Да... Народ!..
Честь, благородство, гений — все слова,
Слова пустые... Вексель — вот наш Бог!
Он правит миром. Милует, казнит,
Возносит, низвергает... А ведь он —
Клочок бумаги гербовой, и только!
И я, я не последний человек,
Что им раздавлен... Я — познавший все,
Что выпадает смертным... Я играл
Азартно и жестоко. Мне везло.
Я ставил на «zero» и банк срывал.
Я знал свободу!.. Так остановись,
Будь рад тому, что выиграл. Беги,
Сжав в кулаке то призрачное счастье...
Ан нет. Нам мало!.. Все иль ничего —
Вот мой девиз. И я спускал до нитки
Последнее... Так стоит ли мне жить?
Нет! Петля мне спасение. Ничто
Так не страшит и не дает свободы,
Ничто не наполняет нашу грудь
Такою благодатью и желаньем
Жить вечно, как желание уйти
Немедленно... О, если б не надежда,
Вдруг засветившаяся впереди
Спасительным сиянием — Христос!
Вот что нас держит на земле. Вот что
Дает мне силы жить. Ведь без него
Не знали б мы целительного смысла
Ниспосланных невзгод. И если мы,
Мы рождены, чтоб словом изменить
Не целый мир — куда нам? — одного
Раздавленного жизнью человека,
То должен быть же здесь миропорядок,
Иначе — Бога нет!

Звонок в дверь.

Ну вот и все.
За мной пришли.
(Лихорадочно перебирает рукописи.)
Все выбросить. Все сжечь.
Иль нет... Отдать Каткову — даст Господь,
Он напечатает.

Входит **Федосья**.

ФЕДОСЬЯ

К вам господин.
Стелловским сказывается.

ДОСТОЕВСКИЙ

Попроси...
Иль нет... А, все равно. Пускай войдет.

Федосья выходит.

И хворостинка кажется бревном,
Когда цепляться не за что.

Появляется **Стелловский**.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Я рад
Увидеть в здравии…

ДОСТОЕВСКИЙ.

Прошу, прошу
Вас, Федор Тимофеевич. Господь
Послал ко мне вас?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Ах, мой дорогой!
Профессия нас гонит. Так сказать,
Экономическая... Как у вас
Написано? Це...

ДОСТОЕВСКИЙ

Целесообразность.

СТЕЛЛОВСКИЙ

И принцип. Я читал про крокодила.
Смеетесь вы над нашим братом.

ДОСТОЕВСКИЙ

Как же!
Вам только палец сунь, вы нас живьем
Проглотите.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Вы льстите мне.
Я — малая букашечка, не больше.
Так-с... Паучок какой... Хи-хи...

ДОСТОЕВСКИЙ

Я вас
Обидеть не хотел.

СТЕЛЛОВСКИЙ

А почему?
Мы стерпим. Мы привычные. Хи-хи...

ДОСТОЕВСКИЙ

Как можно...

СТЕЛЛОВСКИЙ

(прерывая)

Все возможно, дорогой:
Кому корпеть, кому терпеть... Вот вы —
Писатель?!. Так писали бы себе,
А то — в издатели... Вот — результат!

ДОСТОЕВСКИЙ

Но я не мог иначе.

СТЕЛЛОВСКИЙ

А ваш брат?
Ведь он оставил вам своих долгов
По «Времени» да по другим журналам,
Я думаю, так... тысяч двадцать пять,
Не менее.

ДОСТОЕВСКИЙ

Вы, как всегда, точны.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Такая несуразица... А вам
Все подавай гармонию.

(Достает кошелек.)

ДОСТОЕВСКИЙ

Да вы,
Вы — мой спаситель!

СТЕЛЛОВСКИЙ

А вот это — зря!
Не торопитесь.

(Прячет кошелек.)

Деньги я вам дам
С условием.

ДОСТОЕВСКИЙ

Но я на все готов.

СТЕЛЛОВСКИЙ

На все?!. Хе-хе...

Федосья приносит чай.

Зачем же так спешить?

*(Стелловский берет чай с подноса,
но отставляет его в сторону.)*

Подумайте, чтоб не сказать потом,
Вот появился тут... Наплел словес,
А я поверил...

ФЕДОСЬЯ

(в стороне)

Так оно и есть.

Федосья уходит.

СТЕЛЛОВСКИЙ

(продолжая)

И в сеть попал.

ДОСТОЕВСКИЙ

Помилуйте меня,
Голубчик.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Вы известны, потому
Сидеть в тюрьме вам не резон, не так ли?
Вы больше пользы принесете нам
За письменным столом. И я берусь
Издать три тома ваших сочинений
По тысяче...

Достоевский пытается возразить.

Я знаю, стоит больше.
Но больше нынче вам никто не даст.

ДОСТОЕВСКИЙ

Но я...

СТЕЛЛОВСКИЙ

(прерывая)

Не торопитесь! И к тому же
В счет этих денег (векселя при мне)
Вы обязуетесь до ноября
Мне принести роман.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я обещал
Журналу.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Вы напишете другой.

ДОСТОЕВСКИЙ

Помилуйте...

СТЕЛЛОВСКИЙ

Вот все мои условья.

(Подает Достоевскому договор.)

Прочтите и решайте.

ДОСТОЕВСКИЙ

У меня
Нет выбора.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Я это, братец, знал.
Иначе не пришел бы. Как у вас —
Экономическая...

ДОСТОЕВСКИЙ

Ну, дела!..

СТЕЛЛОВСКИЙ

Подписывайте.

Достоевский подписывает бумагу.

ДОСТОЕВСКИЙ

Так ли?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Очень так.
Позвольте удалиться?

ДОСТОЕВСКИЙ

А ваш чай?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Премного благодарен. Тороплюсь.

Стелловский уходит.

ДОСТОЕВСКИЙ

За что же я так небеса гневил?
Отчаяние не советчик... Кто-то
Ведет нас по ухабистой дороге
Сквозь тьму и мерзость... Но, пока ты жив,
Покуда мыслишь и покуда слово,
Готовое упасть росинкой с ветки,
Еще мерцает в глубине души,
Оно нам явит свет...
(Опускается на диван.)
Но этот свет
Не солнце, а кровавая монета,
Взошедшая над миром, и тебе
Не дотянуться до нее... Но знаю,
Не бросит нас Всевидящий... Всевластный...
Я чувствую... Он здесь... Бог здесь!..

Теряет сознание. Вбегает **Федосья**.
Берет голову **Достоевского** в руки.
Доносится звон колоколов, преобразующийся
в тонкий детский голос.

ГОЛОС

Несчастный!
Мир полон тьмы... В том не твоя вина.
Возьми копеечку!.. Ну что ты? На!
На, Христа ради, дяденька... Купи
Свечу заупокойную, крупы
Для птичек Божьих... Это наши души
Слетаются к тебе...

Голос заглушается «неземными звуками».

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ

4 октября 1866 года.
Там же.
Слышны звуки шарманки.

ФЕДОСЬЯ
(занимаясь уборкой, подходит к окну)

Без музыки покойно лишь в могиле,
А мы и дня без песни не могли бы
Прожить... Такие мы. Играй, играй!
Музыка лечит. Барин у меня
Уснуть не может, ежели тебя
Не слышит.
(Отходит от окна.)
Оттого и по ночам
Не спит, бедняга... Да и где уснуть?
Опять паук Стелловский приходил,
Все по столам шнырял... А что искать?
Мой барин весь открыт, как на духу,
А зря, должно... Улитка вон и та
Чуть что — головкой нырк, и не видать...
И моему пример бы брать с нее
С такими-то делами...
(Молится на икону.)
Обнеси,
Святая Богородица!.. Всю ночь
Опять терзался... Все бубнил, бубнил,
Что, дескать, зря процентщицу убил,
То ль денег не нашел, то ль что еще?!
Все мучается, бедненькой... Но кто,
Кто на него подумает? Искать
Не станут нынче. Может, и сойдет,
А может, снова в каторгу...
(Кричит в окно.)
Вот, брат!
А ты все пилишь там!..

Музыка умолкает.
Федосья возвращается к иконе.

Прости меня!

Грех на душу беру... Ведь я свечи
Там не держала... И старухи той
Не видывала отродясь, а что
Он по ночам бормочет — плох совсем,
Не держатся слова... Возьми меня,
Дык ведь колом не вышибешь и звука...
Эх, горе горькое...

(Продолжает уборку.)

Летят деньки...
Уставится, бывало, в календарь
И смотрит, смотрит... А чего глядеть?
Дней более не станет, да и год,
Чать, не резиновый.

Доносятся голоса.
Стремительно входит **Достоевский**.

В дверь начинают звонить.

ДОСТОЕВСКИЙ

(Федосье)

Не открывать!

Федосья застывает на месте.

Я понимаю их порыв, и я
Им благодарен!.. Чтоб закончить в срок,
Другого не дано... Но, господа!
Когда б писал Шекспировы сонеты
Весь королевский двор лишь потому,
Что их нести наутро королеве,
Я думаю, он лег бы под топор!..

Звонки умолкли.

Иль я не прав?.. Да, да... Я — не Шекспир,
Здесь дело принципа!..

(Федосье)

Ну что, стоишь?

ФЕДОСЬЯ

Я слушаю.

ДОСТОЕВСКИЙ

Ступай!

ФЕДОСЬЯ

Уже ушла.

Федосья медленно движется по комнате.

ДОСТОЕВСКИЙ

(внезапно)

Мне Майков, не краснея, говорит:
«Давайте план. Я, Малюков и Ванька,

Наш из «Эпохи», по главе напишем,
А вы пройдетесь мастерской рукой,
И к сроку — есть роман!» Нет, лучше петля...
Я что им, Микель Анжело какой!..
(Федосье)
...Вот о стенографе подумать стоит.

Федосья молчит.

Что скажешь мне, Федосья?

ФЕДОСЬЯ

Вы о ком?

ДОСТОЕВСКИЙ

Я о сте-но-графе!

ФЕДОСЬЯ

Мне граф, не граф —
Помог бы только.

ДОСТОЕВСКИЙ

Это скорописец.
Профессия такая.

ФЕДОСЬЯ

Мне хоть князь,
Да чтоб не в грязь!

ДОСТОЕВСКИЙ

Я буду диктовать,
А он записывать. Оно скорее.
Все так... Но ведь когда перед тобой
Лист незамаранный — молись на образ!
Но исповедоваться пред чужим,
Пусть даже и крещеным человеком,
Одно, что обнаженному ходить
По городу...

ФЕДОСЬЯ

Да коли то спасет,
Не грех и пробежаться.
(В сторону)
Вас и так
За идиота держат!

ДОСТОЕВСКИЙ

Отнеси
Записку Ольхину. Пускай пришлет,
Да только посерьезнее кого,
Постарше... Чтоб не запил.

Федосья берет записку и уходит.
Стремительно входит **Стелловский.**
Федосья возвращается.

Мне еще

Недоставало этого.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Я к вам!

ФЕДОСЬЯ

(Достоевскому)

Простите, батюшка, не удержала!..

ДОСТОЕВСКИЙ

Иди! Чего уж там!..

Федосья уходит.

Я вас не ждал.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Да мы всегда нежданны... Так сказать,
Нежданны и негаданны... Хи-хи!..

ДОСТОЕВСКИЙ

Но у меня есть месяц впереди...

СТЕЛЛОВСКИЙ

(прерывая)

Чудес-то не бывает... Семь листов —
Роман и небольшой, но год отдай.
Я дело знаю.

(По-хозяйски рассматривает рукописи.)

Это что у вас?

ДОСТОЕВСКИЙ

(растерянно)

Вы так бесцеремонны...

СТЕЛЛОВСКИЙ

А чего?
С провидцами мы не играем в прятки.
Вам все известно наперед, а нам
Доподлинно известно пусть немного,
Но...

ДОСТОЕВСКИЙ

Именно?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Я получу права
На все изданья ваши.

ДОСТОЕВСКИЙ

Но позвольте,
Мы говорили о другом.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Читайте
Контракт наш до конца, а то у нас
Все в спешке... в этой вечной беготне
Мы главное-то упускаем... Как-то
Врывается мой просвещенный друг
Ко мне с Евангелием и с порога

Кричит: « Здесь сказано, что Бога нет!»
А я: « Ты фразочку-то до конца читай!»

ДОСТОЕВСКИЙ

И что же там!

СТЕЛЛОВСКИЙ

А там, что «Бога нет —
Рече безумен в сердце...»* Так что вот,
Взгляните... Пункт последний...

ДОСТОЕВСКИЙ

Этот торг
Безнравственен.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Безнравственен для вас,
А мне — так самый раз!

ДОСТОЕВСКИЙ

Я вас прошу
Меня оставить одного. Прощайте!

СТЕЛЛОВСКИЙ

Но это, братец, не по-европейски.
Там так не принято!..

ДОСТОЕВСКИЙ

Здесь не Бордо!..
...Вы сами? Или дворника позвать?

СТЕЛЛОВСКИЙ

(Шипит.)

Ой, берегитесь...

(Подходит к окну. Кричит Шарманщику.)

Ты чего умолк?
Держи!

(Бросает за окно монету.)

Доносятся звуки шарманки.

Мы правим бал!.. И, если бы не мы,
Умолкла б музыка... Ну что ж, прощайте.
Я за своим вернусь!

Стелловский уходит.

ДОСТОЕВСКИЙ

Каков подлец!

Опускается в кресло. Звуки шарманки преобразуются в бой часов. Доносятся женские голоса. **Достоевский** резко встает и выходит в одну из дверей.
Появляются **Федосья** и **Анна Григорьевна Сниткина** в черном траурном платье.

ФЕДОСЬЯ

Сюда, голубушка! Сейчас придет.

Минутку подождите.

(Пытается уйти.)

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Я прошу,
Не уходите...

ФЕДОСЬЯ

Не дрожите вы.
Не съест, чай!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Достоевский знаменит,
А я... я — неизвестная курсистка.
Он умудренный жизнью человек,
А я впервые... не искушена...
Конечно, это лестно...

ФЕДОСЬЯ

Ах, краса!
Ах, Анна свет Григорьевна. Грешна,
Не знаю, может так оно и есть,
Да вот живут, как все, перебиваясь...
Прости, Господь, нас за язык...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(заметив платок на плечах Федосьи)

... Платок!
Он мне знаком!..

ФЕДОСЬЯ

О, Господи Христе!
И эта о платке... Да разве вы
У нас бывали прежде?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Как сказать?
И да, и нет... Здесь многое знакомо.

ФЕДОСЬЯ

Что страх-то делает с людьми!..

(успокаивая ее)

Пройдет,
Вы не волнуйтесь, милая. Он здесь.

Федосья уходит.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

А ведь действительно знакомо все:
И это кресло, и диван, и стол,
Портреты на столе...

(разглядывая)

Да, да... Майков,
Григорьев Аполлон... А эта дама?..
Какое странное лицо... Недаром
Покойный батюшка мне говорил,
Чем более художник, тем, увы,

Нелепее жена...
(испугавшись своих слов)
Что это я?
Кого сужу?! А в доме тихо... Тихо,
Похоже, дети спят.

Входит **Достоевский**, неся на подносе чай.
Он в том же синем жакете, но появились белоснежные манжеты и воротничок.
Увидев «стенографа», остолбенел.

ДОСТОЕВСКИЙ
Девица!.. Боже!
Час от часу не легче!..
(Анне Григорьевне)
Вы — стенограф?
От Ольхина?
(представляясь)
Я — Достоевский.

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Анна
Григорьевна.

ДОСТОЕВСКИЙ
Я далеко не молод...
И многое на свете повидал,
Но как-то...
(Замялся.)
Извините... Вы давно
Сим делом занимаетесь?
(Достал папиросы.
Предлагает Анне Григорьевне.)
Курите!

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Спасибо, не курю.

ДОСТОЕВСКИЙ
Вы не стесняйтесь.
Эмансипация... Девицы курят
Не менее извозчиков.

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Их право.
Я этого не одобряю.

ДОСТОЕВСКИЙ
Браво!
Вы знаете — я старомодных правил...
Простите, позабыл... Как?..

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Анна
Григорьевна!

Достоевский закуривает.

ДОСТОЕВСКИЙ

О чем я вас спросил?
Ах, да!.. Давно ли?..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Я учусь. Полгода...

ДОСТОЕВСКИЙ

И практикуете?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Нет. Первый раз
К вам... По договоренности...

ДОСТОЕВСКИЙ

Нелепость,
Какая-то нелепость... Извините!
(Гасит папиросу.)
Что, больше было некого послать?
Учеников-то сколько?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Было двадцать.
Да испугавшись, многие ушли,
Поняв, что дело сложное.

ДОСТОЕВСКИЙ

А как же!
Ведь это труд. И каторжный! А кто
У нас работать любит?
(Достает папиросы.)
Ну, Ольхин!
Ну, удружил!.. А это что у вас?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Карандаши.

ДОСТОЕВСКИЙ

Ах, да... Карандаши...
(Протягивает папиросы.)
Курите.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Не курю!

ДОСТОЕВСКИЙ

Ах да... Простите.
Мне очень жаль, что наш эксперимент
Не удался.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но почему ж так сразу?

ДОСТОЕВСКИЙ

Запамятовал... Извините... Анна...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Григорьевна!

ДОСТОЕВСКИЙ

Я человек больной...

Недавно был припадок... Я упал,
Поранил глаз... А, собственно, зачем
Вам знать мои печали?!.

Анна Григорьевна смутилась,
но взяла себя в руки.

АННА ГРИГОРЬЕВНА
(строго)
Может, вы
Мне подиктуете. Я без претензий.
Коль не понравится моя работа,
Уйду, как и пришла.

ДОСТОЕВСКИЙ
(растерянно)
... Так вы готовы?

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Я жду. Диктуйте.

ДОСТОЕВСКИЙ
Ну, хотя бы это.
Пишите.
(Диктует, сохраняя ритм стихотворной строки, заполняя пропущенные стопы ударами пальцев по столу.)
« Этот скверный анекдот
Случился именно в то (_/ _) время,
Когда (_ _/ _ _/ _) началось
С такою...»

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Извините. Очень быстро.
Прошу помедленнее.

ДОСТОЕВСКИЙ
(взрываясь)
Вот вы как?!
Я медленнее не могу.

АННА ГРИГОРЬЕВНА
(спокойно)
Диктуйте.
Я слушаю.

ДОСТОЕВСКИЙ
На чем остановились?

АННА ГРИГОРЬЕВНА
С такою...

ДОСТОЕВСКИЙ
Да...
(Диктует..)
«... неудержимой силой и
С таким (_ _/ _) трогательно (_/)
Наивным (_/ _ _/ _ _/) порывом

(_ _/ _) возрождение (_ _/)
(_) нашего (_ _/ _ _/ _ _/)
Любезного Отечества».

Анна Григорьевна подает
Достоевскому лист.

Уже?
(разглядывая стенограмму)
Что это? Человеческая речь?
Ну, знаете!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Сейчас я расшифрую.
Сию минуту.

Достоевский закуривает.

Ходит по комнате.

ДОСТОЕВСКИЙ

Это очень долго.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но переписывать я буду дома,
И ваше время не займу.
(Подает текст.)
Извольте.

ДОСТОЕВСКИЙ

А ну-ка!..
(Читает.)
Этот скверный анекдот...
Да-с... Любопытно... Ну, а точка где?
Вы точки не поставили... А это?
Что это?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Твердый знак.

ДОСТОЕВСКИЙ

Пишите четче,
А то мне переписывать за вас
Придется. Это долго.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Хорошо.
Я постараюсь.

ДОСТОЕВСКИЙ

(в сторону)
Анекдот.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(с готовностью)
Диктуйте.
Я слушаю вас.

ДОСТОЕВСКИЙ

Диктовать сейчас
Роман я не способен. Извините.
Я должен отдохнуть... Вы б не могли
Сегодня же... К восьми часам?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Приду.

ДОСТОЕВСКИЙ

Не раньше и не позже.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Хорошо.

Достоевский помогает ей одеться.

ДОСТОЕВСКИЙ

Надеюсь, не запьете?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Я? Запью?
Не беспокойтесь. Обещаю твердо,
Что не запью. До встречи.

Анна Григорьевна уходит.
Достоевский подходит к зеркалу.

ДОСТОЕВСКИЙ

(у зеркала)

Как ты мил!
Как обходителен... Ой, Достоевский!
— Никто мне в этом мире не помощник!
— Не лги... Есть у тебя надежный друг.
— Кто?.. Одиночество... Таких друзей
Не так уж много...

(Берет стенограмму.)

Да... Когда Господь
Решился наказать людей прогрессом,
Наверное, он и послал нам эти
Каракули бесчувственные линии вместо
Кричащих слов.

Доносятся звуки шарманки.
Достоевский подходит к окну.

Скажи-ка, дорогой!
Вот ежели тебе вдруг перестанут
Бросать монетки, будешь ли играть
Иль выбросишь шарманку?.. Понял. Будешь
Играть, как дрозд, без денег... И надолго ль
Тебе достанет музыки?.. До смерти?
Но мы ведь и без этого умрем.
... Без этого умрем, а с этим — нет?

На что же уповаешь ты?

ГОЛОС ШАРМАНЩИКА

На Бога.

ДОСТОЕВСКИЙ

А как тебе живется?

ГОЛОС ШАРМАНЩИКА

Хорошо.

ДОСТОЕВСКИЙ

Вот незадача: сколько я с тобой
Ни говорил, я никогда в тебе
Не находил уныния. Что так?
Печали и уныния от беса,
А ты ему души не продаешь?
Но ты ж не дрозд, которого Господь
Накормит и напоит... У тебя,
Должно быть, и на чай сегодня нет.
Так хорошо ли это?

ГОЛОС ШАРМАНЩИКА

Все прекрасно,
Что истинно.

ДОСТОЕВСКИЙ

(Бросает монету.)
Держи на чай, браток!
(Отходит от окна.)
... Все хорошо, что истинно... Ничто,
Пожалуй, не дает успокоенья,
Как эти немудреные слова.
Прекрасно все, что истинно... Играй,
Плачь радостью богатая душа
Под нищими лохмотьями... Пока
В тебе жива потребность красоты,
Жив и народ... Не стыдно ль, господа,
Вам заикаться о своих несчастьях
И в поисках спасительной идеи
Глядеть на Запад? А ведь нужно было
Всего-то навсего открыть окно
На улицу свою... Зачем же я
Хотел обрушить все свои печали
На плечи незадачливой курсистки,
Пришедшей мне помочь?!

Входит **Федосья**.

Чего тебе?

ФЕДОСЬЯ

Обедать, барин.
(Ставит на стол поднос.)

ДОСТОЕВСКИЙ

А скажи, Федосья,

Как имя барышни, что приходила?
Запамятовал я.

ФЕДОСЬЯ

Зовите Анной
Григорьевной.

ДОСТОЕВСКИЙ

Как думаешь, она
Вернется?

ФЕДОСЬЯ

Кто их нынче разберет.
Серьезная.

ДОСТОЕВСКИЙ

Вот это хорошо.
Смотри, не прогляди ее.

ФЕДОСЬЯ

Ох, барин,
Сколь ни гляди, а вы позорче всех.

Федосья уходит. **Достоевский** опускается на диван.
Часы отбивают восемь ударов. **Достоевский** поднимается.
Уносит поднос в другую комнату.
Появляются **Федосья** и **Анна Григорьевна**.

ФЕДОСЬЯ

Входите, барышня.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

... Да, вот еще:
Как барина-то вашего зовут?
По имени он всем известен — Федор,
А по отцу?

ФЕДОСЬЯ

Михайлович.
(в сторону)
Беда.
Средь бела дня друг друга потеряли.
(Анне Григорьевне)
Присядьте.

Анна Григорьевна садится на прежнее место
за маленький столик. Появляется **Достоевский**.

ДОСТОЕВСКИЙ

Вы точны. Благодарю.

Анна Григорьевна приготовилась писать.

Вы сели не туда... Да-с. Пересядьте
За стол, где я работаю. Вам будет
Удобнее писать.

Анна Григорьевна пересаживается.

Ну как?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Спасибо.
Диктуйте.

ДОСТОЕВСКИЙ

А позвольте вас спросить…
Вы вправе мне не отвечать, конечно...
Вы — в черном.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Это траур по отцу.

ДОСТОЕВСКИЙ

Простите, я не знал.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Он был поклонник
Таланта вашего. Он и меня
Звал Неточкой в честь вашей героини.
И вот — одна...

ДОСТОЕВСКИЙ

Вас это побудило
Заняться стенографией?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

О, нет.
Самостоятельность — вот что меня
Всегда влекло. Так тягостно зависеть
То от родителей, то от друзей.
И, к сожалению, нам только деньги
Дают свободу.

ДОСТОЕВСКИЙ

Извините, Анна...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Григорьевна.

ДОСТОЕВСКИЙ

(Закуривает.)
Курите.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Не курю.

ДОСТОЕВСКИЙ

(угощая)
Вот чай... Да, вы сказали о свободе —
Вы искренни... Но каждый человек
Свое понятье вкладывает в слово,
Принесшее не столько благоденствий,
Сколь разочарований... Все — во имя!
И гильотина, и кресты... Я помню,
Как я стоял средь осужденных, зная,
Что жить осталось несколько минут.

Они казались вечностью, но нам
И вечности бывает мало... О,
Как мне хотелось все переменить,
Услышать голос матери и брата,
Лесной пичуги и припасть к устам
Любимой женщины и произнесть
Никем еще не сказанное слово,
Которое преобразует мир...
О, если б жить... О, если бы... И вдруг
Послышался отбой!..
Что испытал
Я в этот миг? Не помню. Но в тот день,
Как заводной, ходил по каземату
И пел... Пел громко, никого не видя
И не стесняясь...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Ваших откровений
Я не достойна.

ДОСТОЕВСКИЙ

Привыкайте, Анна
Григорьевна. Вам многое теперь
Услышать предстоит. Любой роман —
Как исповедь.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но Пушкин говорил:
«Над вымыслом слезами обольюсь».
У вас — не так?

ДОСТОЕВСКИЙ

Ах, если бы я мог
Хоть что-нибудь придумать!.. Но, увы,
Я выдумщик негодный. Но, однако,
Заговорились мы...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Тогда продолжим.
Я слушаю.

ДОСТОЕВСКИЙ

Пишите.
(Диктует.)
«...Наконец
Я возвратился из моей (_ _/)
(_) двухнедельной (_/ _ _/) отлучки.
(_) Наши (_/ _ _/) уже три дня
Как были (_/ _ _/) в Рулетенбурге».
...Что там у нас?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

У нас?... В Рулетенбурге.

ДОСТОЕВСКИЙ

Рулетенбург?.. Откуда взялся он?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но вы продиктовали это слово.

ДОСТОЕВСКИЙ

Не может быть.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но не могла же я
Сама его придумать.

ДОСТОЕВСКИЙ

Да. Вы правы.
Я что-то здесь напутал. Посему —
Продолжим завтра.

(Кричит в дверь.)

Проводи, Федосья,
Мою сотрудницу!

(Отходит в сторону.)

Да, да... Не брось я
Вам диктовать...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Вы мне?

ДОСТОЕВСКИЙ

... Который час?

(Смотрит на часы.)

Простите, задержал. Жду завтра вас
К двенадцати часам. И обещайте
Быть непременно.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Я приду. Прощайте.

Анна Григорьевна уходит. **Достоевский** закуривает. Ходит по комнате. Ложится на диван.
Бой часов.

ЖИВИ И РАДУЙСЯ

10 октября 1866 года.
Там же.
Федосья, убирая комнаты, подбирает разбросанные бумаги. Подходит к **Достоевскому**, который заснул за письменным столом.

ФЕДОСЬЯ

Проснитесь, барин! Утро на дворе!
Чай простывает ваш.

ДОСТОЕВСКИЙ

(Поднимает голову.)

Еще минуту.
Сон интересный.

ФЕДОСЬЯ

Да на что вам сны?!
Графиня скоро явются... Ну, спите.
А мне чего: просили — разбудила,
А дальше — дело барское. Что сны?
Вот мне не снятся: неколи смотреть.
Ну, ежли там под праздничек, в четверг,
Что пригородится... А так...

ДОСТОЕВСКИЙ

...Встаю!

ФЕДОСЬЯ

Чего вставать-то, ежли не ложились.
Идите, я пока здесь приберу.

ДОСТОЕВСКИЙ

Уж постарайся!

Достоевский уходит.

ФЕДОСЬЯ

Дык у нас одно —
Старайся, не старайся, а вокруг
Паучьи невода... И где берут
Постольку пряжи?
Откидывает штору.

За ней стоит **Стелловский**.

Господи Христе!
Вы что здесь делаете?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Мы-то? Ждем-с.

ФЕДОСЬЯ

Чего вы ждете?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Часу своего.
(Выходит из укрытия.)
У каждого, Федосья, есть свой день,
Свой час, свой миг... И пропустить его
Нельзя нам. Да-с.

ФЕДОСЬЯ

Мудрено говорите.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Я, собственно, к тебе...

ФЕДОСЬЯ

Господь с тобой!
На что я вам?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Хочу тебя спросить:
Девица, что недавно приходила, —
Зачем и кто она?

ФЕДОСЬЯ

Она?.. Графиня!
А вам-то что?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Графиня, говоришь…
Да что-то не похоже.

ФЕДОСЬЯ

Отчего?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Без лошадей, без свиты...

ФЕДОСЬЯ

Да и где ж
Такое, чтоб писатели со свитой?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Она — что? Сочинительница?

ФЕДОСЬЯ

Пишет.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Так, значит, сочинительница!

ФЕДОСЬЯ

Нет!
Она серьезная. И только пишет.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Вот и пойми тебя!..

ФЕДОСЬЯ

Я говорю,
Чтó знаю. Допросите лучше сами.
Они вот-вот появятся.
(в сторону)
Откуда
Он взялся здесь? Пойти-ка поискать
Хозяина.
(Стелловскому)
Присядьте. Он сейчас
Вас примет.

Федосья уходит.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Он нас примет!.. Хи-хи-хи!..
(Переставляет стул на центр комнаты. Рассматривает его.)
На этом состояния не сделать,
Но мы и не спешим. Всему свой срок:

По денежке сбежится ручеек —
Вот вам и озеро... А там, глядишь,
И — океан!.. Дед передаст отцу,
Папаша — сыну... Вот вам — новый Ротшильд!
На век ваш хватит русских дураков,
А там — другие народятся...

Входит **Анна Григорьевна**.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Можно?
Я задержалась.

СТЕЛЛОВСКИЙ

(Застигнутый врасплох,
поворачивается к ней лицом.)
Вы пришли в свой час.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Ой, извините... Кто вы?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Представляюсь.
...Семейный доктор.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Рада. Ну, а я
Стенографистка Сниткина.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Простите,
Писатель Сниткин — молодой талант,
Скончавшийся недавно, уж не ваш,
Простите, родственник?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Однофамилец.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Жаль. Очень жаль.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Что так?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Остался долг.
Я пользовал его: то кровь пустить,
То боль заговорить... Теперь не знаю,
С кого взыскать.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Найдется кто-нибудь.
...А где Федор Михайлович? Он болен?
Серьезно болен?

СТЕЛЛОВСКИЙ

Только вам одной,
Как под присягой... Он неизлечим.
Да-с ... Эпилепсия. Беда в другом:

Болезнь не столь опасна для него,
Сколь для людей, кто рядом с ним. Он может
Без умыслу, а так... себя не помня,
Убить, как то случилося с женой...
Да-с ... Царство ей небесное... Святой,
Святой души была...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

...Великий Боже!..

СТЕЛЛОВСКИЙ

И каторга пошла ему не впрок!
Так что поберегитесь... Говорю
Как доктор... И советую бежать,
Бежать отсюда.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Как же это так?
Я этого не знала.

СТЕЛЛОВСКИЙ

Он того
И не скрывает. Даже этим горд.
Не человек — чудовище... А вы
Так молоды... Зачем себя губить?
(суетясь)
Пора. Я уезжаю. Извините,
Вас подвезти?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Нет, нет. Не утруждайтесь.
Простите, я не верю вам... К тому ж
Нельзя уйти не попрощавшись.

Стелловский скрывается за шторой.

Дверь
Не там!

ГОЛОС СТЕЛЛОВСКОГО

Мне лучше знать!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Кто здесь больной?
(Отдергивает штору.)
Исчез!.. Да что еще за наважденье?

ГОЛОС СТЕЛЛОВСКОГО

Бегите!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Право, надо уходить.
Мне говорили, что он хмур, что груб,
Что желчен, непочтителен, но чтоб
Такое?! Видно, лучше никогда
Не видеть близко нам своих кумиров,
Чтоб не разочаровываться... Доктор,
Однако странный.

Входит **Достоевский**.

ДОСТОЕВСКИЙ

Рад, что вы пришли!
Я думал, испугались — не придете.
И все ж ходил встречать.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Мы разминулись.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я даже адреса у вас не взял.
И рисковал лишиться первых строк,
Что вам продиктовал.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Они при мне.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я оттого так беспокоюсь... Мне
Необходимо написать роман
До первого числа.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Так скоро?

ДОСТОЕВСКИЙ

Да.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

И это важно?

ДОСТОЕВСКИЙ

Я попал в ловушку.
Случилось так, что после смерти брата
Я принял на себя его долги.
И тут является ко мне издатель
С контрактом. Право, сумма, как всегда,
Ничтожная... Но этот людоед
Умеет вас поймать. И мне всего
Обиднее, что он успел скупить,
И за бесценок, векселя мои —
И деньги возвратил себе, а я
В сетях его остался.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Разве так
Возможно обходиться с человеком
Таким, как вы?

ДОСТОЕВСКИЙ

Не в личности вопрос.
Он **дело** делает — теперь у них
Так это называется.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но вас,
Вас почитает вся Россия!

ДОСТОЕВСКИЙ

Нет,
Меня забыли. Я здесь человек
Совсем другой эпохи. Никому
Не нужный... Господи, что я?
Вы не поверите, он приобрел
За двадцать пять целковых, не смущайтесь,
Всего... кого вы думаете? — Глинку!
Вот как мы ценим гениев.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но есть
Суд Божий. Он для всех!

ДОСТОЕВСКИЙ

Но не для них.
И, если к ноябрю не сдам роман,
Я потеряю все мои права
На собственные книги. Это — крах!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

О чем вы говорите? Боже мой!
Вы — Достоевский!

ДОСТОЕВСКИЙ

Это звук пустой.
Как, впрочем, все у нас...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

В каком же мы
Невежестве увязли, что уже
Нам состраданье кажется пороком?

ДОСТОЕВСКИЙ

Но вы пришли, чтобы спасти меня.
И я вам благодарен.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Да... Но я...
Мне, право, жаль вас...

ДОСТОЕВСКИЙ

Ах, слова, слова!..
Садитесь и начнем!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Вы очень странный...

ДОСТОЕВСКИЙ

Вы так находите? А вы меня
Иначе представляли?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Да и нет!
Я ожидала встретить человека
Уверенного... С золотою тростью
И... Вы не удивляйтесь!.. В окруженье
Заботливых и милых светских дам,
Танцующих под звуки арфы... Право,

Ведь вы так знамениты.

ДОСТОЕВСКИЙ

...Светских дам?
Забавно... Но и Лермонтов, и Пушкин
Так много написали оттого,
Что были постоянно влюблены...
И я их понимаю...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Разве вы
Не знали женщин?

ДОСТОЕВСКИЙ

Да. Я был женат.
Тому три года. Вот ее портрет.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(рассматривая портрет)
Несчастная... И вы ее...

ДОСТОЕВСКИЙ

(прерывая)

Любил?
Любил иль нет — не знаю. Мы скорей
Несчастны были вместе.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Потому
В ее глазах страдание?

ДОСТОЕВСКИЙ

Она
Снялась больной за месяц перед смертью.
Болезнь и забрала ее.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Болезнь?
А говорят...

ДОСТОЕВСКИЙ

(прерывая)

Я виноват пред ней,
Что мало уделял вниманья... Да!
Коль встретите здесь франта, знайте, он
Мой пасынок. Своих детей, увы,
Господь не дал... Но мы заговорились.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Простите, это я!

ДОСТОЕВСКИЙ

Тогда пишите!

(Диктует.)

Я был (_ _/ _) в странном (_ _/ _)
(_ _/ _) настроении (_/) духа.
(_) Изредка я взглядывал на (_/)
Полину Александровну; она
(_ _/ _) совершенно (_/ _ _/)

(_ _/) не примечала (_/) меня.»

Бой часов заглушает на минуту голос писателя.

«...так мне нужны (_ _/ _). Но покамест
Вы мне нужны — мне надо вас беречь».
(останавливая работу)
Прервемся на момент.
(Кричит в дверь.)
Федосья! Чай!
(Анне Григорьевне)
Устали?

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Привыкаю.

ДОСТОЕВСКИЙ
Ну и ладно.
И хорошо... Да где ж она? Небось,
Опять ушла к соседке. Я сейчас
Найду ее.

Достоевский уходит.

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Ушел... Быть рядом с ним,
Пусть даже эти несколько недель,
Кто не мечтает?..

Доносятся звуки шарманки.

Но увы, увы...
(Подходит к окну.)
Лови монетку!.. Не благодари!
Тебе спасибо за живую душу.
И мне спокойнее... Я не одна...
Хотя я лгу...
(рассматривая стенограмму)
Теперь со мной Полина
И Алексей Иванович, безумно
В нее влюбленный... Судя по всему,
Что безнадежно.
(Откладывает лист.)
Отчего душа
В смятении?.. Что делать, музыкант?

ГОЛОС ШАРМАНЩИКА
Живи и радуйся!

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Чего, чего?

ГОЛОС ШАРМАНЩИКА
Живи и радуйся!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

...Ты, может, прав?..
Не так и стар он, если приглядеться.
Мне жаль его... И, если я уйду,
Уйду теперь, подумают — каприз.
Но поздно... Ставки сделаны. А что
Мне выпадет, известно только Року,
В который я не верю...

Звуки шарманки усиливаются.

А пока
Крути свою шарманку, Музыкант!

Бой часов. Затемнение.

ИГРОК

25 октября 1866 года.
Там же.
Достоевский сидит за письменным столом.
Горит свеча.

ДОСТОЕВСКИЙ
(читая)
...И вот в который раз я задаю
Себе вопрос: люблю ли я Полину?
И не могу ответить на него...
Но, если бы она сказала мне
Там на скале, там, в небе: «Бросьтесь вниз!»
Я бросился бы с наслажденьем... Мысль,
Что я влюблен и сознаю вполне
Всю недоступность для меня ее,
Всю невозможность счастья — эта мысль
Ей доставляла наслажденье... И
Она теперь смотрела на меня,
Как древняя императрица, что
Спокойно раздевалась при своем
Невольнике, поскольку никогда
Не видела в нем человека...
(Поднимается из-за стола.)
Так
Иль где-то близко... Уточню потом
Под стенограмму. Надо бы прилечь,
Да некогда.
(Смотрит в окно.)

Входит **Федосья**.

ФЕДОСЬЯ
(Ворчит.)
Чего зря свечи жечь?
Давно светло.
(Гасит свечу.)
ДОСТОЕВСКИЙ
А я и не заметил.
(Снова смотрит в окно.)
Да где ж она?
ФЕДОСЬЯ
Чего в окно глядеть?

Еще не время. Сами же всегда:
«Не раньше и не позже!..»

ДОСТОЕВСКИЙ

Я пойду
Пройдусь по улице.

Достоевский выходит.

ФЕДОСЬЯ

Да поостынь!
Ишь, страсти-то какие... Я все слышу —
Чего он тут бормочет... И у нас,
Однако, был в деревне Петька-конюх,
Так тот, влюбимшись, ежли что не так,
Напьется до чертей и — шасть в колодец,
А дна там не было... Так вот, его
Два раза вынули живым, а в третий
Не откачали... Поздно. Вот любовь,
Что делает с людьми. Одна беда.
Беда и только.

(Заметила отсутствие вазы.)

Вот и вазы нет...
Никак в ломбарде! Ладно б для себя,
А то — все пасынку!.. А для того
Что деньги, что песок — текут сквозь пальцы,
Ведь не свои. При доброте чужой
Куражиться не грех.

Входит **Анна Григорьевна**.

А, это вы?
Чего не спится?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Не до сна теперь.
Я торопилась принести ему
Написанное.

ФЕДОСЬЯ

Да и он с утра
Все на часы поглядывал. Гляжу,
Вы оба в каторге!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Я не спешу,
Федосья, на свободу... Я судьбе
Так благодарна!.. Разве я могла
Мечтать еще недавно рядом быть
С писателем!.. С великим! С тем, кого
Боготворила с детства... А теперь
С ним говорю, как с дядею родным,
Почти как с другом.

ФЕДОСЬЯ

Сколько вам годков?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Мне двадцать лет.

ФЕДОСЬЯ

Поди ж ты!.. В двадцать лет
Уж я троих гоняла по углам,
А вы — сама дитя еще... Простите,
Коль что не так сказала.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Ах, все так,
Все так, Федосья... А ты знаешь, он
Совсем не страшный!

ФЕДОСЬЯ

Если человек,
То — человек, а ежели — паук,
Тому своя забота.

Входит **Достоевский**.

Вот и он.
(Достоевскому)
Что, чаю-то нести?

ДОСТОЕВСКИЙ

Неси, неси!

Федосья уходит.

Ну, сколько там листочков-то у нас?

Анна Григорьевна показывает страницы.

Не густо!.. Ой, не густо!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

От меня
Ведь не зависит это.

ДОСТОЕВСКИЙ

Вот и нет!
Вы — вся моя надежда. Вы меня
Так приручили, что я вам готов
Глядеть в глаза, как пес... А эти строки,
Что вы приносите, — моя награда
За верность!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Не шутите так со мной,
А то я возгоржусь!

ДОСТОЕВСКИЙ

Я не шучу.
Я вам рассказывал про старика
И столь же древнюю его собаку,

Что умерли в один и тот же день.
Не пожилось им друг без друга.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Вы
Все о несчастьях! Расскажите мне,
Как счастливы вы были.

ДОСТОЕВСКИЙ

Счастлив? Я?
Голубушка! Да знаете ли вы,
Что значит счастье? Виделось оно
То искоркой неуловимой, то
Бездонным небом, голубым и чистым,
То веткою черемухи в окне,
Такою ароматной, что вот-вот
Накатится слеза... Да, это счастье.
Но я таким не испытал его.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Да этого не может быть.

ДОСТОЕВСКИЙ

Увы!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но я читала вас... Ведь вы уже
Прожили столько жизней. Вы любили,
Страдали, умирали... И все — вы!
Вы столько испытали, что не быть
Счастливым невозможно.

ДОСТОЕВСКИЙ

Милый мой
Голубчик, не случилось.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Вам нельзя,
Нельзя не быть счастливым... Был же миг,
Хотя б единственный?

ДОСТОЕВСКИЙ

Но мы живем
Не миг, а вечность.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но ведь вы уже
Прожили эту вечность.

ДОСТОЕВСКИЙ

Ой, да вы,
Гляжу, уже хороните меня!
А я еще надеюсь, видит Бог,
Все заново начать. Жизнь как игра.
И я надеюсь выиграть.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но вы
Такой серьезный человек... и вдруг...

Возможно ль это?

ДОСТОЕВСКИЙ

Думается вам,
Стоит пред вами старый человек,
Больной к тому ж... И думает о счастье,
Как шиллеровский юноша?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

О, нет!
Я — об игре.

ДОСТОЕВСКИЙ

Но счастье — это шарик
Рулеточный. Он выпадает тем,
В ком развито… не думайте — расчет!..
Нет!.. — чувство интуиции.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

И все же:
Игрок всегда рискует потерять,
И то, с чего он начал. Ведь игра
Порочна.

ДОСТОЕВСКИЙ

Так устроен человек.
И, если даже волей наделен
Железною, он не находит сил
Сразиться с этой страстью.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

...Ваш роман —
Он… о себе?

ДОСТОЕВСКИЙ

Игрок я или нет?
Да, я игрок. Тому свидетель Бог,
Что я великий грешник. Ах, мой друг,
Любил ли я Полину? Да, любил.
Любил и ненавидел. Я хотел
Повергнуть мир к божественным стопам,
Но этого не нужно было ей.
Брак счастья не принес бы... Я бродил,
Как пес потерянный, не находя
Колена, чтобы морду положить.
И так всегда.

(как очнувшись)

О, Господи! Да что
Все о себе? А вы-то сами как?
Вы счастливы?.. И почему бы вам
Не выйти замуж?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Сватаются двое.
И я их уважаю, но любви
К ним не питаю. Но ведь я хочу

Уж, если выходить, так — по любви!

ДОСТОЕВСКИЙ

Да, непременно по любви. Увы,
Для счастья уваженья одного
Так недостаточно.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Да, вы добры,
Талантливы, открыты... Вы в пути
К великой тайне, недоступной смертным...

ДОСТОЕВСКИЙ

(прерывая)

О, если б так!.. Но я... я на распутье,
Как в русской сказке: первый путь ведет
В Ерусалим — уехать и остаться;
Второй — в Европу на рулетку. Там
Разбогатеть иль сгинуть; третий путь —
Жениться заново и поискать
Семейных радостей!.. Так что вы мне
Советуете?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Первых два пути —
Фантазии, не больше.

ДОСТОЕВСКИЙ

Значит, вы
Вы допускаете, что я могу
Еще жениться? Ну, тогда, дружок,
Скажите, если выбирать жену,
То умную иль добрую?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Для вас,
Конечно, умную!

ДОСТОЕВСКИЙ

А вот и нет!
Уж если выбирать, так я возьму
Лишь добрую, чтоб и любить могла,
Да и жалеть меня.

(Смутился.)

...А где ж Федосья?
Пора бы чаю.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Я боялась вас,
Не скрою... Я все думала, о чем
Мы будем с вами говорить? Ведь вы
Такой глубокий человек... И я
Боялась не понять вас, но теперь
Легко и просто.

ДОСТОЕВСКИЙ

Бойтесь соловьев

Велеречивых. Чем цветистей речь,
Тем слог в письме бесцветней... Весь — в гудок,
Как в самоваре!
(о Федосье)
Да куда ж она
Запропастилась?

Доносится шум дождя.

Вот и дождь пошел.

Достоевский выходит.
Из противоположной двери появляется
Федосья с самоваром.

ФЕДОСЬЯ
Небось, опять пошел меня искать,
А я уж здесь... Он не в себе, похоже,
Который день.
АННА ГРИГОРЬЕВНА
(не слыша ее)
Федосья, дождь пошел!
ФЕДОСЬЯ
У нас не новость — дождик в октябре.
Ух, темень-то какая!...
АННА ГРИГОРЬЕВНА
А в душе
Так ясно, так светло... Ведь если он
Мне говорит такое, значит, я
Достойна исповеди человека,
Рожденного понять нас и спасти.
ФЕДОСЬЯ
...Оно, конечно, так...
АННА ГРИГОРЬЕВНА
(увлекаясь все больше)
Быть даже каплей
Его большого дела — это счастье,
Сравнимое с великою любовью,
Которой не дано нам испытать...
Но если люди, книгу прочитав,
Очистятся слезою, то и я
Причастна буду к этому... Не правда ль?
И маленькая толика души,
Моей души, ресниц коснется чьих-то
Иль пронесется легким дуновеньем
По комнате, колебля занавески...
И это будет до конца веков...
ФЕДОСЬЯ
Ах, госпожа!
Вы зря так увлеклись им.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Увлеклась?
Вот глупости!

ФЕДОСЬЯ

Вы молоды еще.
Вы — чистая душа. А это грех —
Губить такую душу.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Ты о чем?

ФЕДОСЬЯ

О том, что вижу... Ведь никто, никто
Вас не неволит, кроме вас самих.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Федосья!.. Это — слишком.

ФЕДОСЬЯ

Я молчу.
Я понимаю — дело не мое.
Но выкиньте его из головы,
Пока у вас еще свободно сердце.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Подумать только, что ты говоришь?!
Он прожил жизнь. Великий человек.
И он... больной.

ФЕДОСЬЯ

(не слушая ее)

Да знаете ли вы,
На что вы обрекаете себя?
...Держать его... И знать, что он умрет
Здесь, на руках у вас... И от бессилья
Помочь ему такой терзаться мукой,
Какой не дай, Господь, вам испытать.
И если до Него дойдут молитвы,
Молитвы ваши, и Господь не даст
Свече угаснуть, я не знаю, в чем,
В чем больше благости — иль умереть,
Иль жить и мучиться вот так... Простите
За это откровение... Как мать
Я с вами...

Появляется **Достоевский**.

ДОСТОЕВСКИЙ

(гневно)

Сколько можно повторять,
Чтоб ты не отлучалась!

ФЕДОСЬЯ

Я...

ДОСТОЕВСКИЙ

Молчи!
И не оправдывайся!

ФЕДОСЬЯ

Но...

ДОСТОЕВСКИЙ

Нет!.. Нет
Порядка в доме!.. Это же — вертеп!
Иди, не попадайся на глаза,
Иначе худо будет!..

ФЕДОСЬЯ

(в сторону)

Ой, как страшно!

Федосья уходит.

Пауза.

ДОСТОЕВСКИЙ

Вот видите, каков я!.. Накричал
На женщину... За что?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Она вас любит.
А тем, кто любит, тем и достается.

ДОСТОЕВСКИЙ

Простите, не сдержался... Никогда
Я не прощу себе.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Еще не время
Для покаяний...

ДОСТОЕВСКИЙ

Извините...

(Берет черновики.)

Так...
Где мы остановились?.. Подскажите.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

...Несчастный человек...

ДОСТОЕВСКИЙ

Да, да... Несчастный

(Диктует.)

«...Она любила вас, и я могу
Вам это (_/) открыть (_/) потому,
Что вы погибший человек (_/). Мало
Того (_), если я скажу вам, что
Она до сих пор вас (_ _/ _) любит,
То ведь вы все равно здесь (_/ _ _/)
Останетесь...»

Бой часов.

«...(_ _/ _) стоит только

Хоть раз (_ _/ _) выдержать характер,
И я (_/) в один час могу (_/)всю
Судьбу (_ _/ _ _/ _) изменить...»
Бой часов.
«...Я выиграл (_ _/ _). Это факт-с!
А что (-), если б я тогда упал
(-) духом (_/ _ _/ _ _/ _), если б
Я не посмел решиться. Завтра, завтра
Все кончится.»

Бой часов.
Затемнение.

РОКОВАЯ СТРАСТЬ

30 октября 1866 года.
Там же.
Из за стен доносится смех и говор гостей.
Слышен голос молодого человека:
-А я ей говорю: « кто здесь хозяин?!»
Снова смех, заглушающийся звуками шарманки.

ФЕДОСЬЯ
(убирая пыль с мундира Достоевского)
Небось, опять в ломбарде был. Гляжу,
И шубы нет, и вазы!.. Надо ж так —
Последнее отнес. Вот почему
Зашевелился пасынок — почуял
Копейку в доме. Так и норовит
Все с отчима урвать... Служить пора,
А он все по балам.
(Слушает шарманку.)
Вот человек!
Ни холод не берет его, ни дождь!
Такому и подать не грех.

Достает маленький узелочек, Развязывает его зубами.
Достает монетку. Бросает **Шарманщику.**

Ты чего

Такой веселый?.. Как?.. Из уваженья?..
Какие генералы? Ты, брат, пьян!..
...Литературные?.. Давно живу,
Таких не видывала... Барин мой?
...Да, день рожденья! А тебе-то что?
Тебя не нанимали!
(Отходит от окна.)
Ну, народ!
На хлеб копейки нет, а как вино,
Так и пятак найдется. Ой, грехи!..
...Азорку жаль. Собака-то не пьет,
А музыкой одною сыт не будешь.

Заводит часы.
Снова доносится шум гостей.

И гости зарядили все с утра,
Чуть свет. Беда, беда...

Входит **Достоевский** с букетом цветов.

ДОСТОЕВСКИЙ
Поставь цветы.
(Передает ей букет. Подходит к зеркалу.)
Ну, как я выгляжу?

ФЕДОСЬЯ
Как именинник,
Но больше — женихи!

ДОСТОЕВСКИЙ
Какой жених?

ФЕДОСЬЯ
А мне откуда знать? То вам видней —
Гостей-то полон дом.

ДОСТОЕВСКИЙ
Так это день
Такой сегодня.

ФЕДОСЬЯ
А им все не лень,
Что через лужу, что через плетень,
За стол скорей бы!..

ДОСТОЕВСКИЙ
Если нет гостей,
Дом мертв, Федосья.

ФЕДОСЬЯ
Ой, грешна... Едва
Появится копейка, так они
Слетаются как мухи к вам на мед...
Все родственнички ваши и глядят
В глаза, как наш Азорка во дворе,

Подачки ожидая... Так ведь он
Под музыку танцует, а они
За так живут... Оно бы ничего,
Да сами вы бессребреники... Сами,
Гляжу, поизносилися до дыр.
Вот если что осталось — так мундир.

ДОСТОЕВСКИЙ

Да мне его в ломбард недолго снесть,
Но разве я закладываю честь?

ФЕДОСЬЯ

Я это понимаю. Я не дура.
Оно, конечно, шуба — только шкура!
Ее не жаль... Но, барин, и цветы
Поставить некуда!

ДОСТОЕВСКИЙ

Не в первый раз!
Вот отнесу роман...

ФЕДОСЬЯ

Так никаких
Не хватит сказов. Коль хозяйки нет,
Нет и досмотра.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я, Федосья, стар,
Чтоб мне об этом думать.

ФЕДОСЬЯ

Старики
Быстрей находят, нежли молодые.
Их времечко торопит.

ДОСТОЕВСКИЙ

За меня
Едва ли кто пойдет.

ФЕДОСЬЯ

Коль не за вас,
За славу вашу.

ДОСТОЕВСКИЙ

Славу? Что с тобой?

ФЕДОСЬЯ

Да нынче любят больше головой,
Чем сердцем.

ДОСТОЕВСКИЙ

Вот как?..

ФЕДОСЬЯ

(Засуетилась, поняв, что наговорила лишнего.)
Да куда ж цветы
Теперь поставить-то?

Федосья уходит.

ДОСТОЕВСКИЙ

Жизнь прожита,
А столько не написано. Но, право,
Мне кажется, что все это начало
Какой-то новой жизни... Вот теперь
Роман окончен, и еще одна
Испорчена идея... Сколько лет
Я ею дорожил? Да, эти гонки
Загонят не одну еще лошадку
Под крик восторженной толпы... Но я,
Поставив знак последний, никогда
Так не был опечален...
(Рассматривает своё отражение в окне.)
Ну, куда?
С такою бородой в калашный ряд?
(Отходит от окна.)
«...Распалась связь времен...» И не роман
Тому причина. Нет. И не герои,
Что приходили по ночам ко мне,
Набрасываясь, как вампиры... Нет.
В другом причина... Даже самому
Себе признаться стыдно... И роман
Окончен к сроку, и не разорен —
И это все благодаря... Да, да —
Мне не работалось так никогда
С тех пор, как взялся за перо. И это — «Завтра
Все кончится» я относил лишь к ней,
А не к моим героям... А ведь я
Не мог запомнить, как ее зовут,
Не видел глаз ее... больших и серых,
Как утро... И улыбки, без которой
Не представляю дня прожить... Что это?
Простое невниманье или я,
Действительно, так безнадежно стар.

Доносятся звуки шарманки.
Достоевский, прислушиваясь к мелодии, поет.

Всемогущий Господи,
Что там — впереди.
Я к Тебе все с просьбами,
Ты не осуди.
Выпала мне долюшка,
Роковая страсть —
Захотелось солнышко
С неба украсть.
Чаша моя пролита
На большом пути.
Пусть не буду понят я
Никогда людьми.
Быть понятным вроде бы

Небольшая честь.
Пусть зовут «юродивый»,—
Да так и есть!

Входит **Анна Григорьевна**
в новом, праздничном платье.

Он ее не видит.
Эх, мечта напрасная,
Роковая страсть...
Знаю, солнце красное
С неба не украсть.
Пусть молчать разумнее
О такой любви,
Ты мое безумие
Благослови!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Прелестно!.. Браво!
Я все могла представить, но что вы
Поете...

ДОСТОЕВСКИЙ

Извините.
(пораженный ее видом)
Боже мой!
Как вы прекрасны... в этом платье.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Правда?
Вы льстите мне!

ДОСТОЕВСКИЙ

О, нет! В бутоне черном
Скрывался ослепительный цветок.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Спасибо!..
(смутившись)
Я.. я поздравляю вас!
(Раскладывает принесенные ею пакеты.)
Вот финики. Вот шептала. Изюм.
Вот пастила.

ДОСТОЕВСКИЙ

Но...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Вы уличены
Как сладкоежка!

ДОСТОЕВСКИЙ

Грешен.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Ни в одном
Из мест, где я бываю, не дают
Такого чаю сладкого.

ДОСТОЕВСКИЙ

(почти в испуге)

И вы
Молчали?.. Вы — терпели?!.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но у нас
Невзгоды те же!

ДОСТОЕВСКИЙ

Вот как?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(тяжело вздохнув)

Это все,
Что между нами общего...

ДОСТОЕВСКИЙ

(вдруг расстроившись)

Да, да...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(после нависшей паузы)

...Я принесла последние страницы.

ДОСТОЕВСКИЙ

(отрешенно)

Да, да... последние...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Что это с вами?
Вы побледнели...

ДОСТОЕВСКИЙ

А, пустое...

(перебирая страницы)

Завтра
Все кончится...

Отворачивает к стене портрет жены,
надеясь, что **Анна Григорьевна** этого не заметит.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Вот именно...

ДОСТОЕВСКИЙ

...Игрок...
Просматривая рукопись, отходит к окну.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Что это с ним? Веселым был... И вдруг...
О чем я говорила?.. И портрет...
Зачем он это сделал? Взгляд ее
Не назовешь приятным, но...

ДОСТОЕВСКИЙ

(оживляясь)

Друг мой!
Голубушка!.. Я никогда еще

Так не работал! Да ведь вы моя
Волшебница... Стелловский и не ждет
Такого оборота... Как мне вас
Благодарить, не знаю...

Достает конверт из письменного стола. Отдает ей.

Ваши деньги,
Как мы договорились.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Может, вам
Они нужнее?

Достоевский машет руками.

Что ж, благодарю.
Поверьте, что и я так полюбила...
Героев ваших, что и мне теперь
Расстаться с ними нелегко.

Из-за шторы то прячась, то открываясь,
появляется **Стелловский**, «охотящийся» за рукописью. Они его не замечают.
Анна Григорьевна берет со стола
рукопись, на секунду опережая **Стелловского,**
протянувшего за рукописью свою руку.

И я,
Коль вы позволите, перечитаю.

ДОСТОЕВСКИЙ

Извольте, ради Бога.

Анна Григорьевна убирает деньги и рукопись в свою сумку.

Но надеюсь,
Что это не последний мой роман.
Ведь, вы придете, если у меня
Созреет новый замысел?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Я рада
Была бы вам помочь. Но ведь Ольхин
Назначит вам кого-нибудь другого
Для практики.

ДОСТОЕВСКИЙ

(взрываясь)
Как? Почему? Зачем?
Я к вам привык. И я ни с кем другим
Работать не смогу!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Не огорчайтесь.
Вдруг тем другим (мы наперед не знаем)
Вновь буду я?.. Ольхин..

ДОСТОЕВСКИЙ

(прерывая)

Надежд немного.
Он очень хмурый человек.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(заливаясь смехом)

Ха - ха!
Ха - ха - ха - ха!..

ДОСТОЕВСКИЙ

Что с вами?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Ха - ха - ха!
Да знаете ли вы, что мне Ольхин
Сказал о вас, лишь я его спросила,
Сработаемся ль мы?
— Надежд немного —
Он очень хмурый человек!..

ДОСТОЕВСКИЙ

И что?
Я не такой?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Да вы... вы — самый добрый.
Вы — самый солнечный!...

ДОСТОЕВСКИЙ

А вы — дитя!
Какое вы дитя!.. Но мне без вас
Так будет грустно. Не исключено,
Что больше мы не встретимся.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Гора
Не сходится с горою... Человек
Всегда найдет другого.

ДОСТОЕВСКИЙ

Да, но — где?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Повсюду: и в театре, и в концерте,
Иль в обществе.

ДОСТОЕВСКИЙ

Но я там не бываю.
И что это за встречи, если там
Повсюду уши и глаза.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

И пусть.
Пусть смотрят и завидуют!

ДОСТОЕВСКИЙ

...Зачем
Не пригласить бы вам меня к себе,
В ваш дом?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Мы с мамой будем рады.

ДОСТОЕВСКИЙ

Когда же? Завтра?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Завтра не могу.

Иду к подруге.

ДОСТОЕВСКИЙ

(огорченно)

Значит, послезавтра.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Нет. Лекция у Ольхина.

ДОСТОЕВСКИЙ

(отчаявшись)

Так в среду?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Приглашена в театр.

ДОСТОЕВСКИЙ

(чуть не плача)

Да у вас

Все дни разобраны!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но разве я

Могла предположить...

ДОСТОЕВСКИЙ

(прерывая)

Нет!.. Просто вам

Визит мой в тягость!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Что вы говорите?!

Мы будем счастливы!

ДОСТОЕВСКИЙ

Тогда... Тогда

Поедемте сейчас же!

(Ставит кресло посередине комнаты.)

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Это как?

ДОСТОЕВСКИЙ

Сейчас увидите.

(Ставит перед креслом стул.)

Мадемуазель,

Карета подана!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(Опускается в кресло.

Он садится рядом с ней.)

Но это все

Так неожиданно...

ДОСТОЕВСКИЙ

(изображая извозчика)

А ну, пошли,
Залетные!.. Эх! Тело довезу,
За душу не в ответе!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(нарочито)

Я боюсь!
Зачем так гоните?

ДОСТОЕВСКИЙ

«Какой же русский
Не любит?..»

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Ой!

ДОСТОЕВСКИЙ

Держитесь!.. Осторожно!..
Опасный поворот!..

Она наклонилась.
Он пытается придержать ее за талию.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(убирая его руку)

Не беспокойтесь,
Пожалуйста...

ДОСТОЕВСКИЙ

Но...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Я не упаду.
Не упаду я...

ДОСТОЕВСКИЙ

(обиженно)

Эй, а ну — пошли!..
Давай, давай!..

(Свистит.)

О, как бы я желал,
Чтоб из саней вы выпали!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Лихач!
А вы — лихач!

(Смеется.)

ДОСТОЕВСКИЙ

Эх, пропадай телега!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но мы в санях!

ДОСТОЕВСКИЙ

А все теперь одно!

Появляется напуганная **Федосья**.

А ну, поосторожнее!.. Куда
Ты прешь? Стой, стой, залетные!..
(Анне Григорьевне)
Ваш дом.

ФЕДОСЬЯ

...Приехали!..

ДОСТОЕВСКИЙ

Позвольте вам помочь.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(выходя из «саней»)

Спасибо.

ФЕДОСЬЯ

Дописалися, видать!

ДОСТОЕВСКИЙ

(Федосье)

Кто дома?..
(Передает «узду коня» Федосье.)
Позаботься об овсе!

ФЕДОСЬЯ

У нас все дома, да у вас не все!
Прости, Господь... Вас гости ждут!..

ДОСТОЕВСКИЙ

Идем.

Анна Григорьевна и **Достоевский** уходят.

ФЕДОСЬЯ

Вот и надейся на людей —
По комнатам гоняют лошадей!
— Овса подай им!.. Вот так резюме!..
Нет, вижу, барин не в своем уме!

Музыка.
Из-за шторы выныривает **Стелловский**.
Ищет рукопись. Но тщетно.

Конец
первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ХУДОЖНИК

8 ноября 1866 года.
Там же.

ДОСТОЕВСКИЙ

(один)

Известна всем и всеми позабыта
Есть Тайна та, что в Женщине сокрыта.
К той тайне сердцем прикоснись слегка —
Пророческой становится строка!
Не потому ль, как некто заводной,
И я тянусь к единственной, одной,
К которой мне заказана дорога,
Забыв о матери, оставив Бога...
И вековые знанья мне не впрок,
Что дьявол водит женщину, не Бог!
...И что за наслаждение — страдать!
Как будто это Божья благодать
Нисходит с неба, высветив от века
Во всех любимых Богочеловека...
Но так устроен мир. Мы жаждем света,
Прекрасно понимая то, что это
Фантазии больные и броженье
Умов незрелых и самосожженье!
Но мы идем, идем без укоризны,

Счастливые, на этот праздник жизни,
Где за одним столом король и шут,
Где полон дом гостей, но нас не ждут.
Мы живы сновидениями... Разве
Есть нечто, что реальнее фантазий?
Мы в очевидностях не видим толка.
Сбываются фантазии — и только!
Мир рухнет, лишь фантазий нас лиши!..

Входит Анна **Григорьевна**.

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Позвольте?

ДОСТОЕВСКИЙ
Наконец-то вы пришли!
С утра разъяснилось, к обеду снова
Заволокло...

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Но я давала слово.

ДОСТОЕВСКИЙ
Но в слове женщины так много терний!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Да вы, гляжу, в веселом настроенье,
В игривом даже...

ДОСТОЕВСКИЙ
Ах, не в этом суть!

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Уж не случилось ли чего-нибудь
Приятного?

ДОСТОЕВСКИЙ
Случилось. Я польщен
Догадкой вашею. Я видел сон!

АННА ГРИГОРЬЕВНА
И только-то? Еще скажите, вещий!..

ДОСТОЕВСКИЙ
Не смейтесь надо мною... Это вещи
Серьезные.

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Волшебники и маги...
(заметив, что он не слушает ее)
Простите.

ДОСТОЕВСКИЙ
Разбираю я бумаги
И вдруг средь них (а у меня их груда!)
Сверкнул брильянтик — маленькое чудо!
И яркий, словно солнце.

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Вы — поэт!

ДОСТОЕВСКИЙ

Но это было более, чем свет, —
Восторг, любовь, прозренье...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

И куда
Он подевался?

ДОСТОЕВСКИЙ

В том-то и беда —
Пришли другие сны... Но я был горд.
Я счастлив был.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но сны наоборот
Толкуются!..

ДОСТОЕВСКИЙ

Ах, разве? Я невежа
По части снов. Так, значит, вся надежда
Моя напрасна? За волшебной дверью
Не будет счастья?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но я снам не верю.

Достоевский заметно расстроился.

Вы не переживайте. Все пройдет.

ДОСТОЕВСКИЙ

А вам — что снится?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Чаще — рыжий кот.
Его большие красные усы.

ДОСТОЕВСКИЙ

Ах, деточка!.. И что у вас за сны
Ребяческие?.. Пустяки одни.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

А чем вы занимались в эти дни,
Помимо снов?

ДОСТОЕВСКИЙ

(о своем)

Неужто сны — обман?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

И все же — чем?

ДОСТОЕВСКИЙ

Продумывал роман.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Роман?!. И вы об этом между прочим
Мне говорите?!. Интересен?

ДОСТОЕВСКИЙ

Очень!

...Хотя, быть может, он колосс из воска.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Но почему же?

ДОСТОЕВСКИЙ

У меня загвоздка
Случилась с окончанием.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

То малость.
Придумается.

ДОСТОЕВСКИЙ

Но... тут замешалась
(А мне бы не хотелось ошибиться),
Да... Психология одной девицы
Такой, как вы, по нраву, по годам...
И тоже — Аня … Обращаюсь к вам
За помощью.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

А кто же ваш герой?

ДОСТОЕВСКИЙ

Художник. Человек немолодой.
Особых я бы не назвал примет...
Короче: он одних со мною лет.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Рассказывайте! Я уже сгораю
От любопытства! Ну же!

ДОСТОЕВСКИЙ

И не знаю,
С чего начать?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

С тех глав, что вам ясны.

ДОСТОЕВСКИЙ

Но это все фантазия и сны,
В которые не верите...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Да полно!
Простите, коль обидела невольно.

ДОСТОЕВСКИЙ

...Художник вам знаком наверняка.
По мрачным Петербургским чердакам
Ютится неприкаянный народ,
Пугая незадачливых господ
Своей живучестью... И неспроста —
У нас на все способна нищета...
Так вот, герой живёт не первый год,
Как говорится, тем, что Бог пошлет,
На чердаке под самым синим небом,
Делясь с подругою последним хлебом...
Здесь тоже жду я вашего совета.

Попробуйте себе представить это:
Чердак пошире чуть бильярдной лузы...
Художника в потёртой серой блузе,
С ним женщину... (Несчастная жена
Резка, назойлива, раздражена.
Всем обликом напоминает муху).
Мы назовем ее Марией … Руку!

Отходит в сторону, надевает блузу Художника,
Анна Григорьевна — парик **Марии.**
Художник подходит к мольберту. Рисует.
Мария нервно ходит по комнате.

МАРИЯ

Вот так и пропадаем ни за грош.
Да нежели их сразу разберешь?
Все мужики... Все не в своей тарелке,
И жизнь не жизнь им, а игра в горелки!
И сколько сердце думой ни тревожь,
Из паутины платья не сошьешь.
Такая, видно, выпала стезя —
С художником счастливой быть нельзя.
Что ни скажи я — все не по нему!..

ХУДОЖНИК

(восторженно)

Смотри, как солнце золотит Неву!

МАРИЯ

Но солнце не восходит до рассвета.

ХУДОЖНИК

Я вижу!

МАРИЯ

(ехидно)

Ну, еще бы!.. Вы — поэты!
Вы все — избранники!.. Вас Бог пометил,
И вы гордитесь этим, словно дети.
Но фантиками, друг мой, от конфет
Не будешь сыт!.. Вон, погляди, сосед:
И пьян с утра, и зубы не на полке,
Кум королю, да и жена вся в шелке.
Семь воскресений у него в неделе,
А почему?.. Сосед при верном деле:
В последний путь нельзя без одежонки,
Будь царь, будь нищий... А ему деньжонки
За каждый фрак. Немалые, поверьте!..
А вы — пророки!.. Вам подай бессмертье!
О верном вам не мыслить ремесле,
А есть, однако, просите, как все!

(Он ее не слушает.)

Послал же мне Господь судьбу такую,
За что, не знаю.

ХУДОЖНИК

...Голуби воркуют!

МАРИЯ

(в сторону)

Моя будь воля, я бы их сварила!

(ему)

Я для кого все это говорила?

ХУДОЖНИК

Прости, увлекся!.. Так о чем же речь?

МАРИЯ

В дом женщину привел — так обеспечь!

ХУДОЖНИК

Но я же — нищий!..

МАРИЯ

Мне и надо мало —
Внимания.

ХУДОЖНИК

Прости, но ты же знала,
На что идешь. И, может, то — расплата
За слепоту.

МАРИЯ

Ах, я и виновата?!
Да и сама себе кажусь я странной,
Что ты меня сманил небесной манной,
А ничего не сыплется с небес.

ХУДОЖНИК

Но я не Бог.

МАРИЯ

Ты даже и не бес!

ХУДОЖНИК

У каждого из нас свои пороки,
Но потерпи, удача на пороге,
Я чувствую... И я тебя прощаю.
И ты — прости.

(откладывая кисти)

Не выпить ли нам чаю?
Успех придет. Поверь. Я сделал ставки
На верное.

МАРИЯ

Нам отказали в лавке.
Приказчик помогал нам сколько мог.

ХУДОЖНИК

Так что-нибудь снеси ему в залог.

МАРИЯ

У нас в залоге все!.. Ты вникни толком:
Себя осталось заложить мне только.

ХУДОЖНИК

Мария!

МАРИЯ

Что — Мария?

ХУДОЖНИК

Я ж не крал!

МАРИЯ

Ты рубль последний в карты проиграл,
А это хуже... Чуть не уследи...

ХУДОЖНИК

(прерывая)

Не хочешь быть судимой — не суди
Других.

(Снова берется за кисти.)

МАРИЯ

Я не сужу. Ты знал успех.
Ты был, как притча, на устах у всех,
А славы просто так не завоюешь...
И что случилось? Что ты там малюешь?

ХУДОЖНИК

Но, Маша!.. Я просил бы без булавок!

МАРИЯ

Писал бы лучше вывески для лавок,
Глядишь, и солнце из-за туч бы вышло...
Чего ты ищешь в этой жизни?..

ХУДОЖНИК

Смысла.
Я Истину ищу.

МАРИЯ

(с издевкой)

Оно заметно.

ХУДОЖНИК

Не смейся... Да, я понимаю: тщетно
Ее искать...

МАРИЯ

Вот и ответить нечем!

ХУДОЖНИК

Художник я, и этот поиск вечен.

МАРИЯ

О, Господи...

ХУДОЖНИК

Я знаю неспроста,
Мне голос нынче был: пиши Христа.
С ним Истина. Он за нее гоним.
Но, если даже Истина не с ним,
За ним пойду я, нацепив суму...
И вот тогда я, может быть, пойму,
Что есть Любовь. И расскажу другим.

МАРИЯ

Кому другим? Голодным и нагим?
Униженным?.. Да кто об этом просит?

ХУДОЖНИК

Они несчастны. Это я их бросил.

МАРИЯ

Ну, дорогой!.. Мне слышать это внове.

ХУДОЖНИК

Мир неустроен — это я виновен.
Не потому, что я жестоким был,
А потому, что слишком их любил.
Я потакал их прихотям невольно,
А к совести взывать (им это больно!)
Я не посмел... И вот пришло оно —
Прозрение.
(перебирая подрамники)
Да где же полотно?

МАРИЯ

Да у тебя и краски на исходе.
(в сторону)
Прости, Господь, что на него находит?

Стук в дверь.

У нас открыто!..

Появляется **Пауковский**.

ПАУКОВСКИЙ

Я глазам не верю,
Кого я вижу!..

ХУДОЖНИК

Вы ошиблись дверью.
Мы с вами незнакомы.

ПАУКОВСКИЙ

(не смущаясь)
Не беда.
Меня на чердаки ведет нужда.
Я — Пауковский. Праздник нынче святый.

ХУДОЖНИК

Мы нищи. Извините.

ПАУКОВСКИЙ

Вы богаты.
Готов поклясться: вы богаче всех!

МАРИЯ

Над бедностью смеяться — это грех!

ПАУКОВСКИЙ

Мы все погрязли в представленьях ложных.

ХУДОЖНИК

Я говорю вам правду.

ПАУКОВСКИЙ

Вы — художник.
Вы взяли кисть — и вы уже король.
А нищий... Извините, эту роль
Скорее мне играть под этой крышей...
Да... Рафаэля из меня не вышло.
А как мечтал!.. Но суждена дорога
Кому от Дьявола, кому от Бога.
Так и живем, обиды затая.

ХУДОЖНИК

(официально)

Чем услужить могу вам?

ПАУКОВСКИЙ

(льстиво)

Это я
Пришел вам услужить, души не чая
В талантах ваших.

МАРИЯ

(предлагая)

Не угодно ль чаю?

ПАУКОВСКИЙ

Благодарю.

*(Берет стакан чая,
но отставляет его в сторону.)*

ХУДОЖНИК

Не льстите. Я не дама.
И — все-таки!

ПАУКОВСКИЙ

Прослышал я недавно
О вашем замысле... Что было свыше
Вам указание.

ХУДОЖНИК

Как можно слышать
О том, в чем и себе признаться вслух
Я не решался.

ПАУКОВСКИЙ

То особый нюх.
Профессия. Вы пишете Христа.

МАРИЯ

Но у него ни красок, ни холста!

ПАУКОВСКИЙ

Затем я и пришел. Все учтено:
И краски вам принес, и полотно.

(Передает краски Художнику.)

Творите, друг мой!

ХУДОЖНИК

Вы щедры без меры.
За что мне это?

ПАУКОВСКИЙ

Нам нельзя без веры.
Нам без Христа нельзя. Он наш Мессия.
Не будь его, что было бы с Россией?!.
Но до сих пор несчастен и гоним
Любой, кто делом связан с ним одним...
Мы не бездействуем. И близок час,
Когда мир вздрогнет и узнает нас.
Мы вздыбим этот мир!

ХУДОЖНИК

Да вы атланты!

ПАУКОВСКИЙ

(распаляясь)

Но, если б каплей вашего таланта
Господь меня бы окропил случайно,
Я дело бросил бы свое... И тайно,
Без суеты людской, как говорится,
Я б каплей той сумел распорядиться.
Я б выдал миру что-нибудь такое!..
Да что мечтать об этом. Все — пустое!..
Не дал Господь талантов, не случилось,
И вот я стал борцом за справедливость!..
Что ж, каждому из нас свои вериги...

(оглядевшись)

...За мною слежка... Не могли бы книги
Вы у себя оставить на денек,
На два?

ХУДОЖНИК

Я от политики далек.
И не желал бы...

ПАУКОВСКИЙ

(не слушая его)

Вы — талант! Вы — глыба!..
Я знал, что не откажете. Спасибо!

(Рассовывает книги по углам.)

Таких людей я вижу за версту.
Успехов вам и вашему Христу.
О, я вас щедро отблагодарю...
Не сомневайтесь, если говорю —
Я делаю... Простите мой побег,
Пора мне.

Суетясь, **Пауковский** уходит.

МАРИЯ

Экий милый человек!
Такие появляются не вдруг.

Нам повезло.

ХУДОЖНИК

Не человек — паук!
Но Бог ему судья, и Бог — закон.

МАРИЯ

Но разве ты с ним вправду не знаком?

ХУДОЖНИК

Знаком ли, нет ли — бабьи пересуды...
Он подарил мне поцелуй Иуды,
Что так и просится на полотно...
И я уверен даже, что оно
Имело бы успех. Но в том беда,
Что первое движенье — ложь всегда,
А Истина является случайно
Не каждому из нас... И это Тайна,
Что явится и осенит уста,
Внезапная, как поцелуй Христа.
Вот в чем искусства высшая задача.

Анна Григорьевна
выходит из игры.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Как поцелуй Христа? Что это значит?

ДОСТОЕВСКИЙ

(выходя из игры)

Нам, людям, этот поцелуй неведом.
И все, что напишу я, может, бредом
Покажется... Да, бредом и цинизмом —
Так избалованы мы реализмом.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Мы избалованы?

ДОСТОЕВСКИЙ

Потом, потом!..
Не словом жив художник — полотном.
Пока душа не перельется в краски,
Он страшен сам себе!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Не без опаски
Я это слушаю... Ведь ваш рассказ,
Простите, мне напоминает вас
И вашу жизнь... За каждою строкой
Встаете вы.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я выдумщик плохой…
Я только знаю: в прошлые века
Мессия приходил, наверняка
С любовью вглядываясь в наши лица,
Под треск костров и вопли инквизиций,

Чтоб нас спасти. Им этот путь изведан.
И каждый раз вновь распят был и предан,
Но это не любить людей — не повод!

Затемнение.
Достоевский раздвигает штору,
открывая картину.

Христос пришел в средневековый город
И шествует среди каменьев стертых,
Леча больных и воскрешая мертвых...
И каждый, кто в толпе его узнал,
Приветствует... Но древний кардинал
В смятении. Он всем обескуражен.
...И схвачен был Христос тюремной стражей.
Но вот в темнице высветился лик:
То со свечой вошел к нему старик,
Которого он и не ждал с визитом…
Пред с ним стоял Великий Инквизитор.

Из глубины сцены на зрителей
надвигается **Инквизитор**.
В руке у него свеча.

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

Темница.

ИНКВИЗИТОР

Кто потревожил этих птиц в ночи?
Ты это?.. Ты?.. Не отвечай. Молчи.
Все то, что ты сейчас мне мог сказать,
Я слишком знаю. Да и как не знать? —
Что сказано тобою, не изменишь.

Да, да!.. Ты даже права не имеешь
Теперь добавить ничего к тому,
Что прежде сказано... Я не пойму
Лишь одного... И я хочу узнать:
Зачем?.. Зачем ты нам пришел мешать?
Я помню наизусть твои заветы,
Но ты пришел мешать. И знаешь это.
К чему тебе опять души растрата?
Ведь ты не знаешь то, что будет завтра.
А завтра... вновь слетится воронье...
Ты ль это? Иль подобие твое?..
Пророк иль самозванец — я не лгу,
Мне все равно... И я тебя сожгу
Как злейшего из всех еретиков.
Хотя, быть может, ты и не таков...
Страшней другое!.. С мыслями о Боге
Народ, тот самый, целовавший ноги
Твои, соху заменит на топор
И станет угли подгребать в костер
И пирамиды возводить из веток...
...Хотя, конечно же, ты знаешь это.
Ты шел на крест страдальческий затем,
Что видеть их свободными хотел.
Свободным даже солнца не вставало, —
И это дело стоило немало.
Нам передано в книгах бытия,
Что бес в пустыне искушал тебя,
Но так ли это?.. О, здесь все непросто.
Тебе он задал только три вопроса,
Таких непритязательных бы вроде,
На первый взгляд... Но ничего в природе
Нет истиннее. Весь вселенский разум,
Вся мудрость мира скрыта в этих фразах
И вся история.
...Ты знал об этом,
Но ты хотел людей увлечь обетом
Свободы... Ты их звал в такие выси,
Которых никогда им не осмыслить...
Ведь ничего для слабой их породы
Нет нестерпимее самой свободы.
... Вот видишь эти камни на пути?
И, если ты — сын Божий, преврати
Их в хлебы!.. И ведь большего не надо,
Чтоб человечество пошло, как стадо,
Все за тобою, где б ты только ни был...
Но послушанье, купленное хлебом,
Не есть свобода... Ты ее отверг,
Ответив дьяволу, что человек
Жив не единым хлебом... Разразится
Во имя хлеба битва. Дух сразится

С тобой, и, знай он победит тебя.
И все пойдут за ним. Пойдут, твердя,
Что преступлений нет. Есть только голод.
И позабудут твой вселенский голос
О добродетели... Ты не кори
За то голодных... Лучше — накорми!
Они напишут на своем корыте:
«Поработите нас, но накормите!»
...Ты мог заставить с дьяволом в борьбе
Их преклониться одному тебе,
Всех увести их за собою, то есть
Ты хлебом мог им успокоить совесть,
Поскольку у остывших очагов
Бесспорней хлеба нету ничего.
И, если кто-то, взяв, как знамя, имя
Твое, их обольстит тебя помимо —
Кто б ни был этот вечный аноним,
Хлеб побросав, они пойдут за ним,
Поскольку тайна сущего всего
Не только в том, чтоб жить, но — для чего?
... Чтоб совесть победить для их же счастья,
Три силы есть, три неподкупных власти,
Несущие пред вечностью ответ:
То — Чудо, Тайна и Авторитет.
Но, как глаголят нам листы завета,
Ты без сомнения отверг и это!
Скажи, в тебе не кровоточит рана
Той памяти... той, на вершине храма,
Когда бес заявил тебе: «Положим,
Что ты не самозванец, а Сын Божий,
Так верзнись вниз...» И пусть вершится суд,
Ведь ангелы лжеца не понесут,
А Сына Божьего они подхватят —
Так в книгах сказано... И слов не тратя,
Ты мог людей уверить до конца
В том, как Ты веришь в своего Отца.
Ты знал, что эта мудрость — не каприз,
Но броситься не собирался вниз...
Ведь сделай только шаг, одно движенье,
И ты бы высказал свое сомненье.
Ты искусил бы Господа, не внемля
Его словам... И рухнул бы на землю.
И прах твой разметался бы, как пух.
И радовался бы великий дух,
Что искушал тебя...
Но вот что худо
Кто из людей бы мог отвергнуть чудо
В минуты эти страшные?.. Никто!
Слаб человек. Увы, ведь он не тот,
Кто смог бы в миг последний опереться,

Как ты, на первое решенье сердца.
Вот наш конфликт. Вот вечная интрига.
Твой подвиг этот сохранится в книгах —
Ты это знал, мечтая о немногом,
Что, следуя тебе, и люди с Богом
Останутся... Но им своя дорога:
Отвергший чудо — отвергает Бога.
Нуждаются доверчивые люди
Не столько в Боге вечном, сколько в чуде.
И это понимал великий бес:
Не Бога ищут люди, а чудес.
Я жизнь свою даю тебе взаем,
Верь, человек слабее, чем о нем
Тогда ты думал, веруя вслепую...
К тому ж он подл и он везде бунтует.
При горькой жизни нету большей сласти,
Чем бунтовать, не признавая власти,
Громить дворцы, не ведая управы...
Но все их бунты — детские забавы.
Учителя погнавшие из класса,
Они ликуют... Но они напрасно
Примеривают брошенную тогу.
Ударит гонг — придет конец восторгу.
Они прозреют на единый миг
И ужаснутся делу рук своих:
Порушенные храмы и святыни,
И черепа, смердящие в долине,
Возопиют!.. И людям станет жутко.
Не выдержать им собственного бунта.
Но неужели, возвести, Мессия,
Ты в этот мир являлся лишь для сильных?
Тогда в чем назначение Твое?
Тут Тайна, и... нам не понять ее.
Да и разгадывать ее нелепо,
Ведь люди повинуются нам слепо,
Не чувствуя ни радости, ни боли,
Помимо совести, помимо воли...
Отныне все замешено на свете
На Чуде, Тайне и Авторитете.
И триптих этот к Троице приравнен —
Вот так твой подвиг нами был исправлен.
И завтра ты увидишь: люди рады,
Что обратились не в народ, а в стадо.
Что, наконец, отныне навсегда
Мы сняли с них свободы страшный дар.
Иль мы не правы?.. Не тебе решать!
Зачем же ты явился нам мешать?

(После паузы.)

...Зачем же ты так радостно и кротко
Взираешь на меня?.. Зачем?.. Ах, вот как?!

Ты полон всепрощенья и Любви?!.
Но я-то не люблю тебя! Зови
Все силы ада, скрытые в ночи,
Себе на помощь!.. Только не молчи!
И пусть глаза твои нальются кровью!..
Знай, ничего я от тебя не скрою.
И что скрывать? Мой век? Страну и место?
Тебе же все заведомо известно.
Ты это знал, когда смущал твой слух
Своею правдою великий дух.
Мы ничего тебе не объясним,
Но Тайна в том, что мы отныне с ним,
А не с тобой!.. Мы одержали верх,
Взяв у него все то, что ты отверг.
Покою здесь ты предпочел мытарства.
Мы взяли у него земные царства,
Мы взяли власть — и, чтобы их сберечь,
Не за лемех мы взялись, а за меч.
И объявили мы себя царями.
И паруса взметнулись над морями.
И что ты людям здесь ни говори,
Нужны не боги им — нужны цари!
Пусть наше плаванье еще в начале,
Мы все же к тихой пристани причалим.
Там их мечта и там предел их рвений...
И пристань та — **всемирный муравейник**!
Там все народы счастье обретут,
Покой всеобщий и согласный труд.
...Да, ты отверг меч кесаря, но помни:
Тот меч приняв, ты б навсегда восполнил
Все то, чего так ищет человек:
Пред кем склониться в свой короткий век?
Кому вручить бы совесть и власть денег
И как сойтись всем в общий муравейник?!.
...Великий дух шептал тебе: «Владей!»
Ты отказался... Совестью людей
Мы завладели... Разве это грех?
Ты пекся об одних, а мы — о всех!
Ты скажешь: я похож на конокрада.
Пусть так. Смирюсь. Но вот в чем наша правда:
Свободен тот, кто, одолев невзгоды,
Сам отказался от своей свободы
Для нас... Кто не скрывался по лесам,
А, бунт презрев, нам покорился сам.
...Свобода, ум свободный и наука
Им не спасение, а только мука.
Но люди им доверятся, как дети,
И забредут они в такие дебри
Тайн сокровенных и таких пророчеств,
Что тот, кто сильный, сам с собой покончит,

Не ведая в свирепости досуга;
Кто послабей, те истребят друг друга,
Испытывая тот же ярый зуд;
А третьи... третьи сами приползут,
К нам приползут и возопят свой стих:
Спасите нас скорей от нас самих!
...И вот тогда-то скажем мы: «Пора!»
И станет жизнь, как детская игра
С хорами, стадионами для всех
И с плясками невинными... И грех
Мы разрешим. Да, да! Уж так и быть,
Мы не дадим им о себе забыть...
И пусть грешат, любя и не любя,
Мы искупленье примем на себя.
Высокой правдой станет наша ложь!..
...Пророчествуют нам, что ты придешь,
Придешь судить... Суди, коль ты посмеешь, —
Так я скажу... Иль в это ты не веришь?
И повторю все то же, что и ныне.
Я не боюсь тебя. Я был в пустыне.
И тоже ел коренья. И невзгоды
Переносил, как ты... И я свободу
Благословлял и разум свой затмил,
Я быть хотел избранником твоим,
Но вовремя очнулся и примкнул
К тем, кто исправил подвиг твой... Реку́
Я это потому, что троекратно
Не пропоет еще петух, как завтра
Ты убедишься сам, что это стадо,
Не отводя с меня влюбленных взглядов,
В костер твой будет угли подгребать
За то, что ты явился нам мешать.
Я подарю огонь тебе — не жизнь!
Я так сказал...

(Пауза.)

Вскричи и возмутись!
И коль всесилен — отмени рассвет,
Но не молчи!..

Христос медленно приближается к нему
и целует его в уста.
Инквизитор вздрагивает.

...И это — твой ответ?
Стон пленника иль приговор Судьи?
Ступай!.. И более не приходи!..
Не вынести нам твоего суда...
Не приходи к нам вовсе... Никогда!

Инквизитор стремительно уходит.

Затемнение.

ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ

Художник за мольбертом.
Стремительно входит **Мария**.

МАРИЯ
Не все нам с голубями жить... Эй, где ты?
Смотри, что пишут про тебя газеты!
ХУДОЖНИК
Ругают — хорошо, коль хвалят — плохо.
МАРИЯ

Да ты послушай только.

(Читает.)

Ты — эпоха,
Ты — гений!

ХУДОЖНИК

Коль поставить на котурны,
То индюками выглядят и куры,
А яйцами куриными несутся!

МАРИЯ

Но покупатели уже толкутся,
А это интереса верный признак.

ХУДОЖНИК

(отрываясь от работы)

Все это не успех еще, а призрак!

МАРИЯ

Потребно людям — значит, надо небу.

ХУДОЖНИК

Но разве я работал на потребу?
Конечно, нет. Я и доселе волен
Переписать.

МАРИЯ

Опять ты недоволен!
Сам Пауковский ходит две недели,
А это, дорогой, живые деньги.
Доколе жить нам в комнате холодной:
То жаба ест, то обморок голодный.
И это все не день, не два, а годы.
Я натерпелась. Кончено. На воды!
Жизнь начинаем с чистого листа.

ХУДОЖНИК

Я рад, что ты поверила в Христа.
Входит Пауковский.
А значит, нам и черт теперь не страшен.

МАРИЯ

Воистину Христос — спасенье наше.

(заметив Пауковского)

Но ты же, как всегда, продешевишь!..

ПАУКОВСКИЙ

Позвольте... Я тихонечко, как мышь,
Чтоб так сказать, не опускать с вершин
Поэзии...

(Суетится перед картиной.)

И скоро завершим?

ХУДОЖНИК

Моя работа — это вечный поиск.

ПАУКОВСКИЙ

Вот оттого-то я и беспокоюсь,
Простите, если что скажу не так,

Надеюсь я, что в силе наш контракт?

ХУДОЖНИК

Какой контракт?

ПАУКОВСКИЙ

Вот то-то и оно!
Забыли... Кто принес вам полотно?..
Вы без него не смели и начать.
Имею право, так сказать, на часть!..
Я человек простой. Я не рисую,
Но знаете ли вы, как я рискую?
Ведь это все не праздные заботы:
В рояль вложить свой капитал иль в ноты?
Взять инструмент. Он черен, словно уголь,
А греет? Нет. Лишь занимает угол.
А мне твердят: высокое искусство!..
Я не за вещь плачу — плачу за чувства,
Да-с!.. За эфир!.. А кто назначил цену?
Вот взять бы вас да вывести на сцену.
Тут всяк себе знаток и всяк мастак:
Один не даст и ломаный пятак;
Другой (с такими тоже я знаком),
Чтоб видеть вас хотя б одним глазком,
И кошелек готов отдать, и жизнь...
Культура, брат, и есть патриотизм.
Я убеждался в этом, и не раз...
Не о себе пекусь — пекусь о вас.
Я знаю, как художнику живется.
Вот — деньги... Да-с...

Кладет на стол кошель.

ХУДОЖНИК

(неожиданно для себя)

Христос не продается.

ПАУКОВСКИЙ

Не понял. Иль я что не так сказал?
Прошу прощения.

ХУДОЖНИК

Здесь не базар.

ПАУКОВСКИЙ

Скажите, и с каких же это пор
Вас не волнуют деньги?

ХУДОЖНИК

Деньги — сор.

ПАУКОВСКИЙ

О, что я слышу!.. Господи, да где я?
Сор — если рубль, а миллион — идея!
Вчера никто, сегодня вы родня
Царям земным.

ХУДОЖНИК

Для слабых — западня,
Соблазн — для сильных.

ПАУКОВСКИЙ

Обожаю торг.
И прибавляю.

(Кладет еще пачку денег.)

Скрыты свой восторг
И свой азарт в любом подобном деле.

ХУДОЖНИК

Я не торгую.

ПАУКОВСКИЙ

Вы меня раздели!..

ХУДОЖНИК

Позвольте...

ПАУКОВСКИЙ

Иль забыли вы о том —
Я для картины перестроил дом,
Фонтаны снес, пересадил деревья,
Я выписал лакея из деревни,
Из Лувра — статуи!..

ХУДОЖНИК

(с издевкой)

Да, ваша милость,
Вы положили жизнь за справедливость!..

ПАУКОВСКИЙ

(продолжая)

Светильники купил под старину...

ХУДОЖНИК

Позволь — вы перестроите страну,
А счет за кровь предъявите поэтам.
Но разве мы просили вас об этом?

ПАУКОВСКИЙ

Не дешево далась мне перестройка!

ХУДОЖНИК

Да вы, похоже, коммунист?

ПАУКОВСКИЙ

Не только.
Я, извиняюсь... жертва и кинжал.

(примирительно)

Так — по рукам?

ХУДОЖНИК

Простите. Очень жаль.

ПАУКОВСКИЙ

(добавляя еще пачку денег)

Вот вам еще, и кончим эту повесть.

ХУДОЖНИК

Я не игрок.

ПАУКОВСКИЙ

Да вы — бандит!

МАРИЯ

(не выдержав)

Опомнись!
Ведь он раздумает!.. Да и откуда
Взялась такая спесь?

ХУДОЖНИК

Я не Иуда.

МАРИЯ

Вам нравится его картина?

ПАУКОВСКИЙ

Очень.

МАРИЯ

(Художнику)

Да что ты из себя святого корчишь?

ХУДОЖНИК

Мария!.. Это... Это через край.

МАРИЯ

(Пауковскому)

Картина ваша!

ХУДОЖНИК

Но...

МАРИЯ

И не встревай!
И знай, я не жена тебе отныне!..

ПАУКОВСКИЙ

(примирительно)

Зачем же торопиться?.. Пусть остынет.

(Собирает деньги.)

Одумается пусть. Я не ропщу,
Но знайте: своего не упущу.
Я никому такого не прощал.
Да, помнится... и вас я обещал
Не обойти подарочком... Вы скоро
Получите его.

Пауковский резко уходит.

ХУДОЖНИК

Зачем нам ссора?

МАРИЯ

Безумец! Ты порушил все надежды.

ХУДОЖНИК

Прости меня!

МАРИЯ

Я не смогу, как прежде,

Царицей быть и милостыню клянчить!..
Мы нищие.

ХУДОЖНИК

Но я не мог иначе!..
Мы для души живем, не для утробы.

Доносится резкий стук в дверь.

ГОЛОС ЖАНДАРМА

Всем оставаться на местах!

ХУДОЖНИК

Что?!

ГОЛОС ЖАНДАРМА

Обыск!

МАРИЯ

Должно, не к нам!.. Мы не рисуем марок
И не чеканим...

ХУДОЖНИК

(прерывая)
Вот его подарок.

МАРИЯ

Жандармы...

ХУДОЖНИК

Это грязные делишки...
Для этого он и попрятал книжки!..

МАРИЯ

Скорее — в печь!

(Мечется.)
Зачем ты их не роздал?

ХУДОЖНИК

Не причитай!

МАРИЯ

Да я сожгу их!

ХУДОЖНИК

Поздно!

Вваливается **Жандарм**.

Затемнение.

ГОЛГОФА

У столба стоит **Художник**,
в стороне — **Священник** и **Палач**.
Барабанная дробь.

ГОЛОС

Военный суд приговорил его
За (_/) недонесение (_/ _ _/)
Преступного о (_/ _ _/ _ _/)
Религии и (_/ _ _/ _ _/ _)
Правительстве письма лишить чинов,
Всех прав (_) состояния и (_)
Подвергнуть смертной казни (_/ _ _/)
(_ _/ _) расстрелянием.

ХУДОЖНИК

...Забыть...
И ничего не слышать... Захотеть
Прижаться к туче, словно к существу
Живому, и пролиться на поля
Дождинкой, жизнь дарящей... Осознать
В мелькнувшей в небе птице — знак Креста
На теле вечности... И воздух пить...
Нет!.. Есть его, как хлеб, не торопясь,
Не зная, что отнимут... Сытым быть,
Не насыщаясь никогда... Так вот,
Вот то, что значит — жизнь!

ГОЛОС

Покайтесь!

ХУДОЖНИК

(Целует поднесенное ему Священником распятие.)
Крест.
Теперь мы будем вместе... Кто же нам
На плечи взваливает этот груз,
Что не под силу смертным?..

ГОЛОС

На кра-ул!

ХУДОЖНИК

Не дай, Всевышний, мне узнать в толпе
Глаза друзей, в которых затаилось
Не сострадание, а любопытство...
Да, мы петрушки!.. Да, мы циркачи,
Шарманщики и летуны, но бездна,
В которую летим, вам не доступна!..
Как здесь они нелепы и смешны,
Гримасы ваши!..

ГОЛОС

На при-цел!

ХУДОЖНИК

Мгновенье!
Как ты безмерно, если ты — Любовь...
Любовь, а не бездушная минута,
Отсчитывающая свои секунды,
Как подаяние... Не так ли ты,
Любимая, дарила мне свои
Часы уединения, чтоб, враз
Забыв о них, расчетливо и сухо
Сказать: «Я не люблю. Я — победила».
А я люблю!.. Так, значит, я повержен?
Пусть будет так... Но ежели в тот миг,
Когда раздастся выстрел (он раздастся!),
Ты где-то вздрогнешь на чужом плече,
Я этим успокоюсь... Но скорее,
Не принесет отзывчивое эхо
Тебе последней мысли обо мне.
Живи, любимая!.. И, если вдруг
Зарница вспыхнет или пролетит
Комета, след оставив, — это я!..
Куда мне т а м с такой любовью деться?..
Ты победила?.. Но когда и в чем?
Когда твое немеркнущее имя
Трепещет на губах моих, как пламя
Свечи неугасимой, потому
Последний миг за мною...

Палач набрасывает на голову **Художника** башлык. Барабанная дробь.

ГОЛОС

(_/ _ _/)
Его величество (_ _/ _ _/)
(_ _/ _) по прочтении (_ _/)
Всеподданнейшего доклада (_/)
(_ _/ _) повелел (_ _/ _) вместо
(_ _/ _) смертной казни (_/ _ _/)
(_) в каторжную (_/ _ _/ _ _/)
Работу в крепостях (_ _/ _ _/)
(_ _/ _) на четыре года!

Палач открывает лицо **Художника.**

Жизнь…

Жизнь после смерти… Боже, снова свет !..
Я понесу по жизни униженье,
Как горб, стыдясь, что жив… Но погляди
В глаза разочарованной толпы.
Что в них? Презренье или же смятенье?
Гнев иль порок? Протест или смиренье?
Что ждут они? Вот тайна тайн. И мне,

Блуждая в этой непроглядной тьме
С огарочком души, дарящей свет,
Покуда буду жив, искать ответ!..

Затемнение.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ?

Тот же чердак.
На мольберте необтянутый подрамник.
Полное запустение. Появляется **Художник**.

ХУДОЖНИК

Как жаждет путник призрачной свободы...
Я дни считал, что длились, словно годы,
Не спал ночами — ждал, когда свершится…
Теперь не знаю, как распорядиться
Свободою… Иль я ослеп?
Спешил домой — попал в холодный склеп!..
Что это — гроб замшелый иль кровать?
Где женщина, которой жизнь отдать
Я был готов?.. Все забытье и плесень...
Когда-то здесь я был беспечно весел
И упивался счастьем-невидимкой.
Затянуто былое сладкой дымкой.
Я лгу себе... Лгу прошлому в угоду...
И стоило ли рваться на свободу,
Когда в огромном, как пустыня, веке
Свободой этой поделиться не с кем?
И я готов на целый мир кричать!..
Но что это?

В глубине сцены вспыхивает свеча.

...В углу горит свеча...
Чуть светится, как маленькая кроха
Тепла... О, господа! Не так все плохо...
Горит свеча, весь мир согреть желая,
Так значит, где-то есть душа живая!..
И воск, как время, медленно плывет,
А значит, кто-то плачет, кто-то ждет.
И, значит, кто-то прячется за дверью...
(Мечется по комнате.)
Вы кто? Я в привидения не верю!
Нет никого!.. Но всюду, всюду — лица!
Откликнитесь, будь ангел, будь убийца.
(Подходит к мольберту.)
Мы все герои бесконечной драмы,
Где все, как необтянутый подрамник,
Непредсказуемо... Но этот свет,
Откуда он, коль никого здесь нет?
Погаснет, не останется следа,
Следа любви.

В пространстве за пустым подрамником
возникает **Аня**.

АНЯ

Но я здесь навсегда.
И никогда не чаяла о встрече,
Во здравье ваше зажигая свечи.

ХУДОЖНИК

Зачем? Чтоб высветить мои пороки?
(С трудом поднимается.)

АНЯ

Нет! Чтоб вы знали: вы не одиноки,
Что рядом, тем же воздухом дыша,
Есть понимающая вас душа.
(после паузы)
...Вы дом оставили, и печь остыла.
Что комната без вас? Она — пустыня
Безводная... Но сердцу как смириться?
Ведь дождь пройдет — жизнь снова возродится,
И клейкий лист поднимет в небо цапля,
И я в пустыне этой только капля!

ХУДОЖНИК

Жизнь прожита. Все это — смерти пляски!

АНЯ

Жизнь продолжается!
(Предлагая ему.)
Возьмите краски.

ХУДОЖНИК

Мой храм забит. Молитва отзвучала.

АНЯ

Не поздно никогда начать сначала.
(Перебирая подрамники.)
Вот чистый холст.

ХУДОЖНИК

Все это — мусор... Мусор,
Не нужный никому. Любовь — не муза.
Художник — не пророк.

АНЯ

Сегодня — да!
Пройдут столетия, и вот тогда
Вы станете народу — высший суд,
Коль бесы нас опять не оболгут.

ХУДОЖНИК

Народ неистребим. Он в землю врос...

АНЯ

(прерывая)
Неистребим, покуда с ним Христос.
Пока народ Христову слову внемлет,

Он жив!.. Но дьявол никогда не дремлет,
Под видом друга приведет врага,
И станет пеклом пламя очага.

ХУДОЖНИК

(с подрамником в руках)

Откуда вы? Мне слышать это странно.
И как зовут вас, ангел добрый?

АНЯ

Анна.

ХУДОЖНИК

Посланница Его великой рати
Вы существуете в моем квадрате
Подрамника... Чуть изменись среда,
И вы исчезнете!..

АНЯ

Но никогда
Я не оставлю моего креста.

ХУДОЖНИК

(быстро перебирая подрамники)

Но я не вижу моего Христа.
Не человек — он высший суд народам.
Об этом я хотел сказать...

АНЯ

...Он продан!..

ХУДОЖНИК

Как — продан! Кем?

АНЯ

Господь не уследил.

ХУДОЖНИК

Кто? Кто посмел?

АНЯ

Явился господин
И предъявил счета на полотно...
Когда ушел, исчезло и оно.

ХУДОЖНИК

...Кому же сказано: не укради?..

АНЯ

Но женщину делец вознаградил
За то, что продала картину, щедро.

ХУДОЖНИК

Что с женщиною?

АНЯ

Что? Она исчезла.
И это, может, большая загадка.

ХУДОЖНИК

Как это унизительно... Как гадко...
Как это подло все...

(взрываясь)

Так мне и надо!
Вы — не дождинка!.. Нет! Вы — капля яда!
...Я знаю, что я гневаться не вправе...
Но вами не спасен я!.. Я отравлен!
Мой добрый ангел и мой страшный вестник,
Не Го́спода… Вы — дьявола наместник!
Зачем вы здесь, зачем? Что вам угодно?
Героя ждали?.. Встретили урода,
Забившегося умирать в нору...
Вы морщитесь? О, вам не по нутру
Мои слова?.. Но я скрывать не волен:
Я б жил, но я неизлечимо болен.
А вы прекрасны… Кончено сраженье.

(с подрамником в руках)

...Но вы — туман... Мое воображенье.
Милее вас нет никого на свете.
Жизнь прожита. К чему соблазны эти,
Которых мне не победить вовек.
Исчезните!

Разбивает подрамник о пол.
Аня не исчезает.

АНЯ

Наивный человек!
Любовь неистребима!

ХУДОЖНИК

Бред… Все бред…
Вы кто? Свеча горящая иль свет
Неуловимый?

АНЯ

(открывя окно)

Я впущу к вам лето.
Жизнь продолжается.

ХУДОЖНИК

Но так ли это?

АНЯ

Из полных ведер ивы поутру
Расплескивают воду на ветру,
Оставив в небе радуг коромысла…

ХУДОЖНИК

И мы вот-вот постигнем тайну смысла
Земли и неба, речки и огня?
Но это все уже не для не меня!
Все потеряло цвет, что было свято.
Все умерло.

АНЯ

Но сердце не распято.

Жизнь без любви бесцветна и пуста.
Придет любовь и возвратит Христа.

Анна Григорьевна останавливает игру.

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Постойте!.. Вижу, вы увлечены,
Но я прерву вас!

ДОСТОЕВСКИЙ
(выходя из игры)
Вы огорчены?
Я не хотел...

АННА ГРИГОРЬЕВНА
(прерывая)
Огорчена. Не скрою.
Обидели вы вашего героя.
Зачем же так? Задумайтесь на миг:
Он ваших лет, но он у вас старик!
Он хмур, он подозрителен...

ДОСТОЕВСКИЙ
(раздражаясь)
Двуличен!..
Бездарен!.. Да он вам несимпатичен,
Я вижу!
(Берет себя в руки.)
А вы правы , между прочим...
Он негодяй...

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Он симпатичен. Очень!
Но одинок... Ему бы опереться
На доброе и любящее сердце,
Такое ж, как его.

ДОСТОЕВСКИЙ
...В том и вопрос...

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Он столько испытаний перенес.
Вокруг него бесовский легион.
Другой ожесточился бы, а он
Людей не обвиняет, он их любит...
И, даст Господь, он счастье не пригубит,
А выпьет полной чашей!..

ДОСТОЕВСКИЙ
(сдаваясь)
Я согласен...
Он добр, отзывчив...

АННА ГРИГОРЬЕВНА
Он у вас прекрасен.
И, верьте мне, он должен быть счастливым.
Не будьте же к нему несправедливы.

Он ищет теплоты, а не наград.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я рад, что вы так поняли... Я рад.

Достоевский надевает блузу Художника.

ХУДОЖНИК

Сомкни свои небесные уста…
Я побежден. Иду искать Христа!

Затемнение.

ПАУК

Пауковский в костюме, который на фоне стены
делает его почти незаметным.
Появляется **Художник**.

ХУДОЖНИК

Что за напасти? Никого в округе...
Хозяев нет, и затаились слуги.
Нет листьев на кустах, а только сучья
Торчат... как будто логово паучье.
Ведьм заведенье и чертей приют.
В таких хоромах люди не живут.
Хорошенькое место для свиданий!..
Дом без истории и без преданий,
Без памяти... Дух добрый дом покинул
Давно, похоже... А быть может, сгинул,
Как сгину я, что здесь немудрено,
В тенетах этих так заведено...
Какой же смысл нам за копейку биться,
Свет удивляя, и вот так таиться?!.
Глядеть без страха дьяволу в лицо
И побояться выйти на крыльцо,
Чтоб встретить гостя... Так замок повесь,
Чтоб не тревожили тебя!..

ПАУКОВСКИЙ

Я здесь.
Садитесь, друг мой...

Пауковский отделяется от стены
и становится различимым.

ХУДОЖНИК

Я вас не заметил.
(пораженный его необычным видом)
О, Боже! Кто вы?

ПАУКОВСКИЙ

Я — священный ветер
Убийственный. Но, слава небесам,
Губя других, не погибаю сам.
Вот так, художник...

ХУДОЖНИК

Вы меня узнали?

ПАУКОВСКИЙ

Узнал? Хи-хи!.. Да я любуюсь вами.
Паук, я поджидаю вас давно.

ХУДОЖНИК

Чтоб выпить кровь?

ПАУКОВСКИЙ

Другого не дано.
Хи-хи... Но вы явились неспроста.
Вам что-то надо?

ХУДОЖНИК

Я ищу Христа.

ПАУКОВСКИЙ

Христа?.. Хи-хи... Христа все нынче ищут.
Все голодны... Но не духовной пищей
Спасется человек. И все святыни
Не стоят пряника.

ХУДОЖНИК

Я о картине.
Не будем спорить: что добро, что зло.
Верните мне мое.

ПАУКОВСКИЙ

Вам повезло!
Вы вовремя... Ведь все решает день и...
И случай!.. Мне нужны сегодня деньги.
Жара — нет спасу... Да-с... Я между дел
Одну речонку нынче приглядел.
Не жалуюсь я на мои доходы,
Но там же пристани, там пароходы...

ХУДОЖНИК

(растерянно)

Но я без денег.

ПАУКОВСКИЙ

Я б поверил долгу...
Вот незадача... Покупаю Волгу.
Да-с, речку!

ХУДОЖНИК

Вы безумец или лжете?

ПАУКОВСКИЙ

О, нет!..

ХУДОЖНИК

И вам не страшно?

ПАУКОВСКИЙ

Нет!.. Напротив!..

ХУДОЖНИК

Но вы так продадите мать родную!

ПАУКОВСКИЙ

Но разве я единственный торгую?
«Все есть товар!» — так молвил древний грек.

ХУДОЖНИК

Но я-то...

ПАУКОВСКИЙ

(прерывая)

Вы — отсталый человек!
Талант — ваш брат, но мудрость — не сестра.
Все начиналось со времен Петра,
Его реформ!

ХУДОЖНИК

Все так... Все может статься...
Продать страну и на Петра сослаться!

ПАУКОВСКИЙ

Вам хорошо глядеть со стороны.
Мы, извините, с вами не равны!..

ХУДОЖНИК

Но не в богатстве равенство, а в слове!
Мы не Европа. Не вражда сословий
Нас поведет вперед, а, не скудея,
Всех примиряя, русская идея!

ПАУКОВСКИЙ

(ехидно)

Давно хотел я с этим разобраться...
И в чем она?

ХУДОЖНИК

В чем? Во вселенском братстве!

ПАУКОВСКИЙ

Хи-хи!..

ХУДОЖНИК

...Я слышу ваш бесовский ропот.
Русь обновленная, а не Европа,
Так ловко нас ведущая в тупик,
Вновь явит миру Богоносный Лик.
Но вы... вы скоро скупите полмира!..

ПАУКОВСКИЙ

Нет. Моря не куплю. Там очень сыро.

ХУДОЖНИК

Да, Петр Великий нас развел с народом.
И мы идем водой, не зная брода,
На крик бесовский головы горячей...

Пути известны нам, да мы незрячи.
Винить Петра?.. Все доводы смешны,
Лишь потому, что сами мы грешны,
Иконами становятся банкноты —
Вот бездна!

ПАУКОВСКИЙ

Ох, уж эти патриоты!
Любой готов изобразить судью.

ХУДОЖНИК

Кто возлюбил попа, кто — попадью.
Свое прекрасно, да милей чужое!

ПАУКОВСКИЙ

(зверея)

Пытаетесь схватить нас за живое?
Не выйдет!.. Мы тебе не воронье.
Мы платим прежде, чем сказать «мое»!

ХУДОЖНИК

Вы платите?.. Не велика отвага!
Все ваши ассигнации — бумага
Бездушная.

ПАУКОВСКИЙ

(с ехидцей)

А это, брат, нажим!..

ХУДОЖНИК

Но я сюда пришел не за чужим,
А только взять свое.

ПАУКОВСКИЙ

Один моментик!..
Вот полотно... А вот и документик!
(Показывает бумаги.)
Все честь по чести. Никогда не метил
Я в те мошенники... Есть и свидетель,
Коль вам угодно... Да-с, я чту законы.
(Зовет.)
Войдите, женщина!

Появляется богато одетая женщина. Это **Мария.**

Да, вы знакомы,
Мне помнится... Да, да!..

ХУДОЖНИК

Мария? Маша?
Она... Она — свидетельница ваша?

ПАУКОВСКИЙ

Никто другой, бьюсь в этом об заклад!

ХУДОЖНИК

...Она жива!..

МАРИЯ

А ты, гляжу, не рад.
Хотя тебе впрямь лучше помолчать.
(о картине)
Свидетельствую: подпись и печать.
Все продано.

ХУДОЖНИК

Кровь холодеет в жилах...
Ты ко всему здесь руки приложила.

МАРИЯ

Вот именно!.. Все остальное — слухи!
Не отдавая сердце, только — руки...

ХУДОЖНИК

...Как ты легко об этом...

МАРИЯ

Эка птица!
Иль взревновал?.. Он мне в отцы годится!..

ХУДОЖНИК

Как сердце жжет... Тебе сладка отрава.
Судить тебя я не имею права,
Но Бог не дай, свет белый невзлюбя,
В минуту гнева мне проклясть тебя,
Ведь все мои проклятия смертельны!..
А ты нужна мне, ты… как крест нательный.
Нательный крест... Я никогда, Мария,
Не предавал...

МАРИЯ

(прерывая)
О чем ты?.. Да умри я —
Тебе же все равно!..

ХУДОЖНИК

Не надо молний...

МАРИЯ

Нательный крест?!. Ты поздно это вспомнил!..
Я есть, и нет меня.

ХУДОЖНИК

Уйдем отсюда!

МАРИЯ

Уйдем — куда? Что, у тебя есть ссуда
От Господа, и ты завел свой дом?..
Да ты опять не думаешь о том!..

ХУДОЖНИК

Но здесь погибель!
(О Пауковском.)
Он не царь. Он раб!

МАРИЯ

Так думают все те, кто сир и слаб,
А сильные, те думают иначе.

ПАУКОВСКИЙ

Ты пожалей его, а то заплачет.

ХУДОЖНИК

Уйдем со мною!..

МАРИЯ

(притворно)

Боже, как ты мил!..

Он пытается ее обнять. Она взрывается.

Да ты чего такое возомнил!..

ХУДОЖНИК

Но я люблю...

МАРИЯ

Ты… Каторжник!

ХУДОЖНИК

...Ну, что же:
Ты есть, и нет тебя — оно похоже.
Останься тенью, мир с ума сводя.
Я — каторжник, но тень мне не судья.

ПАУКОВСКИЙ

(с издевкой)

Он, видите ли, любит!.. Хи-хи-хи...
Начните нам еще читать стихи.
Нет на земле занятия ничтожней...
Любовь не Бог придумал, а художник!
Нет никакой любви, а есть природа:
Движенье звезд и продолженье рода.
И вам еще одуматься не поздно!..

ХУДОЖНИК

Но без любви не движутся и звезды!
Все в Женщине — мгновенья и века!..

ПАУКОВСКИЙ

Что женщина? Возьмите паука
И, не предавшись грешному пороку,
От туловища отделите ногу,
Как Бог ребро адамово... Так вот,
Все остальное вскоре прирастет.
И вся любовь! Без ваших слез и мук
Является еще один паук.
Все по подобию и образцу
На радость рогоносному творцу.
Два пола — это вечные враги.
Бог из ребра творил, мы — из ноги.
Вот подлинному творчеству порука:
Любовь мертва, но движется наука.

ХУДОЖНИК

А страсть души? Ее восторг?

ПАУКОВСКИЙ

Во-первых,
Они не стоят тех движений нервных,
Из-за которых, чтоб родился плод,
Возделывают этот огород.
А во-вторых...

ХУДОЖНИК

(прерывая)

Все это бессердечно!..
Есть красота — неведомое нечто
Для вас!

ПАУКОВСКИЙ

О нет, мы знаем ваше слово,
Мир ,дескать, станет красота Христова,
Но, извините, это невозможно.
Прекрасно в мире только то, что ложно.
А красота — не капитал, любезный.
Рисуйте то, что зримо и полезно,
Реальненько, как тещины блины!..
Нам то на стол подай, что любим мы.

(Интимно.)

Ты видишь, сколько пауков вокруг?

ХУДОЖНИК

Еще бы!

ПАУКОВСКИЙ

Но не замечаешь мух!
Взгляни на крыльев сизые отливы...
А их глаза — букеты черных лилий...
А как не видеть их осиных талий...

ХУДОЖНИК

Но вы ж едите их!..

ПАУКОВСКИЙ

Чтоб не летали!..

ХУДОЖНИК

Что это — сон? Иль изменил мне слух?

ПАУКОВСКИЙ

(поучительно)

Хотите жить, как я, — рисуйте мух.
И выкупите своего Христа.
Вот так вот... Арифметика проста.

ХУДОЖНИК

Но я его не продавал!

ПАУКОВСКИЙ

Пустое.
Тогда и говорить о том не стоит.

ХУДОЖНИК

Но я пришел за ним!

ПАУКОВСКИЙ

Да вы безумец!

Стучите в дверь!.. Людей ведите с улиц,
И вам — глухому — объяснит немой,
Что ваш Спаситель — вечный пленник мой.
Доколе воду в ступе нам толочь?
Вы мух пугаете. Идите прочь!..

ХУДОЖНИК

(Марии)

Ты здесь останешься?

МАРИЯ

Не обессудь.

ХУДОЖНИК

Позвольте на него хотя б взглянуть.

ПАУКОВСКИЙ

И вы уйдете?

ХУДОЖНИК

Да. Не сомневайтесь.

ПАУКОВСКИЙ

Ловлю на слове.

(Разворачивает картину.)

Что же, наслаждайтесь!
Но помните, что это мой Христос.

(Увидел, что холст чист.)

О, Господи, что это?

ХУДОЖНИК

Чистый холст.

ПАУКОВСКИЙ

Как — чистый холст?

МАРИЯ

(Пауковскому)

Тебе нехорошо?

ПАУКОВСКИЙ

(протирая глаза)

Но это невозможно...

ХУДОЖНИК

Он ушел.

ПАУКОВСКИЙ

Как так — ушел?! Иль вы с ним — заодно?

ХУДОЖНИК

Он вам оставил ваше полотно.

ПАУКОВСКИЙ

Ну, извините, братец!.. Я не псих!..

(Заглядывая за картину.)

Да где же он?

ХУДОЖНИК

(указывая на пол)

Вот след от ног босых.

ПАУКОВСКИЙ

Вернуть его!..

Мария убегает.

Ваш фокус недурен.
Но смилуйтесь, я снова разорён.
О, Господи! Зачем я не рисую...

ХУДОЖНИК

Не поминайте имя Бога всуе.

ПАУКОВСКИЙ

Не всуе... нет!.. Мы поразим врага!..

ХУДОЖНИК

А почему тогда у вас рога?

ПАУКОВСКИЙ

...Таким родился я...

ХУДОЖНИК

Рога и хвост.

ПАУКОВСКИЙ

(взрываясь)

Да мне... мне ненавистен ваш Христос,
И я всегда... в нем видел антипода!..
Но чист мой холст... Да здравствует свобода!..
Ушел? Хи-хи... И скатертью дорога!
Ведь я-то знаю, если нету Бога,
Мне все позволено!.. Эх, бес в ребро!..
И зло мое все назовут — добро!
И в этом суть сама, а не витийство!..
Да-с, ни разбой отныне, ни убийство,
Ни ваша обвинительная повесть —
Ничто мою не потревожит совесть!..

Художник покачнулся.

Я не гоню вас... Нет!.. Чаек попейте.
Я понимаю вас... Вы без копейки,
Без связей... Да-с!.. Увы, мой гость нечастый,
Не ищут правду так!..

Художник теряет сознание. Опускается на пол.
Доносится звон колоколов, преобразующийся
в тонкий детский голосок.

ГОЛОС

Ах, ты несчастный!
Мир полон тьмы... В том не твоя вина.
Возьми копеечку!.. Ну, что ты? На!
На, Христа ради, дяденька...

Детский голос заглушается
«неземными» звуками.

ДАР БОЖИЙ

Тот же чердак.
Художник лежит на диване, медленно приходя в сознание.
Аня поддерживает ему голову.

АНЯ
Что было с ним, не выразить словами …

Художник пытается приподняться.

...Ах, успокойтесь. Здесь я. Рядом с вами.
И, если даже скоро суждено
Нам порознь быть, то небо-то — одно!
Но, может, я обречена заране

Стать малою свечой в огромном храме,
Где светом вечным купола налиты, —
Я стану ей, и пусть мои молитвы
Не растворятся средь людской молвы.
Пусть я умру, живите только вы.
Вам годы ваши и болезни в тягость —
Подумать страшно, но мне это — в радость.
Да, в радость! Опаленная зарей,
Как птица, я взлетаю над землей,
И кажутся мне высохшие реки
Морщинками на милом человеке.
Что вечность для любви? Она — не возраст.
А камнем оземь никогда не поздно.
Но не сводить нам с этой жизнью счеты,
Покуда крылья держат …

ХУДОЖНИК

Голос, кто ты?

АНЯ

Я — Аня.

ХУДОЖНИК

Аня...

АНЯ

Вот моя рука...
Что вас тревожит?

ХУДОЖНИК

Царство паука.
Он выпил кровь мою.

АНЯ

Но это — сон
Кошмарный!

ХУДОЖНИК

Нет. Я в жизни с ним знаком.
Он все здесь перемелет на муку.

АНЯ

Но я... я не отдам вас пауку!..

Художник с трудом поднимается.

ХУДОЖНИК

Вы думаете, это просто?

АНЯ

Нет.

ХУДОЖНИК

Они живут здесь миллионы лет
Лишь потому, что к жертвам бедным глухи.

АНЯ

Но разве мы доверчивей, чем мухи?

ХУДОЖНИК

Да, к сожалению.

АНЯ

А вы — дитя,
Какое вы дитя!..

ХУДОЖНИК

Нет!.. И шутя
Не говорите так. Неправда это —
Я стар, как мир.

АНЯ

Скажите, эта мета
У вас на лбу… откуда?

ХУДОЖНИК

След нагайки.
Но я друзьям рассказываю байки,
Что это — рысь или — копытом леший.

АНЯ

Зачем вам лгать?

ХУДОЖНИК

А так вопросов меньше.

АНЯ

(отстранясь от него)
Простите, что, не ведая о том,
Я вам напомнила про мертвый дом...
Ведь я хотела возле вас согреться...

ХУДОЖНИК

О, Господи... Да что ж так бьется сердце?
...Зашевелилась древняя скала...
Послушайте.

Аня прикладывает голову к его груди.

АНЯ

Звонят колокола!..

ХУДОЖНИК

Сейчас пройдет... Немного постоим,
А то взорвется!..

АНЯ

Да... Но что с моим?
Оно бежать готово из хором
За вашим.

Художник обнял **Аню**.

Слышите?

ХУДОЖНИК

Весенний гром!..
И разуму стихия не подвластна!..
...Как счастлив я!..

АНЯ

За что я так несчастна?..

ХУДОЖНИК

Прости, Всевышний, эти всплески страсти...

АНЯ

Я счастлива!.. За что?

ХУДОЖНИК

Как я несчастен:
За существо, любимое до дрожи,
Ответственности не возьму.

АНЯ

Я тоже.
И это все, все не имеет смысла.

ХУДОЖНИК

…Как сладко пьем и как трезвеем быстро.

АНЯ

О чем вы?

ХУДОЖНИК

От купели до причастья
Не ищем мы, а все бежим от счастья.
И почему нам доставляет сладость
Гнать от себя назойливую радость?
Но, видно, так ведется на Руси:
Кто мертвым был, тот станет полон сил,
Лишь стоит выпить благостной росы
Нам выпавшей любви... Иль мы часы
Песочные небесного огня
И сила Господа вошла в меня?!.

АНЯ

Все в мире воедино сплетено.
Разворачивает стоящий
на мольберте подрамник.
Работайте!.. Вот ваше полотно!..

ХУДОЖНИК

(Берет палитру.)

Работать?.. Я об этом и не мыслил.
Подходит к полотну. На полотне — **Христос.**
Но что это?.. Оно же было чистым.
Я не коснулся кистью даже поля...

АНЯ

Но вы работали, себя не помня.

ХУДОЖНИК

Но я же этого создать не мог!

АНЯ

Вы все могли.

ХУДОЖНИК

Но я не Бог.

АНЯ

Вы — Бог.

ХУДОЖНИК

Поверьте мне... Ведь я намного старше:
Здесь моего нет ничего. Все — ваше.
Бессонницы... Молитвы на краю
Отчаянья... Ведь я люблю... люблю
И руки ваши, и глаза, и губы...

Анна Григорьевна останавливает игру.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(не выдержав)

Стоп!.. Извините, может, это грубо...
Не думайте, что я, вас прерывая,
Впадаю в ревность... Эта.. ваша Аня...
Я что-то не могу поймать зерна...
Она красива?

ДОСТОЕВСКИЙ

Очень недурна.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

И в нищем доме недурным крыльцо
Бывает.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я люблю ее лицо.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Она добра... И мудрость в каждой фразе.
Но, смилуйтесь, она такая разве?
Прошу прощенья, это... все вранье!..

ДОСТОЕВСКИЙ

Поверьте мне, я изучил ее.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

В потемках солнцем станет и свеча!

ДОСТОЕВСКИЙ

Художник много раз ее встречал,
Благословляя это наважденье,
И с каждым разом крепло убежденье,
Что будет счастлив он!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

И только с нею!

ДОСТОЕВСКИЙ

Вот именно...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

...Я возразить не смею.
Однако...

ДОСТОЕВСКИЙ

Вот!.. Вы тоже осторожны!..
Все это представлялось невозможным.

Что мог он дать, он бедный и больной,
Живущий живописью лишь одной,
Не видящий просвета в жизни этой?..
Скажите: брак не будет страшной жертвой
Со стороны здоровой, сильной, юной
Той девушки?.. И этот шаг безумный,
Когда она пожертвовала стольким,
Не станет ли раскаянием горьким?
И, вообще, возможно ли все это:
Созданье чистое... Мечта поэта
И старый человек, удел острожный
Познавший?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Почему же невозможно?
Случается такое, и нередко…
Ведь если Аня ваша не кокетка,
Податлива, как шелковая нить,
Так почему же ей не полюбить?
Конечно, лишь Господь над ними волен.
Но что с того, что беден он и болен?
И неужели, принимая царство
Любви, мы смотрим только на богатство,
Не на поступки, а — пустые жесты?..
И в этом, верьте, никакой нет жертвы.
Друзья смирятся. Небо не осудит.
А если и сама она так любит,
Так любит, что вот-вот сойдет с ума,
Тогда счастливой станет и сама.
И счастье это будет бесконечно!..

ДОСТОЕВСКИЙ

И вы... серьезно верите...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Конечно!
Любовь всегда приносит в сердце смуту...

ДОСТОЕВСКИЙ

Тогда себя поставьте на минуту
На место девушки... И не шутя
Представьте, что художник этот — я...
Что это я признался вам в любви,
Которую мучительно таил...
И я просил... вас стать моей женой...
Что вы ответили бы?

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Боже мой!..
Я бы ответила: я вас люблю.
И, если нужен парус кораблю,
Надежный парус до последних дней,
Я стану им...

ДОСТОЕВСКИЙ

...Я сомневался в ней...
Ты любишь... Ты...

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Нет ничего дороже.
Ведь Фёдор переводится — **дар божий**,
Вы — Фёдор!.. Дождь, упавший на поля.
И вас отвергнуть — воля не моя!..
Но я не ангел!.. И вы это знайте.

ДОСТОЕВСКИЙ

Теперь известно мне, где тот брильянтик.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Вы сон припомнили?

ДОСТОЕВСКИЙ

Совсем не сон!
В тебе его нашел я... Это он!
И сохраню его навек.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Постой!
Я не брильянтик. Камешек простой.
И ты ошибся!

ДОСТОЕВСКИЙ

Небом возведен
Я на престол Любви и убежден:
На этот раз нет никакой ошибки.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Я не брильянтик... Нет!

ДОСТОЕВСКИЙ

Ты слышишь — скрипки?!
И эти неземные голоса.
Земля ушла. Разверзлись небеса.
Мы музыкою мир разбудим спящий!..
(Кричит в окно.)
Чего замолк? А ну, играй, Шарманщик!
Играй!.. И мы найдем под небом место,
Мы, голоса великого оркестра,
Оркестра, что поставлен на крови
Его вселенской веры и Любви!

АННА ГРИГОРЬЕВНА

...Я думаю, роман не так уж плох!..

ДОСТОЕВСКИЙ

Прости, что я застал тебя врасплох
И вынудил согласие... А впрочем
В романе сомневался я не очень.
И вижу, что он лучший изо всех
Написанных... Ведь он имел успех
Немедленно!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА

(тоном хозяйки)

Мы все перевернули:
Подрамники, картины, кресла, стулья...
Не дай Господь, сюда придет Федосья.
Она задаст нам!..

ДОСТОЕВСКИЙ

(с улыбкой)

Вот и началося...
Прощай, моя святая тишина!..

Входит **Федосья**.

АННА ГРИГОРЬЕВНА

Попались, дорогой!.. Вот и она!..

Прячутся.

ФЕДОСЬЯ

Нет!.. В этот дом я больше ни ногой!..
Как будто глаз приставили другой...
Вот что творится, если люди вместе!..

(Берет мундир Достоевского.)

Да что с них взять?.. Не замарал бы чести!
И то спасибо — бережет мундир.
Нам неизвестно, что там впереди.

(Вертит стул, вытирая его тряпкой.)

Вот вроде б стул... А приглядеться — лошадь.
И комната — не комната, а площадь
Мощеная... Такие вот дела!..
И паутина, словно удила...
Похоже, барин вправду, не шутил...

(стулу)

Да ты чего?!. Башкой-то не крути!
Овса объелся или застоялся?

Бросила тряпку. Садится в кресло,

поставив впереди кресла стул.
А ну, пошел!..
Вези, коли нанялся!..
Ужо тебя я, жареный карась!..

Анна Григорьевна и **Достоевский**
выходят из укрытия.

ДОСТОЕВСКИЙ

Федосья! И куда ж ты собралась?

ФЕДОСЬЯ

Ух!.. Напугали лешие до смерти...
Да, говорят, венчанье будет в церкви.
Наш муравей взял в жены стрекозу...
Ой, чтой-то ветром вышибло слезу…

Достоевский и **Анна Григорьевна**
растерянно смотрят на нее.

... Да, ладно уж... Садитесь, подвезу!..

Садятся в «сани».
Доносится нарастающий звон колокольчиков
конной тройки.
Одна за другой вспыхивают свечи,
образуя своды храма.
Звон колокольчиков переходит
в звон церковных колоколов
с хоровым пением.

ИМЕНА

Семь венков сонетов

Не бойтесь совершенства – оно вам не грозит.
Сальвадор Дали

ВЕНОК ПЕВЫЙ

1

Как боги любим, а живем, как люди,
От сих до сих, от пят и до чела...
Но, если солнцем ты увлечена,
Кто за измену Женщину осудит?

Но нет, не дремлют мировые судьи,
Вершится суд. И вот — отсечена
Ты от меня. Не наша в том вина.
Мы только жертвы дьявольских орудий.

В руках моих есть золотая нить.
Скажи,— я все могу переменить:
Спасти Помпею, возвратить руно,

Вновь пирамиды возвести в пустыне...
Но ты молчишь, ведь ты жила доныне,
Имея то, что нам судьбой дано.

2

Имея то, что нам судьбой дано,
Не знаем: много это или мало.
И мы транжирим чувства, как попало.
Точнее, тратим, как заведено.

Но в жизни есть мгновение одно —
Прозрения великого начало.
Оно испито гениями, но
До нас о нем вселенная не знала.

Уста твои пылают, как герань,
Но ты ступить боишься через грань.
Кто не живет в любви, живет во блуде.

Как два огня волшебных в царстве тьмы,
Мерцают чаши полные, а мы
О трезвости с тобой рядим да судим.

3

О трезвости с тобой рядим да судим.
Непререкаем наш авторитет,
Как будто с Истиною “тет-а-тет”
Мы были раньше и во век пребудем.

Но усомнись... Тебя же не убудет.
В сомнении есть правильный ответ,
Которого и в аксиоме нет.
А Истина в такой зарыта груде

Веков и заблуждений, что ее-то
Не раскопать. Да и кому охота
Слыть мудрецом и дурнем заодно?

И сомневаться в чем-то не резон нам.
Забвенья ищем там, за горизонтом,
А рядом зреет терпкое вино.

4

А рядом зреет терпкое вино.
Вино Любви и нового Познанья.
Оно кипит... Полвека ожиданья
С лихвою мне теперь возмещено.

Как чувство это поздно мне дано!
Отдал я душу бесу на закланье.
Она в плену, и эти заклинанья
Не выручат ее. Исключено.

Ведем беседу мы с тобой нестройно,
И в мире стало тихо и покойно.
Волною теплой плещет свет в окно.

И мысль моя на крыльях воспарила.
И я иду по берегу залива...
Пригубить мне его не суждено.

5

Пригубить мне его не суждено.
Я позабыл за суетой мирскою,
Что жажду утолить волной морскою
Возможно лишь со смертью заодно.

Чего ж я медлю?.. Время сочтено.
Так растворись и стань молвой людскою.
Все прошлое, как бурей сметено,
А будущего я уже не стою.

Твоя Любовь — бессмертья эликсир.
Но для чего тому, кто слаб и сир,
Венец царя?.. (Пропьет его иль сбудет.)

И для меня одна дорога — в ад.
Но, может, то не эликсир, а яд
Передо мной на золоченом блюде.

6

Передо мной на золоченом блюде
Чуть различимо, как змея в тени,
Мерцает Слово. Руку протяни —
Оно исчезнет, словно ржа в полуде.

Но я о нем мечтаю, как о чуде.
А кто-то поучает: — Не темни!
Не ищут песню в комарином гуде
И Божью искру в кознях Сатаны.

Но Слово я искал, не зная места,
И не нашел — все речи повсеместно.
Цепь рвется, коль подточено звено.

Есть в каждом Слове верность и измена.
Недаром же так скрытно и так смело,
Так вожделенно светится оно.

7

Так вожделенно светится оно,
С таким желаньем плотью стать и явью,
Что я, произнеся его, расплавлю
Весенний лед. И станет жизнь иной.

Но полдуши моей застеклено
Все тем же льдом... Я это Слово славлю
Вслед миллионам пишущих и знаю —
Произносить его запрещено.

То Слово в небо поднимает птиц.
Оно висит на кончиках ресниц,
Когда я с нежностью целую груди

Твои во сне... Да и сейчас — не страх,
А Слово это у тебя в глазах,
Как будто солнце прячется в сосуде.

8

Как будто солнце прячется в сосуде,
Вокруг меня Вселенский карнавал.
Под маскою я жизни не узнал,
А праздника другого мне не будет.

А Дирижер, как будто рыбу удит,
Нас дразнит палочкою... Он-то знал,
Сколь нужно сил, чтоб прозвучал финал,
Не тратя сердца в суете прелюдий.

Я не заметил жизни, без опаски
Идя с ней рядом, увлекая маски...
Но смолк оркестр, и Дирижер исчез.

И ничему уже не повториться.
— Ты думал, это маски?.. Это — лица! —
Я слышу с возмутившихся небес.

9

Я слышу с возмутившихся небес:
— К чему блуждать, когда ясна дорога,
Она тебе назначена от Бога
Пустынею, а ты нас тянешь в лес.

Да, ясен путь. Осталось так немного.
И я достойно бы пронес свой крест,
Когда бы, волею пустых словес,
Жизнь не разверзлась бездной от порога.

Без крыл любви не двинуться и с места.
— Спаси, моя крылатая невеста!..
Кого зову?! Я одинок, как перст.

— Ну, это, братец, ты сказал поспешно.
Взгляни на эту спелую черешню! —
Мне шепчет ангел или, может, бес.

10

Мне шепчет ангел или, может, бес:
— Ты знаешь горы, где туман дымится,
И слезы рос, агонию волчицы...
Нет для тебя в тайге запретных мест.

Как в молодости, оглянись окрест —
Ручей все так же на камнях резвится.
Охотнику ль в трех соснах заблудиться
С собакой и ружьем наперевес?

И память снова делает круги...
Пронизывает выстрел синь тайги
И носит эхо долгое, как ропот...

Я меток был и я не знал потерь.
И вот впервые познаю теперь:
Не все твое... Не все, что видит око.

11

Не все твое... Не все, что видит око.
Так в океане светится коралл,
Так в облаках копытом бьет марал,
И сокол в небе носится высоко.

В тебе одной все прелести Востока:
Зов демонов и ангелов хорал,
И потому Господь тебя избрал
Стать мукой дива и мечтой пророка.

Не знаю я, как поступили вы бы,
Что до меня — давно я сделал выбор.
И, если мне две чаши поднесут

И предо мною их поставят рядом,
Не с медом чашу выпью я, пусть с ядом, —
Но этот драгоценнейший сосуд.

12

Но этот драгоценнейший сосуд
Мир озарил таким пасхальным светом,
Что, видимое нищим и поэтам,
Всем различимо стало в пять минут.

Поймут ли нас с тобой иль не поймут,
Не к милости готовься, а к наветам.
Ведь в зеркале души моей при этом
Нашла ты отраженье и приют.

Как сердце бьется радостно и споро.
Но каждый шаг его — шаг Командора,
То кредиторы мне счета несут.

Я расплачусь и я приму забвенье,
Но Истины великое мгновенье
Я выкраду, пойдя на Страшный суд.

13

Я выкраду, пойдя на Страшный суд
Зарю костра и ветра тихий шепот,
И трель ручья, и гроз весенних рокот,
И листьев мокрых спелую росу.

И это все тебе я принесу,
И ты поймешь, что крик травы — не нота,
Что Истина — не видимое что-то,
А пеночка, запевшая в лесу.

Все — маскарад. Все — тьмы и света сплав.
Под черной маской Жизни не признав,
Искать ее под белой — мало проку.

Она — в Любви!.. Но на расправы скор
Мне тянет длань железный Командор.
Пусть он решит, я ль поступил жестоко?

14

Пусть он решит: я ль поступил жестоко,
Оставшись после срока молодым,
Что заблудился средь моих седин
Его возлюбленной веселый локон.

Не соверши, мой Командор, беды,
Что на хвосте несет тебе сорока.
Любви не отличая от порока,
Не преврати цвет яблонь в горький дым.

Все крепче руку мне сжимает он...
Но, Командор, не ты, не Соломон —
Нас только Вечность мрачная рассудит.

Да мы уже осуждены за все
И вместе наказание несем, —
Как боги любим, а живем, как люди.

15

Как боги любим, а живем, как люди,
Имея то, что нам судьбой дано.
О трезвости с тобой рядим да судим,
А рядом зреет терпкое вино.

Пригубить мне его не суждено.
Передо мной на золоченом блюде
Так вожделенно светится оно,
Как будто солнце прячется в сосуде.

Я слышу с возмутившихся небес,
Мне шепчет Ангел или, может, бес:
— Не все твое... Не все, что видит око.

Но этот драгоценнейший сосуд
Я выкраду, пойдя на Страшный суд.
Пусть он решит: я ль поступил жестоко?!

ВЕНОК ВТОРОЙ

16

Меж нами сорок зим и сорок лет.
Над нами неба высь и Божья воля.
Ромашки заминировали поле...
Не наступи!.. Ведь в нем проходов нет.

Нас вечер в плен берет... И лишь рассвет
Освобождает от его неволи.
Но снова нам мечтать о ней до боли,
Забыв друзей, отбросив этикет.

Блестит ручей, как тонкий поясок,
Что ты вдруг уронила на песок.
И вот тебе не до ромашек вовсе.

Среди зеленых режущих осок
Ты звезды собираешь в туесок...
Тебе сегодня восемнадцать весен.

17

Тебе сегодня восемнадцать весен.
Вселенная Любви — твой новый дом.
Ты счастлива со мною... Но о том
Пусть не фанфары протрубят, а лоси.

Рассвет зарю в твои вплетает косы.
Дорога в горы врезана винтом.
И вот уже, хватая воздух ртом,
Вверх по ручью на смерть плывут лососи.

У них, как и у нас, один Судья.
И все-таки, от жизни уходя,
Мы в океан Любви монету бросим

И возвратимся в этот мир опять.
Но чтоб земля не повернула вспять,
У неба мы благоразумья просим.

18

У неба мы благоразумья просим,
Но все напрасно, — сколько ни проси.
Благоразумье скрыто в нас самих.
Оно таится, словно в лете осень.

Но помолчу!.. На перекрестке просек,
Где в длинных листьях прячется мой стих,
Вдруг замер ветер, и щегол затих,
И чудным светом засветились росы.

Торжественна, пуглива и нежна,
Ступаешь ты ко мне, обнажена,
Туман пуховый тянется, как плед.

И солнца шелк с небес летит, скользя...
— Остановись! — молю я. — Так нельзя!
Но не подвластен разуму сонет.

19

Но не подвластен разуму сонет.
От века у него свои законы.
Счастливый пленник, я попал в оковы
И вот иду за стражником след в след.

Но это шутка! Будь я не поэт,
Кого, скажите, красота не тронет?
Сотрутся рубежи, и рухнут троны, —
Любовью сохранится белый свет.

И мне сонет не стражник, а приятель.
Я не ищу на солнце темных пятен.
Я радугу благодарю за цвет...

И каждый поцелуй, что так приятен,
До хрипоты отсчитывает дятел.
До лет моих ему и дела нет.

20

До лет моих ему и дела нет.
Я жизнь прожил, а вот похвастать нечем.
Его послушать, так я вроде вечен.
Но я-то знаю, — это птичий бред.

Нам вечность не оставила примет.
Но будут сосны вспыхивать, как свечи.
И волосы твои сбегать на плечи,
И заслонять глазам парад планет.

И вечна (извините за строку)
Слеза, что катится по желобку
Твоих грудей, что в страсти вихрь разбросил...

И благодарность это и укор —
Передо мною твой молящий взор...
Он зелен круглый год, как иглы сосен.

21

Он зелен круглый год, как иглы сосен,
Пока Судьба не вдарит в топоры,
Взор этот будет возрождать миры,
И никогда Пастух овец не бросит.

Но на суде, на Страшном, он нас спросит
(Мы все безгрешны только до поры):
— Что есть Любовь — предчувствие игры
Иль боль, что нас на облака возносит?

Не знаю — счастье это иль беда.
Мы не найдем ответа никогда,—
В Себе Самом он слово это носит.

Но не молиться же сейчас кустам...
И вдруг пред нами возникает храм.
Он стар, как мир. Ему столетий восемь.

22

Он стар, как мир. Ему столетий восемь.
Тому, кто на иконе — тридцать три
Библейских года... Пыль веков сотри —
Грехи слетят и разобьются оземь.

Вот Он глядит на нас суров и грозен.
Но этот свет, летящий изнутри,
Нас исцелит. Любимая, смотри —
Мы спасены!.. И что нам до угрозы

Злых демонов, что здесь затаены.
Они победою упоены
Напрасно. Свыше совершен обет

Над нами Тем, кто нам пришел на помощь.
Уже давно на мир спустилась полночь,
А Он все льет на нас волшебный свет.

23

А Он все льет на нас волшебный свет.
И губы наши шепчут не молитвы,
И два дыханья воедино слиты,
И руки сплетены, как амулет.

И пеньем птиц, резвящимся в ответ,
А не росою листья всклень налиты.
И понял я, чем люди в мире сыты,
Что голова всему, увы, не хлеб.

Не так ли горделивая река
Бесстрастна и безропотна, пока
Она не встретит на пути порог.

Мы друг от друга страсти не таим,
Но то не нами, милая, а Им,
Им не допит любви священный рог.

24

Им не допит любви священный рог.
Он не спешит. Он здесь всегда и всюду,
Покуда бес не приведет Иуду.
А торопливость — не Его порок.

И я бы стал степенным, если б мог,
Но на земле я только миг пребуду.
И кто-то сдаст души моей посуду
В сырую землю, как наступит срок.

Прости, что я событья тороплю...
Пока есть ветер — мчаться кораблю —
С рожденья мной усвоенный урок.

А быть бессмертным не моя статья.
Я — человек. А в книге Бытия
Ему отпущено так мало строк.

25

Ему отпущено так мало строк.
И ничему уже не повториться.
И все таки, я мог не торопиться
Прервать полет... Но все мне, все не впрок.

Я снова молод, смел, как белый волк.
Любовь твоя, как неба омовенье.
Так вечностью стать может и мгновенье,
Когда оно бессмертия зарок.

Не для свершений чьих-то важных дел
Дается жизни краткий миг в удел.
Мы рождены друг друга позабавить,

Не отличая Истины от лжи...
Но что это со мной? Я жил, как жил.
И не убавить здесь и не прибавить.

26

И не убавить здесь и не прибавить.
И годы, словно крохи, не смести.
Но запретить мне вслух произнести —
Любимая — никто уже не в праве.

Ружье стреляет и не только в драме.
И красотою мира не спасти.
Но я хочу тебя произвести
В царицы мира, чтоб его исправить.

Но сколько счастье это будет длиться?
Здесь, в храме, надо Богу помолиться,
Но нам с тобою это невдомек.

Лишь на одну тебя сейчас молюсь я.
Спаситель наш на нас взирает с грустью.
Но всем влюбленным строгости не в прок.

27

Но всем влюбленным строгости не в прок.
Все с рук сойдет им, и за все простится.
Пока ты влюблена — ты даль и птица.
Покуда я влюблен, дотоль — пророк.

То одержим, как глухариный ток,
То холоден (а, может, только мнится),
То, как скала, то суетлив, как спица...
Я знаю, у всего один исток.

Поэзия — жестокая игра.
Ничто само не падает с пера.
За все, за все мы платим свой оброк.

Но, если несговорчивая осень
Железным градом все поля покосит,
Сонет мы можем заплести в венок.

28

Сонет мы можем заплести в венок.
Но что нам в этой копии бумажной,
Когда на поле тихо и отважно
В зарю Любви глядится сам цветок?

Как совершенен каждый лепесток!
Не трогай слов, — не сделаешь промашки.
Ты вносишь пресловутые ромашки, —
И вмиг по телу пробегает ток.

Наивный! Я считал, что я сильней
Самой Природы, состязаясь с ней.
Что движет миром: Муза или память?

Но во вселенском сумрачном углу
Венком сонетов воспалю я мглу,
Чтоб, увенчав тебя, Любовь восславить.

29

Чтоб, увенчав тебя, Любовь восславить,
Я вышел на звериную тропу...
И стоило горячую стопу
На этот путь нехоженый поставить,—

Я начинал уже вселенной править,
За хвост хватая дикую мечту...
И обгорали годы налету,
И на висках моих осталась наледь.

Поэт способен делать чудеса,
Лес превращая в храм. Храм — в небеса,
На чьем-то сердце оставляя след.

И вот теперь, у жизни на краю,
Я все б отдал за молодость твою.
Меж нами сорок зим и сорок лет.

30

Меж нами сорок зим и сорок лет.
Тебе сегодня восемнадцать весен.
У неба мы благоразумья просим,
Но не подвластен разуму сонет.

До лет моих ему и дела нет.
Он зелен круглый год, как иглы сосен.
Он стар, как мир. Ему столетий восемь,
А он все льет на нас волшебный свет.

Им не допит Любви священный рог.
Ему отпущено так мало строк,
И ни убавить здесь и ни прибавить.

Но всем влюбленным строгости не впрок.
Сонет мы можем заплести в венок
И, увенчав тебя, Любовь восславить.

ВЕНОК ТРЕТИЙ

31

Венок сонетов — свод жестоких правил,
Но суть их удивительно проста:
Читай росу с кленового листа,
Который пред тобой ладонь расправил.

С любимой рядом я молился в храме
И потому — не целовал креста...
Ее очки в серебряной оправе
Мне отразили светлый лик Христа.

Старушки били истово поклоны,
А я не отрывался от иконы,
Как будто в храме не было иных...

Вокруг Христа мелькали чьи-то тени,
И я ушел в мир благостных видений —
Для всех смешных, а для меня святых.

32

Для всех смешных, а для меня святых,
Я в жизни знал лишь несколько мгновений,
Когда живая бронза откровений
Была предтечей образов литых.

Когда душа, не зная суеты,
Из темноты предчувствий и сомнений
Вдруг восходила к свету песнопений,
И этим светом становилась ты.

И, обжигая пламенем свечи,
В меня входили рифмы, как мечи,
Пронзая тело. Правый иль неправый,

Но я — Овен. Он — жертвенности знак.
Спасибо небу, что случилось так, —
Мне не менять стихов на переправе.

33

Мне не менять стихов на переправе,
Не прятать слов за новые слова.
Что сделано, — не мне дано исправить.
Да надо ли?.. Любовь всегда права.

И станет сеном свежая трава,
Придет в забвенье все, что было в славе.
Ведь даже скалы превращают в гравий,
Раскручиваясь, власти жернова.

Молчанье для поэта — круги ада.
Я знаю, объяснять тебе не надо
То, почему вдруг голос мой затих.

Но не сдержать весною половодья.
И если нам натянут вновь поводья,
Рви удила, неукротимый стих!..

34

Рви удила, неукротимый стих!
Какой бы гладкой ни была дорога,
Нам никогда не доскакать до Бога.
Я в храме эту истину постиг.

Но есть Любовь. Во мраке дней пустых,
Что знаем мы с тобой, — не так уж много
Мгновений света... Ты меня прости,
Зачем же отвергать ее с порога?!

— Ах, если б десять лет тому назад, —
Ты говоришь и опускаешь взгляд,
Который, мне казалось, не лукавил,

И все же... Как нас выдают глаза!
Ты отрицала все, но я-то знал:
Я — царь Любви. Я властвовал и правил.

35

Я — царь Любви. Я властвовал и правил.
Я шел на ложе, как на Высший суд.
...Ты говорила мне, он не отравлен,
Твоей рукой наполненный сосуд.

Теперь меня от жизни не спасут
Все, хоронившие меня заране.
Отныне в сердце — в этой вечной ране —
Не яд смертельный, а Любовь найдут.

Любимая!.. Какие ж это травы,
Что я увидел подвиги и нравы
Земных богов, пришедших не из книг?

За что мне муки и восторги эти?
Я выпил твой настой. Я стал бессмертен.
И вот пришел расплаты горький миг.

36

И вот пришел расплаты горький миг,
И над столом, что расстелился степью,
Не пойманный расставленною сетью,
Я птицею распятою возник.

Тобой унижен и тобой велик
Лечу то над песками, то над крепью,
Прикованный невидимою цепью
К Тому, кто прячет в небе грозный Лик.

А где-то рядом вольный сын эфира
Парит вот так же от начала мира
Над всей землей меж полюсов седых.

Ах, господа!.. Вы начали хихикать.
Но смерть поэта — это тоже прихоть.
Прости, Всевышний, подданных моих.

37

Прости, Всевышний, поданных моих
За давностью событий и за далью,
Когда они оплачивали данью
Своих сердец мой каждый беглый штрих

На полотне времен... Чего достиг,
Все это — душ доверчивых страданья...
И, если есть великие созданья,
Ты знаешь, как я недостоин их.

В моей непредсказуемой судьбе
Я слишком много думал о себе
И красовался, словно на экране...

И потому, когда пришел мой срок
Раскаянно упасть у милых ног, —
Просить себе прощенья я не в праве.

38

Просить себе прощенья я не вправе.
Не потому ль дрожащею рукой
Все свечи ставил я “за упокой”
Моей любви, а надо бы “во здравье”.

Я не вникал в законы православья
И слез не лил над вещею строкой.
Я веровал над Лунною рекой,
Найдя ромашку в книге мирозданья!

И все же я Всевышнего молю:
Не оставляй любимую мою!
Не дай ей, Господи, моей юдоли —

Юродивым остаться на снегу...
Я и теперь ответить не могу:
Что знал я больше — радости иль боли?

39

Что знал я больше: радости иль боли,
Когда случайной волею судеб
Еще недавно на одном подворье
Делил с тобою Богом данный хлеб.

Любовь, как хлеб, не поделить на доли.
Но бес не спит. Он требует побед.
Он зажигает звезды, гасит свет...
Мы все — заложники. Мы все в неволе.

Когда б Мария выбрала из двух
Равноопасных — тело, а не Дух,
Кого бы принесла она в подоле?

И, ежели Иосиф ни при чем,
За что же я на это обречен?
Объятия твои — уступка воли.

40

Объятия твои — уступка воли.
Хмель поцелуев наших — горький мед.
Я молод был, и вот настал черед,
Когда меня страшнее только тролли.

Но если кто-то, как и я, прильнет
К твоей груди, не говори: — Доколе?..
Тебе, я вижу, — главное полет.
Орел крылат, но крылья и у моли.

Как я тобою был невольно ранен,
Когда к другим вот так же был приравнен,
Которым, верю, ты была нужна.

Ну что ж?! В любви нас покидает разум.
И этой болью я себе обязан —
Словам искусным, словно кружева.

41

Словам искусным, словно кружева,
Ты отвечала тем же. Но порою
Не замечали мы за той игрою,
Как становились вещими слова.

И поднималась к небу голова
От предвкушенья бега... И, не скрою,
Что тройка быстрая запряжена,
И я еще чего-нибудь да стою.

Пройдя сквозь взгляды близких, как сквозь строй,
Мы все ж игру оставили игрой,
Юнцам нетерпеливым в назиданье.

Ты знала, что боится волк огня,
И не хотела им обжечь меня,
Но помнишь Миг?.. Пусть он уже преданье.

42

Но помнишь Миг, пусть он уже преданье,
Когда по телу пробежал огонь,
И ты смиренно, как для подаянья,
Мне протянула теплую ладонь.

Твоя ирония — броня мадонн —
Слетела, как слетают одеянья...
О, Господи, прости мои деянья,
Царя любви, отвергшего свой трон.

Шесть дней творил Вселенную наш Бог,
А мне дано мгновенье... Что я мог?
Прости, что так уродливо созданье.

И, если я остался не у дел,
Жизнь после смерти — это мой удел,—
Одно на этом свете оправданье.

43

Одно на этом свете оправданье:
Поет на ветке неумолчный дрозд.
Напился меду, наклевался звезд
И ждет возлюбленную на свиданье.

Правдивых слов прямые попаданья
На сердце не оставили борозд,
Но мне сквозь песню слышатся рыданья
Его птенцов из разоренных гнезд.

И все-таки, мне губ твоих причастье
Неотвратимо, как удары Счастья.
Пусть нас осудит лживая молва.

Твоим глазам зеленым: — Аллилуйя!
Я их еще, надеюсь, поцелую.
Все царства пали, а Любовь жива.

44

Все царства пали, а Любовь жива.
Забравшись на священные руины,
— Как жить? — кричу я, — память сожжена.
Я все забыл о чем мечтал доныне!

Пройдут снега черемухи, и ржа
Свои земле устроит именины.
И ты забудешь о реке в долине,
В которой ты была отражена.

Налита чаша жизни. Пей до дна.
Но если, вдруг, останешься одна,
Иль, Бог не дай, окажешься в опале,

С врагом своим не затевай возни.
Сходи к отцу Никите иль возьми
Венок сонетов — свод жестоких правил.

45

Венок сонетов — свод жестоких правил
Для всех — смешных, а для меня — святых.
Мне не менять стихов на переправе.
Рви удила, неукротимый стих.

Я — царь Любви. Я властвовал и правил,
И вот пришел расплаты горький миг.
Прости, Всевышний, подданных моих.
Себе просить прощенья я не в праве.

Что знал я больше: радости иль боли?
Объятия твои — уступка воли
Словам искусным, словно кружева.

Но помнишь — Миг?.. Пусть он уже преданье,
Одно на этом свете оправданье:
Все царства пали, а Любовь жива!..

ВЕНОК ЧЕТВЁРТЫЙ

46

Крикливо сердце, но беззвучен рот,
А на душе холодная поземка.
Хочу, чтоб проросли слова, как зерна...
Наверно, так взлететь мечтает крот!

Я верую!.. Так значит прорастут
И выйдут в свет своим путем тернистым.
И ты войдешь по травам шелковистым
В наш дом, в котором радость и уют.

Я этот миг святой боготворю,
Но ничего тебе не говорю,—
Кто это так со мной жестоко шутит?!

Кто это?.. Кто?! Я к зеркалу приник,
И вижу — за стеклом стоит Двойник...
Туман души сгущается до жути.

47

Туман души сгущается до жути.
Блестящ и суетлив, как капля ртути,
Стоит Двойник и не переложить
Мне на него обязанности жить.
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
О чем я? Есть же в паспорте печать,
Но мы должны об этом замолчать,
Когда слова не выражают сути.

48

Когда слова не выражают сути,
Вселенная мне кажется иной,
И отдаюсь я трепетно минуте,
А рядом вечность плачет за спиной!

Она меня зовет на правый суд,
И не послужит то мне оправданьем,
Что вечность состояла из минут...
Как хлебом дорожу с тобой свиданьем!

Стань каждым мигом, вечностью моею,
И все свершу я в жизни!.. Все сумею!..
Не первый век любви, не первый год...

Мы так с тобою схожи и не схожи.
Строптивая судьба рвет в клочья вожжи.
Отчаянье нас в плен к себе берет.

49

Отчаянье нас в плен к себе берет
И поднимает на стальные пики
Так высоко, как будто бы в полет!..
И я уже не различаю лики

Оставшихся внизу, среди осин,
Без высоты моей, без страшной боли.
И кажется, вот-вот не хватит воли,
Я закричу: — Любимая, спаси!

Оно не даст мне для свободы мига,
Отчаянье, жестокое, как иго!
И не спасут теперь ни враг, ни друг.

Оно на теле оставляет знаки.
Оно давно готовилось к атаке.
Отчаянье, пришедшее не вдруг.

50

Отчаянье, пришедшее не вдруг,
Меня в свои заковывает латы.
Нелепого ведет меня на круг.
— Ты весел был, я требую расплаты!

Отчаянье мне предъявляет счет,
А у меня ни строчек, ни купонов...
— Художник на отчаянье растет! —
Говаривал нам Леонид Леонов.

Когда идешь перо наперевес,
И все редакции темны, как лес, —
Тебе любой откроет эту карту:

Отчайся! И откроются пути!..
... И все же на отчаянье расти
Врагу не пожелаю и ни брату!

51

Врагу не пожелаю и ни брату
Быть горькой правды правою рукой,
И вдохновенно с вырванной чекой
Носить по миру сердце, как гранату!

На собственном не выверенном вздохе
Однажды подрывается поэт.
Ему другой судьбы на свете нет.
Без этих взрывов красных мир оглохнет.
А миру жить, — и в это верю я!

Он на рассвете песней соловья
И не заметив, отпоет утрату...
И все ж иду, приемля бой и риск.

Смотрю вперед (не глянуть только б вниз)
Над пропастью по ржавому канату!

52

Над пропастью по ржавому канату
Иду один по миру, хоть кричи!..
(Случалось, пробегали циркачи:
Кто за идею только, кто — за плату.)

Любимая, меня не осуди —
Я не любитель острых ощущений.
Иного просто не было пути,
Как только этот — поперек ущелий!

Иду к тебе!.. Иду к тебе и верю,
Что ты моя Земля: волна и берег!
Лишь два рывка осталось мне... А вдруг

Ты — мой мираж!.. Надежда на бессмертье!..
И мне еще не годы, а столетья
Идти смеясь, скрывая свой испуг!

53

Идти смеясь, скрывая свой испуг,
И каждый день надеяться и верить,
И до тебя свои столетья мерить,
Сжигая мозг и напрягая слух.

И знать одно: что ты — мой вещий свет,
Что большего отчаянья мне нету,
Чем, обогнув не скалы, а планету,
Прийти к тебе, которой больше нет!

Которой нет?!. Но, звездный завсегдатай,
Я знаю: в этом небе навсегда ты!..
То рядом надо мной, то высоко

Светила ты — я в жизни был удачлив!
Слепой успех не требовал отдачи.
О, как я шел красиво и легко!..

54

О, как я шел красиво и легко!
Серебряными ножницами ленты
Я разрезал... И знал аплодисменты,
Но открывал не чудо, а окно!..

Что, мой Двойник зловещий, ты затих?..
Не ты над песней обливался кровью!..
Иль это все же ты, гонясь за новью,
Писал, взрывая сердце, каждый стих?!

Должно быть так заведено от века:
Нет Двойника, так нет и Человека.
Мир полон звезд и пуст, как решето!..

На муки нам дана полярность мнений.
И в каждом Человеке бродят: Гений,
Раскачиваясь праздно, и Никто!..

55

Раскачиваясь праздно, и Никто
И Гений мне давно осточертели!..
Когда б ни эти долгие качели,
Я бы с тобою был теперь... Но то,

Что здесь они, предполагает бой!..
Мне все невыносимей окруженье!..
И предстоит Великое сраженье, —
Покончить с ними, став самим собой!..

Что Гению бороться и страдать,
Жить, чувствовать и в муках умирать, —
Смерть продолжает жизнь, а не итожит!...

Вдруг победит Никто (ведь бой есть бой),
Любимая, хочу, чтоб глаз чужой
Не замечал в моих коленях дрожи!

56

Не замечал в моих коленях дрожи
Ни старец убеленный, ни пострел,
Когда меня крутили песен вожжи,
И соловьи водили на расстрел!

Когда ту песню — хрупкую крушину,
Ломали ветры белые, как мел.
Когда с краями каждую кувшинку
Я выпивал и намертво хмелел!..

Какая сила в звуке и значенье!..
Есть на Земле одно лишь отлученье,—
Когда душа той песни лишена!

Мне умирать от каждого колена.
Мне никогда не убежать из плена.
Достойный выкуп — жизнь, и лишь — она!

57

Достойный выкуп — жизнь!.. И лишь — она!
Я никогда об этом и не мыслил.
Но жизнь свою, как пуговицы, чистил, —
Не придерется строгий старшина!

Ее несу, как автор дневника,
Надеявшийся утвердиться в мире
Писаньем детским... Мне б освободиться
Душой, томящейся у Двойника!

Отдай мне душу! Не смотри так жарко!
Мне для свободы ничего не жалко:
Лиши рассудка!.. Хочешь сердце — на!

Все забери!.. Я человек достойный!..
И слышу Двойника ответ спокойный:
— Достойный — слишком малая цена!..

58

Достойный — слишком малая цена!
Для человека есть крупней купюры:
Доносчик сплетен, автор конъюнктуры,
А честь твоя, она, увы, смешна!

Зачем нам помышлять о высоте,
Когда душа у Двойника в закладе?..
Неси икону в золотом окладе!..
Теперь, дружище, времена не те!

Я никогда такого не приму.
Я честь и сердце предлагал ему,
Честнее были демоны и строже.

Нет общего меж нами языка.
Мы будем спорить годы и века.
Но что могу я предложить дороже?!

59

Но что могу я предложить дороже
Тебе, моя блистательная тень,
Чем искренность мою и новый день,
Когда опять вокруг одно и то же!

Смирись, Двойник (я и не знаю, кто ты?!),
На торг меня вселенский не зови!
Не продаю Любимой и Земли
Ни за какие выгоды и льготы!

Оставь меня! Конца не будет спору!
Захочешь, — мы вернемся к разговору,—
Вселенная вершит круговорот.

Спешу к любимой! Впереди дорога.
Как никогда сказать ей нужно много...
Крикливо сердце!.. Но беззвучен рот!..

60

Крикливо сердце, но беззвучен рот.
Туман души сгущается до жути.
Когда слова не выражают сути,
Отчаянье нас в плен к себе берет!

Отчаянье, пришедшее не вдруг...
Врагу не пожелаю и ни брату
Над пропастью по ржавому канату
Идти смеясь, скрывая свой испуг.

О, как я шел красиво и легко,
Раскачиваясь праздно... И никто
Не замечал в моих коленях дрожи.

Достойный выкуп — жизнь! И — лишь она!
Достойный?.. Слишком малая цена!
Но что могу я предложить дороже?!

ВЕНОК ПЯТЫЙ

61

Два существа под взорами вселенной,
Счастливых глаз от мира не тая,
Летели над землей благословенной —
И тайна, и разгадка бытия.

А позади был день обыкновенный,
Каких уже не мало прожил я.
Театр погас. Но в глубине меня
Еще смеялся твой паяц бессменный.

Ах, скорость! Захвати и исцели!
Сверши свое очередное чудо —
Сотри границы неба и земли.

Ты — Иисус наш новый и Иуда!..
В сто лошадей по полю приударь
В кристалле ночи чистой, как янтарь.

62

В кристалле ночи, чистой как янтарь,
Меняются картины, свет и краски,
И льются на поля из детской сказки
То золото Луны, то киноварь.

Законы жанра зная, как букварь,
Я начинаю драму без опаски.
Все звезды в сборе. Никакая хмарь
Не помешает солнечной развязке.

Я к ней спешу, как белка в колесе,
Движением на месте околдован.
Художник властен лишь над первым словом,

А дальше сам он зритель, как и все.
... Я удивляюсь каждой переменой.
Что это светит? Что звалось Селеной?

63

Что это светит? Что звалось Селеной?..
Нет!.. То наряды бывших героинь:
Корона Анны, крест святой Елены,
Лихой Кармен забытый георгин.

Марины Мнишек поясок бесценный...
Ах, эти роли — вечный героин!
Прости меня, я выбросил твой грим,
И оттого твой взгляд такой несмелый.

Собою стань, ведь мы с тобой вдвоем.
И не играй на естестве своем.
Оставь каменья Англии и Рима.

Ты так прекрасна, милая, без грима.
Естественна, как у огня лопарь
Иль горизонта золотой алтарь.

64

Иль горизонта золотой алтарь,
Иль тишина звенят на тонкой ноте
Тревоги странной... Словно на охоте —
Уж нет костра, а чувствуется гарь.

И голос мой, как птица на излете...
Есть у природы строгий календарь,
Когда токует по весне глухарь,
Хоть знает, что картечь уже в полете.

Нас двое. Но с тобой мы не одни.
Глядит Луна, как птица с обелиска.
На сцене — риск, а в жизни нету риска.

Жизнь — риск сама и сцене несродни.
Ах, если б не Любовь, как нож над веной.
Ты ль победительница? Я ли пленный?

65

Ты ль победительница?.. Я ли пленный,—
Нам не уйти из рокового круга:
Стать смелыми, не испытав испуга,
И — мудрыми, без юности надменной!

А если встать над этой жизнью бренной?!
Отдаться чувству и глазам друг друга,
Спасет ли это землю от недуга
С оглядкой жить — привычкой самой древней?

Бросаю вызов каменным векам,
Твоим глазам, улыбке и рукам!
Быть пленниками — то не наша доля.

Свобода — мы! Все прочее — неволя...
Но мир недвижен. Пламенеет марь...
Мы замурованы с тобой в январь.

66

Мы замурованы с тобой в январь.
Нам друг от друга никуда не деться.
Мы не уходим памятью из детства.
Лихое время, ты меня не старь!

Тяжелым камнем в нас любовь ударь,
Чтоб нам с тобой, как птицам, разлететься.
Есть от любви единственное средство —
Сама любовь — богов жестокий дар.

Они уж здесь — языческие боги.
Трубят в рога, торжественны и строги.
С ковшом медведицы летит корчмарь!

Но нам не надо ни вина, ни дома.
Дом золотой — пшеничная солома.
Нас освещает древний пономарь.

67

Нас освещает древний пономарь,
Следы зверей читая в белой книге,
Полей, одетых в ржавые вериги,
Воздев над миром голубой фонарь.

Любовью наказуемы интриги.
Палач живет в нас каждом и бунтарь.
Не слышен благовест. Уснул звонарь,
Как мышь, всю ночь скребущаяся в риге.

И крыльев я тебе не обещал.
Зачем они? Бескрылым в жизни легче.
Крылатые выклевывают печень

У жертв своих, как ворон завещал.
И светит им не пономарь, а гений
Лампадами космических селений.

68

Лампадами космических селений
Освещены событья всех эпох.
Я становлюсь всесильным... Это Бог
Дарует мне великий миг прозрений.

Шлем предо мною, а не серый стог...
Я — воин всех времен и поколений.
И женщина — источник вдохновений...
О, Господи, как я к себе не строг!

Раскаянье? Нет! Это оклик поздний
Забытого меня... Проходит лось,
И слышно, как скрипит земная ось...

И я растерянно гляжу на звезды,
Ты — будущее, иль мой старый след?..
Твои глаза вдруг озарил их свет.

69

Твои глаза вдруг озарил их свет!
Фантазия мне голову вскружила,
И я уже лечу неудержимо
В твои объятия, которых нет!..

Твое недоумение в ответ.
Ах, молодость, ты так опровержима:
В тебе родилась, а во мне отжила,
Все побеждая, суета сует.

Душа твоя в руках моих кричала,
Что нас с тобой природа обвенчала,
Что среди звезд был совершен обет...

Но мы стояли и себе дивились,
Как будто только в этот мир явились.
Ведь нам с тобой по миллиону лет.

70

Ведь нам с тобой по миллиону лет.
Мы так давно живем на этом свете.
На нас лежит любовь тысячелетий,
Куда мы с ней, я — ночь, а ты — рассвет?!

Литавры знали мы с тобой и плети.
Коран читали так же, как Завет.
Поверь, родная, это не навет —
За всех, любовь не знавших, мы в ответе!

Стоим с тобою посреди зимы
Трагического стылого столетья.
На твой призыв высокий не ответь я,

Что было б с нами?.. Да и были б мы?!
Снег укрывает нас горячим пледом.
Мы молоды... И не единым хлебом!

71

Мы молоды… И не единым хлебом,
А страстью, разрывающей нам грудь.
И мы ступаем в роковой наш путь
Так смело, будто нами он изведан.

Из века в век, не смея отдохнуть,
Так мы и ходим друг за другом следом,
Не встретившись за царственным обедом
Любви, опережавшей нас чуть-чуть!

Какой меня ты одарила данью,
Собой весь мир огромный полоня,
Когда сказала: — Поцелуй меня! —

Приказ и милость. Радость и страданье.
Два слова примиренья и борьбы.
Два крика. Две отчаянных мольбы.

72

Два крика. Две отчаянных мольбы.
Мгновение, — и навсегда мы вместе!..
Любовь порой сродни кровавой мести
Без поножовщины и без пальбы.

А мы твердим о доблести и чести...
Ах, как красиво, если б не следы
Копыт коней, встающих на дыбы
От поцелуев черных, словно крести.

Пусть боль, пусть радость, — мы благодарим
Судьбу за то, что выбросили грим,
Что, кажется, коснись лишь веком века,

И мы найдем разгадку Человека!..
Наивное желанье голытьбы...
Как жаждем мы с тобой одной судьбы!

73

Как жаждем мы с тобой одной судьбы!
Мы жить с тобой, любимая, устали,
Своей души не закрывая ставен
Для светоносной, но пустой гурьбы.

Он сдан давно, коль был, Любви экзамен...
Но отчего ни свадеб, ни гульбы?..
Где молодой косец в разгар косьбы
Сломал литовку о ничтожный камень?

Сказать, что струсил? Нет! Я жил, как мог.
Свидетели тому лишь ты да Бог.
Но Слова я не выдал на потребу!

И знаю, что пока жива земля,
К тебе одной стремиться буду я,
Хотя б на миг под этим вечным небом.

74

Хотя б на миг под этим вечным небом
Услышать глухарей весенний ток!
И в этом есть какой-то высший толк,
Жестокий толк, который мне неведом.

Не дрогнул окаянный Святополк,
Нож занося над неподкупным Глебом...
Братоубийцей никогда я не был,
Но скалит зубы мной убитый волк.

Нелепо говорить ему: — Прости!..
Пять дней назад он рыскал по степи,
Волчицу диким запахом пьяня.

А я забыл, что на земле нетленной
Сто тысяч раз страдали до меня
Два существа под взорами вселенной.

75

Два существа под взорами вселенной
В кристалле ночи чистой, как янтарь.
Что это светит? Что звалось Селеной?
Иль горизонта золотой алтарь?

Ты ль победительница? Я ли — пленный?
Мы оба замурованы в январь.
Нас освещает древний пономарь
Лампадами космических селений.

Твои глаза вдруг озарил их свет,
Ведь нам с тобой по миллиону лет.
Мы молоды. И не единым хлебом.

Два крика. Две отчаянных мольбы.
Как жаждем мы с тобой одной судьбы
Хотя б на миг под этим вечным небом.

ВЕНОК ШЕСТОЙ

76

Сонет доступен только мастерам,
А нам — частушки иль чего попроще,
Нам — соловьи банальные и рощи,
Ромашки и похмелье по утрам...

А если мы устали от зарниц ?
А если нам, крылатым, неба мало?
А если мы трезвы, как стая птиц?
И нам той высоты не доставало?!

Неведомы лишь Господа пути,
Мы ж знаем, как в историю войти,
На каждый век у нас свои пароли.

“Без страха и сомнения — вперед!
Работайте, а слава вас найдет!”—
Учили нас в литературной школе.

77

Учили нас в литературной школе,
А мы порой над мыслью не вольны.
И сердце, словно лодка на приколе,—
Ни бурь ему житейских, ни волны!

Теперь друзей, как говорят, не густо...
Ах, годы, годы — вешняя вода!
Забывчивость простительна тогда,
Когда она не подменяет чувства.

Как превратить слова пустые в крики?
Ни память не поможет нам, ни книги,
Еще не слово и не крик — ура!

Есть у искусства лишь одна основа,
И превратится звук в большое слово.
Но если кровью он течет с пера!..

78

Но если кровью он течет с пера,
То станет Чувством, станет светом вечным
Твой долгий взгляд, чужим и быстротечным
Мгновеньем показавшийся сперва.

Живым испепеляющим огнем,
Моим страданьем, ненавистью, страстью,
Стремленьем к Истине, порывом к счастью,—
Весь мир огромный отразится в нем.

Души тяжелый занавес закрыт.
Но кто-то там без устали твердит
Былой судьбы заученные роли...

Я не хочу!.. Мне нет пути назад!..
И светит мне моей любимой взгляд,
Освобождая от великой боли!

79

Освобождая от великой боли,
Пришли герои — “быть или не быть?”
Мне вместе с ними мыслить и любить.
И не ищу я в жизни большей доли.

Приветствую падения и выси
Ко мне пришедших из иных эпох.
Но отчего, скажи мне, ты ж мой Бог,
У них глаза твои, поступки, мысли!..

В искусстве есть невидимые грани.
Поэт бессилен, если он нормален,
Но грань прошел — и кончена игра!

Художник, не страшись того предела!
В своем стремленье Землю переделать
Как не рискнуть чуть дальше, чем вчера?!

80

Как не рискнуть... Чуть дальше, чем вчера,
Явился лебедь белый в поле чистом
И подарил нам два больших крыла,
Оставив их на травах серебристых.

Два на двоих. Нам мало по крылу.
Кому-то надо на земле остаться.
— Лети, любимый!.. Мне ли сомневаться?
Ты не взлетишь, — я все равно умру.

Что я тебе оставил, кроме ран?
Любой поэт, по существу, тиран.
В душе открытой есть свои заставы.

— Люби меня, — просил я об одном.
И полетел. И на небе седьмом
Вкусил я унижения и славы.

81

Вкусил я унижения и славы.
Поверь, что это было нелегко.
От униженья к славе далеко.
Я думал, годы ждут здесь переправы!

Какая ослепительная ложь!
Они близки до головокруженья.
Без униженья к славе не придешь.
Без славы не познаешь униженья.

Быть гордым иль пойти на компромисс?..
Взбираться вверх иль опускаться вниз?..
Не все ль равно?.. И может, люди правы,

Что я потерян для себя и всех...
Я знал улыбки лживые и смех,
Теперь они явились для расправы!

82

Теперь они явились для расправы,
Презрев пустую суетность мою.
И нет на них ни слова, ни управы,
Но я и сам себя за то виню!

Средь небылиц моих и всяких былей
Я часто путал милых имена,
Но лишь одну тебя назвал любимой,
Любимой пронесу сквозь времена!

Тебе спасибо, что все это свято.
Что ты меня любила больше брата.
Жду счастья, как удара топора!..

Сбежались люди, и сомкнулись фланги...
Но кто это стоит — палач иль ангел?..
И громогласно требует: — Пора!

83

И громогласно требует: — Пора!
Сойди в долину, где свежо и дико.
Надень ружье, возьми с собою Дика,
Здесь до зари стучат перепела!

Вновь тяжелы российские поля!
Не торопись палить в лису нулевкой,
А растворясь в природе дымкой легкой,
Вдруг ощути, что ты и есть Земля!..

И коль дано прожить мне много жизней,
Лишь этот край мне называть Отчизной!
Граница — в сердце!.. На земле — черта!..

С годами мы и опытней и строже,
Но ничего нет Родины дороже!
Душа моя, я знаю, не черства!

84

Душа моя, я знаю, не черства.
Ты отзовешься на любые крики.
И ты болишь, когда кричат безлико:
Пиши цветы, а Родину оставь!

Мне говорил, вперяя взгляд невинно,
Профессор (с позволения сказать!),
Что Родину любить теперь наивно,
Но он хотел бы все ж меня читать!..

Эх, критик!.. Землепашец без сохи!..
Хоть раз бы прочитать твои стихи,
Ведь ты о наших говоришь искусно!..

Что б значил ты без звонких причиндал?
Какую песню ты народу дал?
Я презираю праздное искусство!..

85

Я презираю праздное искусство.
Людей высоких, словно фейерверк.
И, задирая голову наверх,
Гляжу им в души — там темно и пусто!

Скребутся мыши по углам души,
Им кажется, что напевают музы.
Какие их соединяют узы
С неотвратимым и святым: — Пиши!

Как я устал от суетной игры
Седой литературной детворы,
Их правоты, дешевой как капуста!

Им проповедовать до немоты,
Марая белый лист до черноты
И стискивая голову до хруста!..

86

И, стискивая голову до хруста,
Я сам глядел на острый окаем
Хребтов Тувы и сопок Златоуста —
Искал я слово, схожее с огнем!..

Я думал, в слове все богатство века,
Что мы бессмертье в слове познаем,
А не хватало просто человека,
Явившегося в облике твоем!

Ты здесь со мною, и не знаю, где ты!..
Но мы с тобой друг другом обогреты,
Пусть ни реки меж нами, ни моста!..

Что есть борьба?.. Что — разума свеченье?..
Не отвечай!.. Ведь нет у слов значенья, —
Ищу не слово — жажду естества!

87

Ищу не слово — жажду естества.
Борьбы, Любви и Самоутвержденья!
Что без поступков наши убежденья?
Есть формула, но нету вещества!

В поступке — жизнь! И потому я снова
Твержу — критерий истины лишь он.
Смешон не тот, кого лишили слова,
А тот, который действия лишен!

Я ошибался много раз, но разве
Перо — не наказание, а праздник,
Когда душа, как белый лист, чиста?!.

В одном уверен, если я не струшу,
Коль пронесу непримиримой душу, —
Поэт тогда достигнет мастерства!

88

Поэт тогда достигнет мастерства,
Когда забудет все слова и строки,
Учителей и ласковых и строгих,
Своею песней зазвенит с листа!..

Когда, не помня вековых обид,
Весь мир простит, как следует поэтам,
Даст имена свои чужим предметам
И все народы враз усыновит!..

Берущиеся праздно за перо,
О, как обжечься можно об него!
Предостеречь вас должно, как ни грустно...

По дальним странам клонит вас к гульбе,
Но человек откроет мир в себе,
Когда постигнет в совершенстве Чувство!

89

Когда постигнет в совершенстве Чувство,
Он остановит времени разбег.
И каждый миг свой проживет, как век.
Есть Родина — так будет и искусство!

Я не устану всюду повторять
И называть своими именами
То, что веками выстрадано нами:
Отечество, Любимая и Мать!..

Проселками, ольхою, снегирями
Я пользовался, словно словарями.
Листал снега и доверял ветрам.

Еще не знаю, что мне скажут люди,
Но ловкий критик вновь меня осудит —
Сонет доступен только мастерам.

90

“Сонет доступен только мастерам”, —
Учили нас в литературной школе.
Но если кровью он течет с пера,
Освобождая от великой боли, —

Как не рискнуть! Чуть дальше, чем вчера,
Вкусил я унижения и славы,
Теперь они явились для расправы
И громогласно требуют: — Пора!

Душа моя, я знаю, не черства.
Я презираю праздное искусство.
И стискивая голову до хруста.

Ищу не слово — жажду естества.
Поэт тогда достигнет мастерства,
Когда постигнет в совершенстве Чувство!..

ВЕНОК СЕДЬМОЙ

91

Чем ближе к зрелости, тем ближе к Богу,—
Так думал я... И было так всегда
С тех пор, как в небе вспыхнула звезда,
Дарящая покой, а не тревогу.

Так почему нас тянет не туда,
Где райский свет небес разлит по логу,
А в бездну, в пекло, к самому порогу,
Куда попасть не стоило труда?

Вершина перед нами или пропасть, —
Нас все равно охватывает робость.
Вон облако несется, как Ковчег.

Уже готов за ним я увязаться:
— Прапращур Ной, возьми хотя бы зайцем!..
Чего ты ищешь в мире, человек?

92

Чего ты ищешь в мире, человек,
В глаза любимой падая, как птица,
Ведь не за тем же, чтобы в них упиться,
Как ястреб, окропляя белый снег?

Ловя слезу губами с теплых век,
Надеешься ты вновь переродиться.
Но ведь к чему-то большему стремится
Душа, заслышав сзади хищный смех.

Она, не зная нашей суеты,
Летит на вечный поиск красоты,
Прислушиваясь к каждому отрогу,

Излучине, затону, тальнику...
Душа свободы жаждет, потому
Мы привыкаем к ближним, как к острогу.

93

Мы привыкаем к ближним, как к острогу.
Не их вина, что меркнут чудеса,
И время, словно нудная оса,
Звенит и приближает понемногу

К земному неизбежному итогу...
Не потому ль, чуть высохнет роса,
Забыв про все, припав спиною к стогу,
Мы взгляд свой устремляем в небеса!..

И вот уже несемся по долинам
Наивные — нам не взлететь, бескрылым,
Ведь мы к земле приписаны навек.

У нас не крылья за спиной, а торба,
И сердце безнадежно бьется в ребра
Земного бытия. Нам смерть — побег.

94

Земного бытия (нам смерть — побег!)
Не избежать. Мы в мире этом сущи.
И космоса загадочные кущи
Нас манят тайной. Разве это грех?

Все на земле устремлено наверх.
Мы ничего в природе не нарушим.
И, коль зерно катком в муку расплющим,
Из под асфальта вырвется побег.

Любовь им движет или естество?
Ответа нет. И не найти его.
Но нет бессмертью большего залога.

Чем тот, когда, пронзая светом тьму,
Душа твоя взрывается: — К нему!
К нему!.. О, стражи, не судите строго.

95

— К нему!.. О, стражи, не судите строго,
И не спешите женщину казнить.
Ей суждено мгновеньем ослепить
И одарить прозрением надолго.

И это — тайна, а не чувство долга.
Любимая, тебе ее хранить.
С твоих ладоней мне бессмертье пить,
А не в строках, что выглядят убого.

Дымит трава до самой синей дали.
Уложены дрова. И звон кандальный
Гитары, нависающей, как стерх...

Одна искра — и вспыхнули б поленья,
Но грудь мою сдавили так сомненья,
Что я простую истину отверг.

96

Что я простую истину отверг,
Я понял позже, в день, когда бездомно
Душа металась, словно примадонна,
Что стала нищей на глазах у всех.

Поправить дело не было помех, —
Душа — потемки и она бездонна,
Но, гордостью врожденною ведома,
Подачек не брала. Знать, не из тех...

Она сидела молча, без огня,
Отчаянно взирая на меня,
Как путник на разбитую пирогу.

Душа спасется, благостен тот миг, —
Заслышав журавлей призывный клик
И отыскав заветную дорогу.

97

И, отыскав заветную дорогу,
Я полумертвым пред тобой упал,
И что-то неразумное шептал,
С трудом примеривая слог ко слогу.

Мела метель. Сквозь царственную тогу
Зимы мерцало солнце, как опал,
Меняя краски... Чуда я не ждал,
Хотя в него и веровал, ей-богу!

И вдруг с небес, тяжелый, словно бивень,
Ударил мне в лицо весенний ливень,
Стремительный, внезапный, как набег...

Я жадно пил живительные капли
И, как актер, расстрелянный в спектакле,
Ушел живым, а не окончив век.

98

Ушел живым, а не окончив век,
Когда меня несли на край обрыва
Два облака твоих, два белых взрыва
И две волны нетронутых Онег.

Бескрылы мы... Но, может, то — навет
На ветер, травы щиплющий игриво.
И, может быть, достаточно порыва,
Чтоб нам взлететь... И это был разбег.

— Ах, быть чему, того не миновать...
Что я на это мог тебе сказать?
Мы так с тобою вознеслись высоко,

Что для того, чтоб только быть и сметь
Самим собою, стоит умереть.
Но примет ли Он беглеца до срока?

99

Но примет ли Он беглеца до срока
С той нежностью, какой дарила ты,
Иль вновь меня осудят с высоты
Его холодные глаза упрека?

И я услышу неба властный рокот:
— О Боге возмечтал, а сам — в кусты!
А как же вечный поиск красоты
И смертный бой с воителями рока?

Я все приму. И стрелы все стерплю.
Я никому не говорил: — “Люблю!”—
Никто в любви не может дать зарока.

Но стать предтечей будущих времен
Твоей слезою я приговорен.
Иль в дерзости моей не будет прока!

100

Иль в дерзости моей не будет прока...
Подумаешь, еще один полет.
Но зрит за мной всевидящее Око,
И не уйти мне из его тенет.

О, как ломает время нас и гнет.
Бессмертье — не спасенье, а морока.
Но красота не ведает порока,
Она — свобода. Остальное — гнет.

Все в мире неустойчиво и зыбко,
Но не Джоконды ложная улыбка,
Не рощи обнажающейся грусть,

Не поражающий дракона воин...
Пусть я свободы этой не достоин,
Но знаю, что в острог я не вернусь.

I0I

Но знаю, что в острог я не вернусь.
И, если нужно жизнь начать с истока,
Я брошусь в синь волшебного потока, —
Вновь молодым и сильным обернусь.

И на себя возьму великий груз —
Карать любовью мир. Карать жестоко.
... Я прикоснулся к вечности. И только.
А сколько грез! И я их не стыжусь.

Нависло небо, как твои глаза.
И слышно мне, как падает слеза...
А, может, это чье-то наущенье?

Библейской мысли грубый перифраз?
Тогда за это мне Господь воздаст,
И не любви достоин я, а мщенья.

102

И не любви достоин я, а мщенья.
Не уходи, любимая, постой.
Мне мучиться отныне красотой,
Явившейся на свет во дни творенья.

Миров далеких слышать дуновенье
И упиваться бабочкой простой,
В огонь летящей, словно на постой
Неодолимо вечного мгновенья.

Но без тебя, без глаз твоих и рук
Не станет музыкою этот звук,
Как — соколом, — птенец без оперенья.

Восстанови времен былую связь! —
Я повторяю это, не казнясь,
Но, все-таки, надеясь на прощенье.

103

Но, все-таки, надеясь на прощенье
(Тебе одной дано меня понять!),
Хочу я тихим словом мир объять,
В котором и покой и очищенье.

Но где-то там, средь звездного ущелья,
У Князя Тьмы всегда готова рать —
Разверзнуть, разграничить, и разъять...
И потому не знать мне утешенья.

Не знать мне утешения?! Доколе?
Когда спокойны мы лишь в непокое,
И мир не первым изменить я тщусь.

Тобой приговоренный к Высшей Мере,
Счастливый раб, прикованный к галере,
Пишу тремя перстами, как молюсь.

104

Пишу тремя перстами, как молюсь.
И, если твоего коснется слуха
Моя молитва, значит, жил для Духа,
А не присасывался, как моллюск.

И, может быть, еще я пригожусь,
Когда пройдет вселенская разруха,
Осядут звезды тополиным пухом,
Святой и белой оставляя Русь.

Не все к спасенью сожжены мосты.
Стать матерью Любви и Красоты
Ей ангелы слетятся на подмогу.

Припав к любимой, словно к алтарю,
Великий грешник, снова говорю:
— Чем ближе к зрелости, тем ближе к Богу.

105

Чем ближе к зрелости, тем ближе к Богу.
Чего ты ищешь в мире, человек?
Мы привыкаем к ближним, как к острогу
Земного бытия. Нам смерть — побег

К Нему. О, стражи, не судите строго,
Что я простую истину отверг,
И, отыскав заветную дорогу,
Ушел живым, а не окончив век.

Но примет ли Он беглеца до срока,
Иль в дерзости моей не будет прока?..
Но знаю, что в острог я не вернусь.

И не любви достоин я, а мщенья.
Но, все-таки, надеясь на прощенье,
Пишу тремя перстами, как молюсь.

И, может быть, еще я пригожусь,
Когда пройдет вселенская разруха,
Осядут звезды тополиным пухом,
Святой и белой оставляя Русь.

Константин Скворцов

Новелла Матвеева

СУРОВОЕ ВЕСЕЛЬЕ ВЗГЛЯДА

Бывают темы, которые ни охватить, ни исчерпать, ни освоить никогда невозможно, но иллюзию такой возможности и чувство морального права на тему (…«и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ!..»), и чувство права интеллектуального, дипломами отнюдь не определяемого, но мощного, вплоть до мгновенного ощущения темы — маленькой, а себя — большим — это

художнику совершенно необходимо, чтобы проникнуть и проникнуться, но не увязнуть, не раствориться, не потерять себя, свое лицо.

У всякого поэта своя любимая тема, своя звезда, свое неповторимое «я», и у К. Скворцова — это Россия из себя и сам — из России, весь из нее — страны не монументально-картинной, а страны трагически-незнаемой, где все вглубь и вширь надо решительно открывать заново, пусть даже «самой бездны на краю»… И эта Россия — уже не литература, а та самая шапка Мономаха, которая тяжела. Читать незалитературенную Россию, да еще и в жанре картинной поэтической драмы, мы давно отвыкли. Неподражительная драматургия,— вот парадокс-то! — кажется нам не иначе как провинциаль-щиной, дедовщиной, крутой реакцией на жизнь, а не самой жизнью. Стихами ведь написаны драмы. Между тем как все хорошие люди пишут Россию ругательной прозой… Да и вообще читать все значительное в художестве — это всегда внове, всегда ново и всегда обременительно для ума и сердца читателя, потому что тут и думать нам надо, и чувствовать, и жить, а не притворяться проницательно-передовыми, схватывающими и саму суть вещей, и все грани охватывающими задолго до прочтения! Словом, читательское дело тут не из легких — взглянуть на вещи не сверху, а изнутри, подражая не кому-нибудь, а самим российским классикам, славным именно самобытностью (благодаря широте взгляда!), а потому и миру ставшим известными. Но читать своими глазами, мыслить, чувствовать и жить, а не притворяться — (особенно — последнее!) — это для нас просто невыносимо тяжко после затяжного абсолютного передовизма нашего писательства и читательства, рано окостеневшего в оценочных штампах передовизма, когда в последних опять очутилась реальная классика! Она коим-то образом превратилась у нас не в звезду, а просто в богатейшую обругивательными возможностями тему… Трудно драмы К. Скворцова читать еще и потому, что пусть и вослед классикам, но открывает он нам очень свою Россию, как М. Цветаева — своего Пушкина и своего Пугачева, С. Есенин — своего Пугачева и свою Русь — от своего могучего лирического начала, от славянского начала! Которое столь же замечательно, как древнеиндийское и любое, но — свое!.. Читать эту свою Россию К. Скворцова трудно не только ради глубокой запрятанности от нас реальной истории, но главным образом потому, что она у него — вот чудо-то! — не левая и не правая, и не по-московски или по-питерски центральная. И, увы, нам,— не совсем-таки лермонтовская, хотя любится им не книжною любовью, а той самой, которая — «странная» — своя… Это, когда своего ничего у нас давно уже ничего не осталось, а только все — взаимное, заемное, коммунальное, полузаконно присвоенное на время!

(Не считая, конечно, самых мощных наших сегодняшних эпиков, упорно не теряющих в своей душе свою Россию, сохранивших ее и для нас…) Именно сокровенность этой своей России, многомерность ее, трудность ее постижения в великой славе ее и позоре, приоткрывающаяся нам в щелку камеры-обскуры скоморошьих представле-ний «Ванька Каин» — до жути вещественна, драматически притягательна, многосферна: вроде бы и постиг, и ухватил самого злого демона ее во всех сферах, но тайна его, тайна маленьких и исполинских актеров России — она сама — в ее глубокой тайне от нас — так и осталась… Так что трудность тут притягательная, не дающая от себя оторваться — трудность, преследующая душу читателя, как и любая слишком большая тайна, не изобретенная лукавым умом краснобая, а глубокая, опять же — своя! Не из океана дифирамбических философски-социологических мистификаций и лукавых похвал, из которых вольно или невольно следует, что Иван — безнадежный лентяй, разиня, дурак и чудовище разврата, а Россия, если и считать ее когда-либо бывшей, то лишь ради того, чтобы породить звезды тысячекрат крупней и светлей ее постдостоевских и посттолстовских метафизических осмыслителей ее, которые хором провозглашают: если и была она, несуразная со своим сыном-дурачком, то уж теперячи — баста!… Гений отвлеченного мышления истории России — в ее поэзии и в драме чудесным, непостижимым образом перемешав ради вящей неправды сказки об Иванушке с пушкинской сказкой «О рыбаке и золотой рыбке», брякнул Иванушку к разбитому корыту. В то время, как с корыта он не начинал, корытом кончать не собирался, но чуждый и корыта, и корысти ради корысти, пристанищем и Отечеством своим считает не столько берег синя моря, сколько всю свою большую Россию, даже бывая порой преступно беспечен и легкомыслен… Художественная не в меру философия, оболгав Ивана, лишила его всякой тайны, в том числе тайны успехов и поражений, предложила нам смесь откровений о феномене Отечества со своими видениями серой безнадеги — некой ничейной, безличной, праздно-глумящейся над своим ничтожеством и бедностью, злой бабы-великанши России — повторяю — ничейной и глупой: бери — не хочу!…

И, когда такой взгляд, хотя и из серебряного века, но кривоглазый и мутный, ослепленный недоуменной свирепостью — (бери — не хочу — не дается, чтой-то!) — нисколечко не обласкиваемой солнышком надежды, стонущей под Сталиным и Брежневым несчастной страны, когда взгляд этот рос и накапливался, как снежная лавина на горах несчастной эмиграции внешней и внутренней, о пугающе неясном феномене России и неприкаянно-диком народе ее, и, когда взгляд такой мутной своей и яростной лавиной разом хлынул и задавил горделиво-застойное

ленивое сознание широкого интеллигента-обывателя, то интеллигент-обыватель воспрянул — вот оно, искомое: Россия и народ ее дурны и недостойны существования, а я — даже и не человек, а абсолют, ибо это я создаю абсолютов, и вместе с абсолютами прожектирую лабиринты и затачиваю туда и Россию, и народ ее, как того же Минотавра, а посему народ и Россия смертны, а я даже и физически бессмертен… И когда гордыня такая задавила сознание неподготовленного к реальному восприятию реальности и одичалого в застойных играх обывателя и стала заменой правде, то тут и подумаешь: а можно ли читать драмы Скворцова ближе к тому, как они есть, Россию Скворцова — ближе к тому, как она есть и вообще вправе ли художник иметь свою лирическую Россию? Чем все это кончится — ведь не суть важно, как назовут? А важнее, какие меры тут же употребят неисправимые абсолюты, в высях своих чуждые обычных человеческих понятий о добре и зле, правде — неправде, коли и так все ясно, что и Россия, и народ ее — недостойны и все тут! Поэтому, прежде всего — осторожность, робость и по мере возможности — невнятность суждений! Но какую-то картину, возникающую в ходе знакомства с вращающимся сферами пьес этого небанального автора рассказать другому, тоже — заинтересованному в обновлении ума и сердца читателю просто всенепременно необходимо!.. Причем, взяв всю ответственность и за разворот картины, и за крамольные суждения — только на себя, на свою человеческую ограниченность, узость интересов, свойственную смертным-неабсолютам пристрастность, избирательность, мелочность волнений и все прочее, присущее человеку, в отличие от целых армий абсолютов сегодняшнего безумного в своей красоте дня!

До одури самовлюбленный Великий люмпен всех сословий и рангов — герой этого безумного в своей красоте и роскоши сквернословия дня, а у К. Скворцова в драмах эпических и лирических этот Абсолют — сторукий и тысячеликий, и дико почкующийся и ежеминутно новый — тоже всегда основной персонаж, так сказать, достойный предтеча нынешнего Великого люмпен-обывателя, волшебника-популиста, склонного считать себя с одного боку — насквозь непогрешимым (попробуй ему возрази!), с другого боку — насквозь интеллигентом-демократом, а с третьего — тем самым крестьянином-бедняком, который «лишь один владеть землей имеет право, а паразиты никогда!..» А с фасаду этот Великий всесословный люмпен-обыватель как бы и есть сам народ, сам себя от своего же имени шельмующий, но… не настолько простодушно, чтобы хоть на миг стать на один уровень с шельмуемым народом и равным по величине с изобретательнейше шельмуемой страной!.. Так что не только известный уровень мастерства определил энергичный дух поэтической драматургии нашего

современника, но прежде всего, бывшего всегда в природе самой России — ее замечательные и незамечательные личности — архитипы и прототипы сегодняшней митинговой страны, взятые, к счастью, не из литературы, пусть даже хорошей: да откроет каждый свое в России!.. своей России!..

В своей драматической и трагифарсовой России, и в драматически-легендарных окраинах ее,— на это просто нельзя не обратить внимания, хотя и не обратят! — интеллигенция — тоже своя, не номинальная, не сословная! Она даже так не величает себя, не думает, что всю ее разом можно усадить на престол, отдать ей всю казну и припасы и все людские жизни (ради ее каких-нибудь метафизических, глубоко скрытых даже от самого Создателя и совершенно непостижимых добродетелей), не просто человечески чувствует, мыслит, гражданski-совестливо, активно действует, не боясь суда толпы, суда монарха и пр. властей предержащих, ибо для нее есть и некий высший суд, невидимый, но предельно справедливый. Откуда она взялась такая странная (явно почти и не виданная еще), если не считать очарованных людей Лескова — слышу ха-ха! — интеллигенция, которой и слово-то это греческое, может, неведомо?.. Из темных и неправдоподобно мирных недр своих, из вечно беспокойных, полусвободных порубежий своих — в общем-то, довольно светлая страна Иллариона — бесконечно извергает и притягивает к красным столам своим на широкообозримые миру подмостки разнородный и разночинный, то бесчинствующий, и люмпенствующий, то вдруг спохватывающийся — «не Москва ль за нами?» — люд, сословия и классы, работающие за не чин и за славу или за хлеб. И вот в чем чудо: все из них сверху и донизу, а также наоборот — выделяют из среды своей разумнодеятельные, приглядные личности — интеллигенцию на все вообразимые этажи общественного здания и — гражданski равнодушный, разноэтажный пассив, жадный до дармовой казны, великий люмпенат, который вовсе не последняя, хотя и фальшивая скрипка в ладно и мощно, и возмутительно-дурно работающем могучем оркестре! Но думает-то он — люмпенат — себя никак не меньше, чем дирижером и корифеем большой орхестры и первопричиной вселенных! Не говоря уже о том, что — первейшим и единственнейшим и наследственнейшим интеллигентом: по расчету ведь у него все делается, головой пробивает стену — так как же не интеллигент?! (См. все ипостаси и вглядись в необъятность Ваньки Каина в одноименных скоморошьих представлениях — это при всем ничтожестве знаменитого корифея вертепов, улицы, дворца — XVIII в.). Собственно, ограниченность и безграничность либо человека, либо Ваньки Каина в живой душе каждого деятельного россиянина — это сугубо личный принцип

драматургического портретирования К. Скворцова. И поскольку во всем он следует своему, не утвержденному ни одним сегодняшним пилатом мироведению, да и сопротивлению этой безоглядной своебытности очевидно, то говорить о ней надо подробно. В том числе коснуться жанрового развития и обусловленного самой небедностью истории и быта страны жанрового богатства драматического поэта — от древних легенд до водевилей, уличных фарсов, светской комедии и трагедийных циклов эпической широты, настолько же далеких казенной и рассчитанной на скоропостижный успех литературщины, насколько велико удалено плодоносное дикорастущее где-нибудь в Уссурийских дебрях древо от куста, видного всему московскому и прибылому люду, что растет на Пушкинской площади или перед Большим театром. Тем паче, что никакой такой услады покоя от шишек, летящих прямо на голову от древа творчества этого автора читатель и зритель может вовсе и не вкусить: все зависит от готовности к пляскам уклонений и предвидений мига созревания отдельных шишек, благо что присмотреться к каким-то характерным закономерностям есть возможность и приглашение приблизиться тоже есть — всем! Особенно же — думающим себя солью земли и единственной отрадой России!.. Но так как соли земной и единственной отрады России много (таковыми чувствуем себя все мы!), а человечески крупно и самостоятельно мыслящих художников всегда дефицит, то особенно тяжко достается от громопада шишек — от щедрот глубоко доброжела-тельной сценической изобразительности Скворцова именно соли земной и единственной отраде громко заявляющимся сословиям, догадывающимся во все времена, где собака зарыта, где она — правда непростая, но спешащим всегда и все так ловко скомкать и свалить то на какого-либо, вылепленного нами же чудовищного истукана, то на само чрево России, как если бы мы, добродетельные и красивые, вываливались оттуда к пиршественному столу вместе с готовыми, ею — Расеей — приготовленными чудовищами несвобо-ды, тьмы и разврата, глотающими живьем нас — соль, т. е. и единственную отраду, как тот самый Кронос невинных и прелестных младенцев своих, пупсиков — боженят этаких!.. Поэтому, пусть мы и в меньшем долгу перед К. Скворцовым, чем французское Просвещение перед Мольером, а все же склонность нашу и великий талант неправдивости — просто сказочной! — он в радости сердца своего, вдохновенно-доброжелательно и благосклонно изобразил! А эта статья о нем — скромная попытка перевести какие-то жизнерадостные социально-психологические открытия его на язык уличной прозы сего дня, когда не то что люди — сами гигантские творения людей заворочались и задвигались с места на место, сообразив, что устраиваться надо сообразно характеру

времени и места, и реальных возможностей, а не на смех остаточным курам разграбленной и ошельмованной земли… Так что люмпенизированные волею судеб разночиновные сословия (от тюремного десятника и до командира-администратора атомного ядра), склонные считать исключительно только себя интеллигентами, да и вообще представителями рода человеческого, должны быть благодарны драматургу за внимание, и чуткость, и корректность, но не должны обольщаться — не они центр художественной империи и мира К. Скворцова — они там постольку, поскольку из песни слова не выкинешь. А реальный герой и великая тайна — это Россия и ее многоликий народ, в буквальном смысле порождающий свою интеллигенцию на протяжении всех веков и в конечном-то смысле, стремящийся уразуметь — что же главнее для интеллигенции? Глумление над своим родителем или хотя бы некоторая забота о его крестьянском и рабочем инструментарии, чтобы к началу третьего тысячелетия имел он в своем распоряжении самый передовой в мире лемех и самую передовую лопату?.. Но частица Бога (читай — человека) есть в каждой сценической душе внимательного к человеческому психовольеру драматурга, цель которого не красивость и правдоподобие, а предельное напряжение в борьбе неоднозначных характеров и красота эпического размаха даже в драмах — «под» излюбленный чувствительно бюргерской публикой клубочек из заемно-романтических страстей и бурь сердечных, и поначалу гражданski-метафизических, а потом опять оказывается — обманул, обвел вокруг пальца — тут не фарс, а сама трагедия, тут в железах деспотии будущие «Бедные люди» — очень бедные, но люди! (См. драматическую легенду «Бестужев-Марлинский»). Ведь мифотворчество и мистификация художника — это нечто совершенно противоположное подобным же приемам веселой прессы, тоже, и даже больше, полагающей себя художником жизни, нежели мирные и вдумчивые поэты. По обильному и вольному пользованию фольклором преимущественно площадным и предметным, фельетонная пресса и др. жанры скорого реагирования давно думают себя сильно превзошедшими по силе воздействия на читателя и Гоголя, и Диккенса, и Свифта и, тем паче, какого-то там Аристофана, и надо воздать должное такому востроглазию, быстроте и коммунальной солидарности, нерасторжимому братству с площадью, с тюрьмой, с разносословными вертепами, не от хорошей жизни плодящими свои, порой весьма недурные анекдотцы и весьма скверные мифы дня, направленные на какое-нибудь одно конкретное беззащитное лицо, на одну какую-нибудь социальную или этническую группку. Но совсем другое дело — классика литературы, традиций которой держится и К. Скворцов, вещество иронии и

сарказма, правда тоже не больно экономящий на будущие светлые времена, но… притчи, предания, мифы, легенды, сказы и весь фольк-лорный арсенал со всеми его нескудными запасами приемов он использует — старинные, вплоть до ветхозаветных, заранее символические, создающие мощную духовную ауру даже вокруг стонов, проклятий и жалоб и скрежетов зубовных искусных буйнодействующих людей его психологи-чески проблемных драм. Драматический поэт, убежденный в том, что у каждого отдельного человека есть душа, причем — своя, у каждой страны есть душа, причем — своя, у каждого народа — своя — притом вовсе не такая, как о ней до него сказано,— это для читателя, не все и не до конца познавшего — находка, по сути дела, сенсационная! Ведь и Россия у него своя, лирическая, она и в мифах своих сугубо реальная, предметная, а не просто метафизически терпеливая,— страна буйных взлетов духа и оснований хозяйства своего. А уж если страна падений, то таких глубоких, откуда взлет неизбежен, именно в силу болевых крайностей силы удара! Вот откуда и романтизм русский, а вовсе не потому, что он дьявольски эффектен, обеспечен, наивен и «оторван».

В том и дело, что романтизм — суть! Крупность и незаемный патриотизм — вот что пугает неблагожелателей этой методы: ведь прозрения только от нее. И очевидность необходимости реформ,— от нее — от методы. А это куда трудней, чем ура и пах-пах в брата Авеля… Да и вообще гуманизация напряженного общества — первейшее дело искусства, а бизнес — это лишь дело третье… Русский писатель может происходить из какого угодно сословия, но он почти всегда идеалист и романтик, не довольствующийся Россией Дворянского или Лакейского собрания, но ищущий Россию большую и неохватную, настоящую — из непритворно и вечно возмущенных народных глубин, которые (как уж тут не крути!) вполне законно считают себя как источниками благоденствия и здоровья красных столов империи, так и вечными Везувиями, на которых зиждятся и беспечно танцуют все беспечные Собрания и Думы, и Соборы. Так и лучшие драматические работы К. Скворцова — ищите в них, что вам хотелось бы отыскать и обрящете! — но они резко отличны от сильно запоздалых журналистских пророчеств в духе Иеремии, Лукиана и Вольтера. От публицистических констатаций, звучащих с небесных высот театрализованных трибун, драмы Скворцова, особенно же исторические, отличны своим звучанием предостережений из бездны, из «пира во время чумы» Великого застоя, одураченной идеей своего мессианства, волшебной в своей детской наивности могучей империи. Не потому ли «Курчатов», «Ванька Каин», дилогия «Смутное время», «Бестужев-Марлинский» и др.

художественно и философски новаторские драмы с появлением своим в печати замедлили кощунственно.

Не то что драматические легенды, к которым и у автора, и у широкой читательской публики отношение может ничуть не совпадать с высказанными в этой статье далее: они суть самое необходимое просторное Дикое поле для наблюдения столкновений характеров самых общих, наметочных и уловления коллизий психологических, социальных, исторически корневых, ненарочито наивно-упрощенных, в чем-то идеальных — как статуи греческих богинь, а в остальном — это любовные романы, самые рыцарские и волшебные, но с немалой, надо отметить, правдой чувства и адресованные явно юношеству, жаждущему себя увидеть хотя бы на туманной заре не согбенными под тяжестью котлов с борщами и ботвиньями двухтысячелетней культуры, которые волокут они друг другу с площади на площадь, как тот самый Сизиф, а за что?

Есть много старых и новых литературных школ и направлений в мире, к окаменелым кроссвордам коих можно бы без труда притянуть и пригвоздить любое подвижное творчество (так сказать, беспокойную чайку его драматической поэзии!), но так как все это в движении, и каждая последующая работа отличается от предшествующей или даже одновременно, как небо от земли, то не затемняющими самой сути и направления этого автора можно считать наверное только два безусловных: безнадежный романтик — даже в самых наиреалистичнейших работах — и убежденный, язвительный народник комедийно-просветительского направления… И все это для него крайне невыгодно, так как журнально-академический тип, задающий тон литературно-общественному мнению и вкусу, у нас ни Лескова, ни Гоголя, ни Стерна, ни Теккерея, ни Диккенса, ни О’Генри, ни даже безобидного Гриммельсгаузена не любит, а Аристофана и подавно считает не выше какого-нибудь самодельного рокера, да и вообще этот тип слишком суров, мелочно-придирчив, не в меру серьезен и не смехохотлив, особенно же, если в качестве мидлкласса в сатиру угодит сам… И если в драматических легендах Скворцова мы можем узнать себя только отроками и юношами, то в сатирических драмах, можно сказать, зрелыми, окончательными и в чем-то даже совершенными «в своем роде» и круглыми! А это ведь перенести не всякий в силах, особенно же — достигший полного совершенства и окончательного развития души и ума! Сатира ведь должна быть какой? — учили нас те же самые, но теперь о всем импортном — учителя жизни: жизнеутверждающей должна быть сатира и чтобы налицо все свершения и вся красота человека, и вся рабочесть рабочего и вся интеллигентность интеллигента, и вся буржуазность буржуа, и вся вороватость вора, и вся

идейность идеолога… Но драматург пошел куда дальше суровых этих предписаний, по пути еще более суровому и требовательному: он и небывалую красоту, и все свершения наши прозрел… еще в прошлом, и позапрошлом веке, и во времена добиблейские, и на сцену вывел человека — сразу же: незаурядного враля-идеолога, интеллигентнейшего и вороватейшего ворюгу и душегуба и деревяннейшего деревенщину и пустоболтливейшего громозвучного критика-обывателя, улавливающего в свои ноздри кайфы всех ветров, чем бы для народа они не пахли. Т. е. как было, как и теперь есть — все в человеке, да и притом — в том же! А этакое открытие — заметившим его! — никак импонировать не может ввиду древнейшей склонности людей делить род свой на чистых и нечистых, дабы иметь возможность числить себя в исключитель-но чистых, а такое простить очень и очень трудно! Но будем стараться, не теряя надежды на то, что всякое усилие публикою с той или иной мощью вознаграждается! Ибо все в ней самой — и политические системы, и неправедные суды, и ее собственное будущее! …Не унизил, а возвысил он нас, он нас возвел в творцы нашей гомерически могучей и аристофановски несуразной и потешной и эсхиловски трагической экзистенции, в отцы разных Сальери он нас непринужденно переместил, поэтому продолжим неторопли-вое наблюдение за шалостями его неоднозначной и равно доброжелательной ко всем смертным, довольно энергичной Музы, выступающей в платьях скромной отечественной проститутки. Именно непринужденность и внешняя непритенциозность, и тяготение к материям повседневным, духовно-иерархически — как бы не высоким, к характерам — чиновной и родовой иерархии как бы и не ведающим (например, перед лицом Бога); к деяньям нижайшим и непостижимо высоким на социальном днейшем дне жизни, а также нежно презрительное отношение к парикмахерской светскости и лакейскому снобизму и братский порыв к единению со всем страждущим от непонимания и незнания самого себя человечеством — традиционно заставляет российского писателя не столько строго расчетливо рассказывать воображаемой аудитории да показывать ей невообразимый театр жизни да напускать туда гофманиану, сколько стремление ввести в мир толику ясности и справедливости, вести хаотические монологи с самим собой (с тысячами диковинных голосов в себе!), отчего сноб потом спрашивает: а с кем это он тут разговаривает, эта простота мирская? И конечно же, сноб всех под метелку русских классиков находит сатанински-противоречивыми, по незлопамятности своей забывая, что до обретения полного личного совершенства он сам тоже был в разных ситуациях разным (очень многим!), самому себе вроде бы ничем и не соответствующим… Дабы избежать ритуальных заклятий о

противоречи-вости, о недостижении и пр., заметить надо, что отважная Муза К. Скворцова,— таков, наверное путь всякого самостоятельного писателя,— не в рубашке родилась! Как бы о том ни думал сам автор и его даже очень добросовестные критики…

Чего нет, например, в драматической легенде «Белое дерево»? Да все есть. И поэтический дар — в том же числе. Сюжет — и впрямь захватывающий, впечатляющий, весь — из символов и пророчеств, да еще куда? — в наш, пронизанный серными парами и видениями огненных всполохов день! Некий легендарный уральский народ — «чудь» — не уразумел как надо суть пророчеств, затабуировал белую деву, сам себя захоронил, сгинул из истории аки обры, осталась легенда! Но осталась ли драма, коли тут все по авангардной методе — от не имущего достаточной реалистической конкретности, от запредельно-романтической сложности и метафизики — к простому? К целебной идее борьбы? Когда нет уже той чуди? Написано-то байронически-увлекательно и даже убедительно и не без ощущения достоверности в верованиях природных самоизолированных наивных этносов, но есть много кровавых жертв (против прогресса, когда в жизни оно — наоборот!) И вот — есть бесследная почти, страшная погибель и драматическая о ней легенда, но весь ужас в том, что при всех (афористичных даже!) суждениях приятных и менее симпатичных персонажей эпопеи, получаем мы все же печальную и назидательную лирическую повесть погибели чудей, а не трагедию будущего мастера переплетения всех сценических жанров. Если не считать, конечно, остроты интриги, крупной проблемности и невздорности характеров — покуда что — самых обобщенных!.. Привлекает, конечно же, и то обстоятельство, что не поверил поэт науке или, точнее сказать, капризному, как ветер мая, слову науки о якобы личностном неосознании себя человеком орды, об абсолютной безличности его… Ведь если недосуг хоть раз в жизни выехать за пределы индустриального общества, выдь во двор и взгляни на скромную полудикую кошачью популяцию и обнаружишь, что личностей свободных духовно и сознающих себя свободными духовно и независимых от еды в своих суждениях о «царе природы», о более или менее гуманных природных конституциях, о самоотверженности и героизме, как непременном условии божественной даже на задворках мира экзистенции — там много. И имеют они гораздо более четкое, и гуманное, и объемное представление, чем многие наши славяне академии Балнибарди, способные разве либо на изображение смертоубийств малых и больших, если те покажутся им маленькими, групп. Это не отступление — это лишь к тому, что с опытномыслящим и чувствующим поэтом всегда приятнее иметь читательское дело, нежели даже с весьма

славным, но компьютерно мыслящим и чувствующим мир поэтом, но большей части — внутренне сильно расстроенным, поскольку человек по природе своей все же не компьютер, а нечто среднее между собой, стадно буйствующим человеком и ответственно мыслящим Богом… К подобным, не слишком банальным, и даже чуточку крамольным догадкам, думающие довольно резко и несдержанные на язык персонажи К. Скворцова весьма располагают и подают небезопасный гуманистический пример проверки всего и вся опытом и рассудком вместо отвлеченных священных заклятий всесветного шарлатанства от искусств, от наук, от бытовых информаций — наоборот!.. От бесчестных тщаний богов сцены — заспать и расчленить на обрывки человеческую совесть и спасительный его ум! Ведь по сути они — те же болотные духи «Белого дерева» — тоже мне нашлись непререкаемые римские папы!.. Очень не случайно мастера заклятий и молитвообразной тарабарщины никогда имени Лютера и Эразма не вспомнят — ни при какой погоде!

У каждого драматического поэта не только свой художественный и общественно-философский потолок, свое небо со сферами, но ведь и земля своя — глубоко и подробно освоенная или просто возвышенно-лирически или отстраненно-философски (так ведь частенько бывает!) и — любимая или ненавидимая, или все — разом!.. Все разом — это больше свойственно драме, чем лирике или эпике или мудролюбию отвлеченному, ни к чему не обязывающему, к духовному бытию человека не приложимому… Но всякое результативное творчество начинается с личной соли или боли освоения: и сотворил, и увидел, и сказал… Что сказал автор, сотворив «Легенду о белом дереве», нам не дано знать, но о воле и произволе будущего крепкого драматурга, у которого в этом многомерном и буйно вращающемся мире его лучшие пьесы выписываются как бы сами, тут крепко призадума-ешься… Вопрос этот вовсе не праздный, а прикладной, грубосовременный: ведь есть же какие-то жгучие причины на кажущийся препустейшим беспокойный спор высокого журнального литературоведения о том, чьими глазами, откуда и в составе какой камарильи должен глядеть российский писатель на свой же народ, на свою же историю, на свою же страну, можно сказать — богоданную! — будь он по крови своей «хоть и негром преклонных годов»?! Есть! Наверное, при чтении любого писателя надо исходить из предположения, что если автор не погряз совершенно безнадежно в долги валютному фонду, фонду развития, фонду средств информации, то он им ничего и не должен. А должен, хотя и неоплатно много, но зато лишь одной художественной правдой — кому? Кому — подскажет талант и совесть! Кто высек и зажег талант и совесть или, как говорится, Божью искру? А диктатурам направлений,—

если у них нет долговых векселей от писателя,— он ровным счетом ничего не должен, конечно же при жестком условии неподдельности художественного товара, за который диктатуры направлений выкладывают из своих более или менее необъятных карманов сколько-то копеек или рублей такому же цепкому и приставучему, как диктатуры направлений, но зато существу со всем без предрассудком — Книготоргу! Таким образом, владение писательской душой, и его совестью и творческой волей, права на писателя, да и вообще на суверенного человека и художника — это скорее прерогатива Творца, нежели газет и журналов, которые, думается, не более чем прах от ног его. Но и эта проблема души героев К. Скворцова, как мы увидим, задела…

Но «прах» праху — рознь, и метафора тут не эмоционально-лирическая, чтобы выразить неприязнь к древнейшей желтой прессе, современников не читающей,— нет! — без нее как — в этой, диалектически ладной кутерьме законорождений? Не очень важно для правды действия исторической трагедии в полуфарсовом марионеточном стиле, из которой потом вынырнет сам «Ванька Каин», для не бутафорски-ловких, а резко-точных развязок сложных социально-психологических узлов ее то, что принято почему-то оставлять в засценье, то есть, как раз работу адской кухни гениальных творцов дезинформации, творцов абсурдистски-мастеровитой критической массы дезинформации, на взрывных волнах которой высоко возносятся прожектеры, талантливые — поверхностно или вовсе бездарные — лжецари, как бы лишь для громозвучного и позорного падения в поражающие воображение народа котлы собственных лабораторий. (См. «Царские игры». Так что средства дезинформации — это «прах» особый, живой, многоглавый, над собствен-ными страстями и детищами страстей не властный, и на этом же основании — (экий ведь несообразный законопреступник!) — как раз думающий себя и Корнелем, и Расином, и почтенным Буало, и самим Кардиналом, и даже придержащим все шнурки от обманчиво кажущейся марионеточной — российской народной сцены… Средства дезинформации — это вовсе не искусство, как они себя сами мыслят — это первая (конечно же, временная!) власть в любом деспотическом государстве, где Конституция позарез нужна каждому, но где каждый почему-то вопиет к первой власти — к средствам дезинформации: дай, дай, дай!.. А народная драма — это не власть, это — совесть и разум, управляемые законами довольно таинственными и нерукотворными, первой власти не подотчетными, несмотря на ее почтенную в своем роде, бездуховную древность…

Когда пишутся бесстрашные, развернутые публицистические сатиры-эпопеи на целые и живые, а не мифические народы — почему в трагической легенде «Белое дерево» — там народ себя взял да и погреб! — т. е. в сюжете,

явно тяготеющем к фарсу, глубокий ироник К. Скворцов убоялся сатиры, уклонился использования арсенала своих средств, своей дерзости,— понять трудно да ведь можно: не оскорби, не повреди, не дай пищи темным толкам — их и так всегда довольно, а расстановка моральных акцентов вся в руках художника, который во внешней цензуре не нуждается вовсе… Он художе-ственно — пан или пропал — не только в зависимости от внешней масте-ровитости, но в не меньшей мере — от этой моральной, внутренней правды, которому феноменально удался образ Ваньки Каина: ведь до него поэты как-то и не заметили, что Каин совсем не может быть, хотя может слыть богоборцем, хотя бы потому, что не очень-то отличает себя, многославного, от самого Бога: …Бог может покарать смертью человека, преступившего завет, так почему же и он, Каин, не может на тех же правах покарать брательника за… талантливый труд, за догадку, что скотоводство — богоугоднее собирательства улиток и кореньев?

«Нельзя до бесконечности откладывать свободного выражения настоящих своих мыслей» — писал Б. Пастернак о своей работе над романом «Доктор Живаго». И, натурально, «нерусский взглянет без любви» или живейшего сочувствия на вовсе не такую-то уж бедную Музу нашего торжественно-обалделого Великого застоя. Бледной, однако, эту Музу не назовешь ни в тех течениях, которые приято считать прогрессивными, ни в тех, которые лукаво принято считать регрессивными: эта Муза уже устремлялась не «вперед» и не «назад», а к человеку — в душу его, не к начальству, а в народную душу, хотя вечные передовики и по сей день жмут на то, что ни у человека, ни у народа никакой души нет, а есть у человека и у народа только они, владеющие сакральной тайной всеобщего счастья и благоденствия всего человечества: паф-паф и никаких проблем!.. Уж эти-то никогда не откладывали и не откладывают, и никогда не будут откладывать «свободного выражения» настоящих своих бурных мыслей, потому что они сами детища бури! Как им управиться с собственной бурей? Откладывание свободного выражения настоящих радикальных своих мыслей, заветных мыслей и жутких жизненных познаний (глубоких, но без притязаний на исчерпываю-щую глубинность) трудней всего, конечно же, дались титанам (это всерьез!) оттепели А. Твардовскому и А. Солженицыну, знавшим «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть» — сказать правду жгучую. Сегодня никому нет дела до того, что дал скромный «Матренин двор», сколько честного писательского люда из него вышло, что дал литературе скоморош-ный «Теркин на том свете» — списочный (дорога ложка к обеду), да того ничем и не измерить, но глубокое дыхание, живой дух большой литературе вновь сообщили все-таки они; способность

мыслить исторически вернули они; не открыванье мужества и любви к правде народной, способность противостояния могучей, лукаво-бурной духовной стагнации вернули писателям и народу они; а дальше…

Дальше, дальше,
Ах, дальше, дальше —
Сумрачно Джим отвечал!
(«Одержимый Джим» 1964 г.)

Думай после этого — в «выражении настоящих своих мыслей» — коренной смысл большой литературы или в чем-то другом, или его вовсе нет в литературе, а есть она только отвлеченная и не постижимая оком и разумом смертного гениальность тех, кого конгениальное начальство литературы и прессы по своему полубожественному праву ежедневно и в очень больших количествах срочно кооптирует на вечные времена в непостижимые гении скромной российской литературы!.. Доверяй, однако, или не доверяй этим вечно либеральным и вечнодемократическим — (паф-паф!) — диктатурам свободных искусств, но чудо живости современности наперед работ литературы, написанных в негласных безднах пост-оттепели, в том и состоит, что «настоящие мысли свои» талантливые люди, может, и откладывали, да они так или иначе перехвачены их лирическими, драма-тическими, эпическими героями, персонажами, а главное — антигероями, вечным пленником которых всякий настоящий поэт, так или иначе, пребывает, работая в любое время и в любом жанре! А то ведь искусства, в полном смысле современного, (т. е. и впрямь «за жизнь») не видать бы нам никогда, как собственных ушей, а маячили бы перед нами все те же «паф-паф» да вот тебе, бабушка, и Юрьев день! И довольно, притворяясь во всем полными пушкиными (и сверх того), болтать, что словесности у нас нет! Простите, но откуда же тогда у нас ярый читатель, злой критик, мрачный замалчиватель, многотысячный божественный прорицатель и хитроумный западный издатель, на десятилетия быстрей нашего издавший А. Солжени-цына? Ведь никак не может в стране Сальери не быть Моцарта, подобно тому, как в любой достоезированной стране не может быть дефицита в бесах откровенных, и в столь откровенных, смердяковых. Вот и не убий Моцарта в каждом соотечественнике, но помни и ищи его в каждом — глядишь и обрящется. И… Каина — тоже ищи в каждом, ибо историю или, точнее, трагифарсовую эпопею с каверзными проделками вечнопередовой диктатуры над отечественной литературой уже не ухлопаешь даже самой передовой и самой либеральной пулей; в самом авангардном дурдоме пилюлями не уморишь: миру она уже приоткрылась, не говори, что ее нет и не было… Это так же очевидно, как тщательно замалчиваемый факт жизни и бытия широчайшего «Ваньки Каина» К. Скворцова, и

«Царских игр», и «Россиян» его, и других — не в бровь, а в глаз! — драм этого любопытного писателя, увидевшего в нас, в людях Великого застоя, нечто большее, чем шахматные фигурки для хождения шашками, чем марионетки бездарные и бездушные: сложное сочетание исторических проходимцев и лукавцев, и граждан из тьмы увидел он в нас, ничуть нам при этом не польстя, но зато представив и глубоко и занятно, и простите за старомодность — поучительно, не превознося и не оглупляя!.. Но людей Смуты и сам дух Смуты он тоже списал с нашей вдохновенной, задорной и разбойно передовой современности, с алчного взгляда на совершенно мнимую ничейность обильнейших сокровищ Руси, вроде бы никем и ничем всерьез не охраняемых: с душ, безнадежно мужественно спящих, благочестиво уповающих на защиту какого-нибудь очередного Царя и Бога, но и во сне могучем своем видящих как бы этак надуть их и что-нибудь отхапать, а то и заменить — по возможности — собственной, погруженной в мечтания о своей заслуженности, со всех сторон замечательной и передовой персоной… Это, конечно, нам обидно, что — с нас, а не с хроник списано и нет буквального (буквоедного) соответствия хроникам ватиканским, краковским, монастырским, но как тут не вспомнить философа, который среди бела дня с фонарем ходил среди народа и говорил: ищу человека… Вот и драматургия,— очень это неожиданно все! — вдруг резко переключилась от поиска экономических рычагов Истории к поиску человека, так ловко все сваливающего на рычаги да на небеса, сильно от него зависимые! И если суровый читатель скажет, что речи многих из персонажей, наделенных историческими именами, в хрониках подтверждения почти не находят, то он так же прав, как и критика, жестко поверяющая искусство наукой! Но тысячекрат правей самих себя они будут, если те же драмы «Царские игры» и «Россияне» поверять будут не буквой, а большой правдой исторической психологии действа честолюбиво и резко-разнопартийно настроенных великих и менее заметных, но зато больше реальной силой обладающих актеров Истории, которым рука голода помогла на белых конях ворваться на сцену России и, даже как бы поцарить на сцене и в ближнем засценьи, а дальше… как говорится — «умом Россию не понять», секирой — тем более… Слышу: России — после Ивана III, Ивана IV, после Бориса еще не было! Но, извините, ведь было же что-то такое, которое грабить, грабить и грабить и куда идти, и идти, и идти в большом количестве в бесчисленные цари над многими бывшими большими княжествами и городами? Что-то такое — оно было и есть уже потому, что народы и страны вожделели и вожделеют (от слова — вождь!) крепко приложиться, а потом поводить, как того же медведя, по

ярмаркам мира. Было и есть еще и потому, что не ведала еще вечно юная Клио больших споров за наследие, чем споры за шкуру неубитого медведя, хотя отношение к судьбе народа России может быть разное: и люто приятенное и совсем наоборот, и гражданское, и елейно-паточное, и трагедийно-художественное, и забавное — по неоправданной надменности. Как бы мы не отнеслись к взгляду К. Скворцова на его Россию — она была как бы всегда, да и все страны и людские типы, наверное, были всегда: недаром же каждый характер хорош «в своем роде», а эпигон дурен — в любом роде, потому что он — не сам, он — не характер, а пародия, фарс на характеры и на безотцовщину свою?.. Но чудо — чуть ли не впервой за долгие времена — в драмах Скворцова герои талантливы или не сильно, с характером и лицом или без таковых — это вовсе не зависит от места рожденья, от чина рожденья и древности рода, но как говорится — от Бога. Истина-то вроде бы и простая, но что-то ни левая, ни правая, ни отечествен-ная, ни западная экстрема даже на самых мощных компьютерах до нее никак не доедет в художестве… Но и великая экстрема в лице великолепных шутов-лазутчиков и магнатов их — на свой лад очень талантлива, в ковах настолько сверхискусна и тороплива, что и сама проваливается в волчьи ямы собственного изобретения лабиринтов — зато уж при сильном звуке и во мраке, в синих брюках, в белом фраке! Это хорошо, потому что являет собой истину не однодневную! Но как бы далеки мы ни были от буквоедства в лицезрении драматических эпопей (кто решится «кушать буквы», глядя «Персов» Эсхила?), мало того сознавая, что драматургия Скворцова не конструирование, а сама дикая стихия буйных сборищ мудрецов — вроде бы постигших до конца все промыслы Господни, все законы стихии народных возмущений, всю доподлинноточность исторических вычислений своих,— мы все это ценя безмерно, не можем не бросить упрек автору «Царских игр» в слишком беглой отметке такого могучего внешнего двигателя исторических трагедий, как голод, на котором во все времена средства дезинформации строят грозную смуту и сами повороты народных судеб. Разве не всем известно, что не только династическое законопреступление Годунова размыло в народе уважение ко всем институтам национальной государствен-ной власти в решающем начале трагедии? Царские игры: из Литвы и Польши, минуя таможенные досмотры, в мешках с зерном везлось не столько зерна, сколько прельстительным писем; Димитрий жив, очень здоров и прогресси-вен, а главное, что он всегда готов наполнить Россию необходимым количеством пряников для народа, многими свободами — всех сверху и донизу, а самых лучших людей (передовых, т. е. мастеров застоя!) наделить и городами, и княжествами, и золотом без числа и

веса!.. Средства дезинформации задолго до Н. В. Гоголя знали: какой русский человек не любит быстрой езды? Но склонность Контрреформации к революциям на диком Востоке в Прологе «Царских игр» все же отмечена.

Клемент VIII: Я долго ждал, и вот пришел мой час
Свершить вселенский подвиг. Он от Бога
Назначен мне — отступникам российским
Дать истинную веру и всех русских
Повергнуть на колени перед Римом.
Сейчас иль никогда!

(Клемент того, может, и не говорил, но склонные считать себя Римом 1. 2. 3 и Александрийским маяком — по совместительству,— не должны обижаться за него исторического: Рим-то говорил, а он — тоже сколько-то Рим!)

Рангони: В России смута.
Сын ропщет на отца, отец — на брата.
Жена — на мужа, на царя — холоп!..
Народ истерзан голодом и ложью.
Лютует чернь. Свирепствует Борис.

Лавицкий: Все оттого, что царь он незаконный!..

Не избежать автору обвинений в аллюзиях да в коллизиях — это совершенно ясно, потому что сама история, составляющая взметенное поле его сюжетов (а никакую не канву!) и сама по себе — одни только коллизии да аллюзии, да вариации рефренов их, с каждым витком ужесточающихся! Ведь общечеловеческие ценности не вдруг обрели приоритет, всякое имело не только место, но и действие… И не одной только Марине Мнишек, фанатичке, случалось венчаться с престолом и властью, но утаи от наших ранимых и чувствительных сердец драматург, мечтания Клемента:

…Поход крестовый ей дано возглавить.
Возвесть костелы. Церкви разорить.
Дать древним городам гербы иные.
Лишить крестьян земли, чтоб жили боем,
А не трудились в поле до зари.
Развить в них страх, да так, чтоб слово «русский»
Они не смели вслух произнести.

— как могли бы мы догадаться, что слово «русский» нельзя считать нецензурным или цензурным, что оно такое же дозволенное науками и искусствами, и средствами информации, как… «и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык»? Сами о легальности этого слов мы никогда бы без помощи писательства России не догадались, как не догадались бы о праве названных народов на свой язык, на свое национальное достоинство! Унитаризация, унификация, выстраиванье по ранжиру — что уж тут лукавить? — придумана не хорошими и плохими христианами и социалис-тами и даже отвратительнейшим орденом

храмовников-масонов, а на совершенно откровенной ассиро-вавилонской заре, славной хотя бы тем, что не все народы стремилась истребить Вавилония, а только часть, и задолго до работников ЮНЕСКО отводила Небу первейшую роль в организации всех дел на земле. А роль Кремля в организации земного космоса (а тем более роль каких-то там троцких и сталиных) — она такова, какова она и есть — отражение остального мира на особый российский лад, и хотя трагедия немыслима без крупного плана, если бы художник корни Смуты в драме своей оборвал бы на рубежах рождающейся из ужасов вольницы великой империи, то вся драматическая эпопея была бы такой же неправдой, как чрезмерно свободная от правды крайне левая и крайне правая журналистика — за все последние семьдесят лет!.. На негазетную концепцию такого необычного героя мировой драмы, как Россия Смуты, на генеалогию древа ее смут, позора и славы — какой благоразумный драматург может решиться, если есть четкие предписания: Сусанина не было, Минин нехороший, Пожарский плохой, первый Самозванец глуп, как пробка, второй — вообще никто и ниоткуда, а о Церкви что тут и говорить — мракобесие одно, никаких понятий о жизни не имущее!?. Предположение, конечно, очень рискованное, но думается, что автор «Ваньки Каина», «Царских игр», «Россиян», «Бестужева-Марлинского» газет за последнее семидесятилетие, отмеченное великой славой и бесславием, вообще никогда не читал, но много размышлял над чудом человека и над совсем недавно впервой опубликованными «Записками о старой и новой России» Карамзина! — где такое еще возможно, кроме России?.. Ведь читая газету, никак невозможно сохранить те 18 процентов умственных способностей, которые один простодушный депутат Верхнего Совета, врач, отводит, среднему человеку, каковым, разумеется, является всякий писатель, который не депутат Верховного Совета — это уж как пить дать!.. В то время, как даже депутатским «умом Россию не понять»?.. У Скворцова Димитрий — сын Ивана Грозного, хотя и не сильно щепетилен в вопросах морали, но дьявольски умен, демократичен — вполне всерьез, даже после выборов (после избрания), по-царски и даже более щедр за счет госказны России, страшно прогрессивен, к маскарадам куда более пристрастен, чем сам Великий Петр, но у него это больше от Камоэнса или Сервантеса, нежели от реальностей Московского государства, возмутивше-гося от его дорогих и вообще-то непривычных чудачеств в угоду царице,— думающей себя еще и будущей королевой и великой католической императрицей! Карнавальный фарс, мистификации всякого рода народ не только терпит, но даже вполне уважает, однако, вслух размышлять о том, что в нем, в народе всего лишь 18 процентов интеллекта — это значит быть либо очень недалеким, либо озаренным всякими

невозможными на земле картинами! Великими актерами в «Царских играх» и вполне очарованными странниками (одаренными и свыше и сниже!) выступают и Димитрий, и Марина, перед которыми ворота власти над народом (имущем 18 процентов ума — «по депутату!»), а также все сокровищницы Кремля широко распахнулись, как в том же волшебном театре или в «Тысяче и одной ночи» — бери не хочу! И они с глубокой верой в свое предназначенье: первый — сделать Русь великой православной, а вторая — католической, но тоже великой империей, широко и упоенно играют в законных российских царей, да так широко, что и вовсе забывают они — на чужом пиру лестницы круты… Наивное представление о 18 процентах ума у той части народа, с которым не больно-то принято на Руси советоваться, явно было не чуждо и этой кратко, но громозвучно поцарствовавшей (очно и заочно) чете! Ведь тут не быть крайне жестоким, раздавать милости войску, устраивать кормление, реформаторствовать, соблюдать внешнее дипломатическое равновесие — всего этого недостаточно, потому что у малого — боярского и магнатского засценья своя корысть, свое представленье о «местах», у великого народного засценья — свои святыни, свои боли, свои видения, сознание своей земли, даже когда она отобрана — куда выше 18 процентов, которыми может располагать даже очень умный самозванец любого звания и чина. Толпа, люмпенизированная шубниками и шубарями и накачанная зельем, бесчинствует, шубники и шубари ловят мгновенье своего счастья, «народ безмолвствует», но ведь и Христос, и Магомет, и Будда, явно располагающие 18 процентов депутатского ума — тоже безмолвствуют? Однако к безмолвию Димитрию и Марине следовало бы прислушаться, ибо только его молчаливая речь по-настоящему красна. Небрежное святотатство царской четы и хитромудрое, как и по сей день,— демократическое святошество вечно алчущих власти и трона шубников,— вот из чего вырастает опрокидывающий момент коллизии краткого панованья знаменитой исторической четы, положившей начало великому движению самозванчества, со всеми его — «вот тебе, бабушка!..» И все же в Димитрии «Царских игр» были задатки Великого Петра, которых во всех последующих самозванцах и святотатцах мы уже никак не видим, хотя дальше они пошли, мыслящие как-то и вовсе геоглобально-имперски! А там, глядишь, и на русский дух свои злодеяния списать можно. А располагающий 18 процентов депутатского ума (настроенного против закона о самоуправлении!) вряд ли осмелится возразить диктатурам, придумывающим себе самые ласковые для народного слуха названия, вроде «лорд-протектор демократии самой широкой», либо «конструктор ломки и раздачи и благоденствия»!.. Но именно неслучайностью и реальной

действенностью жив и ценен — прекрасен для нас Димитрий «Царских игр» — он игрок, а Россия для него не только сцена, но и ставка в игре изрядной! И нельзя не подивиться, что для Димитрия (в драме, не сегодня рожденной) нет никаких там «быть ли не быть», «любовь или долг», его не смущает и не волнует его, что там будет с Московией в случае провала его большой авантюры с вторжением! Он — последний Вольный рыцарь и Первый популист — одной ногой там, другой здесь! — приветствующий зарю Нового востока, человек безо всяких там предрассуждений нравственного порядка, зато театрально очень приглядный и эффективный — Комиссар-1990, хотя и значительно яснее просвещенный и в практических конституциях более поднаторелый, и к России даже как бы благорасположенный, как фермер-колонизатор, мечтающий о мировой славе своему обетованному саду!.. В серединке которого будет сидеть Марина, ибо любовь зла… Идеалист он, конечно, во многом, но выводить его из литературы, чтобы удовлетворить суровое требование — «сравнивать литературу только с литературой!» — просто невозможно, потому что он — одна из постоянных (вечных!) величин российской истории: популист и прожектер, и увлеченно играющий актер на троне, окруженном сонными шубниками и смутьянами ради смуты!.. Не в том счастье, что он весь сегодняшний, а в том, что он весь из прорв древней народной трагедии. И вечный хор великого засценья его так же люто любит, как ненавидит люто, ибо дела меньше, чем бочек с угощеньем и столов с обещанным пряником, да и обозы с твердой валютой не в эту сторону, а в ту. Как тип драматического героя, носящего зерно драмы в самом себе, он определенно нов своей пылкой, горячей, искренней двойственностью: Марина — Ксения, Польша — Россия, Православие — Католичество, Абсолютизм — Конституция, Боярство — Кромешничество, попробуй тут не вырули прямо на Лобное место!.. Он, вероятно, и родился под звучащее из всех смутных сфер, трагически-ласковое «Не шуми ты, мати зеленая дубравушка!» — рожденное, надо думать, в правление Грозного… Точно такое же пение слышится за сценой в «Ваньке Каине», главный герой которого тип фарсово-грубый, цинически-площадной, но гениально-циничный, сравнимый разве только с людьми новейших времен, абсолютный люмпен, выскочил на сцену, все-таки откуда-то из закоулков «Царских игр» на редкость монотемного драматического поэта, вернувшего зрелищное искусство на сложные психологические стези из области запредельных умствований и небрежных драматургических набросков на темы литературы, истории и философии, и зодчества навыворот, ибо все в человеке! Человеки, странные уже потому, что они человеки — с драмами в самих себе, не вдруг и себе открывающимися — вот из чего

вырастают самые сильные зрелищные пьесы К. Скворцова, обнаружившего снова, что человек-то как раз и есть само искусство и сама наука, и сама бутафория — смоляная чучелка, дабы влип в нее собрат и сильно запутался — тоже дело рук его! Не затмение, а распутывание джунглей души вряд ли может импонировать бутафорскому творчеству, но не для того ли и весь великий иллюзион искусства, чтобы «во всем дойти до сути»?.. Думается, человека к самому себе, художника к самому себе приближает только правда, а не разбойный свист, хотя к разбойному свисту, от которого мурашки по коже, драматургия тоже никак не может быть глуха и безразлична! Вот в героях Скворцова как раз много и коварства, и прямого разбоя, и подкупающей искренности и простоты, что хуже всякого воровства! Разве Димитрий, одной рукой нагружающий телеги Мнишков московским золотом, а другой — кующий родной державе непобедимое оружие,— не великая загадка? Сравнивать с литературными предтечами — Димитрия «Игр» никак нельзя, поскольку даже отмеченный печатью некоторой царственности и благородства манер (не в укор его последователям будь сказано — каждому свое!) — он патриарх самозванцев с глобальными претензиями, но не столько чудодей, сколько трагик, художественно политический, достойный всякого сожаления, талант, севший не в свои сани!.. Мир эпохи европейской контрреформации потерял отца авангардного театра, не потрудившись вникнуть в суть его системы и описать хотя бы какие-то принципиально важные элементы его театра, чтобы впоследствии приписать все это людям менее одаренным, хотя и ставящим на карту целый мир!.. Воздать историко-эстетическую справедливость неоднозначному, но почему-то лишь как «враг народа, а не царь» понятому разбойнику, оценить его лицедейский гений, по сей день вызывающий зависть и дешевое подражание целых армий безосновательных самозванцев, уповающих только на силу бутафории — вот, по-видимому, подспудная цель «Царских игр». Ибо… «Мир — балаган. Живые только куклы» — в разных вариантах открылось еще древним, более искусным в понимании законов театра, чем сегодняшние мировые небожители, полагающие взять его грубой силой!.. Ведь сама российская история, в том числе сегодняшнего дня, настолько богата почти героическими, трагическими, фарсовыми, всерьез загадочными личностями, и настолько (сама по себе) благородна и чудно-смешана, и темна в своих вертепных безднах, что в драме темнить под джойсова «Улисса» тут не приходится — своих Одиссеев девать некуда! Ищем начала и концы, и примерные контуры либерально-демократических в своей неверотерпимости диктатур Бог весть где, но не в своих душах, не в родных лидерах трибун и площадей, работающих средствами не всегда лучшего балагана. Писать жизнь (а драма — это

жизнь, а не смерть!) с Ленина или там с Малевича и Троцкого или с музейных антиков — зачем ругаться? — волен всякий, но если не с литературы, а с неисчерпаемого в самом себе человека (с жизни т. е.), находя вдруг вечного Манкурта в нем, как это случилось Ч. Айтматову, или Ваньку Каина, как повезло в этом К. Скворцову, или своих — «дубы на гробы» — В. Высоцкому, то так тоже, наверное, можно, коли поучается художество высокое, новое, а не просто арьергардное! Или авангардное, закрывающее жизнь, вместе с ее реальной культурой, историей и человеком в середине?..

Димитрий: Я жаждал власти… Да!
Я строил призраков, их вел на битвы.
Мне ангел пел, и бес стучал в ребро,—
Свеча и книга — высшее добро,
Но что постиг?.. Не разум, а гордыня
Всем миром правит.

Марина: Я твоя рабыня.
И хочешь, от престола откажись!

Димитрий: Тебя достойной сделаю я жизнь!..
Но мне хотелось нынче, здесь уже
Не по уставам жить, а по душе,
Но видит Бог, грядет кровавый год…
За мной страна, за мною мой народ!

Чем не средние, обычные т. е. люди (с 18 процентами от депутатского ума), до тяжкого ранения стрелами амура о московском троне может быть очень уж всерьез и не помышлявшие?.. Но как мир на изломах времени — не только наивно-идиллическая светская комедия, а сама трагедия народов, то эта большая драма и втянула их в свой, видный со всех сторон, круговорот. Круговорот,— хотя и безо всякого предвидения дурных последний,— но весьма не худо подготовленный братаньями и встречными движеньями московских и польско-литовских оппозиций и династическими распрями личностей (как Сигизмунд III) и просто фигур в игре, думающих себя по свойственной всем, воистину простым, людям человеческой слабости,— гроссмейстерами, тяжко склоненными над легкой плоскостью шахматной доски мира!.. И каждый из них не только хорош, но и уморительно прекрасен чудом непогрешимости перед лицом Бога, которого каждый из них видит не иначе, как личным слугой своим — что уж тут толковать о народе московском или там подмосковном? Ведь в полном соответствии с волшебной народной сказкой все порфироносцы и лишенцы, и просто теневые Робин Гуды, только о том и мечтают, как бы привезти в своих обозах этому доброму народу всякое изобилие, счастье и пир на весь мир — понятно, что из приязни и глубокого уважения и понимания: достоин!.. Да, это театр игровой, а не

просто литературный, тут все игроки, кроме народа — до поры. И поэтому добро и зло, меняясь местами, кувыркаясь, переплетаясь в чудовищнейших клубках, озабоченное лишь собой, порождает грозу народную, которая будет разыграна потом — в «Россиянах»…

Димитрий: Мне черт не страшен,
Но так мы с вами дело похороним —
Католику не быть в Москве на троне.
Народ не примет этакую меру.
Рангони: Ты втайне, сын мой, примешь нашу веру
И станешь чище.
Димитрий: Есть письмо из Рима,
Но мне нужна не вера, а Марина.
Она одна!
Рангони: Странна мне эта речь!
Димитрий: Зачем мне ляхи, коль со мною Сечь?
Казаки все явились поименно
И встали под мои знамена.

И глядя на всех прочих игроков, вскормленных отечественными и великопольскими хлебами, никак не подумаешь, что они какие-нибудь пустопорожние люди от «гнилых мест» (так бывает в парламенте Англии, а у нас — никогда! нет!) — это люди, будь здоров, с какими родословными и вообще не какие-нибудь там шуты гороховые, но их-то много, а Россия — одна, да и та, вся в становлении, брожении, смуте! Вот почему не всякий Санта Клаус, сулящий завалить россиян пряниками, может стать Хозяином Кремля. И в этом по сей день — суть мировой трагедии… Непогрешимы все, но загадка: никто не рвется стать папой римским, а Хозяином Кремля или, на худой случай, московским боярином стать все хотят и кандидатствуют! И прорываются на миг, чтобы в отличие от деятельного и во многом разумного Димитрия, на самой высоте холма сообразить: не по Сеньке шапка! — в Риме счастья попытать надо бы… Мифологизирование представлений о России оборачивается драмой… для всех! Пушкинское «народ безмолвствует» широкой массой управленчества и депутатства смело и решительно истолковано в том смысле, что поскольку он, народ, все больше на работах, то его как бы и нет, а сброд решает все… Но думается, что скворцовское ощущение народа — как стихии таинственной, молчаливо мощной и грозной, вполне отличающей слово от дела, ближе к пушкинскому знанию народного духа, на котором зиждется всякая историческая драма, но никак не на увеличении числа землепашцев, ремесленников, рядовых воинов и розничных торговцев — прямо на сцене, если они не выделены в античные хоры и полухория! Народ в «Царских играх» представлен, пожалуй, лишь Пожарским и матерью Пожарского Марией, не беда, что род княжеский и не юный… Ругаемая на все лады

провинция — матушка зато! А самозванцы многие, поначалу, так им — что-то вроде батюшек. Вот мы и не знаем, как потом все обернется! Да и автор до окончания работы знал лишь одно: «народ безмолвствует» — лишь условно, а история — не канва, а возмущение человека, пораженного открытием в себе конечности и бесконечности, и стремящегося высоко продлиться, хотя на первый взгляд он всего лишь холуй или хам, как принято почему-то думать о людях сопротивления различным интервенциям. Об интервентах же принято думать как о разносторонне развитых личностях будущего, прогрессивностью взглядов своих сильно опередивших время! Художник же, если он талантливый, может исходить только из того, что есть или может быть в человеке, и получается, что интервент — он никогда не прогрессивнее и не регрессивнее простых смертных, но лишь более тщеславен и легкомыслен, и вообще все дело не в партиях, а в озаривших их проходные дворцы личностях!.. Вызывающий отказ автора от твердокаменной абсолютизации того или иного персонажа (даже с самой исторической фамилией) или обеднения словесного знака (например: иезуит, шут, шубник, царь — это переменные величины — тем и другим может оказаться каждый, как это ежедневно и случается!), дело хотя и не новое, но ведь у Скворцова на развитии характеров держится и все действие.

Сигизмунд: Все это — маскарад.
Анна: Что в жизни нашей
Не маскарад. Скажи.

Рыцарски верным своей стране, осознавшей себя, имущей свои святыни и свою историческую память, остается независимо от политических конъюнктур — Пожарский — потом в «Россиянах», не сам себя выдвинув-ший в народные полководцы! — но это константа нравственная, а не стремление к отличию внешнему, крайне доступному для человека бывалого в любых смутах.

Марина: …Царь крут с тобой. Не жалует ни ласки,
Ни денег. Почему так?
Пожарский: Я — Пожарский.
Служу за честь.
Марина: Наш царь душою черен.
Не любишь ты его.
Пожарский: Ему я верен.

Будущий возмутитель и полководец народа против множеств «царей» (цареборец т. е. — по-своему, но без личных притязаний на магическую и магнетическую шапку Мономаха) старомоден, особенно-восхитительно, потому как правдиво! На фоне бурных сетований Марины: «Ведь даже в сердце беглого монаха, что стал царем, нет божеского страха — к любовнице сбежать из-под венца!» — веет никаким не придуманным, а реальным насущным и для сегодняшних и,

вероятно, завтрашних цельных натур — «Мы помнить все должны о Божьей каре».

Марина: Не верность это, стольник, а — личина!

Пожарский: Для верности, любовь — не та причина…

Темно, зато прозрачно: долг не в любви к царю, а в службе, не в болтовне о прямо-таки нестерпимой любви к символам власти в России, а в работе воинской. Красноречивый самообман — не стихия Пожарского, но Марина в ней всегда и везде — дома:

Супружество не более, чем лоск.
Мед только сверху, остальное — воск.
Я жизнь свою отдам на свечи Богу.
А крест святой укажет мне дорогу.
Бой у царя… И у меня сраженье…

Интрига у Скворцова, как правило, не нить в канве, а сама суть, сам дух коллизии — здесь это конфессиональное двоевластие в Кремле, едва замаскированное дремотным покачиваньем боярских шапок на обманчиво благополучном пиру, где роль шутов не менее велика, чем козни самих бояр:

Писарь: …Все написал… Но это вот — ДИМИТРИЙ
Пусть сам напишет!..
Шут: Писарь, на селитре
Тебе гореть…
. . .
Давай пиши! Настало время платы.

Роль пиров, во время которых куются козни прямо в полудремотах пиршества в засценьи, просто грандиозна, как в неповторимом чуде недавнего расточительнейшего нашего застолья, и гражданское состояние элиты, как это ни прискорбно, подмечено лишь вострым оком Марины…

Марина: В Европе так не празднуют победы
Великие, как здесь дают обеды.
Вино рекою, и гостей не счесть,
И всем одно: поспать бы да поесть!
Заведено от века на Руси —
Приходят все, кого ни пригласи!..
Воистину, бояре, словно дети:
Тем не скажи иль тех не упреди,
Уже на утро заговора жди!..

Чем не малый двор недавнего повелителя пролетариата — ЦДЛ со всеми его генералами журналов и газет и военно-духовных управлений? Ныне щеголяющих одежками крутой реставрации катаклизмов и расправ над тем же пребывающим в трупах и по этой причине безмолвствующим народом, как выяснилось, во всем-то обжорстве элиты как раз и повинном!.. Скажут о них или нет, но они бесконечно далеки, да и к чему им быть так-то уж близкими — к народу? К реальности?

Димитрий: …Но кровь славян лить больше не берусь.
Пусть я умру, но станет крепкой Русь.

И верой нашей будет враг побит.
(Увидел, что все спят).
Что это, шут, скажи…
Шут: Россия спит!
Димитрий: …Мне жутко, шут, от этой тишины.
Иван Романов: …Да и не спит!..

Элита бояр и полубояр, и шутов, конечно же, не вполне Россия, даже если ей самой, элите, это непонятно (и не может быть понятно, и не будет понятно), однако, как в руках народа, (если по большому временному счету) судьбы России, так сиюдневная жизнь народа в руках элиты. Единственно, над чем она не властна, так это над своим, как говорится — животом, сколько там не расчищай она разные наиважнейшие в Кремле сиденья для своих инструментов экспериментальных правлений. Над народом, пусть и не идеальным, но вообще-то способным к полным протрезвлениям, что мы как раз и обнаружим в «Россиянах» К. Скворцова. Подобно легковесной развлекательной комедии, драма названа «Царскими играми» не из случайной авторской прихоти, и даже не потому что погоду ее делают карнавальные шуты, паяцы, и бояре полонизированные и не полонизированные, предпочитающие отечественные плотные закуски… Дело в том, что еще вовсе не Россия — эта, воображающая себя до одури просвещенной на все лады — элита, высокоодаренно спящая вполглаза (пушкой не прошибешь!), когда царь и Пожарский испытывают новые пушки — ведь с Запада шведы идут. Не только в народ, но и на площадь еще не вышли толком игры в «Царских играх» — тут еще главней самого главного проблема родовитости и законной наследственности власти, законной наследственности смуты боярской, и проблема демократии — только сверху (от Димитрия) — для верхов… Но — что это часть России, причем, всем видимая, да еще и по сей день — это истина бесспорная: спросите у кулачных бойцов, пробивающих себе путь в благодетели и кормильцы народа — кто из них не потомок Александра Македонского или древнекитайских императоров или, на худой конец, идущий прямо от Аристотеля?.. Просто раздвинулись границы времени и пространства для родовитости и высокой классности происхождения и соответственно — прав на покровительство абсолютнейших и всемерных, вплоть до полной ликвидации покровительствуемых! — крестьян, например… Но что не в родовитости претендентов темной, как само царственное происхождение Димитрия, состоит счастье управляемого государства,— до этого прозренье отечественной уличной философии допрет, надо думать, не вдруг!.. Тем и дороги нам, зрителям, Димитрий и Марина «Игр», что они почти в каждом жили, живут, будут!.. И мы, верные идее мужественного постижения, будем их стремиться постичь — в самих себе! Рискованные

художественные фантазии в исторической драме, догадки о том, каков мог быть и, вероятнее всего, был на самом деле тот или иной великий удачник или неудачник, (комик как Ванька Каин или трагик, как Димитрий) хороши в лишь в том разе, если через призму этих характеров загадочных можно сколько-то видеть еще более загадочное «сегодня» и хоть что-то уразуметь для себя в нем — трагикомически повторяющем, но лишь в иных комбинациях все уже бывшее и драмой схваченное. Например, созерцая движение народных толп (кажущих могучие спины памятнику Пушкина), движение в чреве великоисторической закусочной Макдональда, как не обнаружишь в этом многотысячном народном движении старинный спор славян между собою? О коренной революции в искусстве времяпровождения, в искусстве растраты национальной казны, в нелепом передовизме навыворот — в споре навыворот и о чем угодно, и как угодно, но только не дельно о деле! Нет ничего худого в том, что более или менее подпольной экономике хочется плотно покушать и культуру свою показать и достаточную знатность и древность родовую, но выстроено-то все как? Чтобы, так сказать, спиной к Пушкину, первым увидевшего «живого» Димитрия, да и всю душу российской истории в неупрощенном виде! (Даже в харчевне). Тут спор о знатности миллионов, рвущихся в новые бояре над народом, спор о закусках (передовых и реакционных) начисто подавил всякие замыслы о конституции без многоэтажных кастовых стандартов, тысячный раз подтвердив, что столичные площади — это еще не народ, а лишь его призрачная видимость.

Димитрий: Воистину, коль не пуста сума,
Не надобно ни знаний, ни ума.
На Запад вы глядите алчным взглядом,
Чтоб победить его — войны не надо.
Крепки дороги, но надежней трепы.
Не закидать вам шапками Европы.
Голицын: Как говорит!
Шуйский: Да он продался шведам!
Шереметьев: Пора соснуть… Кажись всего отведал,
А то я нагрузился, словно вол…
Шуйский: Он за обедом музыку завел!
Димитрий: Нам сбросить бы невежества вериги.
Печатать бы не пряники, а книги,
Определить вперед движенье звезд,—
Русь поднялась бы с нами во весь рост.

Поди разбери, кто тут дальше от реальной народной жизни — кто завел за обедом музыку или кому она не дает традиционно крепко вздремнуть после ритуально мощного обеда, одн

ако совершенно ясно, что ни музыка, ни пряник — ядро, они — оболочка большой игры и трагедия народного засценья, которую — вот парадокс-то в чем! — выражает судьбой своей царь — неформал!..

Марина: Скажи,
Где царь?
Лавицкий: Он сам объявится… Бежим!
Марина: Да где же он?.. Скажи о нем хоть слово…
Лавицкий: Все кончено. Все начинаем снова…

Новелла Матвеева
трагедия балагана,
или
теневая психология в драме

В исторических драмах К. Скворцова, названных «сценами», актерский азарт самого автора, сыгравшегося со своими героями-«ворами» и народными героями, так велик, что будучи написаны не ради иллюстрации истории, либо подтягивания к трагической несуразице нашей эпохи, они, тем не менее, ***втягивают читателя (зрителя) в громкую с ними перекличку***. Ибо неоднозначные, скрывающие обычно свою роль и помыслы,— в гневе они прямодушны, злы, открыты как сами оракулы времен.

Пожарский: Чего вы делите в такое время?!

Лавицкий: Мы, стольник, изведем все ваше племя!

Всякая драма сравнима, прежде всего, со своей и предшествующей реальностью. Тут — с «Царскими играми», где Лавицкий, придворный шут, иезуит — плут незаурядных дипломатических дарований,— одного (первого) Димитрия для трона уже породил и, найдя в нем правителя не в меру самостоятельного, руками бояр убрал его со сцены. ***Самозванец-патриот*** и правитель, не пожелавший считать себя царем только в шутку — кому он нужен во время вдохновенного дележа земель России и ее «верхних мест»? Да и вообще, если искренне, то «верхние люди», где шут, по сути дела, самый верхний, не больно-то любят и жалуют друг друга в своих партийных группировках, не больно апеллируют к народным представителям — до часа открытых текстов, до времени народного подъема, с которого тут и пошла речь.

Лавицкий: Ты нужен нам до срока.
Гляди же, князь, не залетай высоко!

Почему поляки не шпарят силлабическими виршами; казаки говорят на таком же современном русском, как москвитяне; бояре сыплют двусмысленными шутками да прибаутками не плоше кооператоров в нынешнем Китай-городе?.. Да

чувствует ли автор хотя бы колорит московский начала XVII века? Где же тут балаган и где трагедия?.. Даже скромный навык чтения показывает, что судить о драмах этого автора (впрочем принцип может быть распространен и шире!) надо лишь, строго следуя библейскому правилу: не торопись языком своим… Топором хирурга-целителя — и подавно! Милосердно и снисходительно допусти заранее, что его работы почти так же замечательны, как твои собственные — это труднее всего! Но что сделать полезно в эстетическом, общепознавательном и даже нравственном смысле — прочти!.. По возможности — до суждения. Потому как суждения, может вполне статься, придется защищать! Хотя прежде всего, конечно же, надо защищать интересы читателя, зрителя — интересы судейские, ибо время-то на дворе демократически-коммерческое, суровое: попробуй предъяви читателю или зрителю, даже самому неискушенному что-нибудь не имущее своего (хотя бы за счет гримеров) яркого лица или за счет уличных суфлеров бурного образа действия! Но защищено должно быть и ***художественно не окказиальное***. Тут балаган — не самоцель, а лишь одно из средств эстетики древне-площадного театра, идущего от мудрейшего грубияна классической Греции — Аристофана, слишком гротескно-прозревшего кошмарно-веселый образ нынешнего и завтрашнего философа-торговца… И вот — его нам уже не кажут — в надежде, что мы не прочитаем!.. Не найдем в кинотеке Чаплина, в библиотеке Б. Шоу, в фонотеке Шаляпина, наконец, отвернемся от более временного, но тоже дорогого нам В. Высоцкого — ради дурных, рыночных писаний о нем? Но ведь это еще как знать!.. На заре оттепели все мы были поражены странными ритмами японского фильма «Голый остров», где жизнь снова и снова возвращается стараниями всего лишь одной семьи на марсиански голый остров: так и в искусстве драмы — не числом, а благородным упорством!

Героическая драма — средствами фарса — это для нас настолько внове, что не вдруг и рассудишь: а можно ли этак, если даже само название «Россияне» готовит к встрече с монументально великолепной неподвижностью, заранее священной тем, что «мы не дрогнем в бою за Отчизну свою». Однако на сюрпризах и парадоксах свойства и значения самого серьезного держится действие всех наиболее основательных пьес К. Скворцова, почему-то вовсе не пожелавшего связаться напрямую и в лоб с «живой современностью» с ее зелеными дорогами во все театры России — надпольные и подпольные, видимо трактуя «современность» и «несовременность» эстетически-философскими мерками А. Грина, и волнуемый другой темой, другими героями и напрямую — самой Россией как

страной, хотя всегда почти на грани катастрофы, но ***своей и вечной***.

В полном смысле художественная, т. е. оригинальная эпика, лирика, драма, никогда не выступающие в своем чистейшем жанровом виде, определению плохо поддаются, как не поддается ему улыбка Сфинкса: взор ясный и открытый, все материально-вещно, все на виду, а тайна художника, как бы самонадеянно, порой даже толково о ней не говорили — остается… почему? Думается, потому, что Сфинкс ***искусства вырастает все же на своей земле***, гармонирует с ее природой, глядится не только в твой день, но в объемное зеркало твоей вечности — прошлой и будущей… И, если весь ужас познания человека не борется в художнике с воодушевленной дерзостью познать до конца — дело худо! Т. е., если автор тебя, читателя, уже познал до конца, то читатель, зритель — его, тем более: говорить, значит, не о чем, потому что покупатель всегда прав, тем паче — при всегдашнем дефиците таланта правды! В случае с драматургическим творчеством К. Скворцова пусть уж мы будем не правы, но постараемся мнение свое обособить, — (читать не глазами рынка, который, вот где мудрец-то! — под маской Януса или Меркурия — всегда прав) — потому что драматургия, самое, можно сказать популистское искусство и вдруг не сориентированное на конъюнктуру, а все равно карнавальное,— это уже само по себе — новость, тайна: загадок тут довольно… Герой К. Скворцова никогда и никуда не уплывающий, так или иначе во всех драмах присутствующий — это Россия, чрезвычайно подвижная, часто работающая на оборотах, кажущихся пустыми, но мощных и попросту необходимых, и вся настолько полная парадоксами и неожиданностями, ломающими любые замыслы сверху и сбоку, что и театр ее нуждается не в философских ужимках и прыжках ***сверху***, а во взгляде, пусть даже самом веселом, но ***изнутри***. Без преувеличений и впадений в мистику можно сказать, что загадка такого неординарного героя где-то почище загадки Сфинкса. Конечно же, ни на один вопрос об этом герое Скворцова мы не ответим! А вот почитать эти драмы — прелюбопытно — может быть даже с кажущегося на первый взгляд кощунственным представления «Ванька Каин», герой которого очень причастен к России и весь — сущая загадка, но настолько живой, что как только земля его носит!.. Курьезен, замечательно плакатен, но весь живой, как и антипод его Бестужев в «Бестужеве-Марлинском». Трагизмом историческим и сегодняшним ироническим бурлеском житейским отдают и «Царские игры», и «Россияне», вышедшие из трилогии «Смутное время».

Лжедимитрий: Не страшен тот, кто бьется смертным боем,
А тот, чье имя носится над полем.
Не человек вершит дела, а имя.

Издревле было так. Так и поныне.
И человек — от века не один:
Укрылись в каждом раб и господин.
Господь велик, но что ни говори,
Лишь случай производит нас в цари,
Располагая царственным венцом…
Когда я был у Дмитрия писцом,
Я слыл змеей без мудрости и жала…

Да, в «Царских играх» он присаживался на трон не по своей доброй воле, а волею шута. И терял дар речи! Но тут — в Тушино его актерские и философские таланты раскрылись с силою небывалой, и для него самого, бывшего писца царского, неожиданной, ибо человек он характера самого диковинного, а не просто пешка в играх демагогов и вовсе не буковка латинского или славянского шрифта Истории! Он — работник психологической, человеческой и народной драмы, которая и есть подлинный дух Истории. Лжедимитрий — по-своему гениальная находка магнатов Польши, и боярзападников, и проходимцев из служилых людей. ***Он распределитель России, ему не принадлежащей*** — идеал верхней фронды времен, ибо что может быть для людей деловых приятнее и любезнее гуманитария на троне? Да еще — такого артистичного?

«Я ложный царь. Но что не ложно в свете?» — уж не на этом ли «моральном» постулате совершался и тихий переезд «оттепели» в бурный застой разложения и могучего казнокрадства? Помнится — на этом!..

Кто здесь не лицедей, а ну, ответьте!
Мы отродясь, не ведая причины,
Меняем каждый день свои личины.
Все лицедеи мы. А как иначе?!.
Одним готов провал, другим — удача!
Но нас не надо опьянять вином,—
Дай появиться в образе ином!

Даже решительно перестроившихся — нас застигает врасплох этот Лжедмитрий — странный общественный прокурор! Подумать только — ***дважды ложный***, а каков? Что твой слуга народа или отец города! В эпоху геоглобальных скоморошеств и мощных движений перераспределения все его речи, конечно, нас больно ранят в печень, легко приспособившуюся к ядохимикатам! Сильно задевают многое переболевшие сердца, ранят их, решительно уязвляют душу, вгоняют в краску смуты лицо: а как бы выкрутиться? И в кого бы ткнуть пальцем? Ибо, что талантливо, то, наверное, и современно? А не наоборот — как принято думать? И куда указать пальцем прошлого и нынешнего — в тех, что одесную или — ошую?.. Как если бы драма исторической жизни могла вершиться без определенного согласия, лада, гармонии великоворовских интересов каждого человека!.. Что же до художника, то не

тема, видимо, делает художника, а сам художник определяет себе тему — ***свою или не свою*** — и возвышает ее и себя, либо роняет в болото ее и сам с нею падает? И впрямь: «Кровавая досталась нам эпоха. Кто брал Москву,— кончали очень плохо!» Бывают темы, которые не могут не влиять на масштабность художественного мышления, где на одних прозрениях не выехать, а нужны подлинные знания своей темы и предмета изображения. Скворцовскую трагифарсовую Музу вызвали на сцену, конечно же, сама тема вечной смуты боярско-разбойной и столь же вечного воинствующего самозванчества — этого фанатичного цивилизаторского миссионерства рыцарей плаща и кинжала, готовых на все, но не на все способных: при всем византизме сознания и поднаторелости в схоластике, и достаточном коварстве, практической широты кругозора не достает у них на элементарнейшее уважение к ***чьей бы то ни было*** национальной самобытности. Да собственно и не существует для них этих «кого бы то ни было» — т. е. нечиновного простонародья российского да и царственного «простонародья» тоже: подумаешь, «убрать» какого-то там касимовского царя Ураз-Мохамеда!.. Но общеизвестно, что недостаток морального воображения дорого обходится властям даже самым законным,— в России, по крайней мере… А уж художникам так и вовсе!

Шут: А я скажу: что ветер, что венец
На голосу,— а все один конец!

Этот несложный внутренний принцип рыцарей поздней Контрреформации — католиков, но уже вполне атеистов! — по-братски разделяют и Лавицкий и Лжедмитрий, (ищущие опору в объективных законах и субъективном актерстве) и Андропов — казначей царский, и перебежчики-бояре! А полководцам польским и литовским, конечно же, не до философских материй, ибо они стратеги, знающие и уважающие только право и значение стратегии. Вот на чем и держится шутовской, буффонадный нерв: комедия — для одних, трагедии — для других! Ведь потерять веру в силу расчета — не пустяк!.. На сцене же господствует вакханалия комедии, которую определяют венценосные и более мощные шуты, по простой человеческой слабости думающие себя не только передвигателями армий, но и душой вполне незнакомых им колонизируемых народов, отличных друг от друга разве либо одежками да разрезом глаз!.. Что в сравнении с алчью банкирства и наемничества народы, априори признанные хозяевами никудышными и, следовательно, гнусными еретиками, добывающими себе хлеб насущный трудом неинтеллигентным,— чего они достойны?.. Сказки о том, что аборигены всех стран — плохи, а завоеватели хороши — обладали, обладают и всегда будут обладать волшебной притягательности мощью, творящей актеров политики и права! И — драмы — тоже с

ее карнавальной внешностью и трагедийной душой! Кто играет во что, а народ до поры охотно играет в навязанную ему со всех сторон роль отчаянного дурака.

Марина: Извини, я плачу.
Не по плечам такого счастья груз.

Голоса: — Плачь, легче станет!
— Плачь!
— В слезах вся Русь!..
— Несчастные, понатерпелись бед!..

Лжедмитрий: Царю слезу показывать не след,
Но не сдержаться… Экий стыд!..

Голоса: — Поплачь, наш царь!
— Народ тебя простит!

Рваный бок: Обрел кинжал потерянные ножны!..

Хвали-Бога: А говорили, будто царь подложный!..

Когда в дни государственных празднеств перед исполинским портретом Леонида Ильича (на Центральном телеграфе) восторженно и сильно рыдали шубные толпы нашей теневой экономики, то до сих пор непонятно — для чего рыдали и зачем пускал слезу умиления застенчивый прохожий народ — от вина или от магнетизма великофарсового действа? Почему государственный вор, чем он крупней, тем сильнее склонен к скупой, но мощной мужской слезе, приводящей народ в подлинный восторг и немедленное желание пуститься на все тяжкие? Как жаль, что этот социально-психологический феномен драматургов мало интересует! А вдруг ультрасовременная правда скоморошного исторического действа дороже речевых стилизаторств «под эпоху» и ее характеры, склонные к самовозобновлениям ***во времени***?.. Думается, и переводчики Шекспира, которым суть дороже староанглийского слога, ближе к правде шекспировских характеров, вечно повторяющихся? При чем — Шекспир?.. При шутах! Умных! При шутах — снова после Аристофана значительных, дельных — по сути дела — «творцов истории», проникновеннее прочих вникающих в комизм бутафорства и в драматизм всякой великой глупости, творимой людьми власти! Шуты — не атрибуты драмы, а ее вдохновенные кадровые работники, настолько компетентные в своей исторической области, что они таинственней самой Клио, которая нет-нет да проболтается о свои тайнах… На фоне сатиры господствующей, откровенно поверхностной, анекдотически-проходной, кроме массовых тиражей ни на что и не претендующей,— мир лицедеев К. Скворцова настолько непривычен, что одним он может показаться незаконным для драмы, а другие давно отвыкли вникать в драматургию, ***где нет пустых или полных прилавков***, а есть лишь Россия — удивительная и странная, незнаемая, и лишь порой выхватываемая из притворной и непритворной смуты ума ***солнцем театра человеческой драмы***… Россия — не как прилавки с колбасой или без — а в качестве

огромного Дикого поля великих прибылых лицедейств, по законам контрапункта рождающая сама великих людей и довольно замечательные идеи, которые тут же — (находятся ведь как из-под земли мудрецы!) — обращаются в буйное движение пустопорожней схоластики и в океаны трибунно-сценических слез, угрожающих народам России всемирным потопом, заставляющих верхних людей либо смазывать пятки, либо мечтать о ковчеге ноевского образца, либо о замках типа Эскуриала — на горке чтобы, значит… Мир скворцовской шутологии необычно сложен. К иерархически высоким и низким — малым лицедеям и глумцам Скворцова с обычной человеческой мерой не подходи — они в чем-то люди космические. И лишь космически дурны или хороши или все вместе! А вовсе — не человечески! Ибо вышиблены из округлости социальных орбит с центрами сознания, ***инфернальные люди, родственные, однако, крепко земным людям*** — своим хитроумным и жизнерадостным демонизмом сталкиваний, притягательным гроссмейстерством больших и мелких бесчинств! А с народом почему-то не сливаются! Тут автор, наверное, невольно несправедлив к целому народу… Не то, что в скоморошных представлениях «Ванька Каин», где все — от верховной власти и до вертепных и волочных людей — роковым образом шуты (а наипервейшие шуты — это всегда диктатуры, левые или правые, национальные или интернациональные), ибо только так можем мыслить и чувствовать, и жить, на том стоим, а иначе не можем!.. И, разумеется, такая драматургия — дань и гордый памятник не столько эпохам рюриковичей и кандидатов в таковые, но прежде всего щедрое воздаяние высокоартистичным людям Депрессии, которые, оказывается, все до единого были впереди, а позади никого и не было!.. Но впереди чего, кого и в каком направлении страстей? Вожделений?

Ружинский: Марина потеряла честь и стыд,
Она страну любую разорит!..

Лжедмитрий: Но кто здесь царь?!.

Ян Сапега: Стань тихим и немым,
А мы светлейшим именем твоим
Распорядимся царскою казной!

Как видим, ***местами*** — этот по своей грубой откровенности балаган к изыску и манерности и не тяготеет! Он демократичен. Автор отыгрывается все же не на ободранном, как липка, народе — тушинский аппарат управления тут впереди прогресса разворовывания и цинических бесчинств! Но еще непригляднее этого стабильного аппарата — снующие между Тушино и Кремлем бояре и полубояре (перекати-поле), вовсе люмпенизировавшиеся с резким крушением власти законной и законных княжеских знамен, путь и не передовых, но преданных власти национальной, московской. Конечно же,

этот исторический балаган — не елизаветинский, не шекспировский, но по своей демократической широте и прочности, по смещениям народных кругов и непрестанных буйств их, странный театр этот сродни шекспировскому. И не диво, ибо есть сегодня (несмотря на привычное нам диктаторство клик в печати и на сцене) свободные выходы театров на площади и в закоулки торжищ, несущие на себе некие отсветы суровой эпохи елизаветинско-грозненской:

Марина: У глаз твоих добавилось морщин.
О, как я их любила целовать!..
Учитель: Шут, приготовь им царскую кровать.

Ну какой идолотворец и идолопоклонник — а таковы мы все! — при виде столь «теплой» и трогательной, и родной встречи авантюрно-талантливых злодеев, лицедеев и вралей государственных не заревет навзрыд?!. Не зальет слезами ряд неперспективных подмосковных деревень? Тут — чин и протокол, и расчисленный Учителем массовый психоз великолепны, очевидны, замечательны: сострадание претерпевшим — прежде всего! Тут и про сожженные города забудешь! Так что психологизма в «народной» драме бывает и поболе, чем в парикмахерски-светской. Тут было бы все неправдой и неискусством, если б в действии драмы комедии… живейшее участие принимало только аппаратное ворье, которое довольно ошибочно принято считать интеллигентным, ибо они точно такая же интеллигенция, как скромный по званию и по-своему вежливый, бывший крестьянский сын Рваный Бок:

… Зачем таскать телегу за собой?..
Я взял пищаль да и пошел в разбой!
Заспал жену, забыл отца и мать.
Я не дурак, чтоб землю-то пахать.
Царя ли защищать нам или вора,
Не все ль равно?.. И ты привыкнешь скоро
Зато у всей Европы на виду!..

Думается, что гражданско и нравственно совершенных народов, этнических каст и пр. соцобразований не бывает, хотя во времена самых невероятных смут все думают иначе… Но что земля и народ на ком-то и на чем-то все же держатся во времена самых невероятных смут, что кто-то и что-то людей страны объединяет во времена катаклизмов — это замечено всеми давно! Тут уж Рваный Бок да Хвали Бога, может быть единственные в этом удивительном мире, не претендующие на роль безусловных интеллигентов и спасителей отечества и сверхдемократов, хотя за соху свою держались, покуда это возможно было! Тут люмпенство — открытое, прямое, не смех вызывающее, а ужас: они — со-разбойники, со-ратники любых претендентов в «верховные» интеллектуалы — в российские цари и канцлеры. И в солюмпенстве, в соразбойничестве на них может положиться любой самозванец, угнетенный переизбытком интеллекта,—

хоть отечественный, хоть прибылой! Будьте покойны — они одинаково со всеми сонмищами самозванцев чувствуют себя рыцарями над народом неприметным, т. е. работающим народом, ибо вполне разобрались, что воровать много прибыльнее, нежели работать на чужака или ***воевать за достоинство народа***! Тут все и жутко и просто. Правда вечных антиподов — ***всесословного люмпената и собственно интеллигента*** — сложнее: первые — разрушители человека и общества, вторые — созидатели человека и общества. (Грамота и рассылаемые туда-сюда грамоту,— здесь не при чем!). Просто, первые — не граждане, а второй — гражданин, как бы его там не обзывали! «Россияне» — драма не наднациональная, и поэтому как бы прямо к ее внутренней философии не относились темы «Фауста» Гете и «Так сказал Заратустра» Ницше, постараемся не отклоняться в дебри демонизма вседозволенности…

Голоса: — Идет!.. Идет!..

Рваный Бок: (крестясь). Забыл уж как креститься!..

Марина: (появляясь). Димитрий!.. Жив!..

Голоса: — Виват!..

— Царица!..

— Мать!..

Марина (на коленях — к царю). Твои следы мне благо целовать!

Кто для нас Марина «Россиян»? Интеллигентка (она ведь пограмотнее каких-то там — купца Минина и князя Пожарского!) или она, попавшая в случай (дворянская) обывателка от закусочной «Макдональдс», или просто католическая культуртрегерка — авантюристка в стиле Марии Стюарт, воспетой и сильно перевоспетой поэтами в качестве свободистки, хотя ведь была-то кровавой!? Или зауряднейшая сегодняшняя популистка? А дерзость Лжедмитрия — это интеллигентность, мужество и благородство натуры или ***просто неуемная алчь*** и др. необратимые «революционные» сдвиги в психике? Думается все эти допущения одинаково страдают приблизительностью… Он — люмпен времен и социальная гроза времен, как Ванька Каин (из комедии «Ванька Каин»), но без той бесшабашности и размаха и безусловного чутья условий «игры»… Зато он софист более тонкий, чем Ванька Каин. Для таких — любые великие государства — не более, чем ***территории для дележей***, а народы и культуры — ***трудовые резервы*** для дележей. Дели и бери — не хочу! Нет, он не плоше Ваньки Каина — оба они в чем-то абсолютны, но Лжедмитрий играет из-под палки, не забывая всю фальшь своего положения и состояния, в то время как российский собрат его четко видит высоко в небе над буйной головой своей петлю, и летит прямо в нее — безоглядно и стремглав, ибо в этом его упоение!

Цитированные народные, а точнее площадные сцены, подобные пушкинским — «народ безмолвствует» — действительны для всех времен, хотя читатель догадывается, что там автор имел в виду не народ, который вечен, а взметенную сиюминутную, люмпенизированную толпу со всеми дикостями и враньями толпозной биопсихологии, действительными и страшными равно для Москвы и Рима, Парижа и Лондона. (См. «Барнеби Радж» Ч. Диккенса, «Отверженные» В. Гюго… Если же не «см.» — даже «Бесов» Достоевского, то беда: расцентрованный мир — это где-то уже там в запредельности, где и физические законы-то, поди, другие, а нравственные — мертвой материи космоса — это как телеге пятое колесо или собаке пятая нога!).

Юрий Мнишек: …У лжецарей удел, шут, одинаков!..
Пора б прийти!..

Шут: Приветствуют казаков!
Послал царице нынче праздник Бог.
Не охлаждайте, пан, ее восторг.
Одна любовь среди знамен нетленных
Есть радость.

Юрий Мнишек: Что?

Шут: Показывают пленных!

Юрий Мнишек: Да где же они застряли?

Шут: Не спеши.
Там есть еще и шведы и шиши!..
Пей, воевода!..

Как тут невооруженному народу не безмолвствовать, коли все грады и веси полны дерущимися и взаимодополняющими друг друга «интербригадами?» А вожди военного аукциона грозненского наследия и весьма неоднозначные московские коллаборационисты и католики-просветители — опрометчиво-торопливый народ центра Великой смуты, без малейших сомнений устремляющий свои пылающие взоры в лучезарную даль, куда-то поверх тех самых отсталых крестьян, которых они вознамерились осчастливить передовизмом, перекраивают карту «кондовой» (зрелой, значит!) Руси, «с легкостью необыкновенной!»..

Троекуров: Что это значит, гетман?

Филарет: Не в обычай
Делить медведя, не убив добычи!

Ружинский: Мы знаем сами.

Ян Сапега: Ты нам не указ!

Превосходство художественной драмы над «живой жизнью, как она есть» — неоспоримо! Если в жизни ораторский успех решается частотой мелькания на экране, протяженностью речей о невыразимой любви к прогрессу Отечества и неприязни к отсталости отечественного колбаспрома, о неприязни к правительству, скушавшему не только всю колбасу, но и весь маргарин, выделяемый из трав

солнцем ораторской смелости и мудрости, то даже в непритязательной комедии ***такой липовый демократизм не проходит***! Ибо зритель, сам довольно поплававший по житейским морям на «корабле дураков», догадывается и сам: чья кошка мясо съела, на том и шапка горит! Зритель требует — поближе к делу, и гляди — в корень: слово — дело — характеры — дурные и темные, но свои, раскрывающиеся под огнями рампы очень быстро, как диковинные цветы! И — чтобы — меня — меня, зрителя! — показал, а не правительство, которое сегодня одно, а завтра другое. Оно может еще веселее и нахальнее, ***но всегда — безличное***! А вот Марина и Лжедмитрий — это уже ***кое-что***, уже немножко ***и я сам*** — зритель, т. е. и наблюдатель жизни, и хитрый люмпен-обыватель, ждущий своего часа! Звездного, конечно же, а не лунного…

Лжедмитрий: …когда слова лью в уши, словно яд,—
Окаменей!.. Теперь не до услад!..
Я ем плоды правленья моего,
Я — червь!.. Но мы посмотрим: кто кого…
Вы — рыцари… Но что вы без меня?..

Преступлением — наказанием — очищением, снова преступлением… ***повязаны все снизу и доверху, сверху и донизу***, а не по греческой горизонтали, которая была тоже довольно относительной и навсегда исчезла, растворилась в людях и богах Греции, замененная Марксом, начальниками марксизма, каким-то чудесным образом и в иерархии наблюдаемая! (Впрочем, журнальное и газетное начальство духа, начальство абсолютной истины,— если для вечного сохранения личных «демократических» — кастовых, т. е. прав,— то оно любезно согласно судить социальную драму и общество, и его историю — не обязательно по Эвклиду, а можно и по Лобачевскому, и по Эйзенштейну,— лишь бы выгодно было на данный момент для закрепления навсегда личного чиноначалия духа! А если проще, то чтобы влезть на вершину древа мудрости и оттуда кидаться в народонаселение банановыми кожурками (прелой и благоуханной своей мудрости!).

Марина и Лжедмитрий, хотя, как и все на земле, порождены людьми алчи, власти и поклонниками символов власти, но никак не левыми или правыми демократами-конституционалистами: рассуждения о том, что на уме у кровавых грабителей одно только народолюбие — это чистейшие и прозрачнейший вздор! Но Лжедмитрий и Марина «Россиян» — совершенны, каждый по-своему: первый необузданным воображением и грандиозной маниловщиной «во время чумы», а вторая — непрерывной интригой и мечтанием затмить своей тушинской резиденцией французский двор и вообще утереть носы всем законным династиям, а уж еретикам и подавно, ибо какой же Бог может пребывать в душе народа, не с ходу признающего

столь очевидное превосходство европейских портных над московскими? И красиво жить в Тушино — не запретишь!.. Для народа же наоборот — иерархия такова, что Бог выше и портного, и передвижной короны, и польского двора вместе с французским, поскольку урожай и жизнь не от них все же идут! Бог — это и традиционная энциклопедия, и обычай, и уклад, и все, а прогрессивный грабеж и бесчинство — это нечто противоположное и враждебное, как Богу, так и человеку, даже если начальство думает совсем иначе! Это самозванцами никогда не учитывается. Между тем, в душе последнейшего святотатца, как показывает практика, Бог — какой-никакой, а на поверку есть, но не сразу сказывается… Не будем говорить о Ваньке Каине, беспечном и великом бесе, который, кстати говоря, никакой не богоборец, как думают многие. Какой же он богоборец, если этот ультраренегат сам себя думает вполне Богом,— у него нет души, он не отличает себя от Бога — ни от Отца, ни от Сына, ни от Святого духа. Захотел и — хлопнул братца дубинкой по башке, другу всадил нож в спину, как бы на благо России и народа, и свят, чист и невинен, и взор открытый, и всегда пролезет на любую общественную высоту, чтобы оттуда обвинять чудом воскресших друзей по разбою и братьев: чем не сегодняшний популист? В рефлексию, как настоящий его сородич Лжедмитрий, он никогда не впадет, ибо вовсе уникален, хотя и сильно распространен как тип и невероятно банален — просто до Скворцова он как-то никому не попадал на перо: боязно! И вообще, жить всерьез — боязно! Драмы эти писались, когда даже храбрейшие из поэтов жить всерьез опасались, да и сейчас не живут: отвыкли от того, к чему в оттепель не успели даже и привыкнуть!.. Ведь грубую и дурную игру в либеральное народолюбие и широту — при невероятной эгоцентрике интересов! — жизнью назвать трудно: это балаган, притом — дешевый, проходной, беспроигрышный, на несколько порядков ниже балагана Лжедмитриевского, ибо этого человека не назовешь вполне «победившим совесть»… А что Дмитрием назвался, так с кем такое не случается по многу раз в день во времена апокалипсичные? Вот драматург и исходит из самого здравого предположения, что он, Лжедмитрий, никакая не идея, а наш простой советский, сильно люмпенизированный человек, чувствующий в странном положении своем и в душевном мироустройстве некую большую, просто титаническую фальшь! Провозглашен-то лишь чуть не на должность Бога…

Лжедмитрий: Но лишь ответь царю: зачем живу я?..
Молчишь?.. Ты пить постольку не привык?..
Постой, я развяжу тебе язык!..
Пей, говорю… Ведь мы с тобой не баре!..
Нет языка у бессловесной твари,
Но ты же — я!.. И я тебя не трону!..

Бери, дружище, царскую корону!..
Отдам все перстни!..
Живое олицедействование «я червь, я Бог» — о беспредельных пределах личности, весьма курьезное, как и вся кафкианская трагикомедия современного бесовства, страдающего от того, что все вроде бы есть и внутри и во внешней атрибутике величия, но чего-то самого насущного в душе нет, как нет!.. Тут не хохмы лирического произвола комедиографа, не драма-хроника, но живой психологизм характеров, которого многие для современного искусства сценического не желали бы вовсе, а чтобы только — вертикальное встречное перемещение идолов… (Туда-сюда, туда-сюда, но, увы, даже без наиглавнейших и выразительных шутов их, ***а то ведь себя пришлось бы изображать нам***!) Над Правом Народа — жить, всех идолов расправ творят все же шуты, причем дурные, и люди культуры к этому причастны не косвенно, а экстремистски-прямо. Вот эта великолепная гармония абсурдизма жизни — та самая правда о нас, на которой и зиждется магия действ К. Скворцова.

Марина (появляясь): Нет обновленья в перемене мест:
Повсюду мне одно: любовь и крест,
Крест и любовь… Ты идешь наслажденья,
Казак, а я… А!.. Что за наважденье!..
О, Господи!.. Еще одна измена!..
За что его-то?..

Автор, строя балаганную человеческую фактуру своей драмы и как бы соглашаясь с предположением своих героев, что «Жизнь балаган. Живые только куклы», уличной быстротой и простотой действия вводит нас в приятное заблуждение о необыкновеннейшей легкости балаганных жанров, зная, что не пробудив в зрителе подлинного ротозея, никаких всполохов в душе его не добьешься, верить в многие пласты сознания героев — не заставишь, ощутить единство человеческого мира — не принудишь.

Марина: Что это, шут? Где я — там льется кровь!..

Не в том ли, однако, и состоит высокое искусство драмы, чтобы зритель до самого конца представления чувствовал себя на высшей высоте и демократически свободно лорнировал автора, гуляющего по всей орхестре в масках разных там «простаков из Сан-Франциско» и милых, разлюбезных злодеев?.. Скворцовская драма эквилибрирует где-то на гранях соцпсихологии — у кого так не получается, очень сильно ругается и говорит: «теперь так не надо, это не современно, а надо, чтобы ни смысла, ни складу, ни ладу не было!» Но он прав только в одном: лад и глубина по законам контрапункта — это трудно! От конкретных остродраматических, и балаганно поверхностных, и прямолинейно-иконных (как в жизни бывает) прямым ходом к науке — это почти невыполнимо, зато привлекательно! А

имея такую солидную основу, как вечные народные характеры, считай что до конца никому не отрывающиеся, классическая или традиционная драма в механической правде вавилонских столпотворений истории не нуждается вовсе, ибо в ее основе человек — гибкий — сам по себе, немыслимо запутанный сам по себе! А драма — это попытка зримой о нем правды, выпутывание его из штампов истории, предистории и мифов, претендующих на объективную научность. Ибо историю пишут люди, «а люди могут ошибиться»… Да так, что не раз потом целые народы хватаются за голову: кому поверили!..

Свое искусство, танцы, несущие и свою истину, настойчивые и дерзкие, и никогда не умирающие Учитель и Шут, то и дело в нужные моменты появляются как из ящичка, сообщая всей драме исторических переодеваний и могучих авантюр — круговое начало и магию повторяемости ***всех и вся*** в новом обличье и новом качестве для испытаний на ум и гибкость, и верность своим центробежным или центростремительным началам духа! И раз, и два! — под звук волынки происходит действо.

Гонсевский: На троне Владислав.
Димитрий нам не нужен.
Учитель: Да, ты прав.
Но будет нелегко его изжить!
Гонсевский: Доверьтесь мне!..
Начальник стражи (в сторону):
Нет. Этому не быть!
Все в этом мире, говорят, от Бога:
Мал человек, да знает слишком много.
Учитель: Есть царь законный. Латинянин пусть,
Но никогда с колен не встанет Русь!..
И мы теперь над миром воспарим
Единой верой!.. Сообщу-ка в Рим,
Что наконец достигли мы причала.
Все кончено!.. (Уходит)
Начальник стражи: Нет! Это лишь начало!
Рука моя огню предать не смела
Крамольные посланья Гермогена.

Сцена драмы изначально круговая: в одних и тех же палатах каждый делает, думает и говорит свое, и каждый волен думать себя капельмейстером или тамбурмажором сцены, но над всеми — все тот же древний Рок или всевидящий Бог, явный противник единой тоталитарной веры и социального единообразия душ, т. е. безобразной бездуховности в мире!

Начальник стражи
(доставая грамоты). По всей Руси им появляться снова.
Умолкнут пушки,— пусть стреляет слово!
Враг плоть терзает… Но души застава
Не взята!.. Время подвига настало!..

Идеи Начальника стражи, конечно же «охранительные», но можно прожить жизнь, а то и сто жизней, а ведь все равно никогда нормальный человек не сумеет уразуметь — с чего это вдруг Начальник стражи и все прочие россияне ***должны непременно мечтать о разрушении России и полнейшем разорении своего гнезда***? Почему это главнейшей мечтой поляка должно быть непременное и полное разрушение Польши? Француза — Франции и т. д.?.. Почему это гражданин или бюргер (от — город, бург) должен ненавидеть свой город, свой бург, а селянин — свое село, а золотая рыбка — глубина морскую? Почему все люди должны быть непременно «революционными» бабками из известной пушкинской сказки и стремиться стать владычицами морскими? Разве это возможно? Да и нужно ли это? И так ли уж злосчастная бабка справедлива в своих ультралевых мечтаниях?? Будем же уважать и чтить Начальника стражи и других честных воинов драмы такими, какие они есть: многажды обманутыми, но идее своей страны верными, понимания сокровенных и высших устремлений и требований Истории не постигшими — ***каждому*** — ***свое***! Лишь революционной бабке — ***всегда*** чужое подай… Но, даже сочувствуя этой гордой ницшеанке в ее злоключениях, будем смиренно чтить право золотой рыбки на свободу, на ее собственную глубину морскую! Сегодня, когда сама тема суверенной и независимой России оказалась коим-то волшебным образом не только не прогрессивной, а как бы даже наоборот — подсудной, тем любопытнее: а нет ли в «Россиянах» какой-нибудь такой неумеренной, противоисторической, а стало быть, и не очень художественной идеализации прошлого России, оскорбляющей тонкий эстетический нюх мирового сообщества или идеализации, наносящей ущерб этническому консенсусу и экологии духа?.. Патриотизм героев — какой? Леворяженный или праворяженный, или естественный,— вытекающий, как там ни крути, из естественной свободы совести — из религии, обеспечивающей личности какую-то автономию, а стране какую-то, путь и очень относительную суверенность? Одинаково ли автор художественно-любезен в изображении разноязычных работников экспансии и разнокастового аборигенства? Насколько джентльменом может оставаться драматург, выводящий на сцену вертеп человеческий в лице отдельных людей и целых племен и народов, добровольно или не добровольно окунувшихся в вихревые движения великой Смуты и Освобождения? Вопросы эти ставит сам решительный ход драмы с ее героями, отнюдь не упрощенными!

Начальник стражи (читает): Междоусобной бранью наша Русь
Поражена. И, усмотрев меж нами
Такую рознь, умыслили враги

Нас разорить. И попустил Господь
Их замыслу свершиться.

Тень пушкинского пира во время чумы, тень его царя Бориса витает над всеми историческими драмами К. Скворцова, потому что острый драматизм и проблемы «бездны на краю» и размаха эпического, и упоение отчаяния — все это навеяно десятилетиями жизни страны, для кого-то, может, и славными, а для страны и честных людей ее — позорными десятилетиями! Даже невооруженному зрению очевидные картины потрясений библейских масштабов: это и наглые ограбления и завороты духа, и завороты великих рек, и осушение морей с золотыми и серебряными рыбками, и затопление деревень (но сказать не моги!) — все это одних ослепляло и грандиозно оглупляло — люди, играя, переставали быть собой, забывали себя; других толкало ко всему, прямо или косвенно запретному и обругиваемому — либо к опасному Карамзину, либо к Пушкину и Шекспиру, либо к Библии или Плутарху… Но и люди всех предшествующих цивилизаций, и писатели, и безымянные летописцы на главный вопрос отвечали одинаково: сколь ни сложны и неисчерпаемы в зле мир и человек, а все равно начала и концы и ***спасение ищи в самом человеке***, который не есть отвлеченное и оторванное понятие, а ***первая после Бога*** — душа и причина, и центр притяжения, и созидания, и разрушения миров — цивилизаций в том же числе. С правого или левого бока — в политграмоте человека не ищи — это многими было как-то понято еще в шестидесятые, до великих заворотов, а в начале семидесятых, сильно озадачив беспардонного хапугу и великого люмпен-обывателя своими нелепыми нарядами и поступками, разноголосое российское писательство прямо среди бела дня с фонарем Диогена в руках пустилось искать человека — ***и вокруг себя, и в доступной классике, и в незагаженной Истории…***

Минин: Нам нужен ратный человек и в том,
Пожарский, князь, тебе мы бьем челом
В который раз.

Если по весьма темным преданиям новейших времен, то спаситель своего Отечества Минин — эксплуататор (оптовый торговец волжской рыбой, скотом) — это одно, а как поднявший народ против разбоя самозванцев, то как бы еще и неисправимый реакционер и шовинист, и подпадающий под статью «врага народа»… Шовинист и нехороший человек, одним словом! Но тогда кто была св. Жанна, а также все знаменитые воины и пророки всех народов и основатели мировых религий,— Будда, например,— царский сын?.. Не впадая в заведомо антихудожественный абсурдизм новейших преданий, зачем-то не учитывающих прав народных, прав демоса национального на суверенность, на свою культуру, на землю своего Отечества, мы тем более строгим цензорским оком

должны посмотреть, а есть ли тут какая идеализация, романтизация, нарушение исторической фактуры, законов реализма и гуманности?.. И нельзя ли бы сегодня, или завтра, например, в эпоху формирования правового государства, и Минина и Пожарского подтянуть под какую-нибудь такую статью? Чтобы прямо — с точки зрения! — лишить их свободы самым демократическим путем? Демос они или теневая элита? Имело ли право бывшее быть на земле, и можно ли дозволить быть на земле будущему?..

Пожарский: …Мельчает люд, и гибели Химера
Вошла в наш дом.

Палицын: Но с нами наша вера.

Освободительное движение, как справедливо замечают умы, ко всякому освобождению недоброжелательные,— это, безусловно ***реакция*** на бесконечные акции, на экзекуции над целым народом! Умы правы и в том, что все народы не любят, чтобы их убивали, и в ***этом смысле*** очень реакционны, и темны, и никогда не светлеют, потому что полагают тебя рожденными жить! И так как народы земли, народы России и каждый отдельный человек России реакционны не только в смысле желания жить и продолжить себя, но и в смысле сохранить национальное достоинство, то для начала движение это мы, почитай что уже почти реабилитировали… Движение народного освобождения, хотя оно и доселе многим кажется не только беззаконным, но и совершенно неожиданным,— в общем-то диалектический результат непрерывного глума многих самозванцев Смутного времени над суверенным народом, то знающим себя гордым, то вдруг, как бы опять не знающим себя,— ребячливым и не в меру беспечным, а ведь способным горы свернуть!.. Не так, конечно же, как владыки застоя — прямо на голову суверенных субъектов, а в смысле большого запаса героического начала! И возмутительного — тоже. Если же не чинить над ним безобразий и обид, то зачем ему восставать против безобразий и обид и беззаконий?.. Ведь насильственно люмпенизированный народ — это еще не люмпен, не площадной «народ безмолвствует», либо за деньги буянит,— это, что бы мы о нем ни болтали, тайна. Но Лжедмитрий на это смотрит, ***как это ему*** видится, а Палицын — как это может видеться Палицыну Авраамию. Сопоставим… мудреца с Простаком…

Лжедмитрий: Не надо нас и опьянять вином, —
Дай появиться в образе ином!
.....
Господь велик, но что ни говори,
Лишь случай производит нас в цари.
.....
Не страшен тот, кто бьется смертным боем,
А тот, чье имя носится над полем.

Тут тебе и безоглядное упование на непобедимость культа имени, и на безупречную верность народных толп дурному балагану, и вера в святость шулерства и подлога, и вообще всякий энтузиазм и азарт, и — никакого тебе груза лишнего житейского опыта и опыта совести!.. Зато дух корысти — неукротимый и по-своему бессмертный!

Палицын: В окольничьих не числился и Минин.
Не видел даже шапки Мономаха,
А ратует за Русь, не зная страха.
Не только солнце ведает закаты,
Но и народ… Спасители не знатны —
Земля их выбирает, а не люди,
И потому она вас помнить будет.

Никакого геройства, никакого театра — один только реальный быт: вера, достоинство под смирением, трезвый опыт и расчет, и безукоризненное чувство истории — в не банальном смысле этого заезженного слова… Ибо зачем попу гармошка, а тому же скворцовскому Минину — котурны, когда он внутренне высок, и в делах рачителен и деловит?..

Минин: Мне сон случился третьего, брат, дня.
Смерч и гроза прошли через меня.
Горела Русь… В колокола гудела
И высветила мне святое дело
Спасения.
…Когда Господь шлет молнию с небес,
Она разит, не различая лица.
Ей все равно на ком испепелиться!
Нижегородцы!.. Вы — Руси надежа!
Умрем за Русь.

С кем вы, тов. писатель? С темным народом или со светлой интеллигенцией? ***Кто*** тут интеллигент, а ***кто*** — нет? Примерно под таким углом и в таком ужасном разрезе будут читаться «Россияне», ибо вострым, как меч умом и ударом силы богатырской не рассечь любое живое явление одним махом на две равные, симметричные, кровоточащие и тут же умирающие части — без этого мы уже никогда, никогда не сможем… Но в свете затянувшегося на два тысячелетия глубокомысленного спора о том, кто лучше, кто должен править народом — умный или дурак, талантливый или не очень, интеллигент или глупец — ***автор явно на стороне умных***! Хотя бы потому, что никого не наделяет глупостью непроходимой! Но кто тут интеллигент? Постоянные ли это и абсолютные ли это величины — совестливость, интеллигентность, талантливость, озаренность? Подвижен ли человеческий мир или это вообще какая-то гнусная окаменелость, на которую и глядеть-то не хочется?.. Умны в драме многие, но с проблемами личностности, гражданственности, совестливости — все очень сложно и парадоксально. И коли автор не упрощает, не замутняет

драму упрощенчеством, то и нам с нашим неотвязным (благоприобретенным!) цензорским диктаторством надо будет держаться какой-никакой меры! Духовные масштабы каждого из героев, конечно, же сильно разнятся, но сталкивают по-настоящему их реальнее «слабости» и «крепости» человеческие, а не отвлеченный вздор лабораторий духа, которым обычно полнятся поэмы и драмы, претендующие на духовное инженерство, на прорабство и на статус последнего и заключительного Слова. Да, политизация тут — будь здоров, но вся беда в том, что асоциальных и аполитичных Великих Смут на земле никогда не бывает: каждый хлопочет или ратоборствует либо за личные духовные и материальные интересы, либо за партийные, либо за общенародные, и готов голову положить ***за утверждение лучшести*** — либо своей личной ***лучшести***, либо ***лучшести*** своей партии, либо за лучшесть и свободу общенациональную, а то и за ***лучшесть*** экуменическую!.. ***Драма не может решать — кто лучше***: человек ума и чести или дурак и предатель — тут как во всемирном детсаде все должно быть просто (и ты лучше и я лучше!), но чтобы Слово ее не было последним, заключительным, абсолютным, а продолжалось его действо в душе еще много лет после отъезда нашей коляски от Театра, «правда» действующих должна быть психологически корректной, неожиданной и крупной. (См. «Персы» Эсхила — драма ***политическая***!)

Прасковья: Ты в ранах весь, а им нужен Мессия.
Пущай поищут,— велика Россия!

Пожарский: Русь гибнет, мать. И нет с врагами слада!

Прасковья: Тебе, что ль, больше всех, кормилец, надо?
Умом ты вышел, да не вышел родом!..

Все обычное человеческое: любовь, страх, быт, решительность — не вдруг, но уже на жизнь или смерть — без этого кто бы поверил в истинность и правду действа даже под самым могучим нажимом средств массовой информации, во все времена передовых и удивительно правдивых?

Прасковья: Чегой-то келарь шебутит народ?
Чего стряслось-то?

Пожарский: Собирай в поход.

На миг движение драмы (явно круговое) замерло было на не готовности израненного князя принять на себя военное диктаторство над быстро — по сути дела, в засценьи и вдруг!— возникшим народным ополчением… И еще бы! — он, Пожарский, после Лжедмитрия, второй основной полюс притяжения в эллипсоидной двухчастной драме «Россияне», где бесконечные фарсовые игры на троне и вокруг переходят в нешуточное, мощное народное движение, имеющее своим началом отправную точку — морально и географически новую, революционную, очистительную. Мы всегда — во

все века и тысячелетия (в которых уже, по-видимому, жили!) удивлялись и будем удивляться — как это так — кесарю кесарево, слесарю слесарево, не было народа, не было, да вдруг откуда-то появился, набежал и охвачен, и где же логика и справедливость, если мы только что утверждали, что ни логики, ни справедливости, ни самого народа (как совокупности живых, имеющих идею жить!) не бывает?!. Но если бы у суверенных народов не было идеи — жить, причем, в полную силу и если бы в суверенных народах не было личностей, олицетворяющих их совесть, и достоинство, и разум, а существовала бы во все времена только гнусная теневая и разбойничья олигархия царьков на час, царят и царишек, то откуда бы взялась древняя и новая человеческая драма с ее сложнейшими человеческими, не машинными коллизиями? Конечно же, периодические общественные умопомрачения, отсутствие всякого присутствия, рапсодии общественного распада, видимое отсутствие каких бы то ни было объединяющих людей начал — Смута,— это такое же диалектическое дело как ***Очищение***. Которое из них революционное и хорошее, а которое контрреволюционное и нехорошее — пусть каждый судит сам, но коли движение драматических сюжетов на греческих вазах круговое, выпуклое, сферическое, то мы тут на земле, где живем, можем вполне верить в непрерывность, повторяемость и ***в законность кругового действа народной драмы***, основанного на природном и божественном праве народа жить в полную силу своих духовных способностей! А контрасты — что ж, они дики в российской жизни, отнюдь не только в смутные времена, переплетение фарса с трагедией — тоже! Антимиры и миры — не отдельны, они весьма недурно временами ладят между собой, что давно уже стало для нас картиной привычной, такой же как мизансценка в первой части «Россиян»:

Голоса народа: — Не станем присягать!
— Будь он неладен!..
— На семь бояр найдем семь перекладин!
Учитель: Движение — есть жизнь!.. И раз… И два…
Воротынский: Но у меня набрякла голова!..
Учитель: Вы — мотыльки!.. Вы — легкие листочки!..
Голицын: Терпи, боярин. Это все — цветочки!..

Да как он смеет ***в таком свете*** — цвет, можно сказать, образования, просвещения, воспитания — самого Учителя?!.. Допустимо ли ***в таком свете*** — самое, можно сказать, передовое боярство?.. Да можно ли ***этак безобразно*** подавать народ? Уж не басурманин ли, не еретик ли автор, не является ли он прямым противником всех бывших и будущих на земле перестроек и всеобуча народов, населяющих землю, коли тут — каждой сестре по серьге?!.— Так, вероятнее всего, будут рассуждать люди, чистые от забот о серьезном драматургическом

художестве — гордые передовые!.. Но, коли пространство драмы хорошо замкнутое, а хоры его недурно (симфонически) слаженные, и все во взаимном движении, то передовых — передних и арьергардных — задних в нем и не сыщешь, и не застукаешь: тут левые меняются местами с правыми, а «последние люди» — с «первыми», т. е. все прямо: как в жизни, а не как на плоской общепитовской тарелке с плоскими политическими лозунгами момента. Судить, значит, остается и надлежит лишь о том — не пересаливает ли где автор?.. И ясно, что мнения тут разойдутся во все стороны и скидок на время возникновения драмы — в прошлое десятилетие, столетие или тысячелетие — ни с какой стороны не будет!..

Гаврила Пушкин: Ты сам порушил вековой закон.
Ты взялся Русь спасти — **с кем**?.. С мясником!
А скипетр державный он не лытка!

Пожарский: Но я не вижу в том Руси убытка.

Лавицкий: Так с кем ты, князь?

Права героев в сравнении с писательскими просто необъятны. Они имеют неограниченное право на неведение, недогадливость, узость, свирепость, мелкость, пошлость или наоборот — во все стороны! Но художника-то создают какие-то совсем иные, законы этики, и эстетики, и жизневедения, которых толком никто и не знает, однако, без самого расширительного понимания слов «народ» и «интеллигенция», ***да и емкости слова вообще***, интересных драматургов почему-то не бывает. Ясно, что Слово — Бог, но, может быть, Слово — это еще и конкретный человек, личность?.. Взять Лавицкого — круто и мощно, а ведь тонко заваренного духа Смуты… Дипломат, шут, иезуит и многое другое — Лавицкий вовсе не такой простак, чтобы хватать за грудки какого-нибудь бедного монаха — литератора и трясти и спрашивать: с кем!? Но вот с кем, подобный в чем-то Муромцу Пожарский-воин — это важно не для завтра, а уже для сегодня!.. Прав по-своему и неумный смутьян Пушкин, ибо по законам своего времени волю народа понимает как волю боярства! Тем паче, что и поныне на Руси каждый числит «народом» только одну какую-нибудь ***свою частицу*** народа — касту из ста существующих и действующих на самом деле, и восходящих и нисходящих во времени отнюдь не по расписанию сугубо недолгих кастовых диктатур, всегда передовых и кровожадно-демократических!.. Тут нельзя не отметить, что гнусное прозвище герою национального освобождения Минину и впрямь прилепил, конечно, же, не народ — в широком и подлинном смысле, но злой завистник Гаврила Пушкин вполне мог прилепить!

Пожарский: Вы все о том же снова…

Лавицкий: Тебе знакома участь Ляпунова?
Подумай и решайся.

Это удар наотмашь: Ляпунов-то, как известно был оговорен, оболган и выдан казакам на самосуд — Лавицкий четко владеет техникой борьбы новейшей литературной критики. Как после знакомства с его повадками и внутренними кодексами решиться ***на художество — как правду живую***, объемную, человеческую, зная, насколько крут передовой обыватель духа, выскочивший побывать над округлым Словом? Ведь скатывается, а лезет, будет скатываться, будет лезть и по пути «ликвидировать» (как и во время оно) и всякий талант для него — враг смертельный!… Но как бы там ни было перед нами драма состоявшаяся, и вся беда в тысяче вопросов, провоцируемых этой крутой трагифарсовой, и в то же время народной драмой… Непривычной драмой! Дело не в дефиците и сложности жанра, а в дефиците ***своих***, оригинальных решений индивидуально-психологических и социльно-психологических сюжетов истории. Которая — не столько пласты, сколько грандиозное непрерывное движение пластов — человеку на трагическую пагубу, на буйную радость зрителю — зеваке!.. Потому как тайна, едва высверкнув, тут же накрывается очередным дивом для глаз, открытых лицезрению мгновенья и вечности,— сразу... Вот и «Россияне» — не пласты, а драма, поэма, психологический и резко-конфликтный роман,— если искать аналогии, то в духе «Барнеби Радж» Ч. Диккенса, только со смутой на более диких и совсем еще не буржуазно-парламентских пространствах! Перед тобой только опыт разбоя теневых экономов застоя, людей без малейших понятий о чести, а ты через их образины попробуй себе не только вообразить, но верно воспроизвести рыцарей разбойной Смуты, дурных и хороших, но еще не компьютеризованных, а патриархально добротных, как в великом зле, так и в добре… Вот отсюда и безостановочность вопросов! («Кровавая досталась нам эпоха. Кто брал Москву, заканчивали плохо!»)

Вправе ли лукавить перед собой и перед читателем серьезный (насмешливый, стало быть!) литератор, штурмующий исторический сюжет? А как быть нам, читателям? Что — драма? — замысел и посягательство или домысел и домысливание до полного прозрения живых лиц народного действа с фатумом за сценой, таинственная и каверзная маска которого нахальным смехом встречает нас еще у входа в обиталище всех муз — в Театр? Как видит нас самих крепко уже насторожившихся автор драмы — очень вздорными и беспардонно лживыми или очень всякими в себе, как мы есть? («Широк русский человек». Ф. Достоевский). Мы — очень всякие, и если не будет ужасающей всячины в героях и суровой (не мелочной!) подноготной нашего дикого духовного бытия, то упрощения, даже догадываясь, что драма не роман,— простим ли?.. Или он о нас и думать забыл, а все видит только Марину Мнишек

и самозванцев с хартиями вольностей боярских и конституций рыцарских по всем их карманам и пазухам и обшлагам, а мы (всякий ведь читатель, зритель — народ!) для него лишь матерьял, глина, прах Истории? Обреченные на косность и застой, мы или перспективные и достойные жизни и свободы, несмотря на то, что подобно Рваному Боку и Моли Бога, отрекались от самих себя, от всего святого и внятного в себе? Способны ли мы самостоятельно возвыситься до понимания, что добровольное рабство корыстно-левых бояр изменников — худший сорт рабского коварства и ***коренной тупости потребительства исторического***, инфантильства исторического?.. На все эти вопросы рядового и нерядового порядка и к пристрастнейшему подходу со всех сторон (себе) толкает читателя и зрителя драматическая дилогия «Царские игры» — «Россияне», тем паче, что психологически социальная проблема Самозванцев I, II, III и других самозванцев — куда как неоднозначна, и окнами РОСТа, ГОСТа и др. новейшими окнами ее не высмотреть!.. Из плакатного и односторонне «революционного» театра чистейшего абсурда, где народ и есть подлинный «враг народа» — под масстрибунал его! — кто и что и когда нас выведет? Когда будет реабилитирован кормилец и поилец, и защитник России — крестьянин, тысячекрат одураченный, ошельмованный, а потом почти весь под корень изничтоженный? Где еще, если не в искусстве слова одухотворенного,— в объемной драме,— человеку искать защиты от самого себя?

Иван Романов (Подходит к портрету Владислава.)

Не нравится мне эта, царь, возня…
Должно быть, ты поторопился зря
Надеть одежды русского царя.
Бояре — вот Отечества основа.
Ты ж и по-русски не сказал ни слова.
Хотя царю достаточно и жеста…
Прости меня, но здесь тебе не место!
Ворвется чернь, ты будешь сброшен ими.
Что православным иноверца имя?..
И коль по чести, нам ты не награда.
Ты далеко, а мне здесь выжить надо.
Ишь, вороги какой подняли грай!..
(Снимает портрет)
Чего ты ждешь, племянник?.. помогай!

Романовым, хотя еще и не царям, было что терять, чтобы не встать во весь плакатный рост против иноверцев, да и своего народа они опасались не меньше, чем интервентов, но рюриковичи — они чувствовали себя где-то поруганным знаменем рюриковичей — роль их куда как сложна в злой Смуте: очень уж артистичны и уклончивы они, но оказавшиеся заложниками — как должны были они проявить себя?.. А собственно — народ — он не на виду: от зверств он

ушел в леса и дебри к зверью, бежал под защиту монастырей и окраинных городов, и имел досуг и волю справедливо рассудить и собраться, и объединиться, чтобы постоять за правительство национальное, выбрать царя национального. Зрело долго, да произошло скоро, было подлинной ***народной*** революцией. Ни королевской, ни боярской, ни иезуитской революцией Освобождение назвать нельзя, точно так же, как нельзя назвать движением реакционным и нехорошим и нечестивым испанскую Реконкисту. Хотя люди все умеют, и красиво жить не запретишь, понимать красоту односторонне не запретишь! Это несмотря на то, что красота, все же чрезвычайно объемна, а не категорична, не плакатно-абсолютивна… И как не понимать нам и не посочувствовать тем, кто вечно видит в самом народе «врагов народа»?

Иван Романов (вешая на стену портрет Владислава).

Не может Русь без сильной жить руки.
Тебя мы самодержцем нарекли.
Приди с мечом — угомони народ.
Нет в теле сил, и на душе разброд.
Я пред тобою преклонив колена,
Молю, приди и вызволи из плена
Твоих рабов, что в царствующем граде,
Как пленники, сидят теперь в осаде.
Пусть осветит слеза моих молений…
(Михаилу)
Чего стоишь?.. Скорее на колени!

Тут тебе и урок воспитания! Прямо как в современной школе! И люмпенское (не гражданское) начало. Но не снизу вверх, а сверху вниз — задолго до прихода к власти люмпенизированных представителей самых разных сословий и состояний, и прослоек, разумеется, хороших, потому что дурных не бывает, но люмпенство всегда и на любых высотах — и дурно, и несчастно, и смешно… Рюрикович — Иван Романов не менее люмпен, чем Учитель, преподавший ему уроки танцев, наставляющий Лавицкого.

Спеши туда и сей свои раздоры.
Кричи дворянам, что казаки — воры!
А казакам, что большей нету дряни,
Чем гордые и сытые дворяне!
Благословляю твой священный труд,
Сей неустанно — зерна прорастут.
Пусть русские друг другу мнут бока.
А мы с тобой повременим пока!..
Здесь Владислав, а там — Маринкин сын
И Лжецари!.. И пусть колеблют чаши
Невидимые им деянья наши!

В пастернаковском смысле «во всем дойти до сути» это трагифарсовое действо никак не претендует на абсолютное постижение сути каждого героя на проявление его дна, но даже безымянный, вездесущий Учитель, сколоченный

крепко и надежно, выныривая на поверхность в самых разных житейских ипостасях, задает мощный ход движению драмы, остается детективной тайной, и думаешь: ведь какой гений разрушения — куда задевался?.. То есть работая в полную силу, он никуда не задевался, а где-то есть и как тот же Мефистофель попросту не остановим и не менее реален и вечен, чем мировая сцена, корифеем которой он всегда быть вожделеет!.. И мы ловим себя на сочувствии воплощенному злу только за то, что оно не бездарно, а лишено и души, и пристанища на земле, и нет ему успокоения и воздаяния, и нет даже никакой почти надежды обрести пристанище покоя, и нет от изобретательнейших козней его покоя человеку, рожденному жить, а не обретаться! Понятно, что он дух познанья, но ведь он и каналья из каналий, дух вынюхиванья и удара в самую спину. Его нет и он есть.

Перелет: Все б ничего… Да к нам явился старец.

Учитель: Да кто таков-то?

Перелет: Старец Авраамий!..

Учитель: Что говорил?

.....

Расклинили всю Русь мы, как бревно.
Казалось, вдарь — рассыплется оно.
И щепок не собрать со всех сторон…
Лжедмитрию мы обещали трон,
И шел народ за ним!..

«Народа» — тоже нет — как ты его в полном составе выведешь на сцену? — но он есть, причем такой, какой есть — со сторон самых разных, преимущественно с неожиданных… Самозабвенно сражавшийся за самозванцев, отечественных и прибылых, он протрезвел в мгновенье ока, национальную свободу поставил выше прочих земных благ, и не нам судить его героев, не признавших в лице самозванчества представителей суда небесного… Об окрестном боярском шутовстве и люмпенстве в этой драме, о личности и безличности, о многоликости, о подвижности внешней и внутренней, о роли бесчисленных козлов отпущения, т. е. лиц подставных, о народе и героизме его, как материи самой тонкой — можно держаться мнений самых разных, но то, что не раз совершенно непредсказуемо свершалось, произошло — Освобождение. А неплакатная тайна России — осталась, свобода выбора осталась.

Пожарский: Одни с тобой мы были, хоть кричи…
Зачем вождей не дали москвичи?..
А тяжело, как будто бы с поминок,
Шли воеводы наши из глубинок.
И, как над ними смерть ни лютовала,
Они, как привиденья из тумана,
Вновь появлялись в поле, что ни день!..

В подлинных героях народного подвига никакой разухабистой самонадеянности нет — одни только

слабости,— но в них есть та недосказаность, которой мы, зрители, верим больше, чем всему прежде говоренному, зато безвестному! — будущее в них, в людях выборных.

Содержание четвёртого тома:

1 Алёна Арзамасская
Трагедия……..
2.Бестужев Марлинский
Драматическая легенда
3.Кибальчич
Три акта драмы
……4.Игра в шашки шахматными фигурами
(Гришка Распутин)
5. Дар Божий
(Драма любви Федора Михайловича Достоевского)
6.Имена
Семь венков сонетов
6.Новелла Матвеева